

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА»

На правах рукописи

Мельчакова Ксения Валерьевна

**БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА
В ОБЩЕСТВЕННО–ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ
В 1850–1870-е гг.**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (Новое и новейшее время)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:

к. и. н., доцент

Кузьмичёва Людмила Васильевна.

Москва – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Российские императорские консульства в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-е гг.	61
§ 1. Открытие первого консульства Российской империи в Сараеве.....	61
§ 2. Босния и Герцеговина в творчестве российского дипломата и учёного А.Ф. Гильфердинга.....	70
§ 3. Деятельность российских консульств в Сараеве и Мостаре в 1858–1875 гг.....	99
Глава 2. Боснийский вопрос и русское общество в 1850–1870-е гг.....	117
§ 1. Русские благотворительные общества в деле организации помощи Боснии и Герцеговине	117
§ 2. Русская периодическая печать о боснийских проблемах в 50–70-е гг. XIX века	156
Глава 3. Деятельность России по оказанию помощи православной церкви и просвещению в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-е гг.	184
§ 1. Поездки священнослужителей П. Чокорило и С. Косановича в Россию.....	184
§ 2. Сараевская школа для девочек Стаки Скендеровой и Россия	200
§ 3. Учащиеся из Боснии и Герцеговины в России	211
Глава 4. Боснийский вопрос в русско-сербских отношениях в 1850–1870-е гг.....	225
§ 1. Сербские планы в отношении Боснии и Герцеговины и Россия	225
§ 2. Сербское княжество и организация православного образования в Боснии и Герцеговине	239
§ 3. Церковный вопрос в Боснии и Герцеговине в 1850–1860-е гг. и Сербия.....	255
§ 4. Русские и сербские планы в отношении Боснии и Герцеговины в контексте политики Османской и Австрийской империй.....	263
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	281
Список использованных источников и литературы	290
Источники	290
Литература.....	300

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современное государство Босния и Герцеговина представляет большой интерес для исследователей. В наши дни система управления, оформленная Дейтонскими соглашениями, является уникальным явлением и вызывает много споров. Босния и Герцеговина по праву носит печальный статус «*порохового погреба Европы*». Обращение к истории этого региона позволяет выявить истоки множества проблем, беспокоящих его и ныне.

Русско-балканские отношения не раз становились предметом исследования историков. Существует обширная литература по данной проблематике. Однако всё ещё есть большие лакуны, вопросы, имеющие принципиальное значение, но не получившие должного освещения. Один из них – это вопрос об истоках формирования позиции России в отношении судьбы Боснии и Герцеговины. Кульминацией в решении боснийского вопроса в его европейском значении стали события Боснийского кризиса 1908 г. и Первой мировой войны. Всё это тесно связано с вопросом о судьбе Боснии и Герцеговины, который ранее решался в ходе восстаний 1850–1870-х гг., Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., австрийской оккупации, а также при подписании секретного русско-австрийского соглашения 1897 г.

Все эти события ставят перед исследователями вопрос о том, какова была реальная российская политика в Боснии и Герцеговине? Почему во всех вышеперечисленных событиях Россия занимала сдержанную, инертную, а порой и открыто про-австрийскую позицию? Для того, чтобы разобраться в этом, необходимо было выявить истоки проблемы.

Исследуемая тема тесно связана с вопросом о судьбах европейских империй в Новое время. Провинции Боснии и Герцеговины зависели от позиций трех империй. Они входили в состав *Османской империи* в качестве особого самого западного вилайета – *Боснийского*, в то время, как их судьбу после длительного соперничества решили *Австро-Венгрия и Россия*. Во всех трех империях шел

процесс реформ. В Османской империи эпоха преобразований вошла в историю под именем *танзимат*. На примере Боснии можно проследить, как реформы повлияли на жизнь населения отдалённой провинции Османской империи.

Ещё один важный аспект проблемы – это национальный вопрос, который не теряет своей актуальности и по сегодняшний день. В связи с этим важно обратить внимание на то, какую роль общество и средства массовой информации одного государства играют в решении судьбы другого народа.

Объект данного исследования – общественно-политические процессы в Боснии и Герцеговине в 1856–1875 гг. в контексте балканской политики Российской империи. **Предмет исследования** – взаимодействие официальных и общественных организаций в формировании позиции России по боснийско-герцеговинскому вопросу в период от окончания Крымской войны и до начала Великого Восточного кризиса.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1856 по 1875 гг. Они определяются с одной стороны – временем окончания Крымской войны, активизацией русской политики на Балканах, провозглашением *хатт-и-хумаюна* в Османской империи, открытием российского консульства в Сараеве. С другой 1875 г. – началом *Герцеговинского восстания*, переросшего в *Восточный кризис*. Тогда события на Балканах нашли широкий отклик у русской общественности. Босния и Герцеговина не сходила с передовиц газет, успешно вёлся сбор средств для помощи «турецким славянам»¹, добровольцы из России отправлялись в *Боснийские вилайет*. Период Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. не входит в рамки настоящего исследования. Это обширная тема, обладающая огромной источниковой базой заслуживает отдельного внимания и частично уже получила освещение².

¹ Так в исследуемый период именовались южные славяне, входившие в состав Османской империи.

² К примеру: *Вяземская Е.К.* Восстания в Боснии и Герцеговине и Российская дипломатия (1875 – апрель 1877): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Вяземская Елена Константиновна. – М., 1984. – 210 с.; *Кузьмичёва Л.В.* Серборусские отношения в период Восточного кризиса 1875–1878 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Кузьмичёва Людмила Васильевна. – М., 1986. – 218 с.

В настоящей работе всё же содержатся отсылки как ко времени до 1856 г., так и после 1875 г., что позволяет полнее изучить вопрос о месте Боснии в жизни русского общества с момента зарождения интереса к этим областям и до того времени, когда этот интерес приобрёл всероссийские масштабы.

Что же представляла собой *Босния и Герцеговина* в 1856–1875 гг.? Эти славянские области с XVI в. входили в состав *Османской империи*. Изучение исследователями истории Боснии и Герцеговины неминуемо приводит к столкновению с рядом трудноразрешимых проблем и противоречий. Во-первых, не представляется возможным точно определить *границы* этого региона. Современные границы Боснии и Герцеговины оформились только после *Берлинского конгресса*. До этого к этой области Балкан относили то одну, то другую пограничные территории. Вопрос о границах на Балканском полуострове сталкивался с тем, что культурно и этнически единые народы были разделены.

С турецким завоеванием Босния и Герцеговина оказалась частью крупного исламского государства – *Османской империи*. Такая же участь постигла и Сербию, и Болгарию, но такой активности в принятии *ислама*, как в Боснии, пожалуй, больше не было нигде. Приход османов в Боснию и Герцеговину в современной историографии зачастую воспринимается как позитивное явление. Многие историки признают, что турецкое завоевание стало для Боснии спасением от раздробленности. Перейдя в ислам, местная знать обеспечила своё будущее. На протяжении четырёхсот лет боснийские земли находились в составе Османской империи. Благодаря своему географическому положению Боснийский пашалык был центром торговли с Европой. Соседство с империей Габсбургов придавало этим землям важнейший оборонительный статус. Вместе с тем, оно позволяло европейцам разворачивать свою деятельность в регионе по пропаганде христианских ценностей. Так произошло разделение одного народа на католиков, православных и мусульман, которые к середине XIX века уже перестали ощущать своё этническое единство. Религиозная принадлежность стала маркёром национальности. Как и когда это произошло, остаётся ещё нерешённой проблемой.

Разобшённость населения Боснии и Герцеговины – специфическое явление. Впервые о нём заговорил первый российский консул в Сараеве, историк–славист *А.Ф. Гильфердинг* в конце 1850-х гг. Позже этот тезис неоднократно подтверждался русскими и европейцами, побывавшими в этих краях. Образно говоря, Босния и Герцеговина представляли собой в миниатюре всю Османскую империю. Один народ разделился на три, и в ментальном плане присутствовала разобшённость. *Мусульмане* жили в городах, имели возможность сделать карьеру на государственной службе, платили меньше налогов, являлись наиболее привилегированной частью общества. *Католики* были под крылом у миссионеров и собственного духовенства. *Православные*, именующие себя сербами, пребывали в самом бедственном положении. В крае не было школ для этой категории населения, церкви были разорены, ответственность за них несло *греческое духовенство*, которое не столько заботилось о своей пастве, сколько искало личной выгоды.

Не было единства населения и в социальном плане. Православные торговцы не оказывали никакой поддержки своим братьям по вере, а их предпочтения целиком и полностью зависели от возможности получения личных благ. Такое положение дел было выгодным для центральной власти. Порта лавировала, играла на интересах отдельных групп, стараясь не допустить их объединения в борьбе за независимость. Время от времени в пашалыке поднимались сепаратистские движения под руководством местного беговата. Ситуация начала меняться в 1856 г.

В Османской империи рассматриваемый период стал временем проведения в жизнь второго этапа реформ, вошедших в историю под именем «*танзимат*». Возвращение к реформам состоялось после Крымской войны. Оно являлось продолжением программы обновления страны, началом которой стал *Гюльханейский хатт-и-шериф* султана *Абдул-Меджида* 1839 года, и частично реализованной в 1840–1853-е гг. Положение дел в империи было достаточно тяжёлым. Сокращение налоговых поступлений, кризис государственной казны, финансовая зависимость страны от Англии, Франции и Австрии, рост

недовольства населения империи в целом, подъём национально-освободительного движения, кризис в армии и постоянное давление Европы на султана – таковы были итоги Крымской войны. Тот путь реформирования, по которому шла Османская империя до этого момента, был закрыт. В основе всех изменений в империи в период с 1839 по 1853 гг. лежала идея решения внутренних проблем при минимальном вмешательстве извне. Главный творец реформ *Мустафа Решид-паша* надеялся на движение страны вперёд, но по своему особому пути, без вмешательства со стороны европейских держав. Начавшаяся война с Россией, активное вмешательство Англии и Франции на стороне Турции способствовали изменению основной идеи реформ танзимата. Теперь пришлось реализовывать западную модель развития, переносить на свою почву элементы западной экономической, политической, культурной системы.

Подвёл итоги Крымской войны *Парижский конгресс*, который открылся в феврале 1856 г. В переговорах принимали участие представители России, Османской империи, Франции, Англии, Австрии, Пруссии и Сардинии.

Подписанию Парижского мира предшествовала активная работа русской дипломатии. Одним из главных вопросов, стоявших перед великими державами на мирном конгрессе в Париже, был вопрос о судьбе европейских провинций Турции. Свой проект решения этой проблемы разработала и Россия, но Порты при содействии европейских держав опередила события.

В результате 18 февраля 1856 г. был издан *хатт-и-хумаюн* – султанский указ о реформах. Он был подготовлен Высшим советом по реформам, учреждённым в 1854 г. по настоянию английского посла в Константинополе Джорджа Каннинга. Реальными авторами этого документа были послы Франции, Англии и Австрии³. Они сумели создать для своих стран выгодные условия для реализации внешнеполитических и экономических планов в отношении Османской империи.

С принятием *хатт-и-хумаюна* началась политика конструирования новой нации – *османской*. Обеспечение всем гражданам безопасности личности,

³ Новичев А.Д. История Турции. Т.4. Ч.3. (1853–1875). Л.: ЛГУ, Ленинград, 1978. С. 82.

гласности суда, обещание кодифицировать законы, реформа провинциальных советов, меджлисов (обеспечение свободы избрания в них представителей мусульманского и немусульманского населения), борьба с взяточничеством – вот одна сторона принятого документа. Этот комплекс мер расширял права немусульманского населения империи. Вопрос о равенстве исповедующих ислам и представителей других конфессий занимал больше половины документа. Однако, об этом шла речь ещё на первом этапе реформ. Главным же отличием от Гюльханейского хатта 1839 г. стала *9 статья Парижского мирного договора*, которая регистрировала право иностранных держав вмешиваться во внутренние дела Турции. Новым наполнением программы стало расширение прав для иностранцев. Они могли владеть недвижимым имуществом при условии соблюдения местных законов, получали массу привилегий в экономической сфере. Таким образом, Россия потеряла статус единоличной покровительницы над христианским населением Турции, который был получен ею по условиям Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г.

Рушилась основная идея обновления Османской державы. Первоначально планировалось, что новый облик страна будет принимать, опираясь на Коран. Запад же не только сделал Турцию зависимой в экономическом плане, но и дав широкие уступки немусульманскому населению и добившись права оказывать прямое влияние на него, получил возможность активизировать свою деятельность в беспокойных регионах и держать Османскую империю под контролем. Не случайно автор реформ 1839–1853 гг. *Мустафа Решид-паша* стал одним из главных критиков нового курса. Пункт уравнивания в правах всех жителей Османской империи входил в его планы, но он полагал, что это нужно делать самостоятельно и постепенно. Решить эту проблему чиновник уже не смог, в 1858 г. он умер. В стране росло недовольство реформами. Уже в 1859 г. в Константинополе против курса правительства открыто выступили представители конформистской секты Накшбанди – Халиди, в состав которой входили

высокопоставленные военные и священнослужители⁴. Прошёл громкий судебный процесс. По империи прокатилась волна кризисов.

Территории Боснии и Герцеговины стали одной из площадок, где европейские державы активно продвигали свою политику по реформированию Османской империи.

К середине XIX века христианское население Балканского полуострова по уровню экономического, социального, политического и культурного развития догоняло, а порой и опережало мусульманское население края. Зачастую, христиане занимали ведущие позиции в торговле и промышленности. Население Балканского полуострова, находившееся в постоянном контакте с Европой, считалось главным носителем прогрессивных идей в Османской империи. И естественно, в отличие от Малой Азии, весть о принятом хатте, здесь распространилась намного быстрее⁵.

Эхо прокатившихся по Европе революций 1848–1849 гг. донеслось и до христианского населения Балкан, это ослабило узы, основанные на страхе перед центральной властью и её представителями на местах. Проведение в жизнь под руководством Европы такого документа как хатт-и-хумаюн 1856 г. вселяло надежду на скорое освобождение.

Естественно, мусульманское население не выражало восторга по поводу принятия этого документа. Примечательно также и то, что недовольны были и греческие иерархи православной церкви. Ведь если раньше они руководили полностью православной паствой и отвечали за неё перед султаном, то теперь эта власть от них ускользала. Это объясняет многочисленные конфликты с паствой и интриги высшего греческого духовенства на территории Боснии и Герцеговины.

В рассматриваемый период времени в Османской империи сменилось два султана. Физически слабый, изнеженный, чувствительный и слабовольный, мнительный, расточительный человек, предпочитающий мир войне, сторонник абсолютной власти, любитель европейской музыки и европейского образа жизни

⁴ Финкель К. История Османской империи: Видение Османа. М: АСТ: Астрель, 2012. С. 629.

⁵ Новичев А.Д. Указ. соч. С. 97.

султан *Абдул-Меджид* (1823 – 1861) правил до 1861 г.⁶ Умер он от туберкулёза, и на смену пришёл его брат *Абдул-Азиз* (1830 – 1876). Он стал султаном в 31 год. Исследователи так рисуют его портрет: физически сильный, стрелок, наездник, охотник, борец, вспыльчивый, недоверчивый, он был плохо образован, распутник, отрицательно относился к реформам⁷. Его личная позиция стала одним из факторов неуспеха реформ танзимата.

Особенно сложным был процесс проведения реформ в самом маленьком и самом западном вилайете Османской империи – *Боснийском*. Религиозная разобщённость местного населения способствовала усилению влияния внешних сил. Австрия и Ватикан вели пропаганду среди паствы римско-католической церкви, для православного населения авторитетами являлись Сербия, Черногория и, конечно же, Россия. В этой части Османской империи сталкивались интересы всех великих держав.

Пользуясь тем, что территории Боснийского пашалыка находятся далеко от центра, местные турецкие чиновники и военачальники чинили произвол, присваивали себе земли и налагали на местное население дополнительные поборы. Это, а также соседство со свободолюбивой Черногорией и дважды поднимавшейся на восстание Сербией, делало этот регион взрывоопасным.

После Крымской войны и в России настало время перемен. Новый император *Александр II* взял курс на внутреннее реформирование страны. Последовали изменения и в Министерстве иностранных дел. 15 апреля 1856 г. *Карл Васильевич Нессельроде* оставил управление этим ведомством, сохранив при этом звание канцлера.

Новым руководителем МИД стал *Александр Михайлович Горчаков* (1798–1883). Выпускник Царскосельского лицея, он имел колоссальный опыт дипломатической работы: был секретарём посольств в Лондоне и Риме, советником дипломатического представительства в Берлине, поверенным в делах во Флоренции, работал советником посольства в Вене, посланником в Штутгарте,

⁶ Там же. С. 101.

⁷ Там же. С. 107.

с 1850 г. был посланником при Германском союзе, и наконец, в период с 1854 по 1856 гг. вёл дипломатические переговоры в Вене.

Поражение в Крымской войне привело к ослаблению авторитета России в Европе и потере влияния на Балканах, где упрочили свои позиции Англия и Франция. Такое положение дел стало причиной изменения внешнеполитического курса страны.

Ключом к успеху в деле внутренних преобразований должно было стать спокойствие на внешнеполитической арене. Согласно новому курсу Россия отказывалась от политики в духе *Священного союза*, делая упор на свои национальные интересы. Сложив с себя полномочия охранителя Венской системы, Александр II стремился восстановить авторитет России как великой державы. Важнейшая внешнеполитическая задача заключалась в отмене унизительных положений Парижского мирного договора.

Говоря о внешней политике России, стоит отметить, что условно её можно разделить на два периода. Первый период с момента поражения в Крымской войне и до 1870–1871 гг. прошёл под знаком борьбы с ограничительными статьями Парижского мира. Тогда Россия ориентировалась на союз с Францией, но отношения между странами испортились после польского восстания 1863 г. В это время в Европе шёл процесс объединения Германии. В 1866 г. прогремела австро-прусская война. Итогом стало поражение для Австрии и создание Северогерманского союза. 1870–1871 гг. прошли под знаком франко-прусской войны, в результате которой на карте Европы появилась новая держава – Германская империя. Воспользовавшись ситуацией, А.М. Горчаков объявил об отмене нейтрализации Чёрного моря, что подтвердила *Лондонская конференция* 1871 г. Всё это время шёл процесс освобождения Италии. Второй период – это время с начала 1870-х гг. В 1873 г. был создан *Союз трёх императоров*, который объединил Россию, Пруссию и Австро-Венгрию.

Одним из ключевых направлений для России были Балканы. Регион Османской империи находился в компетенции *Азиатского департамента МИД*. Это подразделение министерства с 1856 до 1861 гг. возглавлял *Егор Петрович*

Ковалевский (1811–1868). Этот разносторонне развитый человек был знаком с Балканами не понаслышке, в 1830–1840-х гг. он пребывал с дипломатической миссией в Черногории, а затем в 1850-х гг. находился в составе комиссии по разграничению в Герцеговине.

Ковалевский был человеком сочувствующим славянству, он активно поддерживал молодёжь из славяно-турецких областей, был одним из организаторов *московского славянского комитета*. Уход в 1861 г. Ковалевского с поста директора Азиатского департамента стал результатом возникших разногласий с Горчаковым. Недовольство министра вызывало то, что Егор Петрович пытался всячески донести до российского императора мысль о бедственном положении славянского народа в Турции и необходимости стать на защиту православного населения⁸. До 1864 г. Азиатский департамент возглавлял *Николай Павлович Игнатъев (1832–1908)*, затем до 1875 г. *Пётр Николаевич Стремоухов (1823–1885)*.

Одним из итогов Крымской войны стало расширение *сети российских консульств на Балканах*. Это должно было способствовать укреплению русского влияния в регионе. Программа открытия сети консульств была разработана летом 1856 г. В этом вопросе Россия заметно отставала от Австрии и Англии. С предложением открыть дипломатические представительства Российской империи в Болгарии, Боснии, Герцеговине и Албании Горчаков обратился к Александру II в октябре 1856 г.⁹ На должности консулов Ковалевский подбирал молодых энергичных людей, которые обладали знаниями по истории вверенных им краёв, владели местными языками. Вёлся отбор дипломатов нового поколения. Кандидаты должны были не только обладать высокими моральными качествами, но и незаурядным интеллектом, обращалось внимание и на их происхождение, вероисповедание, образование. Российские консулы на Балканах были молодыми людьми, происходили из видных дворянских или чиновничьих семей, занимались

⁸ *Хевролина В.М.* Министерство иностранных дел России в 1856–1878 гг. // Новая и новейшая история. 2002. №4. С. 3–26.

⁹ *Она же.* Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консулов) // Геополитические факторы внешней политики России второй половины XVI – нач. XX вв. М., 2007. С. 221–266.

научной деятельностью. Для многих из них назначение на консульскую должность было первым опытом работы подобного рода. Так первым российским консулом в Сараеве стал выпускник славистической кафедры Московского университета *Александр Фёдорович Гильфердинг* (1831–1872). Он оставил в истории след как историк-славист, дипломат, государственный чиновник, общественный деятель, этнограф, филолог и славянофил. Вся его жизнь была тесно связана с миром славянства. Именно он должен был наладить контакты России с Боснией и Герцеговиной, дать глубокий анализ состояния региона и выявить опорные точки для реализации русской программы в этой части Балкан.

Главным соперником России в Боснии и Герцеговине была *Империя Габсбургов*. Её помощниками в деле укрепления авторитета в Боснийском пашалыке в первую очередь являлись католические миссионеры, а также пограничное славянское население Далмации. Россия рассчитывала на поддержку княжеств *Сербия и Черногория*. Переломным моментом стал конец 1858 г., когда на смену сербскому князю *Александру Карагеоргиевичу* (1806 – 1885), который симпатизировал Австрии, к власти в Белграде вернулась *династия Обреновичей*. Именно тогда и начинается период совместной работы России и Сербии на территории Боснии и Герцеговины. Россия добивалась реализации своей внешнеполитической программы в регионе, используя потенциал Сербского княжества. Молодое автономное княжество граничило с Боснийским пашалыком, стремилось к полной независимости и строило амбициозные планы по созданию большого национального государства, объединяющего всех сербов.

После Крымской войны возрос интерес русского общества к Боснии и Герцеговине. Российское правительство не могло открыто действовать в этих областях Османской империи, что расценивалось бы как вмешательство в дела другого государства. Эту роль взяли на себя вновь созданные благотворительные организации, оказывающие помощь славянам. У истоков работы *славянских комитетов* стояли как представители славянофильского течения, так и собственно российское правительство. Появление комитетов именно после Крымской войны не было случайным. В тот момент правительству нужен был

союзник в балканских делах. Сначала это были кружок высокопоставленных дам, приближённых ко двору. Его составили: *графиня Антонина Дмитриевна Блудова* (1813–1891), *княгиня Татьяна Васильевна Васильчикова* (1793–1875) и *графиня Наталья Дмитриевна Протасова* (1803–1880). Их деятельность заключалась в сборе и отправке денежной и материальной помощи зарубежным славянам. В 1858 г. был создан *московский славянский комитет*. Работа комитета не ограничивалась благотворительностью. Задачи комитета состояли в том, чтобы познакомить русское общество со славянским вопросом и убедить славян в том, что их судьба очень волнует каждого русского человека. Если Австрия действовала в Боснии с помощью католических священников и миссионеров, то Россия использовала для этого славянские комитеты.

Цель настоящей работы: изучение роли и места России в становлении национальных и политических программ православного населения Боснии и Герцеговины в 1856–1875 гг.

Для получения ответа на этот вопрос необходимо решить ряд **задач**:

1. Дать характеристику деятельности российских консулов и Министерства иностранных дел в Боснии и Герцеговине, определить степень их связи с русскими общественными организациями;
2. Выяснить, какое место Босния и Герцеговина занимала в работе русских благотворительных организаций;
3. Проанализировать характер освещения боснийской проблемы в российской периодической печати в 1850–1870-х гг.
4. Оценить характер и размеры русской помощи жителям Боснии и Герцеговины;
5. Изучить позицию России в отношении сербских проектов по боснийскому вопросу;
6. Определить соотношение русских и сербских планов с политикой Османской и Австрийской империй¹⁰ в этом регионе.

¹⁰ с 1868 г. Австро-Венгерской империи.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые проводится комплексный анализ заявленной проблемы. При разработке темы в научный оборот впервые вводится ряд материалов из российских архивов, позволяющих реконструировать позицию официальной России и российской общественности по боснийско-герцеговинскому вопросу в 1856-1875 гг. Впервые привлекаются документы, выявленные в архивохранилищах Сербии, относительно координации русских и сербских планов в отношении Боснии и Герцеговины в период после окончания Крымской войны и до начала Великого Восточного кризиса. Новый пласт источников позволяет исследовать характер и динамику взаимоотношений России и православного населения Боснии и Герцеговины, а также определить, как формировалась российская стратегия и тактика в отношении судьбы этих османских провинций.

Источники: классификация и характеристика

Исследование заявленной темы проводилось с привлечением широкого круга разнообразных источников. Использовались как опубликованные материалы, так и архивные документы.

В первом случае это материалы периодической печати, сборники русских и сербских документов о политике в Боснии и Герцеговине и частная переписка общественных деятелей¹¹.

Основную часть источниковой базы составляют документы, выявленные в российских и сербских архивах. Было проведено исследование архивных фондов *Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)*, *Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)*, *Российского государственного архива древних актов (РГАДА)*, *Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ)*, *Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)*, *Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)*, *Центрального*

¹¹ Часть историков относит труды А.Ф. Гильфердинга «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» и «Босния в начале 1858 года» к источникам по изучению Боснии. В данной работе не отрицается большая значимость источникового материала этих работ, однако они рассмотрены в историографическом разделе, так как сочинения Гильфердинга были первыми комплексными исследованиями Боснии и Герцеговине в отечественной науке.

исторического архива Москвы (ЦИАМ), отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Рукописного отдела института русской литературы Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН), Российского государственного исторического архива (РГИА), Архива Сербии (АС) и Архива Сербской академии наук и искусств (АСАНУ).

Все обозначенные выше источники можно подразделить на несколько групп:

- 1) официальные правительственные документы;
- 2) документация фондов общественных организаций;
- 3) документы личного происхождения, в том числе эпистолярное наследие русских и сербских общественных деятелей по боснийскому вопросу;
- 4) материалы русской периодической печати по боснийскому вопросу;
- 5) иллюстративные материалы;
- 6) справочные материалы, статистические данные.

К *первой группе источников* относится официальная переписка российских дипломатов по вопросам Боснии и Герцеговины. Прежде всего, это донесения консулов в МИД. К сожалению, не удалось получить доступ к фондам *Архива внешней политики Российской Империи (АВПРИ)*. Однако в работе широко привлечены опубликованные материалы из этого архива.

В 1980-е гг. возрос интерес к проблемам боснийского региона. Отечественными и югославскими учёными была проведена многолетняя плодотворная работа по публикации сборников документов «*Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия*»¹², охватывающих период с 1850 по 1875 гг.

Над составлением первых двух томов трудились такие известные отечественные специалисты – балканисты, как Д.Ф. Поплыко, В.И. Косик, В.Г. Карасёв, Ю.А. Писарев, В.М. Хевролина, а также югославские исследователи: М. Экмечич, И. Тепич, Б. Маджар, Р. Петрович. Учёными была

¹² Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. М.: Наука, 1985. 493 с.; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1864–1875. М.: Наука, 1988. 438 с.

проведена работа по выявлению документов в архивохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Сараева и Вены. Большая часть материалов была обнаружена в фондах АВПРИ.

В 2008 г. серия была продолжена выходом в свет сборника: «*Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878*»¹³.

Большой интерес представляют материалы из фонда российского посла в Константинополе графа *Николая Павловича Игнатьева* (ГАРФ. Ф. 730). Здесь содержатся записки о положении христиан в Боснии, донесения о деятельности герцеговинского вождя восстания *Луки Вукаловича (1812–1873)*¹⁴, докладные записки о судьбе Османской империи и турецких славян.

В РГВИА были выявлены донесения в Военное министерство о положении православного населения и состоянии турецкой армии в Боснии и Герцеговине (Ф. 450. Коллекция военно-учёного архива «Турция»). Они составлены на основе донесений российских консулов в Мостаре и Сараеве, поскольку в рассматриваемый период в Боснии не было российского военного агента. Главное внимание в этих донесениях уделено политике реформ, проводимой на Балканах султаном Абдул-Азизом и формированию отрядов баши-бузуков в 1864–1866 гг.

В РГИА были изучены материалы канцелярии *обер-прокурора Святейшего Синода* (Ф. 797.). Выявленные документы позволили дать характеристику политики Синода в боснийском регионе.

Стоит отметить, что многие донесения консулов дублировались и пересылались не только в Синод и Военное министерство, но и в славянские комитеты. Подтверждение этому есть в фонде *Московского славянского комитета* (ГАРФ. Ф. 1750), куда копии поступали либо от директора Азиатского департамента, либо лично от консулов. Это говорит о тесной взаимосвязи российского правительства и благотворительных организаций.

Во второй половине 1850-х гг. в России только начинается исследование региона Боснии и Герцеговины. Этот уголок Балкан ещё во многом оставался

¹³ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине 1875–1878. Документы. М.: Индрик, 2008. 448 с.

¹⁴ Смотрите приложение Н. Портреты сербских деятелей.

неизведанным. Российская дипломатия устанавливала контакты с этим регионом, при этом, в виду обострившейся конкуренции с западными странами, приходилось действовать быстро. Определённая спешка зачастую приводила к путанице, не установилось ещё чёткого понимания о том, кто за что отвечает. В частности, на начальном этапе не до конца была ясна роль Синода в реализации проектов МИД. Порой благотворительные организации, которые были основным инструментом реализации русской политики, ещё не до конца понимали степень своей зависимости от Синода, его активности в крае.

Анализ официальной документации позволяет сделать главный вывод о том, что Россия выступала, как защитница православия в Боснии и Герцеговине. Возможность работы со славянами-католиками и славянами-мусульманами даже не рассматривалась. Поскольку русские интересы во многом совпадали с желаниями Сербии, то поначалу шла активная поддержка проектов княжества. Своим же главным соперником в Боснии и Герцеговине Россия считала Австрию. Донесения российских консулов – весьма ценный, но до определённой степени субъективный источник, отражающий и степень индоктринации его авторов.

В конце 1970-х–80-е гг. в Югославии возрастает интерес к вопросу об участии Сербии в процессе национально-освободительной борьбы на Балканах 1850–1870-х гг., что привело к активной работе по изучению материалов в сербских архивах. При этом значительное внимание уделялось и боснийскому вопросу. Выявленные сербскими историками материалы вошли в сборник документов *«Сербия и освободительные движения на Балканах»*¹⁵. Ещё одной значимой публикацией документов стал совместный труд русских и сербских учёных о деятельности сербской общественно-политической организации – *Омладины*¹⁶. Интерес к истории Боснии сохраняется в научных кругах и в наши дни. В 2007 г. вышел сборник документов, посвящённый *проблемам управления Дабробосанской митрополией*¹⁷.

¹⁵ Србија и ослободилачки покрети на Балкану од Париског мира до Берлинског конгреса: (1856–78). Књ. 1. Београд: САНУ, 1983. 652 с.

¹⁶ Уједињена омладина српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови-Сад: Будућност, 1977. 399 с.

¹⁷ Радослављевић Н. Грађа за историју сарајевске (дабробосанске) митрополије 1836–1878. Београд: Историјски институт, 2007. 162 с.

Опубликованные материалы дополнены в настоящей работе материалами из архивохранилищ Сербии. В *Архиве Сербии* была проведена работа в фондах *Министерства народного просвещения (Ф. М.П.)* и *Белградской митрополии (Ф. М.Б.)*. Содержащиеся там документы представляют собой прошения отдельных личностей или общин из Боснии и Герцеговины и решения сербского правительства по этим вопросам. В основном речь идёт об оказании помощи местным церквям и учебным заведениям. Представленные там материалы свидетельствуют о том, что свою реальную политику в боснийском регионе сербские власти старались проводить неофициально, при помощи работы тайных организаций. Это подтверждают документы из *фонда Илии Гарашанина (Ф. И.Г.)*, где были обнаружены материалы, позволяющие реконструировать программу сербской пропаганды в Боснии.

В *Архиве Сербской академии наук и искусств (АСАНУ)* были изучены материалы фонда сербского государственного деятеля *Йована Ристича (1831–1899)* и общественного деятеля *Матии Бана (1818–1903)*, а также проанализированы донесения сербских агентов по боснийскому вопросу, связанные с работой комитета по освобождению Боснии.

Изучение официальных документов из сербских архивов показало, что Сербия стремилась к самостоятельному разрешению боснийского вопроса. Босния и Герцеговина воспринимались как исконно сербские земли. В отличие от России Сербия старалась не замыкаться на работе исключительно с православным населением. Существовало чёткое понимание, что без посторонней помощи достичь желаемого объединения с Боснией не получится. Княжество лавировало между Австрией, Россией и Францией. Без русской поддержки обойтись было трудно, но сербы опасались конкуренции с Россией в завоевании симпатий у православного населения Боснии и Герцеговины.

Изученные материалы позволяют составить полную картину о деятельности российского и сербского правительств в Боснии и Герцеговине. Они демонстрируют сложность взаимоотношений двух стран, которые только начинали свою активную деятельность в этом регионе.

Исследование работы *общественных организаций* в Боснии и Герцеговине проводилось также с привлечением архивных материалов. Документация славянских комитетов была изучена на основе архивных фондов ГАРФ, ЦИАМ, ОР РГБ и ОР РНБ.

Наибольший интерес представляет *фонд Московского славянского комитета* (ГАРФ. Ф. 1750). Здесь собраны прошения из боснийских и сербских земель, переписка комитета с Азиатским департаментом МИД, российскими дипломатами на Балканах, Синодом, отделением в Петербурге. Все материалы можно условно разделить на следующие группы:

1. документация о развитии сети школ в Боснии и Герцеговине, организации учебного процесса и подготовке к отправке местной молодёжи на обучение в Россию и Сербию;

2. документация о поддержании православия в регионе: сбор средств на строительство и реставрацию церквей и монастырей, обеспечение их богослужебными книгами и утварью;

3. документы, касающиеся вопроса о противостоянии католической и протестантской пропаганде в регионе.

Хорошим дополнением являются материалы личного фонда секретаря московского славянского комитета *Нила Александровича Попова* (ОР РГБ. Ф. 239.). Предметом особого внимания служит опись к бумагам комитета за 1868–1877 гг.¹⁸. В ЦИАМ работа проводилась с *фондом Бахметьевых* (Ф. 1845) и *фондом Московского славянского благотворительного общества* (Ф. 1901). Эти материалы представляют собой отчёты о финансовых затратах комитета в разное время и позволяют составить представление о том, какое количество средств уходило на Боснию и Герцеговину¹⁹.

Работа с документацией комитета, говорит о том, что благотворительная организация действовала в интересах российской политики на Балканах. Российское Министерство иностранных дел использовало комитет для поднятия

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 2. Ед. хр. 2. 338 Л.

¹⁹ Подробнее речь об этом пойдёт во второй главе исследования.

уровня образования и поддержания православия в Боснии и Герцеговине. Поскольку организация носила статус общественной, она должна была до определённой степени дистанцироваться от правительства.

Исследование *эпистолярного наследия русских общественных деятелей* позволило выявить круг лиц, заинтересованных в разрешении боснийского вопроса и связанных с деятельностью русских благотворительных организаций.

Прежде всего, объектом внимания стали материалы личного архива протоиерея русской посольской церкви в Вене *Михаила Фёдоровича Раевского*. Большая часть его наследия была опубликована в двухтомном сборнике *«Зарубежные славяне и Россия»*²⁰. Основную работу по его составлению провела российская исследовательница связей Раевского с миром славянства *И.В. Чуркина*. В основе публикации лежат материалы из личного фонда Раевского в *ОПИ ГИМ (Ф. 347)*. Кроме того были привлечены неопубликованные документы из этого фонда, а также материалы *фонда Раевского в ОР РНБ (Ф. 627)*.

Исследование этих источников позволило выявить круг русских корреспондентов Раевского, сочувствующих боснийскому вопросу, сербских деятелей, с которыми Михаил Фёдорович обсуждал будущее Боснии. Раевский был главным координатором множества славянских проектов. К нему в Вену стекались письма отовсюду, начиная с прошений боснийских крестьян об оказании помощи и заканчивая отчётами российских консулов о проделанной работе. Переписка Раевского – один из самых информативных источников. Анализ материалов его архива позволил проследить эволюцию взглядов этого крупного общественного деятеля на боснийский вопрос²¹ и проблему славянства в целом.

В становлении и развитии позиции России по отношению к Боснии важное место занимал и императорский двор. Ключевую роль в славянском вопросе в

²⁰ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского 40–80 годы XIX века. М.: Наука, 1975. 576 с.; Југословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевог 40–80 године XIX века. Београд: Историјски институт, 1989. 375 с.

²¹ Под термином *«боснийский вопрос»* понимается вопрос о будущем Османской провинции Босния и Герцеговина (Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака, далее Боснийского вилайета).

1850–1860-е гг. играла фрейлина императрицы графиня *Антонина Дмитриевна Блудова*. Она являлась одним из соучредителей *Петербургского славянского комитета Блудовой, Васильчиковой и Протасовой*. Личные документы Антонины Дмитриевны в фонде *Паниных – Блудовых* (РГАДА.Ф. 1274) содержат следующие материалы: письма к Блудовой от русских общественных деятелей; прошения от боснийских славян; переписку с сербским митрополитом Михаилом. Особую ценность имеет тетрадь Антонины Дмитриевны с черновыми записками по Восточному вопросу²². Здесь содержатся дневниковые записи, повествующие о пребывании графини в Сербии в 1858 г. и её встрече с управительницей сараевской школы для девочек *Стакой Скендеровой* (1830–1891).

Материалы архива Блудовой позволяют рассмотреть вопрос о деятельности её благотворительного комитета в Боснии и Герцеговине.

Блудову очень волновало будущее турецких славян. На её имя из Боснии и Герцеговины поступало множество прошений о помощи и ей удавалось привлечь внимание русских сановников и аристократии к проблемам братского народа. Она же сообщала о положении боснийских христиан императрице Марии Александровне, которая не раз вносила существенные пожертвования балканским славянам и считалась покровительницей женского образования в регионе.

Была проведена работа с личными фондами лиц, игравших ключевую роль в организации помощи славянам Боснии и распространении в русском обществе знаний о зарубежных славянах. Это фонды: *Аксаковы* (ОР РГБ. Ф. 3., ОР РНБ. Ф. 14, РГАЛИ. Ф. 10, РО ИРЛИ РАН. Ф. 3.)²³, *А.Ф. Гильфердинг* (РГАЛИ. Ф. 1571, ОР РНБ. Ф. 182), *А.С. Ионин* (ГАРФ. Ф. 939), *И.П. Корнилов* (ОР РНБ. Ф. 377, РГИА. Ф. 970), *Е.П. Ковалевский* (ОР РНБ. Ф. 356), *М.П. Погодин* (ОР РГБ. Ф. 231, РГАЛИ. Ф. 373), *Н.А. Попов* (ОР РГБ. Ф. 239).

Эти материалы чрезвычайно ценны и разнообразны, часть из них носит характер деловой переписки. Среди них обращения в разные инстанции главы петербургского отделения славянского комитета *А.Ф. Гильфердинга*. Не

²² РГАДА.Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2772. 48 л.

²³ Интерес также представляют опубликованные письма И.С. Аксакова: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2. Т. 4. СПб.: Издание Императорской публичной библиотеки, 1896.

меньшую ценность представляют письма сугубо личного характера, где деятели славянского движения России свободно выражают свои мнения относительно боснийского вопроса и сотрудничества разных отделений славянского комитета, Синода, МИД, Сербии.

К таковым можно отнести переписку российского консула в Сараеве А.Ф. Гильфердинга с директором Азиатского департамента *Е.П. Ковалевским*²⁴ и *А.В. Плетнёвой*²⁵, где русский учёный делится своими впечатлениями от пребывания в Боснии и желанием покинуть этот край.

В переписке *Михаила Фёдоровича Раевского* с главой петербургского славянского комитета *Иваном Петровичем Корниловым (1811–1901)* просматривается разочарование Михаила Фёдоровича в многолетних трудах во имя объединения турецких славян. Раевский в частности признаётся в невозможности позитивного решения боснийского вопроса²⁶.

Стоит также отметить переписку *Н.А. Попова* с сараевским архимандритом *С. Косановичем*, который в 1870-е гг. совершил большую поездку по России с целью сбора средств в пользу школ и церквей Боснии²⁷. Параллельно в славянские комитеты и Синод поступали официальные отчёты о путешествии архимандрита. Эти материалы не только позволяют реконструировать историю пребывания Косановича в России, но и демонстрируют организационные проблемы, с которыми здесь сталкивались гости из славянских земель. Кроме того, Косанович, выступая в роли агента славянских комитетов, снабжал их полезной информацией о происходящем в Боснии, давал характеристики другим боснийским агентам комитета, предостерегал от связей с австрийскими и турецкими шпионами.

Частные письма российских дипломатов (*А.С. Ионина, Е.Р. Шулепникова, А.Ф. Гильфердинга, А.Н. Кудрявцева*) порой раскрывают моменты, о которых они не могли говорить в своих официальных донесениях. Они же показывают ошибки, допущенные организаторами русской благотворительной деятельности,

²⁴ ОР РНБ. Ф. 356. Оп. 1. Ед. хр. 176. 4 л.

²⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 53. 18 л.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 608 Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3386. 14 л. – Копии.

²⁷ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11: Ед. хр. 11–13.

свидетельствуют о падении престижа России в Боснии. Анализ документов показывает, что все российские консулы состояли в переписке с деятелями славянских комитетов. В некоторых случаях можно заметить, что симпатии дипломатов склонялись на сторону деятелей комитетов, а долг перед начальством МИД отходил на второй план. Особенно отчётливо это наблюдается в их переписке с М.Ф. Раевским.

Эпистолярное наследие русских общественных деятелей существенно дополняет документы официального характера. Оно демонстрирует сложную систему связей и контактов, которые соединяли представителей славянства, русских общественных деятелей, сербского митрополита Михаила, Синода, чиновников МИД и Министерства просвещения России.

Однако при работе с этим видом источников возникает и трудноразрешимая проблема. Некоторые общественные деятели, участвующие в работе тайных комитетов по освобождению Боснии и связанные с ними российские консулы общались между собой, используя специальные шифры. К сожалению, удалось обнаружить ключ лишь к одному из них. Однако есть упоминания о существовании других методов шифровки. В таком зашифрованном письме фраза: «Министерство просвещения обещало поставить 2 ящика книг для библиотеки», на самом деле означала: «русское правительство обещало поставить 200 ружей в Боснию». Соответственно, от исследователя может ускользнуть истинный смысл многих на вид безобидных писем.

В работе использованы также *материалы дневников и воспоминаний* общественных и государственных деятелей России²⁸. Большую ценность представляет дневник австрийского консула в Белграде *Беньямина фон Каллаи*²⁹. Он содержит сведения о связях сербских обществ по освобождению Боснии с

²⁸ *Валуев П.А.* Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. II: 1865–1876. М.: Издательство АН СССР, 1961. 592 с.; Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855 гг. – СПб., 1913.; *Милютин Д.А.* Воспоминания 1863–1864. М.: РОССПЕН, 2003. 696 с.; *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Дневник 1855–1882 гг. М., 1929.

²⁹ Дневник Беньямина Калаја. 1868–1875. – БЕОГРАД–НОВИ САД, 1976.

австрийским правительством и о планах империи Габсбургов относительно будущего положения этого региона.

Периодическая печать была одним из главных инструментов формирования общественного мнения в XIX веке. В связи с этим, обращаясь к заявленной теме, нельзя обойти стороной вопрос о присутствии боснийской проблематики на страницах российских газет и журналов в период с 1856 по 1878 гг.

В работе исследованы публикации по боснийско-герцеговинскому вопросу периодических изданий России разной направленности. В первую очередь, были изучены материалы славянофильского издания *«Русская беседа»*. Оно не пользовалось большой популярностью в России, но при этом поставлялось в земли зарубежных славян.

Из органов официальной печати было детально проанализировано официальное издание Военного министерства *«Военный сборник»*, выражающее официальную государственную позицию по боснийскому вопросу.

Представлялось очень важным обратиться к двум изданиям, курируемым представителем западнического течения мысли *М.Н. Катковым*. Это *«Русский вестник»* и *«Современная летопись»*. Первый был одним из самых читаемых изданий своего времени. На страницах *«Современной летописи»* публиковалось множество работ, выполненных членами славянских комитетов.

В качестве примера либеральной и умеренно-либеральной печати были привлечены издания *«Голос»* и *«Вестник Европы»*.

Ещё одну группу составили журналы демократической направленности: *«Русское слово»*, а также входивший в тройку самых популярных изданий журнал *«Дело»*, к этой группе относится и *«Современник»* *Н.Г. Чернышевского* и *Н.А. Добролюбова*.

Более подробный анализ этих материалов будет сделан во второй главе данного исследования. Здесь же стоит отметить слабый интерес русской прессы к проблемам Боснии и Герцеговины до 1875 г.

В качестве иллюстративного материала был привлечён *«Фотографический сборник церковных древностей и типов славян европейской*

Турции. Герцеговина и Босния 1867 года» саратовского фотографа *Петра Павловича Пятницкого (1832–1882)*. Подробнее о нём будет сказано ниже³⁰.

К последней группе источников можно отнести *справочные и статистические материалы*, предоставляющие сведения о населении Боснии и Герцеговины, финансовом обеспечении российских консульств в Мостаре и Сараеве³¹.

Изученная источниковая база обширна и разнообразна. Исследованные материалы позволяют взглянуть на поставленную проблему с различных сторон. Обозначенный массив источников проливает свет на многие вопросы о месте Боснии и Герцеговины в общественно-политической жизни России, раскрывает сложную систему связей российского правительства и благотворительных организаций.

Степень разработанности вопроса в научной литературе

Начало изучения истории Боснии и Герцеговины.

Территории Боснии и Герцеговины стали предметом исследования уже в XIX веке. Интерес к этим землям в первую очередь был связан с деятельностью европейских миссионеров и дипломатов. Одна из первых работ о Боснии появилась ещё в 1822 г. Французский путешественник *Шарль Пертузье* написал сочинение, посвящённое проблемам взаимоотношений Боснии с Портой³².

Первая история края принадлежит перу францисканского монаха *Ивана Франьо Юкича*³³. Труд был написан после путешествия Юкича по Боснии и Герцеговине и охватывает период с древнейших времён и до 1850 г.

В 1865 г. в Сербии вышло в свет «*Описание Боснии и Герцеговины*» *Томы Ковачевича*³⁴. Хотя автор этой работы и пользовался материалами своих предшественников, однако он заявляет о принципиальности публикации

³⁰ См. § 1. Глава 2.

³¹ *Блиох И.С.* Финансы России XIX столетия. История – статистика. Т. IV. СПб., 1882.; Военно-статистический сборник на 1868 год. Выпуск II. Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. СПб., 1868.; *Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений министерства иностранных дел.* Сост. По поручению министра иностр. дел. М. Никонов. СПб., 1869.

³² *Pertusier C.* La Bosnie. Consideree dans ses rapports avec l'Empire Ottoman. Paris: Charles Gosseli, 1822. 379 p.

³³ *Jukić I. F.* Zemljopis i poviestnica Bosne. Zagreb: Bèrztiskom narodne tiskarnice Ljudevita Gaja, 1851. 164 s.

³⁴ *Ковачевић Т.* Описъ Босне и Херцеговине. Београд: Државна штампарија, 1865. 106 с.

сочинения на кириллице, ставя своё сочинение в противовес работе Юкича, пользующегося латиницей. На страницах «Описания» он обратил внимание на религиозный и этнический состав местного населения и указал на то, что по своей природе оно является сербским.

Во второй половине XIX века значительно повысился интерес к Боснии не только в России, но и в Европе³⁵. В основу сочинений западноевропейских авторов легли впечатления от путешествий по славянским областям Османской империи.

Освободительные стремления народов Балкан нашли отклики в сочинениях европейских путешественников, описывающих своё пребывание в Боснии и Герцеговине в 1860–1870-х гг.³⁶. Преимущественно они приходится на 1875–1878 гг., время восстания и русско-турецкой войны.

Турецким ответом на такой интерес Европы стала публикация труда албанского писателя *Паско Васы Эфенди «Босния и Герцеговина во время миссии Джевдет эфенди»*³⁷, которая говорит о положении дел в регионе к началу 1860-х гг.³⁸.

Русская дореволюционная историография

В русской историографии вопрос о Боснии и Герцеговине чаще всего возникал в контексте других проблем³⁹. Появление трудов, посвящённых этим землям, было связано с обострением Восточного вопроса. Публикация этих работ начинается после Крымской войны.

³⁵ Подробнее см. *Ekmečić M. Slika o Bosni i Hercegovini u evropskoj putopisnoj literature od 1850 do 1858. godine.* // *Balkanica VIII.* Belgrade, 1977; *Brethewell W.C. Opinion-maker: the Balkans in british popular literature, 1856–1876.* // *Jugoslovensko-britanski odnosi.* Beograd, 1988.; *Lukić-Tesarović I. Sećanja britanskih putnika koje su putovale po našim krajevima po našim krajevima u 18 i 19 veku.* // *Jugoslovensko-britanski odnosi.* Beograd, 1988.; *Растовић А.* Британски путописци у Босни и Херцеговини у другој половини XIX и почетком XX века. // *Зборник за историју Босне и Херцеговине.* Т. 4. Београд, 2004.

³⁶ К примеру: *Макензи К.М., Ирби Г.П.* Путовање по словенским земљама Турске Европе. Београд, 1868; *Evans A. J. Illyrian letters.* – London: LONGMANS, GREEN, and Co., 1878.; *Evans A. Kroz Bosnu i Hercegovinu peške u vrijeme pobune 1875.* Sarajevo, 1965; *Irijart Š. Bosna i Hercegovina. Putopis iz vremena ustanka 1875–1876.* Sarajevo, 1981.

³⁷ *Pasko Vasa-efendija. Bosna i Hercegovina za vreme misije Dževet-efendije.* Banja-Luka, 2011. 104 s.

³⁸ Подробнее об этой работе см. § 2. Глава 1, § 4. Глава 4.

³⁹ Упоминания о Боснии и Герцеговине присутствуют в работах А.Г. Розелион-Сашальского и И.П. Липранди. Они относятся к первой половине XIX века и не были опубликованы. См. *Керимова М.М.* Югославянские народы и Россия: Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М.: Институт этнологии и антропологии, 1997. С. 103–104.

Первые сочинения о Боснии и Герцеговине принадлежат перу слависта, российского консула в Сараеве *А.Ф. Гильфердинга*.

«*Босния, Герцеговина и Старая Сербия*»⁴⁰ – до сих пор представляют собой единственное комплексное этнографическое исследование региона. Оно выполнено в виде путевых заметок. Эта работа открывает мир, историю, природу, менталитет славян Боснийского пашалыка, Герцеговинского санджака и областей Старой Сербии. Ещё при жизни автора сочинение было переведено на сербский язык. В Сербии оно имело несколько изданий. До сих пор труд Гильфердинга является ценнейшим источником о жизни в Боснии и Герцеговине во второй половине 1850-х гг. Выводы, сделанные историком, находят подтверждение в работах других исследователей.

Работа Гильфердинга «*Босния в начале 1858 г.*»⁴¹ носит справочно-статистический характер. Здесь с определёнными оговорками приводятся данные о населении региона, производится разбор турецкой системы управления.

Анализ этих работ будет проводиться по ходу исследования. Важно отметить, что труды *А.Ф. Гильфердинга* лежат в основе практически всех последующих русских и зарубежных исследований региона Боснии и Герцеговины.

В начале 1870-х гг. появляется ряд публицистических работ о проблемах православного населения края. К боснийской проблематике обратился русский историк и общественный деятель *Н.А. Попов*. В печати появились два небольшие сочинения: «*Очерки русской благотворительности на Востоке*»⁴² и «*Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами*»⁴³. *Н.А. Попов* являлся секретарём московского славянского комитета, и его брошюры должны были способствовать успешному сбору средств

⁴⁰ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т.3. М.: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1873. С. 1–278.

⁴¹ *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т.3. М.: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1873. С. 379–328.

⁴² *Попов Н.А.* Очерки религиозной и национальной благотворительности на востоке и среди славян. Выпуск 1. СПб., 1871. 140 с.

⁴³ *Он же.* Православие в Боснии и Герцеговине и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами. М., 1873. 31 с.

в пользу православных церквей Балкан. Читателю представлены планы австрийцев по планомерному окатоличиванию региона с целью его дальнейшего присоединения. В брошюрах Попов приводит ряд статистических сведений, конкретные примеры ущемления православия в регионе. В них говорится о недобросовестном греческом духовенстве, коварстве австрийцев и гнёте со стороны турок. По его сообщениям эти данные переданы некими корреспондентами славянских комитетов. На самом деле часть текста работ парафраз донесений российских консулов из Боснии и Герцеговины А.Н. Кудрявцева и Н.А. Илларионова. По просьбе комитетов они в 1869 г. составили аналитические справки об усилении в крае католической пропаганды⁴⁴. Эти работы носят исключительно пропагандистский характер. В них освещаются лишь негативные стороны жизни славян, говорится о пользе русской благотворительности и безграничной любви населения Боснии и Герцеговины к России. Целью автора было вызвать сочувствие у русского человека и способствовать успешному сбору пожертвований.

Начиная с 1875 г., когда разразилось восстание в Герцеговине, появляется большое количество публицистических статей о регионе. Большинство из них представляют собой вольный пересказ сочинения Гильфердинга, дополненный примерами жестокости турок и воззваниями о помощи славянам. Попов также не остался в стороне и выпустил брошюру *«Герцеговина и нынешнее восстание в ней»*⁴⁵. Здесь автор называет славян-мусульман изуверами, верными слугами султана. Попов намеренно говорит о том, что до сих пор русская помощь не поступала в боснийский регион, чтобы призвать общество активнее помогать православным жителям вилайета.

В 1876 г. к боснийской проблематике обратился ученик О.М. Бодянского, филолог, историк и публицист А.А. Майков. В сербской газете *«Застава»* были опубликованы статьи Майкова о Боснии. Затем эта работа вышла отдельной

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 84–93.

⁴⁵ Попов Н.А. Герцеговина и нынешнее восстание в ней // Сборник духовных брошюр. б.д.

книгой в Нови-Саде⁴⁶. Эти труды также можно отнести к публицистическим работам, носящим пропагандистский характер.

1890–1900-е гг. в свет выходит ряд работ на славянскую тему российского генерала, военного историка *Николая Романовича Овсяного (1847–1913)*. В труде «*Сербия и сербы*»⁴⁷, где в основном проводится анализ статистических данных, области Боснии и Герцеговины он относит к ареалу сербского населения и сообщает о жизни провинции под австрийским владычеством. Овсяный также обращался к вопросу о сербах-мусульманах. В своей аналитической статье «*Из истории сербов-мусульман*»⁴⁸ он знакомит русского читателя с беговатом. По сути дела его работа представляет собой критический разбор сочинений сербского историка Миленко Вукиевича. Овсяный говорит о тенденциозности сербских работ, стремлении объединения всех вероисповеданий на Балканах. Русский историк критикует положительный образ славянина-мусульманина, вспоминает эпизоды притеснения православных сербов Боснии. Опираясь на работы Гильфердинга, он поддерживает его тезис о разобщённости населения Боснии и Герцеговины и потере ощущения принадлежности к единому сербскому народу.

В 1901 г. в Санкт-Петербурге опубликована работа известного русского этнографа, антрополога и политического деятеля *А.Н. Харузина «Босния и Герцеговина. Очерки оккупированной провинции Австро-Венгрии»*⁴⁹. Изданию труда предшествовало путешествие этнографа по этим землям. Сочинение представляет собой путевые заметки, содержит исторические, этнографические и статистические данные. На страницах работы много отсылок к исследованиям Гильфердинга. Харузин проводит сравнительный анализ положения Боснии и Герцеговины во время турецкого владычества и австрийской оккупации.

⁴⁶ Два писма професора А.А. Мајкова о Боснии. Нови-Сад, 1878.

⁴⁷ Овсяный Н.Р. Сербия и сербы. СПб., 1898. 328 с.

⁴⁸ Он же. Из истории сербов-мусульман // Овсяный Н.Р. Ближний восток и славянство (сборник статей). СПб., 1913. С. 72–102.

⁴⁹ Харузин А.Н. Босния и Герцеговина. Очерки оккупированной провинции Австро-Венгрии. СПб.: государственная типография, 1901. 310 с.

Большое внимание Боснии и Герцеговине уделил и *А.Л. Погодин* в своей работе «*Славянский мир*», вышедшей во время Первой мировой войны⁵⁰. Исследователь представил читателю краткую историю Боснии. Говоря о судьбе населения этого региона, он акцентирует внимание на том, что местные жители всегда были предоставлены сами себе, а Сербия разворачивала активную деятельность в крае только в период правления Михаила Обреновича. После отставки Илии Гарашанина и убийства князя Михаила (1868 г.) Сербия утратила интерес к Боснии и свернула свою деятельность в этих областях. Погодин отмечал, что именно 1850–1860-е гг. являлись временем, когда Сербия заявляла свои претензии на присоединение территорий Боснийского пашалыка, восстание же 1875 г. было спровоцировано Австро-Венгрией. В целом вся работа А.Л. Погодина пропитана духом разочарования в возможности славянского единства и отрицает существование единого «славянского мира», в которое многие так свято верили в XIX веке.

В XIX веке первые исследователи Боснии и Герцеговины показали читателю, что это особый регион и предрекали конфликты, связанные с этими территориями в будущем. Поликонфессиональность при моноэтничности ломали представления о том, что один язык определяет одну нацию.

Всё же, говоря о проблеме изучения Боснии и Герцеговины в дореволюционный период, следует указать на тот факт, что большая часть работ носила скорее публицистический характер и возникала вследствие обострения Восточного кризиса. Первым же исследователем Боснии и Герцеговины по праву можно считать А.Ф. Гильфердинга. Его перу принадлежат труды, посвящённые не только современности, но и прошлому Боснийского края. Все исследователи, разрабатывающие боснийскую тему после него, непременно ссылались на работы Гильфердинга и находили подтверждение идеям, которые он высказывал. Большую ценность представляет также сочинение Харузина, который продолжил традиции Гильфердинга.

⁵⁰ *Погодин А.Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1915. 420 с.

Советская и современная российская историография

Славистическая наука в новом советском государстве подверглась серьезной ревизии. Исследования по истории Боснии и Герцеговины в первые десятилетия советской власти не появлялись.

В 1939 г. с открытием славистической кафедры на историческом факультете Московского университета было положено начало новому этапу изучения истории зарубежных славянских народов.

Новая волна интереса к Боснии и Балканам пришлась на послевоенный период. 1960-е гг. стали временем появления крупных работ, посвящённых политике России на Балканах. В свет вышла двухтомная *«История Югославии»*⁵¹, авторы которой сделали попытку показать основные этапы социально-экономического развития югославянских народов и их многовековую борьбу против иноземного гнёта, феодальной и капиталистической эксплуатации. В связи с этим, Босния и Герцеговина в XIX веке предстаёт перед читателем в основном как очаг национально-освободительного движения. Пытаясь разобраться в причинах народных волнений, автор раздела, посвящённого Боснии, *Н.П. Данилова*, затрагивает также вопрос о социально-экономическом развитии региона.

Круг специалистов, объединённых в ходе написания истории Югославии, был во многом связан с именем выдающегося отечественного историка *С.А. Никитина*. Его перу принадлежит ряд работ о формировании русской балканской политики после Крымской войны⁵². Особенно важна его инициатива по выявлению новых источников и введению их в научный оборот. Понятия *«русский след»* и *«русское влияние»* предстают на основании анализа этих источников не только как результат деятельности российского Министерства иностранных дел, но и общественных организаций, передовой русской мысли. Так *С.А. Никитин* впервые поднимает вопрос о деятельности славянских комитетов и их роли в реализации внешнеполитической стратегии России в

⁵¹ История Югославии. Т. 1–2. М.: Издательство АН СССР, 1963. 736 с. / 430 с.

⁵² *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е гг. XIX в.. М.: Наука, 1970. 327 с.

славянском мире⁵³. Учёный обратил внимание на тесную связь российского внешнеполитического ведомства и славянских комитетов, отметив их роль в популяризации образа России в славянском мире и ознакомлении русского общества со славянами. «Славянские комитеты» Никитина позволили взглянуть на проблему русско-боснийских отношений совершенно в другом ракурсе.

В наше время дело С.А. Никитина по исследованию деятельности славянских комитетов продолжил А.А. Поповкин. Его перу принадлежит ряд статей о деятельности славянских благотворительных обществ и комитетов и кандидатская диссертация, посвящённая данной проблематике – «Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921)»⁵⁴. В этом труде рассмотрены различные аспекты деятельности комитетов. Поповкин реконструирует историю создания организаций, поднимает вопрос об отношении комитетов с русским обществом, издательской деятельности и взаимоотношениях с цензурным ведомством и Министерством народного просвещения. Отдельный раздел диссертации посвящён вопросам взаимодействия благотворительных организаций с зарубежными славянами. Работа А.А. Поповкина стала отличным дополнением к фундаментальному труду С.А. Никитина. Исследователь вводит в научный оборот ранее неопубликованные материалы из архивохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга. Боснийские сюжеты представлены в разделе работы «Славянские комитеты и помощь южным славянам».

В 1970-е гг. появляются специальные работы, посвящённые Боснии и Герцеговине. Проблему аграрных отношений в регионе затрагивают в своих трудах Н.П. Данилова⁵⁵ и В.Н. Кондратьева⁵⁶. Их исследования свидетельствуют

⁵³ Она же. Славянские комитеты в России в 1856–1876 годах. М.: Издательство Московского университета, 1960. 362 с.

⁵⁴ Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Поповкин Алексей Александрович. – Воронеж, 2013. – 510 с.

⁵⁵ Данилова Н.П. Аграрные законы 40–50-х гг. XIX в. и зарождение элементов капиталистических отношений в сельском хозяйстве Боснии и Герцеговины // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970., Она же. Церковная борьба в Боснии в 60–70-х годах XIX в. (по донесениям русского консула в Сараево) // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М.: Наука, 1972.

⁵⁶ Кондратьева В.Н. Данные о торговле в Боснии и Герцеговине в 1866–1869 гг. // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1961; Она же. Из истории попытки организации восстания в Герцеговине в 1872 году // Учёные записки Института Славяноведения. Т. 28. М.–Л., 1964; Она же. К истории крестьянских требований в Боснии и Герцеговине во второй половине XIX в. // Славяно-балканские исследования. М., 1972.; Она же. К вопросу о предпосылках восстания 1858 г. в Боснийской крайне и Посавинье // Учёные записки Института

о том, что российские консулы проводили детальный анализ социально-экономического положения населения края, и это позволяет реконструировать изменение характера аграрных отношений в период танзимата.

Личность *Василия Пелагича*, активно работавшего на почве просвещения и освобождения Боснии от турецкого ига, становится объектом внимания историка *Д.Ф. Поплыко*⁵⁷. В работах исследовательницы обозначена роль России в деле просвещения Боснии и Герцеговины. Больше же внимание уделяется социалистическим взглядам Пелагича.

Как уже говорилось, в 1980-е гг. начинается публикация источников по истории русско-боснийских отношений⁵⁸. На основе их анализа появились новые работы по этой проблеме. В 1986 г. в г. Сараево прошла международная научная конференция, посвящённая проблемам истории Боснии и Герцеговины 1850–1875 гг. В результате в свет вышел сборник, состоящий из статей югославских и русских учёных: М. Экмечича, Ю.А. Писарева, Р. Петровича, Д.Ф. Поплыко, С. Перазича, В.Г. Карасёва, В.М. Хевролиной, Б. Маджара, Н.В. Кабаковой, И. Тепича и В.И. Косика⁵⁹. Исследователи представили читателю ряд работ о деятельности российской дипломатии на Балканах, основанных на архивных материалах, вошедших в сборник документов «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины». Перед учёными была поставлена новая задача – более глубокое изучение истории Боснии и Герцеговины, акцентирование внимания на частных вопросах. Основной проблемой было отсутствие хорошей источниковой базы. Открытие фондов советских архивов позволило сконцентрировать внимание на отдельных сюжетах истории региона. Появляются материалы о проблемах православной церкви в Боснии⁶⁰, деятельности первых социалистов⁶¹, большое

Славяноведения. Т. 18. М.–Л., 1959; *Она же*. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60–70-е гг. XIX в.). М., 1971.

⁵⁷ *Поплыко Д.Ф.* Васо Пелагич в России // Развитие капитализма и национального движения в славянских странах. М., 1970; *Она же*. Васо Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли. М.: Наука, 1983. 256 с.

⁵⁸ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985, Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988.

⁵⁹ Међународни научни скуп: Проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. Сарајево, 1987.

⁶⁰ *Perazić S.* Razvoj srpske pravoslavne crkve u Bosni i Hercegovini 1850–1875 godine. // Међународни научни скуп: проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. Сарајево. С. 73–82.

⁶¹ *Карасёв В.Г.* К вопросу о первых боснийско-герцеговинских социалистах // Међународни научни скуп: проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. Сарајево, 1987. С. 83–96.

внимание уделено предпосылкам возникновения национально-освободительного движения⁶² и роли российских консулов в этом процессе⁶³. Исследователи увидели тесную связь между изменением характера русской политики на Балканах и активизацией Сербского княжества в боснийском вопросе. Данная проблематика нашла продолжение в отдельном выпуске *Балканских исследований*⁶⁴. Эти же авторы затронули вопросы о состоянии школьного вопроса⁶⁵, влиянии реформ танзимата на положение Боснии и Герцеговины⁶⁶, австрийской, русской и сербской политике в крае⁶⁷. Статья *Н.В. Кабаковой* посвящена деятельности русских благотворительных организаций в Боснии⁶⁸. В ней обозначены основные направления русской благотворительности в регионе, приводятся частные примеры оказания помощи. Однако присутствует ряд неточностей. Так, исследовательница отождествляет московский славянский комитет с комитетом графини Блудовой. О русской благотворительности в регионе говорится лишь в позитивном ключе, в то время, как на деле многие из обозначенных проектов не были реализованы на практике.

Несомненно, появление новых источников о Боснии и Герцеговине дало большой толчок для развития исследований по истории этого региона. Коллектив историков представил проблемы Боснии и Герцеговины в отражении российских

⁶² Поплыко Д.Ф. Предпосылки и условия развития национально-освободительного движения в Боснии и Герцеговине (1850-1864) // Међународни научни скуп: проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. Сарајево, 1987. С. 55–72.

⁶³ Косик В.И. Деятельность рагузского консула К.Д. Петковича во время восстаний южной и юго-восточной Герцеговины конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. // Међународни научни скуп: проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. Сарајево, 1987. С. 145–156.

⁶⁴ Босния, Герцеговина и Россия в 1850 – 1875 годах: народы и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 13. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. 196 с.

⁶⁵ Перазич С. Начальные школы сербско-православных общин в Боснии и Герцеговине (1850–1875) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850 –1875 годах: народы и дипломатия... С. 176–184.

⁶⁶ Маджар Б. Турецкие реформы и развитие некоторых культурных институтов в Боснии и Герцеговине в 1850-1870 гг. // Босния, Герцеговина и Россия в 1850 –1875 годах: народы и дипломатия... С. 160–175.; Тепич И. О финансовом положении Боснии и Герцеговины в составе Османской империи 50– 70-е гг. XIX в. в свете русских источников // Босния, Герцеговина и Россия в 1850 –1875 годах: народы и дипломатия... С. 74–95.

⁶⁷ Карасёв А.В. Подготовка Сербии к войне с Османской империей в 60-х гг. XIX века // Босния, Герцеговина и Россия в 1850 –1875 годах: народы и дипломатия... С. 148–159.; Косик В.И. Австрийская политика в Боснии и Герцеговине. (По материалам советско-югославских публикаций документов) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850 –1875 годах: народы и дипломатия... С. 141–147.; Хевролина В.М. Босния и Герцеговина в балканской политике России (1865–1874) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850 –1875 годах: народы и дипломатия... С. 129–140.

⁶⁸ Кабакова Н.В. Благотворительная деятельность русской общественности относительно Боснии и Герцеговины в 50–70-х годах XIX века // Босния, Герцеговина и Россия в 1850 –1875 годах: народы и дипломатия... С. 185–193.

дипломатов. Всё же на данном этапе некоторые историки ещё недостаточно критично относятся к донесениям дипломатов.

В русскую и зарубежную историографию прочно вошёл термин «*Восточный вопрос*». Составной частью этой большой проблемы является и вопрос о судьбе балканских владений Турции. Эта тема становилась предметом исследования в трудах посвящённых *внешней политике*.

В 1902 г. в ознаменование столетия Министерства иностранных дел был издан труд, посвящённый деятельности этого ведомства⁶⁹. В этом очерке подробно излагается история русской дипломатии, изменение тактики с назначением нового министра иностранных дел А.М. Горчакова. Спустя сто лет выходит трёхтомное сочинение, посвящённое двухсотлетию юбилею министерства⁷⁰. В главе о деятельности МИД в период великих реформ (1856–1878)⁷¹, отмечается, что приоритетной задачей для России было укрепление влияния на Балканах. Автор этого раздела, *В.М. Хевролина* обратила внимание на изменение тактики российского внешнеполитического ведомства, отметила расширение сети консульств и полномочий российских дипломатов, продвижение в Америку, на Восток и на Балканы.

Специалисты по международным отношениям занимались комплексным изучением политики России на Балканах в контексте русской восточной политики. В коллективной монографии «*Восточный вопрос во внешней политике России*»⁷² термин «*Восточный вопрос*» оценивается как международная проблема, связанная с упадком Османской империи, размахом национально-освободительной борьбы в регионе и усилением противоречий европейских держав в связи с развитием колониальной системы. Предлагается периодизация «Восточного вопроса»: 1. конец XVIII в – 1856 г., характеризуется стремлением приобрести выход к Чёрному морю и завоевать авторитет у балканских народов; 2. 1856 г. – середина 1890-х гг., характеризуется борьбой русской дипломатии за

⁶⁹ Очерк истории министерства иностранных дел (1802–1902). СПб., 1902.

⁷⁰ Очерки истории министерства иностранных дел. Т. 1–3. М.: Олма-Пресс, 2002.

⁷¹ Там же. Т. 1. С. 411–437.

⁷² Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / В.А. Георгиев, Н.С. Киняпина, М.Т. Панченкова, В.И. Шеремет. М.: Наука, 1978. 434 с.

отмену ограничительных условий Парижского мира, в это время балканская проблема является приоритетной для России; 3. с 1897 г. (русско-австрийская конвенция), Россия переключает своё внимание на Дальний Восток. Раздел, посвящённый политике России на Балканах, освещает *Н.С. Киняпина*. Следует отметить, что решение балканской проблемы автор рассматривает как путь к обеспечению безопасности черноморской торговли и приобретению новых рынков сбыта продукции. Выдвигается тезис об объективно-прогрессивной роли России на Балканах.

В последнее время акценты в отечественной историографии меняются. В работе *О.Р. Айрапетова* обозначен новый подход к пониманию развития империй⁷³. Исследователь говорит о параллельном развитии Османской, Австрийской и Российской империй, где одновременно происходил процесс проведения глубоких реформ модернизации. Внешнюю политику России исследуемого периода историк оценивает как изменение тактических приемов при неизменности стратегии.

Большой пласт работ на тему балканской политики России, принадлежит *исследователям – балканистам*.

И.С. Достян представила своё видение этой проблемы в работе 1972 г. «*Россия и Балканский вопрос*»⁷⁴, отмечая, что в определении термина «*Восточный вопрос*» произошла эволюция. В своём исследовании Достян рассматривает Восточный вопрос не только как проблему проливов, но и как общую судьбу владений Османской империи. Балканский вопрос – это проблема освобождения от власти Турции порабощённых ею в XIV–XV вв. народов и задача воссоздания национальных государств в юго-восточной Европе. В монографии прослеживается эволюция в политике правительства России по балканскому вопросу, рассматриваются внешнеполитические акции и планы по решению балканской проблемы.

⁷³ *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. 671 с.

⁷⁴ *Достян И.С.* Россия и Балканский вопрос: из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М.: Наука, 1972. 368 с.

В 1986 г. под редакцией *В.Н. Виноградова* увидел свет очередной том серии, посвящённой Балканам в системе международных отношений – «*Международные отношения на Балканах 1856–1878*»⁷⁵. Авторы этого коллективного труда исследовали Восточный вопрос как комплекс проблем, включающих кризис военно-феодальной Османской империи, развёртывание национально-освободительного движения балканских народов и соперничество европейских держав в регионе.

В последнее десятилетие в Институте славяноведения РАН издана серия книг «*История Балкан*» под редакцией *В.Н. Виноградова*. Одна из них посвящена истории региона с 1856 по 1878 гг.⁷⁶ Особое внимание в работе уделяется боснийскому фактору, который был одним из главных элементов восточного кризиса. Очерк, посвящённый истории Боснии написан *Е.К. Вяземской, П.А. Искендеровым и А.В. Карасёвым*. Исследователи уделили большое внимание планам сербского правительства относительно Боснии, противостоянию с Черногорией и деятельности Омладины в регионе. Впервые в отечественной науке была показана тесная связь этих элементов, ранее эти сюжеты рассматривались отдельно друг от друга.

К проблеме Боснии и Герцеговины во внешнеполитических планах России неоднократно обращалась историк *Е.К. Вяземская*⁷⁷. В своих работах автор поднимает важные вопросы об инициаторах восстаний в Боснии и Герцеговине, о планах Австро-Венгрии по отношению к этим землям. *Е.К. Вяземская* много внимания уделяет изучению и реконструкции русско-австрийских переговоров по вопросу о присоединении Боснии к империи Габсбургов. Изучая политику сербского кабинета, она приходит к выводу о том, что свои попытки организовать восстание в Боснийском пашалыке Сербия прекратила во второй половине

⁷⁵ Международные отношения на Балканах 1856–1878. / Под ред. Виноградова В.Н. М.: Наука, 1986. 331 с.

⁷⁶ История Балкан: судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / Под ред. Виноградова В.Н. М.: КРАСАНД, 2012. 336с.

⁷⁷ *Вяземская Е.К.* Черногория и восстания 50-х–нач.60-х гг. XIX в Герцеговине и Боснии // Международные отношения на Балканах 1856–1878; *Она же.* Босния и Герцеговина // Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70е г. XIX в. М., 1986.; *Она же.* Босния и Герцеговина во внешнеполитических планах России в 50–70х гг. XIX в. // Россия и Балканы. Из истории общественно–политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.). М., 1995; *Она же.* Босния и Герцеговина между Западом и Востоком (начала XIX в. – 1878) // На путях к Югославии: за и против. М., 1997.

1860-х гг. В 1850–1860-е гг. большое влияние на население пашалыка оказывала Черногория. Она во многом способствовала поднятию восстаний. Восстание же 1875 г. было спровоцировано не столько Сербией и Черногорией, сколько Австро-Венгрией.

Одна из важнейших тем для изучения заявленной проблемы – политика монархии Габсбургов в Боснии и Герцеговине. Русско-австрийское противостояние на Балканах оказывало прямое влияние на деятельность русских благотворительных организаций, в какой-то степени именно оно стало катализатором для их активизации в регионе. Вопрос об австрийских планах относительно Боснии детально рассмотрен в работах *А.С. Медякова*. В 1996 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «*Внешняя политика Австро-Венгрии 1867–1871*»⁷⁸, позже этот труд был переработан в монографию⁷⁹. А.С. Медяков показал, какое место балканская политика занимала в жизни Австрии и Венгрии, как менялась их позиция по вопросу о судьбе Боснии и Герцеговины. Очень интересен тезис о боязни «панславизма» и «панруссизма» в венгерском обществе. Этот факт оказывал весомое влияние на позицию венгров относительно будущего Боснии, начиная с момента категорического отказа от идеи присоединения этих областей к Австро-Венгерской империи и до радикального изменения позиции по данному вопросу.

Вопросу русско-боснийских отношений с 1878 по 1908 гг. посвящена диссертация *Л.Ю. Пахомовой*⁸⁰. Автор не обходит стороной предысторию оккупации Боснийского вилайета Австро-Венгрией, подробно рассматривая планы монархии Габсбургов относительно будущего Боснии и Герцеговины. Л.Ю. Пахомова приходит к выводу, что позиция России была решающим фактором в политике присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии. Для последней же боснийский вопрос был отличным способом посеять раздор

⁷⁸ *Медяков А.С.* Внешняя политика Австро-Венгрии 1867–1871 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Медяков Александр Сергеевич. – М., 1996. 392 с.

⁷⁹ *Медяков А.* Между Востоком и Западом. Внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). Русское слово Москва, 2010. 639. с

⁸⁰ *Пахомова Л.Ю.* Боснийский вопрос в русской внешней политике в 1878–1908 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Пахомова Лидия Юрьевна. – М., 2010. – 202 с.

между сербами и хорватами, устранить возможность восстания югославянских народов империи. Эти же проблемы затронуты в кандидатской диссертации О.Н. Новиковой⁸¹.

К вопросу о функционировании консульской службы России на Балканах и подходу Министерства иностранных дел России к выбору своих дипломатических агентов обращалась в своих работах В.М. Хевролина⁸². Она принимала активное участие в выявлении и публикации документов в сборниках «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины»⁸³. Хевролина обратила внимание на роль российских дипломатов в реализации внешнеполитической стратегии России и изучила характер и особенности расширения российской консульской службы на Балканах, связанного с изменением внешнеполитического курса после Крымской войны

Эту же проблематику подняла в своей статье Д.А. Сундукова, исследовав роль Е.П. Ковалевского в учреждении российских консульств на Балканах⁸⁴.

Ещё один важнейший аспект в данной работе – это *политика Сербии в Боснии и Герцеговине*.

Диссертация А.В. Карасёва «Россия и Балканский союз 60-х годов XIX века»⁸⁵ представляет собой глубочайшее исследование проблем взаимодействия русской политики с балканскими народами. Значительное место в работе уделено планам Княжества Сербия относительно Боснии и Герцеговины. Карасёв говорит о пропагандистской деятельности тайных сербских комитетов в славяно-турецких областях и подготовке восстания. Босния и Герцеговина являлись приоритетным

⁸¹ Новикова О.Н. Боснийско-герцеговинская политика Австро-Венгрии последней трети XIX–начала XX в. и её роль в развитии международных отношений на Балканах: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. / Новикова Оксана Николаевна. – Ставрополь, 2006. – 251 с.

⁸² Хевролина В.М. Донесения российских консулов в Боснии и Герцеговине как источник по истории дипломатической деятельности (1856–1874) // Внешняя политика России. Источники и историография. М., 1999; Она же. Документы архивов СССР об истории школьного дела в Боснии и Герцеговине в 1850–1870х годах. // Међународни научни скуп: проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. – Сарајево, 1987. С. 97–112.; Она же. Министерство иностранных дел России в 1856–1878 гг. // Новая и новейшая история. 2002. №4.; Она же. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консулов) // Геополитические факторы внешней политики России второй половины XVI – нач. XX вв. М.: Наука, 2007.

⁸³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864.; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1864–1875.

⁸⁴ Сундукова Д.А. Е.П. Ковалевский и учреждение новых консульств на Востоке (1856–1861) // Историки – слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.

⁸⁵ Карасёв А.В. Россия и Балканский союз 60-х годов XIX века.: дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.03 / Карасёв Александр Викторович. – М., 1984. – 245 с.

регионом для Сербии. В своём стремлении к приобретению этих земель Сербия лавировала между Россией, Австрией и Францией. Карасёв убедительно доказывает, что российская дипломатия активно поддерживала Балканский союз и использовала его для решения своих задач. Сам же Союз потерпел неудачу из-за слабости участников и внутренних противоречий.

Вопрос о деятельности Русской православной церкви в балканском регионе долгое время оставался без внимания. В последнее время данной проблематикой заинтересовалась исследовательница из Санкт-Петербурга *Л.А. Герд*. Её работы охватывают временной период с 1878 по 1914 гг.⁸⁶, когда Синод Русской православной церкви имел дело уже с церквями независимых государств – Греции, Сербии, Черногории.

Большой интерес у современных исследователей вызывает болгарский церковный вопрос. Этой теме посвящён ряд статей *И.Ф. Макаровой*⁸⁷ и *М.М. Фроловой*⁸⁸. В основном историков интересуют греко-болгарская схизма и католическая пропаганда в регионе.

И.Ф. Макарова отмечает, что позиция МИД России в разрешении церковных вопросов на Балканах не всегда была адекватной. Российские дипломаты не понимали сущности проблем, игнорировали фактор реформирования системы миллетов в Османской империи.

Одна из последних работ – «Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского патриархата во второй половине XIX века»

⁸⁶ *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на Православном Востоке (1878–1898). М.: Индрик, 2006. 448 с.; *Она же.* Константинопольский патриархат и Россия (1901–1914). М.: Индрик, 2012. *Она же.* Россия и Православный Восток. Константинопольский патриархат в конце XIX в. Письма Г.П. Беглери к проф. И.Е. Троицкому 1878–1898 гг. СПб., 2003.; *Она же.* Русский Афон. 1878–1914. Очерки церковно-политической истории. М., 2010.

⁸⁷ *Макарова И.Ф., Жила Л.И.* Конфессии и формирование болгарской нации // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999, *Макарова И.Ф.* К вопросу о целях болгарского церковного движения (после 1856 года). // Славяноведение. 2011. № 1. С. 29–40.

⁸⁸ *Фролова М.М.* Развитие болгаро-сербского конфликта в перипетиях болгарского церковного движения // Славянский альманах 2005. М., 2006.; *Она же.* Католическая пропаганда в Западной Македонии по донесениям российских дипломатов из Битоля (1861–1864) // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского. М.–СПб., 2013. С. 268–281.; *Она же.* Униатское движение в болгарских землях и российская дипломатия после Крымской войны (1856–1861). // Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII– начале XX вв. М., 2011. С. 105–138.

*В.Ю. Венедиктова*⁸⁹ также схизмоцентрична и в основном исследует греко-болгарский церковный вопрос. Большое внимание исследователь уделяет внимание сущности *этнофилетизма*.

В исследуемый период Босния и Герцеговина являлась составной частью Османской империи и вполне был бы понятен интерес к этому региону специалистов - османистов. К сожалению, в отечественной историографии ощущается острая нехватка работ, посвящённых роли и месту Боснийского вилайета в Турции в эпоху реформ *танзимата*.

Проблеме реформ в Османской империи и вмешательству в дела Порты России и Великобритании посвящена монография *М. Тодоровой*⁹⁰. Одна из последних работ по данной проблематике принадлежит перу историка - балканиста *И.Ф. Макаровой*⁹¹. Исследование посвящено изучению влияния реформ танзимата на политическую, экономическую и социальную историю болгарского народа. Центральное место уделяется вопросу турецкого управления провинциями с православным населением, политике и позициям России по отношению к этой проблеме.

Отечественные историки османисты долгое время не обращались к боснийской проблематике. Работы *А.Д. Новичева* и *Ю.А. Петросяна* говорят сущности реформ танзимата и выдвигают тезис о превращении Османской империи из субъекта в объект мировой политики⁹².

В 2006 г. вышла работа *С.В. Олюнина «Боснийский эялет в конце XVIII–70х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества»*⁹³, где появляется такое понятие, как «традиционное общество». Олюнин говорит о неполной интеграции боснийских земель в Османскую империю и важнейшем факторе влияния Запада на этот регион. Политика

⁸⁹ *Венедиктов В.Ю.* Россия и Константинопольский патриархат. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского патриархата во второй половине XIX века. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

⁹⁰ *Тодорова М.* Англия, Россия и танзимат (вторая четверть XIX века). М.: Наука, 1983. 184 с.

⁹¹ *Макарова И.Ф.* Болгары и танзимат. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 320 с.

⁹² *Новичев А.Д.* Указ соч.; *Петросян Ю.А.* Османская империя. М.: Алгоритм, 2012; Он же. Российская историография Османской империи XVIII–XX вв. СПб.: Наука, 2012.

⁹³ *Олюнин С.В.* Боснийский эялет в конце XVIII–70х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М.: Гуманитарий, 2006.

османизации Боснии в эпоху реформ танзимата, включение местного населения в состав новой османской нации привели к противоположному результату: в ходе реформ боснийское общество продолжало оставаться традиционным, а разобщённость между представителями разных религий только усилилась. Исследованный корпус источников подтверждает выводы С.В. Олюнина.

Реализация внешнеполитической доктрины не может идти вразрез с общественной мыслью. Проблема восприятия Балкан частью русского общества является одной из ключевых для понимания характера русской политики в этом регионе. В XIX веке одним из инструментов формирования общественного мнения выступала периодическая печать.

В связи с этим очень важно понять место русской прессы 1850–1870-х гг. в создании представления о боснийском вопросе. Разрешению этих проблем помогают труды, посвящённые русской периодической печати в XIX веке и отражению в ней славянского вопроса. Одной из первых таких работ стала монография Л.И. Ровняковой *«Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е гг. XIX века)»*⁹⁴. Исследовательница задаётся целью определить отношение ведущих органов периодической печати к событиям на Балканах. Объектом внимания автора стали журналы разной социально-политической направленности: *«Русская беседа»*, *«Братский труд»*, *«Голос»*, *«Отечественные записки»*, *«Дело»*, *«Современник»*, *«Русское слово»* и *«Очерки»*.

Проблемам славянофильской журналистики уделила внимание и историк российской периодической печати Т.Ф. Пирожкова⁹⁵. Исследовательница чётко разграничивает термины «славянофильская журналистика» и «журналистика славянофилов». Пирожкова отметила большую роль *«Русской беседы»*, как последнего славянофильского печатного органа, она также обратила внимание на то, что журнал был рассчитан на узкий круг читателей и носил элитарный характер.

⁹⁴ Ровнякова Л.И. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е гг. XIX века). Л.: Наука, 1986. 284 с.

⁹⁵ Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М.: МГУ, 1997. 221 с.

В 2011 г. появился специальный труд, посвящённый «Русской беседе»⁹⁶. Коллектив авторов ответил на вопросы о возникновении журнала, о работе издателей, роли Хомякова в издании этого печатного органа, участии русских учёных-славистов в «Беседе», причинах закрытия. Авторы сборника обратили внимание на причастность российского правительства к изданию «Русской беседы».

В последнее время в исторической науке становится популярным такой немаловажный сюжет как роль личности в истории. Появляются труды о тех людях, чья деятельность была напрямую связана с Балканами⁹⁷. Данные исследования ставят вопрос о том, как определённый человек может повлиять на развитие того или иного процесса. Зачастую именно от конкретных людей зависит воплощение проектов в жизнь. В данном случае, одной из центральных фигур является «первооткрыватель» Боснии и Герцеговины для России А.Ф. Гильфердинг. Говоря о проблеме изучения русско-боснийских отношений в историографии, нельзя оставить без внимания вопрос об изучении личности Гильфердинга историками.

Личность слависта вызывала интерес уже у его современников. Следует отметить сочинения А.Н. Пыпина⁹⁸, который очень высоко оценил работу Гильфердинга *«Путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии»* и дал следующую характеристику Гильфердингу – слависту: «Гильфердинг был одним из талантливейших представителей русского славяноведения. С обширными сведениями соединялся у него ясный ум и преданность своему убеждению. Он был, конечно, человек своей школы с известными ей односторонностями, но,

⁹⁶ «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. / Под ред. Егорова Б.Ф., Пентковского А.М., Фетисенко О.Л. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2011. 568 с.

⁹⁷ К примеру: *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М.: Наука, 2005. 318 с.; *Воробьёва И.Г.* Профессор – славист Нил Александрович Попов: научная, педагогическая и общественная деятельность. Тверь: Тверской государственный университет, 1999. 191 с.; *Тесля А.А.* Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. 799 с.; *Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004. 332 с.; *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославяне. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. 208 с.

⁹⁸ *Пытин А.Н.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. Сборник составленный Гильфердингом. СПб., 1860. // Современник. 1860. № 3. отд. 3.; *Он же.* Русское славяноведение в XIX столетии. // Вестник Европы. 1889. №9.

вместе с тем, свободный от пристрастий упрямого доктринерства и умевший понимать факты действительности...»⁹⁹.

Деятельности Гильфердинга – слависта также посвящён ряд трудов *К.Н. Бестужева-Рюмина*. Среди них особо выделяется небольшая статья в монографии «*Биографии и характеристики (летописцы России)*»¹⁰⁰. Бестужев-Рюмин характеризует Александра Фёдоровича Гильфердинга как человека, всю деятельность которого определила идея народного самосознания, как сторонника единства славянского мира¹⁰¹.

К личности А.Ф. Гильфердинга обращался и *П.А. Лавров*¹⁰². В биографическом очерке, посвящённом Гильфердингу, он уделил большое внимание научной и государственной деятельности Александра Фёдоровича, дал краткий разбор основных трудов учёного.

Затем долгое время Гильфердинг был вне поля внимания исследователей. Одной из первых обратилась к личности слависта известный отечественный историк *Л.П. Лаптева*¹⁰³. В своих многочисленных трудах исследовательница дала оценку творчества Гильфердинга и представила детальный разбор сочинений историка. Славянский вопрос в трудах Гильфердинга, его славянофильские взгляды и представления о будущем славянского мира, вклад в русскую историческую науку – являются предметом исследований Л.П. Лаптевой, её

⁹⁹ *Пытин А.Н.* Русское славяноведение в XIX столетии. // Вестник Европы. 1889. №9. С. 267.

¹⁰⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики (летописцы России) М., 1997. С. 300–306.

¹⁰¹ Там же. С. 300.

¹⁰² Русский биографический словарь. Т.5. С. 195–204.

¹⁰³ *Лаптева Л.П.* Александр Фёдорович Гильфердинг // Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979.; *Она же.* Александр Фёдорович Гильфердинг // Историки России XVIII–XIX вв. Вып.6. М., 1999.; *Она же.* А.Ф. Гильфердинг как историк зарубежных славян // История и историография зарубежного мира в лицах. Межвузовский сборник научных статей. Вып.2. Самара, 1997.; *Она же.* Александр Фёдорович Гильфердинг (1831–1872) как первый председатель Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Комитета // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2002.; *Она же.* А.Ф. Гильфердинг и К.С. Аксаков // Аксаковские чтения. Материалы научных конференций 1985 и 1987 гг. Вып. 2/89. М., 1989.; *Она же.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.; *Она же.* К истории русско-славянских отношений 50–70-х гг. XIX в. (А.Ф. Гильфердинг и его письма М.Ф. Раевскому) // Вестник Московского университета. Сер. История. 1976. №2.; *Она же.* Проблемы германизации полабских славян в русской дореволюционной историографии // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966.; *Она же.* Русская историография гуситского движения (40-е гг. XIX в.–1917) М., 1978.; *Она же.* Русский славист А.Ф. Гильфердинг (1831–1872) и его взгляд на польский вопрос // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. М., 2003.; *Она же.* Русский славист А.Ф. Гильфердинг как исследователь лужицких сербов // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. М., 2009.; *Она же.* Славяноведение в Московском университете в XIX–нач. XX вв. М., 1997.

работы предоставляют бесценную информацию и являются результатом обширного многопланового исследования.

Продолжил дело Л.П. Лаптевой российский историк *А.В. Черных*. В 2012 г. он защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую общественно-политической и научной деятельности А.Ф. Гильфердинга¹⁰⁴. В работе производится источниковедческий анализ трудов Гильфердинга. Несомненным достоинством труда является то, что А.В. Черных отходит от установившегося ранее в историографии стереотипа причислять Гильфердинга исключительно к славянофильскому течению, заявляет о широте взглядов учёного. Исследователь не оставляет без внимания и боснийскую проблематику. В одной из своих статей он поднял тему о пребывании Александра Фёдоровича в Боснии и Герцеговине, проанализировав донесения российского консула в Азиатский департамент¹⁰⁵.

В своём этнографическом исследовании «Югославянские народы и Россия»¹⁰⁶ исследовательница *М.М. Керимова* не оставила без внимания работу Гильфердинга о Боснии¹⁰⁷. Она отметила большое значение этого труда, как первого комплексного исследования быта и нравов жителей Боснии и Герцеговины. Вместе с тем, М.М. Керимова указала на стремление Гильфердинга к преувеличению роли православия в препятствии распространению ислама.

К личности Гильфердинга обращались также сербские и боснийские исследователи, они высоко оценивают сочинения А.Ф. Гильфердинга о Боснии и истории сербского народа. «Путешествие» Гильфердинга является основным источником о положении дел в регионе в 1857–1858 гг. Имя русского слависта прочно вошло в сербскую историографию. Статьи о нём встречаются в сербских

¹⁰⁴ *Черных А.В.* Общественно–политическая и научная деятельность Александра Фёдоровича Гильфердинга (1831–1872): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; 07.00.09 / Черных Александр Викторович. – М., 2012. – 283 с.

¹⁰⁵ Черных А.В. А.Ф. Гильфердинг в Боснии и Герцеговине 1857–1858 гг. // Вопросы истории 2010. №8. С. 155–164; *Он же.* Общественная и политическая деятельность А.Ф. Гильфердинга в 50–70-е гг. XIX в. // Государство и его подданные: века сотрудничества и противостояния. Материалы третьей региональной научной конференции (г. Воронеж, 3 февраля 2009 г.) Воронеж, 2009. С. 56–60.

¹⁰⁶ *Керимова М.М.* Югославянские народы и Россия: Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М.: Институт этнологии и антропологии, 1997. 207 с.

¹⁰⁷ Там же. С. 56–58, 103–109.

энциклопедических словарях¹⁰⁸. В современной балканской историографии имеется ряд статей, посвящённых конкретно деятельности Гильфердинга¹⁰⁹. В этих работах даётся высокая оценка «Путешествию по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии», в особенности сербских исследователей привлекает косовская проблематика.

Ещё одной ключевой личностью в вопросе русско-боснийских отношений является *М.Ф. Раевский*. Его деятельности на славянском поприще посвящено множество работ историков-славистов¹¹⁰. Вопрос о роли Боснии в жизни Раевского поднимается в работах *И.В. Чуркиной*. В своей монографии «*Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославы*» она уделяет большое внимание контактам Раевского с представителями населения Боснии и Герцеговины. Чуркина установила, что период заинтересованности протоиерея Раевского Боснией охватывает время с конца 1840-х гг. до 1883 г.

Многие деятели славянских комитетов являлись представителями славянофильского течения мысли. К изучению истории славянофильского движения исследователи обращались неоднократно¹¹¹.

¹⁰⁸ *Bić A. Giljferding A.F.* // Enciklopedija Jugoslavije. T.4. Zagreb, 1986; Грађа за биографски речник чланова друштва српске словесности, српског ученог друштва и српске краљевске академије 1841–1947. Београд, 2008; *Радојчић Н.* Гилџфердинг А.Ф. // Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка. Књ. 1.

¹⁰⁹ *Поповић Н.* Александар Гилџфердинг, путовање по Херцеговини, Босни и Старој Србији. Београд, 1996.; *Шутовић М.* Александар Гилџфердинг : о карактеру старе српске књижевности // Културно наслеђе Косова и Метохије – научно виђење исходишта, развоја, значаја и чувања. Лепосавић, 2009; *Берић Д.* А.Ф. Гилџфердинг. Путовање по Херцеговини, Боснии и Старој Србији. Сарајево, 1972.

¹¹⁰ *Киселькова Н.В.* Вековать ли нам в разлуке? Чешская пресса, протоиерей Раевский и российские реалии 1860-х годов // Родина. 2007, №7. С. 34 – 37., *Она же.* Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский (1811 – 1884) // Русский православный храм святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Карловых Варах: К 110-летию со дня освящения. М., 2007., *Лантева Л.П.* К истории русско-славянских отношений 50 70-х годов XIX в. (А.Ф. Гилџфердинг и его письма к М.Ф. Раевскому) // Вестник Московского университета. Сер 9. История. 1976, № 2. С. 34 – 44., *Матула В., Чуркина И.В.* Архив М.Ф. Раевского как исторический источник по истории связей между славистами России и Австрии (40 — 70-е гг. XIX в.) // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974., *Ненашева З.С.* Русская православная церковь в Праге. Часть 1. Трудное начало // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004., *Чуркина И.В.* М.Ф. Раевский и его записки о национальном движении южных славян 1848–1849 гг. // Балканские исследования. Вып. 12., *Она же.* Первые годы деятельности М.Ф. Раевского. // В «интерьере» Балкан: юбилейный сборник в честь И.С. Достян. М., 2010., *Она же.* Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославы. М., 2011., *Она же.* Русские и словенцы. Научные связи конца XVIIIв – 1914 г. М., 1986.

¹¹¹ *Walicki A.* The Slavophil controversy: history of a conservative utopia in nineteenth-century Russian thought. University of Notre Dame Press; New edition, 1989. 609 p.; *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983. 271 с.; *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М.: Наука, 1993. 207 с.; *Каплин А.Д.* Славянофилы, их сподвижники и последователи / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 624 с. *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Издательство Московского университета, 1978. 264 с.; *Он же.* Историософия на развалинах империи. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2007. 616 с.; *Он же.* Общественное мнение России как фактор восточного кризиса 1870-х годов // Проблемы американистики. Конфликты и кризисы в международных

Отечественный историк *Н.И. Цимбаев* в своей монографии *«Славянофильство. Из истории общественно-политической мысли XIX века»*¹¹² говорит об эволюции воззрений славянофилов. Раннее славянофильство представляло собой направление раннего русского либерализма. В пореформенную эпоху представители течения были склонны к проявлению панславистских взглядов. Ярчайшим примером служит И.С. Аксаков, который к моменту обострения славянского вопроса в 1870-е гг. полностью отошёл от либеральных воззрений славянофильства. Это наблюдение очень важно для данного исследования.

Подводя итог, можно сказать, что заявленная тема в отечественной историографии представлена недостаточно. Данная проблематика становилась предметом интереса исследователей в годы публикации сборника *«Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины»*. Многочисленные статьи представляют собой анализ документов этого издания. Вопрос о деятельности общественных организаций рассмотрен С.А. Никитиным, И.В. Чуркиной и А.А. Поповкиным. Русская церковная политика в регионе представлена в историографии слабо.

В работах отечественных историков наблюдается определённый сербский крен. Наибольшая часть исследований посвящена проблемам православного населения Боснии и Герцеговины, в меньшей степени внимание уделено католикам, а о мусульманах говорится крайне мало. Это можно объяснить тем, что основная масса русских источников даёт сведения о решении вопросов именно православного населения.

Зарубежная историография

Говоря о зарубежной историографии, в первую очередь стоит обратить внимание на работы сербских историков.

В XIX веке сербские учёные опирались на работу А.Ф. Гильфердинга, не имея собственных сочинений о Боснии и Герцеговине.

отношениях: проблемы теории и истории. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 144–161.; *Он же*. Славянофильство. Из истории общественно-политической мысли XIX века. М.: Издательство Московского университета, 1986. 272 с.

¹¹² *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории общественно-политической мысли XIX века.

Начало изучения региона было положено только после австрийской оккупации, что обусловило чрезвычайную политизированность работ, выходивших в Сербии и Боснии. В 1888 г. австрийскими властями в Сараеве был открыт Национальный музей. В 1890-е гг. при музее начался выпуск научного журнала, посвящённого истории, природе, географии, культуре Боснии и Герцеговины¹¹³, с этого момента можно говорить о становлении планомерного изучения истории края в самой Боснии.

Традицию включать Боснию в контекст истории всего сербского народа заложил сербский учёный *С. Станоевич*. В 1908 г., в связи с аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией он опубликовал труд *«История Боснии и Герцеговины»*¹¹⁴. История края показана в духе сербской политики, направленной на стремление включить Боснийский пашалык в состав Сербии. Сербский вопрос автор понимает как вопрос о судьбе всего сербского населения, в том числе и населения Боснии и Герцеговины, и считает его решение главным в Восточном вопросе.

Историки межвоенного периода продолжили эту линию. Специальную работу Боснии посвятил в 1925 г. известный сербский историк *В. Чорович*¹¹⁵. В монографии *«Политическая ситуация в Боснии и Герцеговине»*¹¹⁶ он проводит мысль о том, что Босния и Герцеговина всегда считались сербскими землями и вполне закономерно присоединение этих территорий к Югославии, центром которой является Сербия.

Идея неизбежности образования югославянского государства, объединяющего всех сербов, стала лейтмотивом большинства трудов сербских историков межвоенного периода.

Как и в Советском Союзе, в социалистической Югославии проблеме Боснии и Герцеговины особое внимание начало уделяться в 1960-е гг. В это время в историографии активно разрабатывалась тема, затрагивающая вопрос о внешней

¹¹³ Гласник земаљског музеја Босне и Херцеговине.

¹¹⁴ *Станоевић С.* Историја Босне и Херцеговине. Београд: Београд: Државна штампарија Краљевине Србије, 1909. 96 с.

¹¹⁵ *Чоровић В.* Босна и Херцеговина. Београд: Српска книжевна задруга, 1925. 200 с.

¹¹⁶ *Чоровић В.* Политичке прилике у Босни и Херцеговини. Београд: Политика, 1939. 733 с.

политике княжества Сербия в 1850–1870-е гг. и создания Балканского союза. В связи с этим исследователи обращались и к боснийской проблематике. О работе Сербии в Боснии и попытках организовать восстание писали в своих работах *Г. Якишич, В. Войводиц, В. Вукичевич*¹¹⁷.

В это же время Балканская проблематика начинает активно разрабатываться на Западе. В США выходят работы *Л. Ставрианоса, Барбары и Чарльза Елавичей*¹¹⁸. В них предлагается комплексный взгляд на развитие европейских провинций Турции. Исследователи отмечают линейность развития болгарских, сербских, греческих, македонских областей. Большое внимание уделяется проблеме национально-освободительного движения. Отмечается активная роль России в решении боснийского вопроса и тесная связь боснийских и сербских земель.

Американский историк *Д. Маккензи* защитил докторскую диссертацию в Колумбийском университете, посвящённую сербско-русским отношениям в 1875–1878 гг. Позже результаты его исследования вылились в монографию «*Сербы и русский панславизм 1875–1878 гг.*»¹¹⁹. Работа очень хорошо фундирована, написана на материалах русских, сербских а австрийских архивов. Историк задаётся целью выяснить, какова была природа отношений между Россией и Сербией, насколько, в действительности, они были близки. Под сербами автор понимает население Сербского княжества, Боснии, Герцеговины, Черногории и Воеводины. В центре внимания: Босния и Герцеговина, восставшая против Турции, противостояние российской официальной дипломатии Горчакова и панславистской Игнатьева, Австро-Венгрия, жаждущая присоединения Боснии и Герцеговины к своим территориям. Босния и Герцеговина предстаёт, как объект притязания Сербского княжества и монархии Габсбургов. Говоря о событиях, предшествующих восстанию 1875 г., Маккензи конспективно обращается к

¹¹⁷ *Войводић В.* Рад Србије на политичној пропагандити Босни и Херцеговини (1868–1873) // Историјски гласник 1960. 1–2, 3–4; *Вукчевић В.Ј.* Неуспела политичка акција Матије бана 1860–61. // Историјски часопис. Књ. IX–X. 1959. Београд, 1960.; *Јакишић Г.* Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Први балкански савез. Београд, 1963.

¹¹⁸ *Jelavich C., Jelavich B.* The Balkans. New-Jersey: Prentice-Hall, 1965. 148 p.; *Stavrianos L.S.* The Balkans. 1815–1914. New-York: Holt, Rinehart and Winston, 1965.

¹¹⁹ *MacKenzie D.* The serbs and russian pan-slavism 1875-1878. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1967. 365 p.

Сербскому княжеству, планам по организации пропаганды в Боснии. Сама Босния, история региона и его специфика не отражены в этой части работы.

В 1980-е гг. в Белграде в свет вышла многотомная *«История сербского народа»*¹²⁰. Известный учёный, серб из Боснии *М. Экмечич* является автором раздела, посвящённого истории сербского населения в Турции в середине XIX века – 1878 г. В сербской науке в это время продолжает укрепляться тезис о принадлежности населения Боснии и Герцеговины к сербскому народу.

В это же время появляются и специальные труды по истории Боснии и Герцеговины. В монографии *Д. Слиепчевича «Боснийский вопрос в XIX веке»*¹²¹ Босния и Герцеговина рассматривается как объект международных отношений. Автор отметил тесную связь Боснийского пашалыка с Сербией и Черногорией, затронул проблему пропаганды, которую вели представители великих держав в регионе. Слиепчевич проследил эволюцию в политике великих держав по отношению к Боснии и Герцеговине в XIX веке. С его точки зрения ключевыми игроками в регионе были Сербия, Австро-Венгрия и Турция. России и Англии он отводит второстепенные роли. Возможно это объясняется тем, что основную источниковую базу исследования составили материалы австрийских архивов. Для *Д. Слиепчевича* характерно восприятие Боснии, как части Сербского государства. Данную позицию он обосновывает тем, что сербы и боснийцы имели одну церковно-национальную традицию и одинаковую идею государственности. *Д. Слиепчевич* придерживается точки зрения о том, что жители Сербии и Боснии хотели свободы и объединения, при этом он признаёт, что Герцеговина больше тяготела к Черногории.

В 1988 г. появляется фундаментальный труд боснийского историка *И. Тепича*. Работа выходит под названием *«Босния и Герцеговина в русских источниках 1856–1878»*¹²². Основными материалами для написания труда послужили донесения российских консулов в Азиатский департамент МИД. Историк провёл масштабное исследование материалов русских архивов. Тепич не

¹²⁰ Историја српског народа. Књ. 5. Т. 1. Београд: Српска књижевна задруга, 1981. 567 с.

¹²¹ *Slijepčević Đ.* Pitanje Bosne i Hercegovine u XIX veku. Keln: Slijepčević Đ, 1981. 83 s.

¹²² *Tepić I.* Босна и Херцеговина у руским изворима 1856–1878. Сарајево: Веселин Маслеша, 1988. 586 с.

только всесторонне осветил социально-экономическую ситуацию в Боснии и Герцеговине в этот период, но и большое внимание уделил деятельности российских консулов в регионе. И. Тепич показал, что Россия была заинтересована в налаживании контактов исключительно с категорией православного населения. В своих оценках национально-религиозного состава он следует за А.Ф. Гильфердингом и именует православное население региона сербами. И. Тепич даёт высокую оценку деятельности российских дипломатов в вопросе улучшения положения сербского населения Боснии. Поскольку труд основан в основном на отчётах российских дипломатов, то в данной работе речь идёт преимущественно о жизни православных жителей Боснии и Герцеговины в Османской империи. Данное исследование наиболее близко пересекается с заявленной темой исследования.

Боснийская проблема становится чрезвычайно актуальной во время боснийской войны 1992–1995 гг. Именно тогда в г. Сараево выходит коллективная работа *«Босния и Герцеговина с древнейших времён до конца второй мировой войны»*¹²³. Авторы проследили преемственность боснийской государственности. Уникальность труда состоит в том, что здесь впервые многовековая история Боснии и Герцеговины представлена изолированно от истории Сербии и сербского народа. Следует отметить, что, несмотря на условия войны, в которых создавался этот труд, работа не носит политизированного характера. Раздел, посвящённый истории Боснии с конца XVIII века до австрийской оккупации написан И. Тепичем. Автор отмечает, что этот период стал временем серьёзных перемен в общественной и культурной жизни населения Боснии и Герцеговины. Изменение турецкого управления шло параллельно с ростом движения за автономию края или присоединения к Сербии.

События 1990-х гг. на Балканах обратили особое внимание западных историков на Боснию и Герцеговину. Большинство из этих работ носят яркую анти-сербскую направленность и чрезвычайно политизированы.

¹²³ Bosna i Hercegovina od najstarijih vremena do kraja drugog svjetskog rata. Sarajevo: Bosanski kulturni centar, 1994. 433 s.

В 1993 г. по инициативе профессора Гарвардского университета Р. Мотахеда в США была проведена научная конференция «Мусульмане Боснии и Герцеговины. Их историческое развитие от средневековья до распада Югославии». В печать вышел одноимённый сборник статей¹²⁴. Одна из целей конференции состояла в том, чтобы показать, что изучение истории мусульман Боснии устоявшееся и давнее явление. Несмотря на название, акцентирующее внимание исключительно на исламскую часть населения края, раздел посвящённый периоду 1800–1878 гг. представляет собой историческую справку о всём населении Боснии.

Исследовать основы боснийско-герцеговинского общества от прихода славян на Балканы в VI–VII вв. до распада СФРЮ поставили своей целью два американских историка *Р. Донья* и *Д. Файн*¹²⁵. Оба исследователя в 1960–70-е гг. занимались изучением истории региона непосредственно в Боснии. Книга появилась в разгар войны 1992–1995 гг.¹²⁶. В ней авторы попытались опровергнуть тот факт, что причиной войны послужила столетняя неприязнь местного населения друг к другу, основанная на религиозном факторе. Они замечают, что к моменту австро-венгерской оккупации местное общество уже было сильно дифференцировано, многонационально, но в нём не было никаких конфликтов, основанных на национальной почве. Война 1992–1995 гг. произошла исключительно из-за сербских и хорватских стремлений присоединить к себе боснийские земли. Сейчас эта работа пользуется большой популярностью в Боснии и Герцеговине.

С 1995 г. в Сербской академии наук и искусств начат выпуск сборников, содержащих работы по истории Боснии и Герцеговины¹²⁷. Редактором этого издания является *М. Экмечич*.

Милорад Экмечич – ведущий сербский специалист по истории Боснии и Герцеговины¹²⁸. В своих работах он затрагивает множество аспектов боснийского

¹²⁴ The Muslims of Bosnia – Herzegovina. Their Historic Development from the Middle Ages to the Dissolution of Yugoslavia. Cambridge : Harvard University Press, 1993. 207 p.

¹²⁵ *Donia R, Fine J.* Bosnia i Hercegovina: iznevjerna tradicija. Sarajevo: Institut za istoriju, 2011. 234 s.

¹²⁶ *Donia R.J., Fine J.V.A.* Bosnia and Herzegovina. A Tradition Betrayed. New-York, 1994.

¹²⁷ Зборник за историју Босне и Херцеговине. 1–6. Београд: САНУ, 1995–2009.

вопроса. Один из них – это проблема мифа. Миф, привнесённый из внешней среды, по мнению историка, является главным провокатором войн и конфликтов в регионе. Не случайно одну из своих работ он называет «*Краткое хождение по мукам через историю Боснии*»¹²⁹. Мифы и предрассудки наследуются и передаются от отцов к сыновьям, – считает учёный. Так, давние провокации внешних сил оформились в определённую позицию, которая начинала восприниматься как непреложная истина. Затрагивает М. Экмечич и важнейший вопрос о национальности. С его точки зрения, обособление мусульман произошло только с момента оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Основная же причина нерешённости сербского вопроса в годы кризиса 1870-х гг. заключалась в неразвитости сербского национального движения, которое не могло обойтись без посторонней помощи. Всех деятелей славянских комитетов М. Экмечич относит к славянофильскому течению мысли. Он отмечает зависимость сербской политики в Боснии от славянофилов. М. Экмечич также обращает внимание на то, что панисламизм в Боснии и Герцеговине появился только в 1876 г. Именно тогда восстание славян в регионе переросло в религиозную войну ислама и христианства. В целом же для него также характерно изучение истории региона в контексте всей сербской истории.

Проблемы вмешательства России и Австрии в дела боснийского региона затронуты в монографии Д. Берича «*Сербский вопрос и политика Австро-Венгрии и России. 1848–1878*»¹³⁰. Здесь проблемы Боснии также воспринимаются, как часть сербского вопроса. Берич говорит о том, что центральная Европа пыталась решить германский вопрос, романская – итальянский, а юго-восточная –

¹²⁸ *Екмечић М.* Дијалог прошлости и садашњости. Зборник радова. Београд: Службени лист СРЈ, 2002. 509 с.; *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања: историја срба и хрвата у новом веку (1492-1992). Београд: Завод за уџбенике, 2008. 616 с.; *Екмечић М.* Национална политика Србије према Босни и Херцеговини и аграрно питање (1844–1875) // Годишњак историјског друштва Босне и Херцеговине. Т. Х. Сарајево: Сарајевски графички завод, 1959. С. 197–219.; *Екмечић М.* Покушај организовања устанка у Босни 1860–1862. // Годишњак историјског друштва Босне и Херцеговине. Година IX 1957. Сарајево: Сарајевски графички завод, 1958.; *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790–1918. Т. 2. Београд: Просвета, 1989. 842 с.; *Екмечић М.* Улога ислама у социјалном и политичком развоју Балкана // Ислам, Балкан и велике силе (XIV–XX век). Међународни научни скуп 11–13 децембар 1966. Београд, 1997. С. 15–54.; *Екмечић М.* Устанак у Босни 1875–1878. Београд: Балканолошки институт САНУ, 1996. 428 с.

¹²⁹ *Екмечић М.* Кратки ход по мукам кроз историју Босне // Милорад Екмечић. Дијалог прошлости и садашњости. Зборник радова. Београд, 2002. С. 135–154.

¹³⁰ *Берич Д.* Српско питање и политика Аустроугарске и Русије. 1848–1878. Београд: Гутенбергова галаксија, 2000. 636 с.

сербский. В работе наблюдается определённый сербоцентризм. Приводимый Беричем тезис о желании разных по вере народов объединиться в одну политическую единицу также нельзя принять полностью. Если затронуть вопрос о России и Австрии, то Берич говорит не столько о соперничестве этих держав в регионе, сколько об их сотрудничестве. Российский «фаворитизм» по отношению к Черногории он отмечает, как негативное явление.

В своей монографии *«Балканы: национализм, война и Великие державы»*¹³¹ британский журналист М. Гленни также не обходит стороной Боснию XIX века. Этой теме посвящён раздел «Танзимат: Османская империя, Босния и Герцеговина 1839-1875»¹³². Представлена история и особенности развития региона Боснии и Герцеговины под османским владычеством. Интересно, что автор работы сравнивает реформы танзимата с эпохой перестройки в СССР.

Большой интерес представляет исследование сербского историка Ч. Попова *«Великая Сербия. Реальность и миф»*¹³³. Эта работа стала откликом на судебный процесс над сербским президентом Слободаном Милошевичем в 2001–2006 гг. Ч. Попов полагает, что сербские притязания на боснийские земли в 1850–1870-х гг. были вполне обоснованы, так как план И. Гарашанина основывался на идее исторического права, и к тому же в боснийских землях православный элемент являлся преобладающим.

Традиции восприятия Боснии и Герцеговины, как неотъемлемых частей Сербии, сохраняются и поныне. Это хорошо просматривается в монографии профессора Белградского университета С. Раич *«Внешняя политика Сербии между ожиданием и реальностью (1868–1878)»*¹³⁴. Работа интересна тем, что на её страницах опровергается тезис многих русских историков о потере интереса со стороны Сербии к землям Боснии и Герцеговины в 1868 г. С. Раич отмечает работу сербского государственного деятеля Й. Ристича, который продолжил дело князя Михаила и И. Гарашанина. В целом же складывается впечатление, что

¹³¹ Glenny M. The Balkans: nationalism, war and the Great Powers, 1804–1999. New-York: Penguin Putnam, 2000. 726 p.

¹³² Ibid. p. 70–134.

¹³³ Попов Ч. Велика Србија. Стварност и мит. Нови-Сад: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2007. 347 с.

¹³⁴ Рајић С. Спољна политика Србије између очекивања и реалности (1868–1878). Београд: Српска књижевна задруга, 2015. 583 с.

вопрос Боснии и Герцеговины играл одну из ведущих ролей во внешней политике Сербии 1868–1878 гг. Главными конкурентами для Сербии в регионе выступали австрийская и русская пропаганда. Тезис о конкуренции с русской пропагандой неслучаен, поскольку его можно часто встретить в сербских источниках XIX века, однако русские источники свидетельствуют о стремлении России поддержать Сербию в решении боснийского вопроса. Такая позиция более заметна не на государственном уровне, а на уровне общественных организаций. Это следует из общения сербского митрополита Михаила с русскими славянскими комитетами.

Одной из последних работ, посвящённых Боснии и Герцеговине является многотомный труд боснийского историка *Г. Шливо*. В нескольких томах автор уделил большое внимание истории края в период до австрийской оккупации¹³⁵. Говоря о положении местного населения, Шливо затрагивает и вопрос о деятельности дипломатических представительств европейских стран и их влиянии на жизнь турецких славян и деятельность турецкой администрации.

Боснийский историк *С. Банджович* является автором двухтомной работы, посвящённой вопросу деосманизации Боснии¹³⁶. Он также говорит о проблеме мифа, обозначенной в трудах М. Экмечича. Босния и Герцеговина стали ареной столкновения восточного и западного мышления. Благодаря усилиям Европы ислам в этом регионе воспринимался, как ересь, чуждое явление. Банджович говорит о том, что негативный образ Османской империи и истории об угнетаемом ею народе во многом преувеличены. Агрессия западного радикального национализма и утверждение тезиса об истинности христианской природы славянского мира явились главными причинами волнений 1870-х гг. в регионе. В том, что местное население исповедовало ислам не было ничего плохого – считает автор, но сами сербы под влиянием западных воззрений начали исключать мусульман из своего племени, именуя их турками. Основным лейтмотивом политики сербского князя Михаила и черногорского Николы была

¹³⁵ Šljivo G. Bosna i Hercegovina 1854–1860. Landshut, 1998.; Šljivo G. Bosna i Hercegovina 1861–1869. Tešanj: Planjax, 2005. 609 s.

¹³⁶ Bandžović S. Bošnjaci I deosmanozacija Balkana. Muhadžirski pokreti I prebježišta “sultanovih musafira” (1683.–1875.). Sarajevo: Autor, 2013. 406 s.; Bandžović S. Deosmanozacija Balkana I bošnjaci. Ratovi i muhadžirska prebježišta (1876.–1923.). Sarajevo: Autor, 2013. 503 s.

ненависть к туркам, а значит и славянам, исповедующим ислам. Такая позиция в корне отличается от позиции большинства сербских историков. Согласиться с ней можно лишь отчасти. Известны сербские планы привлечения на свою сторону представителей всех вероисповеданий. Другое дело, что в этом вопросе сербы потерпели неудачу. Позиция же ориентации исключительно на православных и католиков более характерна для России и Австрии.

Современная турецкая историография также не оставляет без внимания историю Боснии и Герцеговины. Однако больший интерес у турецких историков вызывает период после 1878 г.¹³⁷

Начиная с момента изучения Боснии сербская историография поддерживает тезис об историческом праве Сербии на обладание землями Боснии и Герцеговины. Боснийская историография придерживается точки зрения о природной целостности и самостоятельности общества края, разобщённость которого является продуктом пропаганды, привносимой извне. Западные историки обратили особое внимание на проблемы региона в связи с войной 1992–1995 г. Большинство работ историков этого периода носят откровенно политизированный характер. К сожалению, в зарубежной историографии трудно встретить взвешенную позицию. Работы носят по большей части ярко выраженный про – или анти – сербский характер. Тем не менее, изученная литература позволяет взглянуть на боснийскую проблему с разных сторон.

Как в отечественной, так и зарубежной историографии, история русско-боснийских отношений во второй половине XIX века редко становилась предметом специального исследования. В сербской историографии сохраняется тенденция изучения Боснии как части истории сербского народа. В русской историографии, Босния и Герцеговина возникают в контексте решения Восточного вопроса, при этом долгое время исследователей волновала только проблема народных восстаний в этих областях. Сейчас круг проблем становится

¹³⁷ *Armağan Mustafa*. Abdulhamid in Kurtlarla Dansı 2. İstanbul: Timaş Yayınları, 2009.; *Şerif Mardin Jön Türklerin Siyasi Fikirleri 1895-1908*. İstanbul: İletişim Yayınları, 2011.; *Bozdağ İsmet*. Sultan Abdulhamid in Hatıra Defteri. İstanbul: Truva Yayınları, 2009.; *Özcan Uğur*. II.Abdulhamid Dönemi Osmanlı Karadağ Siyasi ilişkileri Doktora Tezi Süleyman Demirel Üniversitesi Isparta, 2009.; *Emgili Fahriye, Kahramanyol Mustafa*. Sırbistan'ın Osmanlı topraklarındaki istihbarat ve teşkilatlanma çalışmaları (1898-1912). Ankara, 2010.

шире. Изучение политики России в Боснии и Герцеговине идёт в совокупности с изучением деятельности общественных организаций, органов периодической печати, работы отдельных личностей.

Методология исследования основана на принципе историзма. Для выявления общей стратегии действий России в Боснии и Герцеговине применён системный подход. В основе изложения лежит проблемный принцип. Для выявления общих черт и различий в деятельности российского правительства, общественных организаций, периодической печати и Сербии по боснийскому вопросу использовался компаративный метод. Кроме того, в исследовании применялись историко-генетический, проспектографический методы, а также методы этнологии, анализ путевых заметок, полевых исследований.

Практическая ценность работы состоит в том, что материалы и выводы данного исследования полезны в дальнейшей разработке боснийских сюжетов, могут применяться в рамках изучения вопроса о русской политике на Балканах, а также деятельности русских общественных организаций в 1850–1870-е гг.

Положения, выносимые на защиту

1. Русские благотворительные общества работали в тесном сотрудничестве с правительством Российской империи. Их работа отвечала интересам Министерства иностранных дел и способствовала определению основных направлений формирования политики на Балканах после Крымской войны.
2. Россия выступала покровительницей православных славян в поликонфессиональной Боснии и Герцеговине, её представители ориентировались исключительно на эту группу населения.
3. Славянские комитеты играли значительную роль в организации помощи народу Боснии и Герцеговины, однако не до конца справлялись с поставленными задачами.
4. Деятели славянских комитетов стремились не столько к пропаганде славянского вопроса в русском обществе, сколько к пропаганде образа России-спасительницы у славян Боснии и Герцеговины.

5. Московский славянский комитет к 1870-м гг. начал проявлять излишнюю самостоятельность. Его деятельность во многом спровоцировала восстание 1875 г. в Герцеговине. Из помощника русской официальной политике на Балканах он превратился в трудно контролируемую силу, ведущую самостоятельную политику.

6. Боснийский вопрос был мало известен русской общественности. Ситуация изменилась в 1875 г. Восстание, поднятое в Герцеговине, вызвало небывалую активность в русском обществе в деле помощи единоверцам. Однако это не обрело бы таких масштабов без работы славянских комитетов по пропаганде боснийского вопроса

7. Внешнеполитическая программа сербского правительства включала в себя присоединение Боснии и Герцеговины. Сербия вела политику в боснийском вопросе, отказавшись от консультаций с Россией. Всесторонний анализ, проведённый российскими дипломатами и общественными деятелями в 1850–1870-е гг. позволил дать объективную оценку ситуации в Боснии и Герцеговине. Российский МИД пришёл к выводу о преждевременности сербских планов по присоединению этого края.

Апробация результатов работы

Рукопись диссертации обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории южных и западных славян Московского университета им. М.В. Ломоносова. В процессе подготовки работы результаты исследования были представлены научной общественности на четырёх научно-практических конференциях: «Славянский мир: общность и многообразие» (Институт славяноведения РАН: 20–21 мая 2014 и 26–27 мая 2015), «Славянский мир: аспекты истории и культуры» (Московский дом национальностей. 28 мая 2014), «Ломоносов» (МГУ им. М.В. Ломоносова. Секция «История южных и западных славян». 17 апреля 2015).

По теме диссертации было опубликовано семь статей, из них четыре в изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК:

1. Мельчакова К.В. Дипломатия и путешествия в неизведанных славянских землях. А.Ф. Гильфердинг и А.С. Ионин на службе в первом русском консульстве в Сараево // Славянский альманах. М.: 2014. № 1–2. С. 61–73.
2. Мельчакова К. Как архимандрит Савва в Россию ездил // Родина. 2014. № 6. С. 80–81.
3. Мельчакова К.В. Проблема женского образования в Боснии. Стака Скендерова: её жизнь, её школа // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 3. С. 152–157.
4. Мельчакова К.В. Проблемы турецкого управления в Боснии, Герцеговине и Старой Сербии глазами русского дипломата, историка и путешественника А.Ф. Гильфердинга // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 50. С. 207–223.
URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/50_2015melchakova.htm
(дата обращения: 11.08.2015.).
5. Мельчакова К.В. Проблемы женского образования в Боснии и Герцеговине в XIX в. Школа для девочек Стаки Скендеровой // Конференция «Ломоносов 2015». Тезисы.
URL: lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid82794_report.pdf
(дата обращения: 11.08.2015.).
6. Мельчакова К. Сараевский архимандрит Савва Косанович и его связи с Россией в 50–70-е гг. XIX в. // Роль славянской молодежи в процессе устойчивого цивилизационного развития. Сб. тезисов. М., 2014. С. 28–31.
7. Мельчакова К.В. Первый русский консул в Боснии и Герцеговине А.Ф. Гильфердинг о проблемах славянского населения края // PER ASPERA... Сборник научных статей победителей конкурса студенческих работ исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Вып. 4. М., 2012. С. 133–143.

Глава 1. Российские императорские консульства в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-е гг.

§ 1. Открытие первого консульства Российской империи в Сараеве.

В XIX веке служба в российском МИД не считалась престижной профессией. Зажиточные аристократы редко решались строить дипломатическую карьеру. Неблагодарной считалась должность консула, а если место назначения располагалось где-нибудь на задворках цивилизации, то приятного было совсем мало. Консул должен был обладать глубокими специальными знаниями, выполнять большие объёмы бумажной работы, контактировать с местными жителями и властями.

Заработная плата консулов была намного меньше, чем у послов. На 1863 г. консул в Сараеве получал 2490 рублей серебром в год, 500 рублей выделялось на наём дома и переписку, 1176 рублей составляла зарплата секретаря. Вице-консул в Мостаре получал 1960 рублей заработной платы и 300 рублей на переписку и наём дома¹³⁸. По сравнению с другими коллегами, работающими в Европейской Турции, эти зарплаты не были плохими, но в то же время российский посол в Константинополе получал 49000 рублей платы и 1500 на почтовые расходы.

Таблица 1.1. – Жалование в год серебром работников дипломатических служб России в Европейской Турции на 1863 год¹³⁹

Генеральные консульства:

Константинополь	Генеральный консул	2940
	Секретарь	1470
	Драгоман	1176
Руцук	Генеральный консул	4900
	На наём дома и	600

¹³⁸ Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений министерства иностранных дел. Сост. По поручению министра иностр. дел М. Никонов. СПб., 1869. С. 271–275.

¹³⁹ Там же.

	переписку	
	Секретарь и драгоман	1470

Консульства:

Адрианополь	Консул	2940
Салоники	На наём дома и переписку	500
Сараево	Секретарь = драгоман	1176
Битоль		
Скутари		
Янина		
Кандия		

Вице-консульства:

Варна	Вице-консул	1960
Видин	На наём дома и переписку	300
Мостар		
Призрен		
Тульча		
Филиппополь		
Дарданеллы	Вице-консул	1470

В Сербии:

Белград	Генеральный консул	4410
	На наём дома и переписку	600
	Секретарь=драгоман	1470

Таблица 2.1. – Жалование в год серебром работников дипломатических служб России в Австрии на 1863 год¹⁴⁰

Посольство в Вене:

Вена	Посланник	39200
	Почтовые расходы	1016
	Советник	4356,10
	Старший секретарь	2940
	Младший секретарь	2240,28
	Прочее	1555,75

Консульства:

Броды	Консул	1866,90
Рагуза	Консул	2940
	На наём дома и переписку	500
	Секретарь	1176
Триест	Консул	1960
	Почтовые расходы	350
Фиум	Консул	1960
	На наём дома и переписку	300

Ещё одной проблемой для консула был вопрос карьерного роста. Максимум, чего можно было достигнуть – это должность генерального консула.

¹⁴⁰ Там же. С. 262.

Основными поставщиками консульских кадров были факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, Лазаревский институт восточных языков и Казанский университет.

С 1823 г. при Азиатском департаменте МИД работало учебное отделение восточных языков, где изучали восточные, европейские языки, географию и историю азиатских стран, мусульманское и международное право, нумизматику. Молодые дипломаты направлялись на стажировку в Константинополь, где при русской миссии находилось училище на девять мест для изучения турецкого, греческого, арабского, французского и итальянского языков¹⁴¹.

При А.М. Горчакове были выработаны единые правила приёма в МИД. Вводились специальные экзамены. Без вступительных испытаний можно было стать драгоманом (переводчиком восточных языков). В системе МИД ощущалась острая нехватка этих специалистов. Чаще всего должности секретарей и драгоманов при консульствах совмещал один человек. Если же драгоман претендовал на занятие консульской должности, ему было необходимо сдать квалификационный экзамен.

Все консульства делились на 4 класса:

- 1) генеральные консульства (во главе генеральный консул)
- 2) консульства (во главе консул)
- 3) вице-консульства (во главе вице-консул)
- 4) консульские агентства (во главе консульские агенты или секретари)

Свои донесения консулы направляли не только в структуры МИД, они также снабжали информацией Военное министерство, Синод и славянские комитеты. Именно отчёты, посылаемые консулами в высшие инстанции, служили основным материалом, на основании которого корректировалась внешняя политика России. Если говорить о консулах в Боснии и Герцеговине, то в Военное министерство в первую очередь они отправляли подробные сведения о

¹⁴¹ Григорьев. Б.Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 69–97.

численности и расположении турецких войск в регионе, формировании отрядов баши-бузуков¹⁴².

При министре иностранных дел А.М. Горчакове Россия расширяет сеть своих консульских агентств¹⁴³. Одним из приоритетных направлений становятся Балканы. Впервые в истории русское дипломатическое представительство появляется на землях Боснии и Герцеговины.

Начиная с конца 1840-х г. православные жители края не раз обращались к России с просьбой учредить свои консульства в Боснии и Герцеговине¹⁴⁴, но никакой реакции в ответ не следовало¹⁴⁵. Ситуация изменилась после Крымской войны.

Решение об открытии российского консульства в Сараеве было принято в октябре 1856 г.¹⁴⁶. Перед этим учреждением ставились следующие задачи: наблюдение за проведением в жизнь положений хатт-и-хумаюна и защита интересов православного населения Боснии и Герцеговины. Консульство находилось в подчинении генерального консула в Дубровнике.

Первым российским консулом в Сараеве стал двадцатипятилетний выпускник Московского университета, славянофил, историк славист *Александр Фёдорович Гильфердинг* (1831–1872)¹⁴⁷. Молодой дипломат был обязан наблюдать за обстановкой в регионе, информировать о происходящем остальных консулов на Балканах и Азиатский департамент Министерства иностранных дел России.

К прямому выполнению своих консульских обязанностей Гильфердинг приступил через пять месяцев после назначения. Путь в Сараево для начинающего дипломата лежал через Фрушкогорские монастыри, Вену, Триест и Дубровник, где он около месяца ожидал инструкций из Константинополя.

¹⁴² РГВИА.Ф. 450. Оп. 1. Д. 74. Л. 11–21, 61–62об, 79, 85, 98–104.

¹⁴³ *Хевролина В.М.* Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консулов).

¹⁴⁴ Защитой прав католического населения занималось генеральное консульство Австрии, открытое в 1850 г. и вице-консульство Франции, начавшее свою работу в 1853 г.

¹⁴⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 11–13.

¹⁴⁶ См. Приложение А. Список работников российских консульств в Боснии и Герцеговине с 1856 по 1875 гг.

¹⁴⁷ См. Приложение Б. Портреты российских консулов в Сараеве и Приложение Ф. Биографическая справка А.Ф. Гильфердинга.

Гильфердинг сам изъявил желание отправиться в далёкую славянотурецкую область. Прежде всего, эти края влекли его как учёного - слависта. Он надеялся собрать богатый урожай древнеславянских рукописей, изучить быт и нравы современного местного населения. То, что он не ставил на первое место служебные обязанности вызывало возмущение у его старших коллег. Не лестно отзывался о нём генеральный консул в Дубровнике П.Н. Стремоухов: «в десять раз лучше было бы не посылать никого в Боснию, чем это существо... Вся его цель теперь отыскать никем невиданные ещё материалы для истории и литературы... Он не только не сумеет внушить нашим единоверцам никакого к себе доверия, но непременно оттолкнёт их от себя своей невыносимой холодностью... И это-то человек, которого босняки и герцеговинцы ждут как мессию, и это-то первый русский чиновник, который появится в этих странах после стольких лет непрерывного ожидания!»¹⁴⁸. В пользу Гильфердинга говорила его профессиональная подготовка. Он прекрасно владел сербским языком, хорошо знал историю и культуру сербского народа. К тому времени им уже была написана и издана «История сербов и болгар»¹⁴⁹. Этот труд был переведён на сербский язык и пользовался большой популярностью¹⁵⁰.

Отец Гильфердинга, Фёдор Иванович, занимал видные посты в российском МИД и был близким другом директора Азиатского департамента Е.П. Ковалевского, который и составил протекцию для молодого дипломата-слависта.

Секретарём консульства стал выпускник Лазаревского института восточных языков *Александр Семёнович Ионин* (1837–1900)¹⁵¹. Новость о назначении на эту должность застала его на службе при русской миссии в Константинополе. В отличие от Гильфердинга, это известие Ионин воспринял с меньшим энтузиазмом. В своём письме к неустановленному лицу он писал, что ему предстоит «углубиться ещё в одно из самых положительных захолустьев Турции,

¹⁴⁸ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского... С. 417.

¹⁴⁹ *Гильфердинг А.Ф.* Письма об истории сербов и болгар. М., 1855.

¹⁵⁰ *Он же.* Историја срба и бугара. Свеска I. Београд, 1857.

¹⁵¹ См. Приложение Д. Портрет А.С. Ионина и Приложение Е. Стихотворное творчество А.С. Ионина.

где небо может быть такое же голубое, как и в Италии, где природа говорят прекрасна, но где красоты её совсем не отразились на человеке...»¹⁵². Представления о Боснии у Ионина были самыми что ни на есть мрачными: «всё вот до сих пор видел людей, а теперь надобно ладить с дикарями»¹⁵³. Упоминает он и о миссии своего начальника. По его словам, Гильфердинг ехал туда чисто из научного интереса и на небольшой промежуток времени. Таким образом, очевидно, что первого российского консула в Сараеве изначально посылали не на долгий срок. Да и сам Ионин надеялся, что его пребывание на Балканах продлится не более полутора лет.

В апреле 1857 г. Ионин доставил инструкции, ферман и берет в Рагузу Гильфердингу, а затем они двинулись в путь. Дорога заняла около двух недель. Поездка и соприкосновение с ориентальной культурой произвели большое впечатление на Гильфердинга. Было решено ехать через Требинье и Мостар. Существовала более короткая и безопасная дорога по реке Неретва через город Меткович, но было необходимо оценить ситуацию в беспокойных уголках Герцеговины. Из Мостара поступили первые донесения Гильфердинга о притеснениях христианского населения. В главном городе Герцеговины российские дипломаты пробыли пять дней. Их разместили в сарае – дворце местного паши¹⁵⁴. Наибольшее удивление и недоумение у молодых дипломатов вызвала манера османских чиновников вести дела. В письме к А.В. Плетнёвой Гильфердинг подробно описал особенности жизненного уклада турецкого управленца: «в 8 часов позовут нас ужинать к Его превосходительству: сажают за стол, уставленный бесконечным множеством солений и бутылок, подают всем трубки [...]. Паша' съест солёный кусочек, выпьет рюмку мастики (род весьма крепкой водки), запьёт водой, захлебнёт дымом из кальяна и скажет мне комплимент по-турецки, который мне переведут и на который отвечу приличным изъяснением чувств; так дело идёт два часа [...] пока не дойдут до самых горячих излияний любви и пока не опустеет до дна графин мастики [...] потом два часа

¹⁵² ОР РГБ. Ф. 13. Картон 24. Ед. хр. 30. Л. 1.

¹⁵³ Там же. Л. 1об.

¹⁵⁴ См. Приложение В. Карандашный рисунок Гильфердинга «Ужин у мостарского паши».

опять тянется самый ужин, двадцать пять кушаний самых разнообразных и между ними всякий раз по трубке, но уже не комплименты, тяжёлое молчание; наконец, в полночь, отодвигается стол, и все сидят ещё с полчаса, отягчённые кто винными испарениями, кто скукою и табачным дымом. Так проводит свои вечера вся турецкая знать»¹⁵⁵.

23 мая 1857 г. российские дипломаты наконец-то прибыли к месту назначения. Консульство располагалось в арендованном доме ремесленника Джордже Терзибаши (Вукичевича) на Ташлиханской улице. В те времена это здание считалось одним из самых красивых в г. Сараево¹⁵⁶.

В штат российского консульства входили кавазы (охрана) и посыльные. Кавазы получали хорошую плату в 6, а позднее в 7 дукатов ежемесячно¹⁵⁷. На должность кавазов Гильфердинг нанял двух албанцев Али-агу и Вели-агу. Известно, что Али-ага занимался ростовщичеством и суживал деньги под большие проценты. Он сопровождал Гильфердинга во всех его поездках. Эти кавазы прослужили при консульстве России до 1869 г. Посыльными при консульстве состояли Ристо Михайлович и Ристо Милевич. Они выполняли важные поручения по пересылке и передаче почты. Милевич очень хорошо зарекомендовал себя и до 1875 г. работал посыльным российского консульства в Мостаре. Оплата труда составляла 8,5 дукатов в месяц. Неоднократно посыльные получали большие поощрительные премии от российского правительства¹⁵⁸. Кроме того, у российского консульства была разветвлённая сеть тайных агентов, которые присылали свои донесения из разных мест Боснии и Герцеговины.

Гильфердинг сразу же установил дружеские отношения с дипломатическими представителями всех иностранных консульств. Особенно близок он был с дипломатами из Австрии. В это время австрийское консульство ожидало приезда нового консула, Реслера, который слыл ярым ненавистником

¹⁵⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 11об.–12об.

¹⁵⁶ *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима 1856–1878. С. 24–25.

¹⁵⁷ На территории Боснии и Герцеговины ходили австрийские монеты: *дукаты, талеры*, позже *гульдены и форинты*. мелкая монета называлась *грошем*. Также использовалась турецкая *лира*. Можно встретить наименование «*пиастр*» – название европейских серебряных монет в Османской империи.

¹⁵⁸ *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 49.

России¹⁵⁹. Гильфердингу всё же удалось сблизиться с австрийским коллегой, не питая при этом иллюзий относительно его дружелюбности. Российский консул сообщал, что австрийский чиновник ищет любого момента, когда можно будет каким-либо образом скомпрометировать консулов других стран. Кроме того, дружба с представителем Австрии могла препятствовать в деле налаживания отношений с местным православным населением. Основную же цель политики Австрии Гильфердинг видел в насаждении раздоров и конфликтов на территории Боснии и Герцеговины, поскольку нестабильность в регионе была основным условием для укрепления её власти и влияния. Такую же тактику использовал и английский консул Черчил. Однако последний, вместе со своим французским коллегой, открыто выражал свою неприязнь к представителю Австрии. Эти раздоры были на руку российскому консулу. Англичане имели большое влияние на турецкое руководство и пользовались особым положением, к примеру, им разрешалось обращаться к местным властям, не соблюдая установленный церемониал. Австрийцы же имели большое влияние на вали и его окружение. Самое невыгодное положение занимал французский консул Виетт. Он не пользовался расположением турок. Симпатизировали ему лишь узкие круги католического населения¹⁶⁰.

Отношения с греками – главами православной паствы Боснии и Герцеговины складывались не самым лучшим образом. Дабробосанский митрополит Дионисий первоначально ввёл Гильфердинга в заблуждение и представился ему главным радетелем православия в регионе. Однако позже стало ясно, что он чинил большие препятствия в налаживании контактов российских дипломатических агентов с православной паствой, которая была им очень недовольна. Не удалось найти общий язык и с герцеговинским митрополитом Григорием. «Об нём не слышно ничего другого, кроме жалоб на его корыстолюбие и равнодушие к народу. Его почти не видели в Мостаре; он постоянно объезжает свою епархию, чтобы собирать деньги и жить на счёт

¹⁵⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 76.

¹⁶⁰ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима... С. 26–28.

монастырей и семейств, в домах которых останавливается» – сообщал Гильфердинг¹⁶¹. О злоупотреблениях Григория Гильфердинг поставил в известность посольство Российской империи в Константинополе, информация была передана в константинопольскую патриархию. В январе 1858 г. Ионин писал Гильфердингу о том, что данные меры возымели эффект¹⁶². Григорий исправил своё поведение. Хвалебного отзыва удостоился митрополит Зворницкий Агатангел. Это был один из немногих церковных иерархов, который изучил сербский язык и трудился на благо паствы.

Устранение и ослабление греческого духовенства Гильфердинг считал одной из главных задач российского консульства. Воспитание священнослужителей из местной среды было одним из способов к её достижению. Этим объясняется широкая деятельность Гильфердинга и других консулов России по оказанию помощи учебным заведениям и организации учебного процесса в Боснии и Герцеговине.

Положение российского консульства было сложным. У Гильфердинга не было надёжных союзников, ни иностранные консулы, ни сараевский митрополит не могли стать опорой для российского дипломатического представительства в Боснии. Сочувствия можно было ожидать только от православного сербского населения, которое и само нуждалось в помощи.

§ 2. Босния и Герцеговина в творчестве российского дипломата и учёного А.Ф. Гильфердинга

Во второй половине XIX века значительно повысился интерес к Боснии. В эти области устремляются европейские путешественники. В европейской литературе, посвящённой путешествиям по славянским областям Турции принято выделять сочинения славянофильского толка и про-турецкой направленности. Труд А.Ф. Гильфердинга стал наиболее тиражируемым в сербских землях. Во-первых, потому, что это была одна из первых публикаций об этом крае, во-вторых, он нёс в себе печать славянофильской идеологии.

¹⁶¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 53.

¹⁶² Там же. С. 118.

Путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии

За своё короткое пребывание в славянских областях Османской империи Александр Фёдорович успел объездить почти всю Боснию и Герцеговину. Результатом этих странствий стала публикация труда под названием «*Босния, Герцеговина и Старая Сербия*»¹⁶³.

«Писать о Боснии не буду Вам сегодня, потому что поговорим скоро об этом, да и везу с собою множество дописанных и недописанных [работ] про этот любопытный край, на который стоит посмотреть» – писал Гильфердинг К.С. Аксакову накануне своего отъезда из Сараева¹⁶⁴.

Путешествие по этим областям он осуществлял не из праздного любопытства. В ходе поездки он действовал одновременно как учёный, общественный деятель и дипломат.

Целью Гильфердинга – учёного в первую очередь был сбор рукописей и других материалов, которые должны были помочь ему при написании, задуманной «Истории славян». В этом он признавался в письме хорватскому учёному И.А. Кукулевичу-Сакцинскому¹⁶⁵. Кроме того, будучи профессиональным филологом Гильфердинг изучал диалекты и говоры этой части ареала сербско-хорватского языка, составлял словарь народных пословиц и поговорок. В своём труде он постоянно делает отступления, размышляя о филологических тонкостях сербского языка. В статье, посвящённой двадцатипятилетней годовщине со дня смерти А.Ф. Гильфердинга русский историк и этнограф А.М. Лобода писал: «учёная и дипломатическая практика в Боснии, Герцеговине и Старой Сербии была, можно сказать, проверкой и завершением его теоретической подготовки; она раскрыла перед Гильфердингом замечательное поле для изучения и, что весьма важно, самый вопрос о народности представила во всём его, быющем в глаза, жизненном значении, чуждом как кабинетного подкрашивания, так и такого же игнорирования»¹⁶⁶.

¹⁶³ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия...

¹⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 105. Л. 4.

¹⁶⁵ Письма А.Ф. Гильфердинга – И.А. Кукулевичу Сакцинскому. // Живая старина. 1894. Вып. 2. С. 178–190.

¹⁶⁶ Лобода А.М. Памяти А.Ф. Гильфердинга (к 25-летней годовщине со дня его смерти) // Этнографическое обозрение. 1897. № 4. С. 90.

Гильфердинг – славянофил отправился в путешествие для подробнейшего изучения быта и нравов славянского народа и поисков пути сближения русского читателя с братскими по крови турецкими славянами: «одна из причин недостатка сочувствия и бездействия русского общества к славянам есть именно незнание их» – писал Гильфердинг И.С. Аксакову¹⁶⁷. Популяризация сведений о славянах среди широкого круга русских читателей была средством для достижения главной цели – зарождения в русском обществе чувства единства со всем славянством. Этой цели служили труды Гильфердинга, которые он посвящал сербам, хорватам, болгарам, полякам, чехам, лужицким сербам. Ещё в начале своей учёной деятельности Александр Фёдорович занимался составлением нового общеславянского алфавита, который должен был стать основой для универсального языка всех славян. Эта работа была закончена только в 1871 г.¹⁶⁸.

Гильфердинг – дипломат, как первый дипломатический представитель России в крае должен был составить самое полное представление о нём, в том числе и о характере турецкого управления. Это было очень важное мероприятие в виду того, что данные земли никогда ранее не были предметом серьёзного изучения в дипломатическом и военном ведомствах России. Собранные Гильфердингом сведения помогли составить своеобразную карту ареала русского влияния в крае. Кроме того, он наладил контакты с местным населением и представителями интеллигенции, которые могли бы сочувствовать реализации русских планов на Балканах. Позже, осуществление таких поездок на новой территории будет обязательным пунктом программы для исполняющих должность консула: «всякий раз, когда того потребует польза службы, и по крайней мере раз в три года, генеральный консул или консул обязан объезжать свой округ, сам осматривать положение вице-консульств и обращать внимание на те меры, которые следует предпринять или предложить правительству в выгодах

¹⁶⁷ Гильфердинг А.Ф. Письма к И.С. Аксакову // Голос минувшего. 1916. №2. С. 202.

¹⁶⁸ Он же. Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий. СПб.: Славянский благотворительный комитет, 1871. 18 с.

российской торговли и мореплавания» – таково предписание из справочной книги для чиновников российского МИД¹⁶⁹.

За время своего консульства Гильфердинг совершил три поездки по территориям славянской Турции. Данные, собранные в ходе этих путешествий и легли в основу его сочинения.

Российский консул предлагает читателю разнообразные сведения о Боснии, Герцеговине и Старой Сербии. Он обращает внимание на природу, народ, быт и нравы местных жителей, культуру, историю, турецкое управление, историю, язык. В труде приводятся тексты собранных средневековых грамот, ведётся детальный разбор легенд. О произведении Гильфердинга знаменитый русский литературовед Александр Николаевич Пыпин писал: «эта книга есть одно из лучших путешествий по славянским землям в нашей литературе и может быть поставлена наряду с путешествием Григоровича по Европейской Турции»¹⁷⁰. Отзывы современников об этом труде были положительными.

За работу о Боснии в 1860 г. Академия наук присудила Гильфердингу половину Демидовской премии по географии. Эта премия до 1866 г. считалась самой почётной неправительственной наградой в России.

Сочинение пережило несколько изданий. В 1858 г. оно было опубликовано в «Русской беседе» в форме писем к Хомякову¹⁷¹. В 1859 г. оно увидело свет в Записках Русского географического общества, а также вышло отдельной книгой¹⁷², а в 1873 г. оно было включено в третий том собрания сочинений Гильфердинга¹⁷³. Появилось также и несколько сербских изданий этого труда, но об этом речь пойдёт ниже.

Особое внимание следует уделить ещё одной работе Гильфердинга, написанной по результатам пребывания в Боснии. Она вышла в свет под

¹⁶⁹ Справочная книга для лиц центральных и граничных установлений министерства иностранных дел. С. 35–36.

¹⁷⁰ Пыпин А.Н. Русское славяноведение в XIX столетии. С. 265.

¹⁷¹ А.Ф. Гильфердинг. Босния. Путевые заметки. (Письма к А.С. Хомякову) // Русская беседа. 1858. Т. 1. Смесь. С. 54–76.; Русская беседа. 1858. Т. 2. Смесь. С. 65–92.; Русская беседа. 1858. Т. 3. Смесь. С. 64–97.; Русская беседа. 1858. Т. 4. Смесь. С. 51–80.; Русская беседа. 1859. Т. 1. Смесь. С. 125–132.; Русская беседа. 1859. Т. 2. Смесь. С. 57–104.

¹⁷² Он же. Путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии // Записки Русского географического общества. Т.13. СПб.,1859/60. Он же. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. М., 1859.

¹⁷³ Он же. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. М., 1873.

названием «Босния в начале 1858 года». Это сочинение пережило три публикации. Первоначально оно появилось на страницах Вестника Императорского Русского географического общества¹⁷⁴. Затем на страницах «Русской беседы»¹⁷⁵. И, наконец, вошло в один том собраний сочинений Гильфердинга вместе с «Путешествием»¹⁷⁶. Работа была написана ещё в Мостаре, в марте 1858 г. Начинается она так: «Я хочу в возможно кратком очерке познакомить читателя с внутренним состоянием славянской страны, которая может получить со временем довольно важное значение в юго-восточной Европе»¹⁷⁷. Можно выделить несколько основных вопросов, которые затрагивает Гильфердинг. Он говорит:

- 1) о географии региона, природе, экономическом развитии и потенциале;
- 2) о населении, этническом и религиозном составе;
- 3) о турецком управлении.

Во многом «Босния» перекликается с тем, что видно в «Путешествии», но в этом сочинении особое внимание Гильфердинг уделил статистике. Эта работа прекрасно дополняет путевые записки о Боснии, Герцеговине и Старой Сербии¹⁷⁸.

Вслед за Гильфердингом читатель следует по землям Боснийского пашалыка. По сути дела, путешествие Гильфердинга состоит из трёх поездок, совершённых им по территории Боснии, Герцеговины и Старой Сербии. Маршруты были таковы¹⁷⁹:

- 1) Рагуза – Требинье – Мостар (Герцеговина) – Сараево;
- 2) Сараево – Рогатица – Вышеград (юг Боснии) – Старая Сербия (Печ, Косово поле, Дечаны, Призрен, Приштина, Дробняк, Пива) – Сараево;
- 3) поездка по средней Боснии (Фоница, Травник, Яйце, Баня-Лука).

¹⁷⁴ *Он же*. Босния в начале 1858 года // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1858. Т. XXIII. Отд. II. С. 69–126.

¹⁷⁵ *Он же*. Босния в начале 1858 года // Русская беседа. 1858. Т. IV. Приложения. С. 1–58.

¹⁷⁶ *Он же*. Босния в начале 1858 года // Собрание сочинений. Т. 3. М., 1873. С. 279–328.

¹⁷⁷ Там же. С. 281.

¹⁷⁸ Старая Сербия – это исторический термин, так обозначаются территории Сербского государства периода династии Неманичей, не вошедшие в состав автономного сербского княжества в 1833 г.

¹⁷⁹ См. Приложение Г. Маршрут путешествия А.Ф. Гильфердинга по Боснии и Герцеговине.

Что же представляли собой эти территории, входящие в состав Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака, в конце 50-х гг. XIX в.¹⁸⁰?

«Наконец-то я за неприступною турецкою границею, наконец-то я в таинственной земле, о которой слышал столько рассказов и в которую ни один из рассказчиков не смел проникнуть [...] я давно уже кружил вокруг Боснии, и все говорили мне о ней с каким-то страхом» – так начинается повествование о загадочных для русского обывателя землях Александр Фёдорович Гильфердинг¹⁸¹. Совпал ли наводящий ужас образ турецких земель, рисуемый соседями и людьми, которым доводилось побывать в этих краях, с тем, что увидел там Гильфердинг?

«Итак, я теперь на турецкой земле, между дикими людьми» – сообщает путешественник¹⁸². Как уже было сказано выше, первое, что увидел он на своём пути, были Герцеговинские земли. Кругом запустение, жизнь как будто бы остановилась. Гильфердинг признаётся, что будто бы попал в далёкое прошлое. То же самое он встретил и в Боснии, о ней Александр Фёдорович пишет так: «не знаю, почему, заслужила в сербском народе титул «хвалёной» или «хвалящейся» Босны [...] как я скоро удостоверился, и хвалиться ей нечем, и хвалить её не за что»¹⁸³. Единственным островком благополучия являлся главный город Боснии. Гильфердинг пишет: «Кроме города Сараево, несколько продвинутого вперёд торговыми отношениями, вся Босния остаётся такою, какою она была 200 или 300 лет тому назад»¹⁸⁴. Однако Александр Фёдорович развеивает миф о постоянно подстерегающих путешественника опасностях, жестокости турок по отношению к неверным иноземцам и лихачестве местных славянских разбойников. За всё время путешествия российский консул, постоянно сопровождаемый свитой из охранников кавазов, ни разу не столкнулся с серьёзной опасностью. Да и охрана, возможно, была приставлена к нему лишь для исполнения двух функций: поиска

¹⁸⁰ С 1865 г. Боснийский вилайет.

¹⁸¹ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 6.

¹⁸² Там же. С. 7.

¹⁸³ Там же. С. 6.

¹⁸⁴ Письмо А.Ф. Гильфердинга к А.В. Плетнёвой // Русская литература. 1990. № 2. С. 134.

верного пути следования и ограничения числа возможных контактов российского дипломата с местным славянским населением.

В Старой Сербии наблюдается аналогичная картина: «что касается до дикости, то поездка по Албанским краям Старой Сербии убедила меня уже, как мало эта дикость угрожает опасностью европейцу, путешествующему с приличным конвоем кавазов» –пишет Гильфердинг¹⁸⁵. Впечатления от увиденного приводят консула к мысли что: «в Старой Сербии нет ничего, кроме старины. Жизнь славянская в ней угасла. Её поглотил наплыв албанцев»¹⁸⁶.

В городской местности по большей части проживало исламизированное население. Все города как один, были похожи друг на друга: «те же домики из нежжёного кирпича, большею частью необелённые и окружённые бесконечными заборами, те же узкие гладкомощённые улицы, та же гаршия (гостиный двор)»¹⁸⁷. В сельской местности, где проживало христианское славянское население наблюдалось полное запустение. Тяжёлый налоговый гнёт и произвол турецких помещиков затормаживал развитие региона.

Гильфердинг заключает: «нет теперь края в Турции, где бы безалаберщина и варварство господствовали в такой силе, как в этих славяно-мусульманских областях»¹⁸⁸.

На страницах «Путешествия» российский консул с честью сносит все невзгоды и неудобства, встретившиеся ему на пути: пребывание в турецких ханах («первобытных гостиницах»), многочисленные обеды и беседы с турецкими чиновниками, многочасовые переезды по полному бездорожью... В своём письме к хорватскому учёному и политическому деятелю И.А. Кукулевичу-Сакцинскому, по окончании несения службы в Сараеве Александр Фёдорович признаётся: «теперь мне позволено возвратиться домой, и я с нетерпением жду приезда моего преемника, чтобы отправиться в путь. Пребывание в Боснии оставило во мне

¹⁸⁵ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговине и Старая Сербия. С. 230.

¹⁸⁶ Там же. С. 119.

¹⁸⁷ Там же. С. 166.

¹⁸⁸ Письмо А.Ф. Гильфердинга к А.В. Плетнёвой. С. 134.

приятное впечатление по своей оригинальности и значительной учёной добычи; но, по совести скажу, надолго я никому не желаю вкусить Сараевской жизни»¹⁸⁹.

Одна из самых важных задач дипломата состояла в том, чтобы выяснить, что местное население ждёт от русского человека и что оно знает о России. Гильфердинг сообщает нам, что представителей далёкой России местные жители кличут «московами». Кто же такие эти загадочные «московы»? Что это за люди? В какой далёкой стране они живут, и какими ветрами доносились вести о них на турецкие земли?

Источники позволяют охарактеризовать отношение к Гильфердингу православного населения края. Очевидно, что православные славяне искали надёжной опоры, поддержки и сочувствия со стороны братского русского народа. Однако в этих поисках они зачастую сталкивались с двумя труднопреодолимыми препятствиями. Первое из них состояло в практически полном отсутствии знаний о далёкой русской земле и наличии смутных иногда даже сказочных представлений о царе «руссов» и его народе. Объясняется этот факт низким уровнем образования или же полным его отсутствием. Второе препятствие состояло в турецкой администрации, которая, по понятным причинам, стремилась ограничить контакты своих подданных с православными братьями-славянами. Гильфердинг неоднократно указывал на то, что его всяческими способами пытались оградить от общения с православным населением, и ему приходилось прибегать к разным уловкам, чтобы вывести истинное положение дел.

Гильфердинг прежде всего являлся представителем далёкой и великой страны России, которая должна была обеспечивать защиту и проявлять сочувствие к своим единокровным братьям. Гильфердинг указывает на то, что связь с Россией местные жители ощущали скорее на религиозном уровне, воспринимая её, прежде всего как православную державу. «Я стоял в Дужской церкви, слыша те же молитвы [...] окружённый толпою простолюдинов в их странных костюмах, с их бритыми головами, с их красными чалмами в руках [...] на меня, чужого смотрели как на родного брата, потому что видели во мне

¹⁸⁹ Письма А.Ф. Гильфердинга – И.А. Кукулевичу-Сакцинскому. С. 198.

единоверца...» – пишет Александр Фёдорович¹⁹⁰. На протяжении всей поездки, в разных местах Боснийского пашалыка его встречали толпы людей, пришедших издалека, чтобы посмотреть на русских. Автор «Путешествия» утверждает, что в этих «торжественных» встречах не было и намёка на преследование каких-либо корыстных целей. Чаще всего «им просто хотелось «полюбоваться» на православных, приехавших из далёкого царства»¹⁹¹. «О России они имеют самое смутное понятие, про политические расчёты и отношения – никакого» – уверяет читателя Гильфердинг¹⁹². Особенно свято чтили образ России в герцеговинских землях, где по наблюдению автора православная вера сохранилась больше чем в Боснии. «Имя России чтится здесь, как святыня», священник поминает «благочестивейшего царя православного, и народ гласно молит Господа Бога покорить под ноги его всякого врага и супостата» – пишет Александр Фёдорович¹⁹³. В своих донесениях российский консул говорит том, что это не пустой звук, а вполне осознанный глас народа, который с оживлением повторяет за священником эти мольбы. Упоминая о подобных эпизодах, Гильфердинг не раз указывает на необходимость учреждения российского консульства в Мостаре.

Для России сохранение своих позиций в Герцеговине, которая выказывала любовь и интерес к православному «царству», – одна из первостепенных задач. Об этом упоминал ранее и П.Н. Стремоухов. Он был недоволен решением, открыть консульство в Сараеве и считал, что в первую очередь нужно установить дипломатический форпост в сердце Герцеговины, городе Мостаре¹⁹⁴.

Большой интерес проявляли православные жители Герцеговины к обучению и дальнейшему образованию своих священнослужителей. В этом Гильфердинг также старался оказать помощь, организовывал поездки с целью обучения в Россию, присылал учебные материалы и богослужебные книги¹⁹⁵.

¹⁹⁰ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 10.

¹⁹¹ Там же. С. 11.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. С. 43.

¹⁹⁴ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского 1840–80е гг. ... С. 417.

¹⁹⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. С. 54., С. 83.

Пишет Гильфердинг и о восприятии России мусульманским населением. Со стороны турецкой администрации наблюдалось вполне благосклонное отношение к консулу, но важно учитывать, что он был дипломатом и поэтому имел в глазах чиновников особый статус.

«Москов представляется босняку-мусульманину каким-то страшным, мистическим существом. "Все гяуры злы, говорят они, но самый злой гяур – Москов" Когда мусульманин захочет выразить самым страшным образом ненависть свою к "Влаху" (христианину), то он назовёт его Московом» – так российский консул характеризует мусульманский взгляд на русских¹⁹⁶.

У жителей в данном регионе было достаточно смутное представление о России. Российская империя в глазах православных была единой сестрой турецких славян. Эта любовь подкрепляла уверенность в том, что братский народ придёт на помощь, если это потребуется. Однако никаких призывов к участию в свержении турецкой власти со стороны жителей Боснийского пашалыка не было слышно.

В своём труде Гильфердинг уделяет большое внимание быту, нравам, национальному характеру жителей Боснии, Герцеговины и Старой Сербии.

Он начинает рассказ о своём путешествии с описания герцеговинских земель. К славянскому населению Герцеговины у автора вполне благосклонное отношение. По большей части здесь проживали православные славяне. Александр Фёдорович отмечает следующие черты национального характера местных жителей: доброту, тягу к знаниям, трудолюбие. Народ Герцеговины он описывает так: «самый бедный, но зато самый добрый, самый крепкий, самый деятельный... Он жаждет образования и богато одарён способностями... Какое бы тут было зерно деятельности, если бы только дали этому народу какое-нибудь средство приобрести начатки образования»¹⁹⁷. Для жителей Герцеговины были характерны единство и чувство сплочённости. Они были готовы прийти на помощь, как только кто-нибудь бросит клич.

¹⁹⁶ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 5.

¹⁹⁷ Там же. С. 10.

Полную противоположность своим соседям представляли, по мнению Гильфердинга, боснийцы. В качестве наиболее типичных черт характера данного народа, российский консул выделяет: лень, разобщённость, беспечность. Особенно ярко это наблюдается в Сараеве. Босниец, по словам российского дипломата, будет жить в полуразвалившейся лачуге с низкими потолками и даже не задумается о том, что можно выстроить крепкий деревянный дом, используя находящиеся по соседству леса, босниец не будет засеивать поля на равнинной местности, боясь борьбы с холодом¹⁹⁸. Всё это сильно удивляло русского путешественника, привыкшего видеть просторные русские поля и не боящиеся самых лютых морозов, крепкие деревенские избы.

«Босняк придёт утром к источнику, напьётся воды, сколько может за один раз, сядет где-нибудь по близости, закурит трубку и сидит с полчаса или с час; потом подойдёт к ключу, опять напьётся и опять сядет и т.д. до пределов возможности» – такую картину приходилось наблюдать путешественнику на водах Киселяка¹⁹⁹. Гильфердинг сообщает, что данный образ вполне типичен для всего боснийского народа.

Среди православных жителей Боснии автор особо выделяет торговцев. О разобщённости народа он неоднократно упоминал в своих консульских донесениях. Из них следует, что представители купечества больше тяготели к турецкой администрации нежели к своим собратьям. Таким образом, между двумя группами православного населения образовалась пропасть. Одни находились в более привилегированном положении, получали различные льготы, вследствие чего были увлечены «туркофильством», другие же наоборот пребывали в крайне бедственном состоянии²⁰⁰.

Характерной чертой православных сербов, по заключению Гильфердинга, являлись верность своей религии добродушие: «любой серб простолюдин, каким

¹⁹⁸ Там же. С. 62.

¹⁹⁹ Там же. С. 249.

²⁰⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. С. 87.

бы грубым он не был, готов страдать за честный крест – это врождённое благородство»²⁰¹.

В свою очередь славянское исламизированное население значительно отличалось от мусульман албанцев и турок. Для славян характерной чертой, по мнению автора, было добродушие. Вместе с переходом в другую веру они не утратили и своей лени: «боснийские мусульмане до такой степени привыкли видеть вокруг себя всё разрушающимся, что им кажется совершенно естественным делать свой намаз в здании с провалившейся крышей, с горами мусора на полу, с выбитыми окнами и дверью; им и в голову не приходит мысль что можно и следовало бы починить его и остановить разрушение...»²⁰².

Сделанные Гильфердингом зарисовки национального характера славян, населявших территории Боснии, Герцеговины и Старой Сербии, указывают не только на различие их образа жизни и характера, но и различия в отношении представления о будущем своего края.

Как настоящий славянофил в центр своего исследования А.Ф. Гильфердинг ставит вопрос о вероисповедании местного населения. В первую очередь его интересует положение православных славян.

Гильфердинг одним из первых обратил внимание на то, что для местного населения означает принадлежность к какой-либо вере. Он пишет: «спросите у любого босняка, серба или герцеговинца к какому народу он принадлежит и он ответит вам, какого он вероисповедания»²⁰³. Для населения Боснийского пашалыка главной объединяющей чертой, определяющей принадлежность к какой-либо группе, являлась не общность происхождения, а вероисповедание. В основу управления всей территорией Османской империи был положен принцип деления по религиозной принадлежности – милеты. Ответственность за действия своих подданных несли духовные лидеры. Очевидно, что данная схема на каком-то этапе приобрела и локальный характер. Фактором самоопределения в первую очередь стала не общность исторического прошлого, не территориальное

²⁰¹ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 126.

²⁰² Там же. С. 212.

²⁰³ Там же. С. 87.

единство, а общность религиозных верований. Так, путешествуя по Старой Сербии, Гильфердинг указывает на следующий факт: синонимом слова «серб» является – «православный». Переходя в иную религиозную конфессию, человек теряет право называться «сербом». Принимая ислам, люди «становились в ряды чужого завоевательного народа», в случае же перехода в лоно католической церкви «они впадали в совершенную безнародность»²⁰⁴.

Продолжая разговор о населении Старой Сербии, Гильфердинг писал о единстве людей, ощущающих себя «сербами». Эти люди воспринимают себя как единую общность, живущую под властью различных государств. Для них существует одно великое Отечество – Сербская земля, невидимыми нитями связывает их не только православная вера, но и единое живое предание. Каждый знает святого Савву, Королевича Марка. В противовес этому «Серб – католик отвергает всё сербское, как православное, и не знает своего Сербского отечества, сербской старины»²⁰⁵. Родина для него – это место, где он родился, а отечество – римско-католическая церковь. Гильфердинг заключает: католицизм держится на духовенстве, а православие на народе. Возможно, это является следствием слабого уровня подготовки православных священников и их небольшого числа по сравнению с католическими кадрами.

Итак, по наблюдениям Гильфердинга: «Православный серб, в какой бы он глуши не вырос, сознаёт себя живым членом церкви [...] он следит за богослужением и проникается его смыслом...»²⁰⁶. Состояние же сербского духовенства в Старой Сербии выглядит в изображении Гильфердинга довольно плачевным. В Боснии и в Герцеговине была аналогичная ситуация.

Православные жители составляли большинство населения региона (свыше 40 %). Православное население Гильфердинг разделяет на несколько групп²⁰⁷:

²⁰⁴ Там же. С. 88.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же. С. 32.

²⁰⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 143.

- 1) Православный митрополит Дионисий, враждебно настроенный к российскому консульству;
- 2) низшее духовенство – «душою предано России»;
- 3) торговый класс, тяготеющий к туркам;
- 4) поселяне, находящиеся в самом плачевном состоянии;
- 5) христиане Герцеговины, безгранично преданные церкви.

Гильфердинг характеризует жителей Герцеговины, как истинных приверженцев православия. Они были озабочены проблемой строительства церквей, обучения своих священников. И как уже упоминалось выше, представляли собой единую общность. Земли к западу от Мостара находились под сильным влиянием Австрии, среди населения там было больше распространено католичество. Территории расположенные восточнее Мостара были заселены православными, и этот регион Гильфердинг считал одним из возможных опорных пунктов для России. Именно для того чтобы избежать усиления австрийского влияния, он настаивал на учреждении здесь российского консульства. В качестве одной из причин, того, что здесь такими крепкими остались православные традиции, русский путешественник считает соседство с Черногорией. В некоторых районах народ пользовался практически полной независимостью. Турецкие войска не добрались до местных церквей и монастырей, поэтому эти территории являлись своеобразным центром православия в регионе.

Ситуация в Боснии совсем иная. Здесь положение христианской церкви было менее благостно, Гильфердинг говорит об этом: «удивительно только, как православная стихия, при отсутствии всякого духовного наследия от старины, и при окружающем её огромном туземном населении мусульман, сильных своим полноправием, и католиков, сильных не только нравственной поддержкою Запада, но и своими историческими воспоминаниями [...] удивительно, говорю я, как при таких условиях Православная стихия ещё сохранилась в Боснии»²⁰⁸.

²⁰⁸ Гильфердинг А. Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 273.

Александр Фёдорович признаёт, что быть православным в Боснии намного тяжелее, чем в Герцеговине.

Одной из задач Гильфердинга был сбор сведений о состоянии православной церкви в регионе. В своём письме к А.В. Плетнёвой Гильфердинг даёт характеристику церковной жизни типичную для большинства территорий, которые ему удалось посетить: «церковь [...] одна на расстоянии 3–4-ёх дней пути [...] маленькая хижина [...] в ней голые выдолбленные стены, вместо иконостаса голая деревянная перегородка, алтарь – голый каменный стол, иконы и сосуды мужики держат в своих хатах и приносят с собою, когда бывает служба 3 или 4 раза в год; и то околоток счастлив, когда есть в нём такая церковь»²⁰⁹. По словам Гильфердинга, на сооружение такой «лачуги» уходило множество сил и колоссальные средства. В основном проблема строительства и поддержания жизни прихода лежала на плечах кметов, которые возводили храмы, как говорится, всем миром: «каким подвигом было для горсти христиан, живущих в Приеполе, выстроить церковь! Они малочисленны, бедны, должны бороться с ожесточением своих повелителей, а всё же поставили на своём, и имеют теперь церковь, чего христиане не достигли во многих городах Боснии, где торговый класс богат и не тревожим мусульманами» – пишет Гильфердинг²¹⁰.

Александр Фёдорович отмечает, что вера православного населения территорий находящихся под властью Османской империи куда больше, чище и искренней, нежели их австрийских собратьев: «когда же вы в Турции вошли в православный храм, ничто во время молитвы не напоминает вам про мир, про власть иноземца и иноверца»²¹¹. По мнению автора, положительным результатом османского завоевания стало изменение смысла православия и значения принадлежности к церкви: «народ почитает церкви и монастыри своим общественным достоянием и потому отстаивает право распоряжаться их делами [...] В деле веры и церкви тотчас готова воскреснуть у них община, ослабевшая, в следствии многих несчастных обстоятельств [...] Эта свобода народной жизни

²⁰⁹ Письмо А.Ф. Гильфердинга к А.В. Плетнёвой. С. 135.

²¹⁰ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 221.

²¹¹ Там же. С. 10.

христиан в делах духовных есть тот луч света, который отрадно блестит во мгле, покрывающей турецких славян, и который, может быть, укажет им путь к возрождению [...] Мусульманское же завоевание поставило веру и церковь вне светских условий; единственным их хранителем сделался народ; хранить их становилось для народа подвигом нравственной свободы и самоотвержения, ибо все внешние условия манили его к отступничеству»²¹². Итак, по мнению Гильфердинга, православие перестало быть только орудием для легитимации в руках местных династий, оно стало достоянием общественности, такой своеобразный вариант «народной церкви».

С какими же проблемами приходилось сталкиваться православному христианину? Пожалуй, одной из самых серьёзных помех на пути процветания было наличие соседа-мусульманина, который находился в привилегированном положении. Взаимоотношения с исламским населением и турецкими чиновниками по-разному складывались в различных областях. Гильфердингу доводилось встречать как угнетённых, доведённых до нищенского состояния православных христиан, так и живущих в полном мире и взаимопонимании с турецким соседом. Исходя из данных представленных, Гильфердингом нельзя говорить о повсеместном угнетении православного славянского населения. Хуже всего приходилось жителям Старой Сербии, юго-западной Герцеговины и Боснии.

Основной проблемой для жителей Старой Сербии было соседство с албанцами-мусульманами. «Сербский народ видел больше горя, чем радости, его история полна бедствий. Но после Косовской битвы, не было для него большего бедствия, чем переселение Патриарха Арсения Черноевича с 37.000 сербских семейств в Австрию»²¹³. После ухода сербского населения с этих земель в 1690 г., они были заселены албанцами. Арнаутов²¹⁴ Гильфердинг называет «самыми буйными» соседями. Их религиозный фанатизм он объясняет не столько стремлением к верному служению исламу, сколько в традициях современной ему этнографии природной дикостью характера. Причину принятия мусульманской

²¹² Там же. С. 228.

²¹³ Там же. С. 123.

²¹⁴ албанцев

веры албанцами он видит в живущем в народе стремлении к свободе: «Албанец предпочитает свободу всему и даже вере»²¹⁵. Следовательно, для того чтобы чувствовать себя спокойно и уверенно и ни в коем случае не оказаться в положении угнетаемого народа, арнауты и приняли господствующую религию. Гильфердинг говорит о том, что вера для албанцев выполняет лишь одну функцию – она дарит чувство защищённости. Поэтому причиной хорошего отношения к славянам является полное равнодушие, как к христианству, так и к магометанству, а случаи «неимоверного свирепства албанцев – мусульман против беззащитной райи» Александр Фёдорович призывает нас приписать к «природному буйству и кровожадности характера» албанцев²¹⁶. Так, самым беспокойным районом для проживания славянского населения являлись окрестности Призрена, где, по словам Гильфердинга, «кровожадность арнаутов держит в страхе соседей-христиан». Наблюдаются большие трудности и в повседневной церковной жизни христиан. Так, к примеру, в Приштине православное население получило дозволение строить церкви только в 20-е гг. XIX века.²¹⁷

В Боснии встречается большой процент славян-потурченцев. И если уже не наблюдалось единства среди православных жителей пашалыка, то особой благосклонности со стороны собратьев иноверцев ждать тем более не приходилось. Переход боснийцев в ислам, по мнению Гильфердинга, в первую очередь был вызван желанием местной знати сохранить привилегии и поместья. У боснийских мусульман, также как и у герцеговинских российский дипломат не видит предвзятого отношения к христианскому населению. То же самое можно сказать и о турецких чиновниках (большую часть которых составляли славяне-потурченцы). В разных районах Боснии и Герцеговины он наблюдал разную картину. Где-то христианам не позволено сидеть в присутствии турецкого мудира, полагается стоять, склонив голову, а в герцеговинской Пиве христиане с мудиром «за панибрата, бесцеремонно садятся подле него, треплют его по плечу и

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Там же. С. 149.

²¹⁷ Там же. С. 166.

гордо носят в его присутствии оружие»²¹⁸. Эта картина была характерна для всех приграничных нахий.

Вторым препятствием на пути укрепления православной веры являлись собственно внутрицерковные проблемы. Наряду с проблемами строительства церковей серьёзной проблемой был слабый уровень подготовки священнослужителей или же полное отсутствие священников. Гильфердинг сообщает: «сельский житель часто растёт, старится и умирает, не видев никогда церковного служения»²¹⁹. Недоступность образования – главная проблема региона. Восхищение вызывают у Гильфердинга стремления настоятеля монастыря Дужи в Герцеговине, который будучи совершенно необразованным посылал иноков на учёбу в Белградскую семинарию²²⁰. Собирая рукописи в монастырях, Гильфердингу не раз приходилось разъяснять священнослужителям разницу между печатным и рукописным материалом: «сотни раз мне показывали и даже присылали иногда из далёких мест какие-нибудь старопечатные книги Сербских типографий (процветавших в XVI веке), в полной уверенности, что это рукописи...» – пишет он²²¹.

Говоря о католическом духовенстве, Гильфердинг отмечает, что оно находилось в лучшем положении и собственно являлось главным стержнем для своей паствы. Причина этого – большое внимание со стороны соседней Австрии к католическому населению. Александр Фёдорович отмечает хорошую работу дипломатического ведомства Австрии, а также более благосклонное отношение и уступчивость турецких властей к католикам.

Александр Фёдорович своё путешествие совершил в 1857–1858 гг., когда набирало силу восстание на территории Герцеговины. Как уже было сказано выше, одной из главных задач деятельности Гильфердинга – консула, было наблюдение за воплощением в жизнь хатт-и-хумаюна 1856 г. Сложности в реализации реформ, сопротивление властей края привели к вспышкам

²¹⁸ Там же. С. 242.

²¹⁹ Там же. С. 13.

²²⁰ Там же. С. 10.

²²¹ Там же. С. 202.

недовольства как мусульманского, так и христианского населения Боснии и Герцеговины. На основе данных, собранных Гильфердингом, можно составить представление о положении местного населения в период реформ в Османской империи. Важно при этом понять характер турецкой системы управления.

Таблица 1.3. – Исполнительная власть Боснийского пашалыка²²²:

Боснийский пашалык	вали (генерал–губернатор)	назначается Портой
Санджаки: Сараевский, Травницкий, Банялукский, Бихачский, Зворницкий, Нови-Пазарский	Каймакам	назначается Портой, кроме Сараевского санджака
Нахия (42)	Мудир	назначается вали

Люди, занимавшие высокие административные должности управленцев, недолго задерживались в Боснии, по словам Гильфердинга, ротация кадров в Боснийском пашалыке была очень высока. Об этой системе он писал: «странно устроена: на вид подумаешь, что она никак не может действовать, а всё-таки колёса вертятся, но вяло, и почти ничего не захватывая, кроме денег в карманах жителей»²²³.

Главным представителем судебной власти считался мулла, присылаемый на один год из Константинополя. В каждом городе представителем судебной власти являлся кадий, назначаемый генерал-губернатором. Параллельно судебные функции мог выполнять и меджлис (административный совет).

Меджлис состоял из почётных мусульманских жителей по выбору генерал-губернатора и каймакамов и ходжа-баши, представителя райи (избираемого православной, латинской и еврейской общинами). В Сараеве и главных городах

²²² Гильфердинг А.Ф. Босния в начале 1858 года. С. 288.

²²³ Там же. С. 288.

санджаков меджлис находится под председательством дефтердара (казначея), назначаемого Портой. В нахиях – под председательством мудира.

Кади судил в своём суде – мехкеме по Корану, не принимая свидетельства христиан. В меджлисе судили по танзимату, учитывая свидетельства христиан.

В распределении дел между этими судами была полная неразбериха. Турецкие чиновники не знали славянского языка. Христиане, свидетельствующие в суде не знали турецкого.

О местной судебной системе Гильфердинг отзывался так: «она отличается такой мёртвой сонливостью, какой представить себе нельзя, не побывав в стране, и [...] она при всяком деле, несколько общем и важном и не обещающем барыша, относится в Константинополь, где дело погружается в вечность забвения»²²⁴.

Финансовая система находилась под начальством сараевского дефтердара, назначаемого Константинополем. Основные налоги для населения составляли: верия или порез²²⁵ – для всех, аскерия или войнина²²⁶ – для христиан (вместо харача и воинской повинности), взимаемые с села. Кроме того существовала масса других налогов, право на сбор которых, государство отдавало на откуп. Контролировать эту систему было очень сложно²²⁷.

Военное управление было в руках у дивизионного генерала, он подчинялся главнокомандующему Румелийской армией, находящемуся в монастыре Битоле. В Боснии располагалось несколько полков регулярного войска и отряды башибузуков и арнаутов²²⁸.

Во время пребывания Гильфердинга в Боснии генерал-губернатором был Бостанчибаншизаде Решид Мехмед-паша. В своих донесениях Гильфердинг даёт ему следующую характеристику: «он не принадлежит, по-видимому, ни к числу старых турок – фанатиков, ни к новой школе европейски образованных турок»²²⁹. Александр Фёдорович указывает на доброту Решида Мехмед-паши, которая

²²⁴ Там же. С. 290.

²²⁵ поземельная подать

²²⁶ военный налог с христиан, взимаемый вместо рекрутской повинности

²²⁷ Гильфердинг А.Ф. Босния в начале 1858 года. С. 290.

²²⁸ Там же. С. 291.

²²⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. С. 46.

сочеталась с чрезмерной мягкостью и оборачивалась не благом, а полной апатией к деятельности местных властей. Последние же чинили полный произвол на местах. Порядка в Боснии не было. Что касается проведения в жизнь хатт-и-хумаюна, то Гильфердинг указывает на односторонность воплощения султанского указа. С одной стороны появилась возможность строить церкви и открывать школы, с другой – в суде продолжал царить полный произвол. Дела решались чаще всего в пользу мусульман. Крупные города находились под управлением пашей и каймакамов. Гильфердинг пишет: «при господствующем в Турции управлении, которое в высшей степени децентрализовано, при всех своих стараниях казаться быть сосредоточенным, власть пашей и каймакамов распространяется за ближайшие пределы главных городов, где они сидят [...] Все прочие города и округа, т.е. почти вся область, находятся в распоряжении мудиров»²³⁰. Таким образом, мудирья оказывались ближе всего к славянскому населению.

Автор «Путешествия» достаточно много общался с этой группой управленцев и представил читателю портрет мудира типичный для данной местности. Среди мудиров чаще встречались турки. Синонимом слова «мудир», сообщает Гильфердинг, можно считать русское слово «выскачка», так как эту должность можно было получить после долговременной и верной службы у паши. Каждому мудиру была присуща «смесь лакейства с начальническим духом»²³¹. Естественной чертой каждого мудира являлась неограниченная склонность к взяточничеству и полное незнание сербского языка. Мудир – «совершенно абстрактный представитель власти в своём городе и округе [...] с народом у него нет ничего общего. Однако в его руках находится вся распорядительная власть»²³². В его ближайшем окружении были: судья – кади, также не знающий славянского языка; члены совета (меджлиса), которые оказывали верную поддержку мудиру при дележе взяток и ходжа – паша. Последний являлся представителем христиан в меджлисе и его деятельность состояла в том, «чтоб

²³⁰ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 70.

²³¹ Там же. С. 70.

²³² Там же.

говорить «эветь» (да), прикладывать свою печать там, где укажут, и перевозносить перед почётными проезжими лицами добродетели мудира»²³³. Кроме того, по словам Гильфердинга, мудир как правило глуп и склонен к пьянству. Мудир – представитель туземного населения, обратно выказывал полное незнание турецкого языка, с отеческой теплотой отзывался о подвластном ему народе, но при этом прибегал к постоянным угрозам по отношению к нему²³⁴.

Такая яркая картина турецкого произвола не выдумка Гильфердинга. Это признавал в своей работе и Пашко (Паско) Васа - эфенди, албанский историк, писатель, поэт и видный турецкий чиновник. В 1862–1863 гг. он находился в Боснии и Герцеговине в составе миссии Джевдет - эфенди и по просьбе султана написал небольшое сочинение о положении дел в регионе²³⁵. Говоря о целях написания своей работы, он указывал на несправедливые оценки положения дел, встречающиеся в европейской литературе и желание рассказать западному читателю о том, как обстоят дела на самом деле. Примечательно, что большинство его характеристик и замечаний относительно особенностей турецкого управления этими областями совпадают с тем, о чём говорит Гильфердинг.

Проблемы с управлением, халатность и коррумпированность местных чиновников приводили к тому, что местное население в полной мере испытывало на себе гнёт помещиков и военачальников. «Несчастный народ! – восклицает Гильфердинг – Он должен хвалить своих правителей за обещания, которые не исполняются, и благодарить за благодеяния, которых не видит на деле!»²³⁶.

При такой системе, где не ясно кому подчиняться, в тяжёлом положении находились кметы, то есть простые поселяне, работающие на земле. Портрет их выглядит так: «у них одежда была в лохмотьях, на ногах старые опанки, лица их запечатлены были тем выражением, которое составляет, можно сказать, тип физиономии боснийских и герцеговинских поселян, кметов: тип неизменного

²³³ Там же. С. 71.

²³⁴ Там же. С. 27–29.

²³⁵ *Pasko Vasa-efendija*. Ibid.

²³⁶ *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 38.

отчаяния, приближающийся к одурению. Кметов мусульман в Боснии и Герцеговине не много, и надобно сказать, что религия, не охраняет их от притеснений, хотя несомненно, что они страдают гораздо меньше христиан. Новые порядки, заведённые в этих областях правительством, коснулись их интересов; распространение прямых налогов на магометан, почти нечувствительное для помещиков и городских жителей, пало всю тяжестью на кметов; оттого-то кметы мусульмане теперь чрезвычайно подружились со своими братьями христианами; христиане хвалят их за их любовь к ним; они нередко участвуют в жалобах, приносимых кметами христианами высшим властям и вместе с ними охотно обращаются к европейским агентам с просьбой о заступничестве»²³⁷. Недовольство, вызванное изменением налоговой системы, будоражило сельские районы. Результатом такой политики властей стало сближение боснийской аристократии с христианским населением. Возрастали сепаратистские стремления, и в поисках союзников, славянская знать уменьшила давление на своих православных братьев. Однако Гильфердинг не считал, что боснийская аристократия представляла собой реальную политическую силу: «положение её слишком шатко и двусмысленно, слишком велико противоречие между политической задачей — быть защитницей народа, и природными инстинктами, которые влекут её к фанатизму и угнетению. Боснийская аристократия будет вероятно отстранена или задавлена ходом истории»²³⁸.

В своих стремлениях к обретению независимости от Османской империи боснийцы искали, по свидетельству Гильфердинга, поддержку у соседних народов: «Как прикажите растолковать босняку начала политического консерватизма, незаконность революционных предприятий и вмешательство консервативного начала для подавления революционного, когда вся политика босняка, будь он мусульманин, католик или православный, всё равно заключается в одном убеждении: что братья по вере составляют один народ и должны помогать друг другу? Это убеждение в босняках неискоренимо: даже мусульмане

²³⁷ Там же. С. 214–215.

²³⁸ Там же. С. 263.

боснийские, сколько им не твердили в последнее время о невмешательстве иностранцев во внутренние дела Турции, о том, что "Султан есть полный хозяин в своём доме", всё-таки никак не могут понять, чтобы какое-нибудь государство могло не заступаться за своих единоверцев»²³⁹.

Гильфердинг выступал против сепаратистских тенденций боснийского народа. Он говорил о том, что даже в случае достижения успеха в этом деле, что маловероятно, реальной политической силы, которая сможет взять власть в свои руки и наладить жизнь региона не существует.

Александр Фёдорович считал, что на данном этапе населению Боснийского пашалыка лучше всего оставаться под властью Турции. Россия же должна оказывать поддержку местному населению, только посредством влияния на турецкие власти. Из донесений Гильфердинга видно, что российское консульство ежедневно посещало множество христиан с жалобами на произвол местных властей. Какова же была возможность консульства России оказать им реальную поддержку? В донесении 1858 г. Гильфердинг признаёт, что влияние Австрии на турецкое управление намного больше. Это видно и из текста «Путешествия», где Александр Фёдорович неоднократно упоминает о лучшем положении католического населения, которое достигается благосклонностью турецких властей к австрийским дипломатам.

На территории Боснийского пашалыка наблюдалась крайняя степень децентрализации, царил турецкий произвол. Всё это, а также изменение налоговой политики ухудшало положение местного населения, в особенности кметов.

Исходя из вышеизложенного материала, можно сделать определённые выводы:

1) сочинение Гильфердинга представляет собой в первую очередь путевые заметки и содержит сведения различного характера: описание природы, турецкое управление, состояние православной церкви, филологические наблюдения, исторические отступления;

²³⁹ Там же. С. 269.

2) поездка Гильфердинга имела практические цели (сбор рукописей, анализ положения местного населения). Она должна была приоткрыть русскому читателю дверь в мир турецких славян;

3) говоря о Боснии, Герцеговине и Старой Сербии, в качестве связующего звена с Россией Гильфердинг отмечал только общность православной веры;

4) вероисповедание для жителей данных территорий имело большое значение и определяло принадлежность к определённой группе, воспринимающей себя как единую народность;

5) православные церкви в регионе находились в плачевном состоянии;

6) турецкое управление на территории Боснийского пашалыка было децентрализовано;

7) положение православного населения в разных областях Боснии, Герцеговины и Старой Сербии различалось. Оно зависело как от местных властей, так и территориального расположения.

Отъезд Гильфердинга из Боснии

Пока Гильфердинг совершал свои поездки по вверенным ему краям, все дела в Сараеве вёл *А.С. Ионин*. Общение с османскими властями изначально было возложено на него, так как он владел турецким языком. Для ориентального турецкого общества не последнюю роль играли чины и регалии иностранных дипломатов. В зависимости от звания и наличия правительственных наград менялся тон разговора, поэтому молодой секретарь *А.С. Ионин* как ни старался, не мог добиться полного расположения местных властей.

Осенью 1857 г. в Герцеговине назревало очередное восстание населения против турок. Для разъяснения обстановки в эту область был отправлен *А.С. Ионин*. Ему предстояло разобраться в причинах происходящего и выявить зачинщиков. В своём донесении он писал директору Азиатского департамента Ковалевскому: «в скором времени после моего прибытия в Мостар я мог убедиться, что вице-консул австрийский своим участием много способствовал губернатору Герцеговины произвести из восстания почти междоусобную

войну»²⁴⁰. Турецкие власти официально заявляли, что организатором народных волнений выступала Черногория. Эту версию поддерживали и представители английского консульства: временный английский агент капитан Джонс и его драгоман Александр Джуркович. Первоначально они выступили в качестве посредников турецких властей. Их стремления убедить местное население в том, что организатором восстания стала Черногория и добиться от христиан письма с повинной к султану не увенчались успехом. Ионин успел предупредить местное духовенство о намерениях англичан. Джонс начал вооружать мусульман первым, спровоцировав тем самым агрессию герцеговинского населения. В разгар конфликта, заручившись доверием турецких чиновников, он отправился в монастырь Дужи, где по его словам, обнаружил среди восставших 2000 черногорцев. Затем работники английского консульства изменили тактику. Поднявшимся против турецких властей, Джуркович говорил о том, что он является представителем российского консульства, пользуясь доверчивостью повстанцев, он убеждал их, что восстание организовано черногорцами. Джонсу удалось дискредитировать консульство России. В глазах турок Гильфердинг и Ионин выглядели главными организаторами волнений. Путешествия Гильфердинга обсуждались в меджлисе Мостара и расценивались как попытка агитации к восстанию²⁴¹.

В реальности Гильфердинг не только не занимался подстрекательством, но напротив он одним из первых сообщал в своих донесениях об опасности грядущих событий. Открытого вмешательства со стороны консула не было. Донесения Гильфердинга в Азиатский департамент говорят лишь о его сочувствии местному населению и попытке решить вопрос мирным путём, договорившись с местными турецкими властями²⁴². Кроме того, он искренне полагал, что состояние боснийского общества таково, что даже успешные выступления против турецких властей ни к чему хорошему не приведут. В

²⁴⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. С. 121

²⁴¹ Там же. С. 123.

²⁴² Там же. С. 79–81.

регионе было необходимо проводить долгосрочную подготовительную работу, развивать образование, укреплять позиции православной церкви.

События продолжали разворачиваться не в пользу российской дипломатии. Восстание ширилось и в январе 1858 г. достигло своего апогея. Ионин сообщал о провокационных действиях со стороны Австрии, но в итоге именно ей предоставили возможность выступить арбитром в разрешении конфликта. В феврале новым консулом в Сараеве был назначен *Евграф Романович Щуленников*. Гильфердинг составил для него записку, в которой говорилось об условиях и задачах деятельности консульства. Он указывал на то, что в Сараеве нет твёрдой точки опоры для России ни в иностранных агентах, ни в турецких властях, ни в городских жителях, выказывал опасения в связи с ростом влияния представителей Англии и Австрии²⁴³.

Боснийский историк И. Тепич на основании изучения деятельности российского МИД пришёл к выводу, что Гильфердинг был отозван по требованию турецких властей. Однако письма Гильфердинга к М.Ф. Раевскому свидетельствуют о его добровольном решении покинуть дипломатическую службу: «меня согласились отозвать из Боснии, где я не хотел засиживаться не потому, чтобы место было тяжело, а потому, что семейные отношения призывают домой» – писал Гильфердинг²⁴⁴.

1 января 1858 г. коллежскому асессору, управляющему консульством в Сараеве А.Ф. Гильфердингу был пожалован орден Святой Анны III степени. Александр Фёдорович сердечно благодарил за эту награду Ковалевского, но вместе с тем писал: «если бы мне был представлен выбор [...] охотнее видел бы крестик не на себе, а на груди доброго товарища сараевского изгнания, который более меня, кажется, заслужил такой награды. Для меня пребывание в Сараеве, по своей кратковременности, было приятной оригинальностью, и дало мне возможность совершить путешествие, которого я особенно желал и которое вознаградилось богатой археологической добычей. Пока я проводил часть лета в

²⁴³Там же. С. 141–145.

²⁴⁴ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 33–35.

привлекательных для меня изысканиях, г. Ионин осуждён был на затворничество в душном турецком городе»²⁴⁵.

В Боснии Гильфердинг оставался ещё около пяти месяцев. Возвращался домой он через Мостар, взяв с собой в качестве воспитанника уроженца этого города Йована Дреча.

После отъезда Гильфердинга Ионин попал в тюрьму за шпионаж и подстрекательство к восстанию. В заключении он провёл три дня, после чего бежал в Австрию²⁴⁶, но вскоре вернулся на свой пост в Сараево.

Так закончилась история короткого пребывания Гильфердинга на посту консула России в Боснии. Несмотря на то, что эту должность он занимал меньше года, им был задан определённый вектор для русской политики в регионе. История с обвинением дипломатических агентов России в подстрекательстве к восстанию имела и положительный результат. Опыт работы сараевского консульства показал, что дипломаты не в силах держать под контролем ситуацию и в Боснии и в Герцеговине. В 1858 г. было открыто консульство в Мостаре²⁴⁷. «Путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии» ознакомило с миром и историей этого региона не только преемников Гильфердинга на посту консула, но и все русское общество. В ходе своих поездок по землям славянской Турции, Гильфердинг добился решения задачи, которую ставил перед ним Горчаков: сделать Россию известной и близкой местному населению. Смутное представление о великой славянской державе начало приобретать явственные черты, особенно когда с подачи Гильфердинга в эти края систематически начала поступать материальная помощь из России. Первый российский консул оставил о себе добрую память у местных жителей. Характерен в связи с этим следующий эпизод. В 1867 г. Зеницкая церковная община обратилась к русскому царю с просьбой оказать материальную помощь местной школе и церкви. В письме говорилось о том, что до 1857 г. местные жители не знали о существовании

²⁴⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 93. Оп. 4. Ед. хр. 32. Л. 1–2об.

²⁴⁶ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима... С. 257–265.

²⁴⁷ О необходимости открытия российского дипломатического представительства в главном городе Герцеговины постоянно говорил в своих донесениях Гильфердинг, настаивал на этом и П.Н. Стремоухов.

большого православного государства, которое может стать их покровителем. Об этом им стало известно после приезда российского консула Александра Гильфердинга, который многим запомнился. На прошение прислать им необходимые церковные книги и убранство консул незамедлительно откликнулся. Местные жители, получив дары «царства русского, со слезами на глазах благодарили Бога»²⁴⁸.

Гильфердинг вернулся в Россию, покинул дипломатическое ведомство, но Босния оставила след в жизни общественного деятеля и учёного. Александр Фёдорович являлся членом московского славянского комитета, а позже возглавил его отделение в Петербурге (1868 г.). Ему принадлежит идея и организация отправки боснийских и герцеговинских мальчиков на учёбу в Россию²⁴⁹. На основе собранных им данных, было налажено систематическое оказание помощи церквям Боснии и Герцеговины. Он оказывал активную поддержку боснийской просветительнице Стаке Скендеровой в деле открытия школы для девочек в Сараеве²⁵⁰.

Надежды же А.С. Ионина на краткосрочное пребывание среди турецких славян не оправдались. Он всю свою жизнь посвятил дипломатической службе и провёл на Балканах около тридцати лет²⁵¹. В Сараеве он пробыл до 1860 г. Гильфердинг неоднократно ходатайствовал о переводе своего коллеги на службу в более благополучные края. Ионин не отличался крепким здоровьем. Несколько раз за своё пребывание в Османской империи он находился на грани жизни и смерти²⁵². Однако судьба надолго свела его с турецкими славянами.

Российское внешнеполитическое ведомство пошло на своего рода эксперимент, сознательно назначая на короткий срок на должность консула во

²⁴⁸Радослављевић Н. Ibid. С. 127.

²⁴⁹В 1858 г. вместе с иеромонахом Прокопием Чокрило на обучение в Россию прибыла первая группа мальчиков из Боснии и Герцеговины. Среди них был Йован Пичета – отец выдающегося слависта Владимира Ивановича Пичеты.

²⁵⁰Подробнее этот сюжет рассмотрен в § 2 Глава3.

²⁵¹С августа 1856 г. был в составе российской дипломатической миссии в Константинополе. С 1857 г. секретарь русского посольства в Сараеве. В 1860 г. был перемещён в Янину, в период с 1864 по 1869 гг. был консулом в Янине. С 1869 г. консул в Дубровнике, с 1875 по 1878 гг. генеральный консул. С 1878 г. министр-резидент в Черногории, в 1883 г. временно управлял генеральным консульством в Софии, затем до 1892 г. был чрезвычайным послом и полномочным министром в Бразилии. С 1885 г. посол в Аргентине. Автор сочинения «По Южной Америке» (СПб., 1892).

²⁵²ОР РНБ. Ф. 356. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 4об.

вновь открытое представительство учёного, знатока истории и культуры местного населения. Собранные Гильфердингом данные и глубокий анализ положения дел в регионе позволили скорректировать характер русской политики в Боснии. Значение его этнографического труда об этих краях трудно переоценить. Гильфердинг и сам понимал, что всего этого было бы трудно достичь без помощи А.С. Ионина. Поэтому Гильфердинга и Ионина можно смело назвать первооткрывателями Боснии и Герцеговины для русского общества.

§ 3. Деятельность российских консульств в Сараеве и Мостаре в 1858–1875 гг.

Российское императорское консульство в Сараеве

Евграф Романович Шулепников (1820 – ?) сменил Гильфердинга на посту консула²⁵³. Несмотря на то, что назначение на эту должность было получено ещё в октябре 1857 г., к месту службы он прибыл только в конце февраля 1858 г. Шулепников был опытным дипломатом. Свою работу в структуре Азиатского департамента он начал сразу же после окончания Санкт-Петербургского университета. С 1842 г. Шулепников работал в российском консульстве в Яссах, сначала он был переводчиком, затем секретарём. С мая 1856 г. был временным управляющим консульства в Бухаресте. В отличие от Гильфердинга и Ионина, был женат и воспитывал двоих детей²⁵⁴. Отзывы о служебной деятельности дипломата были положительными.

В первую очередь Шулепникову было необходимо наладить отношения с турецкими властями и иностранными консулами. Сделать это было непросто, так как именно в это время кульминации достигло восстание Луки Вукаловича. Целый месяц вместе с А.С. Иониным новый консул провёл в Мостаре, а затем они отправились в Дубровник. Ионин был послан в эпицентр событий, в Восточную Герцеговину, город Требинье. Вскоре Шулепников и сам поехал в эти беспокойные области, которые и в дальнейшем ему приходилось посещать.

²⁵³ См. Приложение Б. Портреты российских консулов в Сараеве.

²⁵⁴ *Тетин И.* Босна и Херцеговина у руским изворима... С. 36–41.

После отъезда А.С. Ионина консульству приходилось нелегко. Щулепников и его новый секретарь *Алексей Николаевич Кудрявцев* не владели сербским языком, и им было трудно разобраться в большом количестве прошений от местных жителей, приходящих в адрес консульства. Щулепников писал Раевскому: «хотя я немного понимаю в сербском, но читаю очень плохо; теперешний мой секретарь Кудрявцев знает ещё гораздо менее меня»²⁵⁵. Зачастую они пересылали оригинальные тексты прошений в славянский комитет, признаваясь, что не совсем понимают их содержания.

С 1865 г. российскому консулу в Сараеве было поручено направлять свои донесения младшему секретарю миссии в Константинополе *Михаилу Александровичу Хитрово* (1837–1896). Этот факт очень обрадовал Щулепникова. Он писал, что теперь может представлять информации куда больше, чем в официальных донесениях, не боясь впасть в немилость²⁵⁶. Такая проблема стояла не только перед российскими консулами.

Широкий резонанс в Великобритании получила брошюра англиканского священника Дентона, который раскритиковал деятельность Министерства иностранных дел Великобритании. Священник обвинял дипломатов и правительство в намеренном замалчивании фактов о притеснении христианского населения Турции и создании иллюзии покровительства над славянскими народами. По его словам, консулы направляли в вышестоящие органы положительные донесения о проведении в жизнь хатт-и-хумаюна из боязни нанести ущерб своей карьере. В ответ на депешу Горчакова о притеснениях христиан в Турции, английское правительство разработало для консулов специальную анкету-опросник о положении немусульман на Балканах. Вместе с каждой анкетой консулы получили секретные конверты с ответами, которые подобало дать на заявленные вопросы. Казус произошёл лишь с одним консулом, не получив вовремя конверт, он честно ответил на все пункты анкеты. Позже, чтобы не потерять своего поста ему пришлось дать официальные опровержения

²⁵⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 11об.

²⁵⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 666. Л. 1об.

данным, представленным в опросном листе²⁵⁷. Однако нельзя сказать, что российские консулы испытывали чрезмерное давление со стороны вышестоящих властей и искажали факты в угоду официальной позиции правительства. В отличие от англичан, российских дипломатов можно было бы наоборот заподозрить скорее в драматизации положения христиан. Однако, достоверность присылаемых ими донесений подтверждается и источниками другого рода: записками иностранных путешественников, многочисленными письмами-прошениями местных жителей.

Щулепникову не удалось установить дружеских отношений с турецкими властями. Кайни - паша был крайне недружелюбно настроен к иностранным консулам. Неприятным эпизодом был конфликт с австрийским консулом Жаржи. В честь дня рождения императора Александра II в 1861 г. российское консульство устроило прием, на который были приглашены все турецкие чиновники и дипломатические представители других государств. Иностранные консулы, дабробосанский митрополит и представители паши посетили мероприятие. Отказался прийти только австрийский дипломат. Камнем преткновения стала просьба Щулепникова соблюсти протокол и одеться на мероприятие по форме. Это требование австриец воспринял как неприемлемое, так как во время празднования дня рождения императора Франца Иосифа форма одежды для гостей была свободной. Недоразумение привело к серьёзному конфликту. На некоторое время прекратились все контакты между российским и австрийским консульствами.

Отношения российских дипломатов с турецкими властями стали налаживаться с прибытием *Топал Шериф Осман - паши* (1861 г.). Что же касается церковных иерархов, то в отличие от Гильфердинга, Щулепникову удалось наладить дружеские отношения с митрополитом *Дионисием* и сменившем его митрополитом *Игнатием*.

²⁵⁷ Христиане в Турции. Статья Дентона, священника англиканской церкви // Русский вестник. 1864. Т. 49. №1. С. 346–348.

Щулепников продолжал, начатую Гильфердингом деятельность по распределению пожертвований из России местным жителям. Однако уже в мае 1859 г. возникли проблемы с раздачей присылаемых от славянского комитета вещей и денег. Щулепников долгое время не посылал расписок, ссылаясь на нежелание боснийцев отчитываться в получении помощи из-за боязни перед турками, а также из-за транспортной проблемы²⁵⁸. На консула посыпались обвинения из Москвы и Петербурга в лености и беспечности. Позже его не раз обвиняли в том, что он присваивает, присылаемую боснийцам помощь себе²⁵⁹. Насколько эти обвинения были обоснованны до сих пор остается неясно, но вскоре выяснилось, что консул погряз в долгах. Пагубной страстью Щулепникова были карточные игры. Он задолжал значительные суммы денег собственным кавазам Али-аге и Вели-аге, а также корреспонденту российского консульства торговцу Хаджи-Ристичу. Известно, что только Ристичу он был должен более шести тысяч червонцев²⁶⁰. Это вынудило Щулепникова прибегнуть к продаже собственного имения в Олонецкой губернии, начиная с 1865 г. он неоднократно обращался к Раевскому с просьбой подыскать для него покупателя²⁶¹. Для разрешения этих проблем он отправился в отпуск в Петербург. Во время его отсутствия на посту консула его заменял Иванов²⁶². В Петербурге Щулепников обращался за помощью и покровительством к графу Н.П. Игнатьеву. Покупателя на имение не нашлось и Евграф Романович, оставив доверенность на продажу, вернулся в Сараево²⁶³.

В связи с этими обстоятельствами Щулепников очень боялся гнева нового директора Азиатского департамента П.Н. Стремоухова. Он полагал, что начальник сделает всё, чтобы удалить консула со службы. Опасения Щулепникова были небезосновательны. Стремоухов известил графа Игнатьева о новых долгах сараевского консула. В ответ Щулепников поспешил уверить своего

²⁵⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 19–20об.

²⁵⁹ Там же. Л. 32–32об.

²⁶⁰ Там же. Л. 36–37.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Об этом дипломате не удалось найти никаких сведений.

²⁶³ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 4220. Л. 5–6.

покровителя, что это клевета. В своём письме от 26 мая 1866 г. он сообщает, что он «раздал 1100 червонцев (из коих 260 отправил в Бухарест)»²⁶⁴. Из этого следует, что долги у Евграфа Романовича появились ещё в Бухаресте. Стремоухов же на самом деле сочувственно относился к консулу, стараясь не доводить дело до Горчакова. Он писал: «в последнюю бытность Вашу в Петербурге в откровенном разговоре со мною о долгах Ваших, вы высказывали, что имеете твёрдое намерение и обещали мне совершенно расплатиться с кредиторами Вашими. Между тем я недавно известился, что Вы не только до сих пор долгов Ваших не уплатили, но что даже они постепенно у Вас увеличиваются. Это естественно должно ставить Вас на консульском месте Вашем в самое невыгодное для занимаемой Вами должности положение. Вследствие этого я вынужденным нахожусь напомнить Вам о данном Вами обещании расплатиться с Вашими кредиторами. Об этом я прошу вас по товарищески, так как в противном случае Вы не в состоянии будете сохранить за собою занимаемого Вами места, и я поставлен буду в печальную необходимость пригласить Вас, чтоб Вы или приискали для себя новую службу по другому ведомству, или же вовсе вышли в отставку»²⁶⁵.

К письму Стремоухова была приложена приписка от друга и коллеги Щулепникова Воеводского. Он говорил о том, что Стремоухов сочувствует консулу и уверен в его честности и порядочности. Воеводский упрекал Евграфа Романовича в том, что он пишет мало донесений в Азиатский департамент: «пиши больше. Твои редкие донесения вредят тебе»²⁶⁶.

В конце декабря 1867 г. обстоятельства дела сараевского консула стали известны Горчакову. Щулепников был вынужден подать прошение об отставке. Стремоухову сообщили, что Евграф Романович задолжал даже турецкому паше, но консул всё отрицал. Он писал Игнатьеву: «Видя [...] таковое нерасположение ко мне высшего начальства, мне не остаётся ничего другого, как преклониться

²⁶⁴ Там же. Л. 1–2об.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Там же. Л. 3об. – 4.

пред его волей и выйти в отставку»²⁶⁷. Щулепников обращался в МИД с просьбой выдать ему денежное пособие на покрытие долгов, но получил отказ, тогда он решился просить Игнатьева поспособствовать назначению для него приличной пенсии и возмещении почтовых расходов за десять лет службы, которые он оценил в 950 рублей²⁶⁸.

Серьёзные долги собственным кавазам Али-аге и Вели-аге Щулепников выплачивал ещё несколько лет. На посту консула он пребывал до конца мая 1868 г. Сараево стало финалом его дипломатической карьеры. Неизвестно как сложилась его судьба в дальнейшем²⁶⁹.

Следующим консулом России в Сараево стал *Алексей Николаевич Кудрявцев* (1836 –?)²⁷⁰. На службу в Азиатский департамент он поступил после окончания Лазаревского института. В 1858 г. находился при русской дипломатической миссии в Константинополе, 1859 год провёл при российском консульстве в Сараево, затем занимал должность драгомана при российском посольстве в Константинополе. В 1862 г. заменил А.С. Ионина на посту секретаря и переводчика консульства в Сараево. Короткое время замещал должность секретаря консульства в Мостаре. С 1864 по 1867 гг. был консулом в Тулче. Затем непродолжительное время замещал пост консула в Мостаре, и наконец, отправился в Сараево.

К этому моменту Кудрявцев был уже опытным дипломатом, который не понаслышке знал об этих краях. Долгое время он трудился один. Только в конце августа 1869 г. прибыл секретарь и переводчик *В. Якобсон*. Он замещал своего начальника в 1870 г., когда тот отправился в отпуск в Россию и Германию.

Интересно сложилась судьба кавазов Али-аги и Вели-аги, которым Щулепников, можно сказать, проиграл свой консульский пост в карты. В 1869 г. они изъявили желание покинуть русскую службу. Кудрявцев предложил им вступить в жандармерию в качестве офицеров, но Осман-паша опередил его,

²⁶⁷ Там же. Л. 7об.

²⁶⁸ Там же. Л. 7–8об, 8а–8аоб.

²⁶⁹ Сохранился ряд прошений к Игнатьеву с просьбой о помощи сыну Щулепникова, который был исключен со службы. Они датируются 1872–1873 гг. и отправлены из г. Потти. (См. ГАРФ. Ф. 730. Оп.1. Ед. хр. 4220.)

²⁷⁰ См. Приложение Б. Портреты российских консулов в Сараево.

зачислив их на престижные посты в ряды турецкой армии. Тогда Кудрявцев попросил Игнатьева выхлопотать для них награды. Российское посольство в Константинополе наградило их премиями по 45 дукат. Таким образом, Кудрявцев хотел показать, что Россия заботится о тех, кто на неё работает. Все российские консулы хвалебно отзывались об этих кавазах. После же своего ухода из консульства они запросили немедленного возвращения долгов от Щулепникова. К этому моменту проценты по долгам экс-консула достигли баснословных сумм в 325 и 225 дукатов. Чем закончилась эта неприятная история неизвестно, но это лишний раз показывает, что Щулепников вёл не самый безупречный образ жизни. Российский МИД в этом вопросе всегда выступал на стороне кавазов²⁷¹.

Несмотря на то, что изначально Кудрявцев воспринял своё назначение в Сараево с большим энтузиазмом, уже на втором году службы он начал просить перевода. Причиной этому послужила неприятная история с арендой дома Осман-паши. Кудрявцев в Сараеве находился со своей женой и детьми²⁷². Для того чтобы обеспечить им достойные условия пребывания он и устроил переезд на виллу Осман-паши, но последний нарушил договор об аренде и продал свою недвижимость. Кудрявцев наотрез отказался покинуть дом. Дело дошло до Игнатьева, который настоятельно рекомендовал консулу пойти на уступки. Эта ситуация сильно ударила по самолюбию Кудрявцева, начиная с этого момента он систематически просил российский МИД о переводе. В эти же годы Кудрявцев был избит одним из дервишей шейхом Али-хайгузом. Неизвестно, что послужило причиной конфликта и чем он разрешился²⁷³.

Письма российского консула полны неприязни к туркам и сочувствия исключительно к православному населению. Кудрявцев активно сотрудничал со славянскими комитетами. «Прибыв ныне в Боснию, на новый консульский пост в Сараеве, поспешаю иметь честь выразить мою искреннюю признательность

²⁷¹ *Tenuh I.* Босна и Херцеговина у руским изворима... С. 48–49.

²⁷² В браке с Марией Николаевной Никифоровой у Кудрявцева родилось четверо детей (1867, 1869, 1873, 1875 гг.). Старшая дочь София Алексеевна родилась в Мостаре и была крещена в Храме Рождества Богородицы. Восприемником Софии Алексеевны стал В.С. Ионин. Николай Алексеевич появился на свет в Сараеве. Его крестили в Храме Михаила и Гавриила. Крёстным отцом стал Н.А. Иларионов. Там же был крещён Владимир Алексеевич. Его восприемником стал австро-венгерский консул Тодорович.

²⁷³ *Tenuh I.* Босна и Херцеговина... С. 43–45.

славянскому благотворительному комитету за доверие, которым ему угодно почтить меня» – писал консул²⁷⁴. В отличие от своего предшественника, он сразу же раздавал присылаемую из России помощь и отправлял массу отчётов об этом в Москву и Петербург, а также составлял специальные справки для комитетов, в которых подробно сообщал о нуждах школ и церквей Боснии, о деятельности миссионерских католических и протестантских организаций. Одной из важнейших миссий России в регионе он считал поддержку и открытие народных училищ. В своём письме в славянский комитет он писал: «Я совершенно согласен с мнением нашего знаменитого славянофила и великого деятеля по изучению славянских народностей г. А.Ф. Гильфердинга. Он полагает, что Босняки мертвенны и что для их пробуждения необходимы важные толчки, чья-нибудь сила [...] Босняки без посторонней помощи не сумеют развить свои и силы и вряд ли принесут выпадающую на них долю участия и деятельности в жизни и будущей истории славянской семьи»²⁷⁵. По мнению Кудрявцева Россия должна была стать главным поставщиком образования для православного населения Боснии. «Россия для босняков – божество. От божества исходят светлые лучи, которыми освещается всякая жизнь человеческая. От божества, словом, исходит свет, и нам русским предстоит в момент пробуждения народа нам единоговерного и единоплеменного не лишать его веры, надежды и любви к нам и утвердить в нём убеждения, что только через русского царя и только через русский народ он пробуждается, призываемый к великой жизни и к обширной деятельности» – писал Кудрявцев²⁷⁶.

Российский консул снискал в народе настоящую любовь. Местные жители Ристо Илич и Симо П. Попович писали Игнатьеву в Константинополь об отношении к Кудрявцеву: «православные и не православные христиане, питая крепкое доверие, свёртываются около его, как пчёлы около своей матки. Теперь он для них всё – и жизнь и движение. Каждый даже маловажный знак официально-печатного одобрения Кудрявцева Российским правительством,

²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 113.

²⁷⁵ Там же. Л. 118–118об.

²⁷⁶ Там же. Л. 124об.

проявляет в босняках видимо непритворную радость и рождает ещё сильнее мужество их, к их угнетателям. Когда б высокопоставленному послу в Константинополе угодно было исходатайствовать Кудрявцеву к имени Консул ещё проименование Генеральный, с оставлением его в материальном отношении на консульском содержании, то одно это опубликованное проименование было бы уже достаточно возбудить в боснийских христианах восторг и гордость»²⁷⁷.

В 1875 г. Кудрявцев отправил свою семью в Россию и вновь запросил перевода в Русук. Летом 1875 г. неподалёку от консульства разразился пожар. На помощь Кудрявцеву прибыли все его иностранные коллеги. Общими силами здание удалось спасти.

В конце июня 1875 г. началось Герцеговинское восстание. Кудрявцев из-за болезни жены отбыл домой. Ему на замену прибыл секретарь генерального консульства в Дубровнике *Модест Модестович Бакунин* (1848–1913). К тому времени уже было упразднено консульство в Мостаре. Бакунин оказался один в очень непростом положении. Кудрявцев вернулся в Сараево только в конце ноября. В Константинополе поползли слухи о том, что его скоропостижный отъезд из Сараева был связан с тем, что он испугался восстания. В ответ на это Кудрявцев сообщил Игнатьеву, что покуда не завершится восстание, он не покинет Боснию²⁷⁸. Вскоре Бакунин уехал из Сараева, и Кудрявцев остался один. Он занимал должность консула до апреля 1877 г., когда Россия отозвала всех своих дипломатических представителей из Турции. С 1876 г. семья Кудрявцева жила не в Сараево, а на Австрийской границе в городе Славянски-Брод. Навещая их, дипломат составлял бесценные донесения о положении дел на австро-боснийской границе.

После отъезда из Боснии с 1878 по 1880 гг. Кудрявцев был агентом российского МИД в Одессе, в 1883 г. был назначен генеральным консулом в Берлине, в 1889 г. получил пост генерального консула в Стокгольме.

²⁷⁷ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 1022. Л. 1об.

²⁷⁸ *Тенић И.* Босния и Герцеговина у руским изворима... С. 46–47.

Российское императорское консульство в Мостаре

Официальное открытие российского консульства в Мостаре состоялось 30 августа 1858 г., мероприятием руководил Е.Р. Щулепников. В православном храме города под началом митрополита Григория прошла торжественная служба. На открытии присутствовали австрийский и английский вице-консулы, турецкие чиновники и православные жители города. После освящения флага и здания консульства, палубы турецких пушек и торжественного приветствия военного оркестра, последовали поздравления Васиф-паши. Но на деле Щулепникову приходилось совмещать работу в Сараеве и Мостаре, то есть фактически консульство не работало.

Только лишь осенью 1859 г. российский МИД назначил первого консула в Мостар. Им стал *Валериан Владимирович Безобразов* (1835–?). О Безобразове известно немного. По данным, приводимым И. Тепичем,²⁷⁹ он окончил Санкт-Петербургский университет, и с середины 1857 г. по март 1859 г. находился в составе русской дипломатической миссии в Константинополе. 14 октября 1859 г. получил назначение на консульскую должность в Мостар. С этим городом он уже был знаком, так как весной 1859 г. находился в Сараеве, откуда Щулепников отправил его в Герцеговину. Из Герцеговины Безобразов вернулся, предоставив сараевскому консулу подробнейший отчёт о положении дел в регионе. Щулепников остался доволен и рекомендовал Е.П. Ковалевскому молодого дипломата на должность консула в Мостар.

К месту службы Безобразов прибыл в январе 1860 г. Здесь он был радушно принят местной церковной общиной. Архимандрит Ионикий Памучина с восторгом писал М.Ф. Раевскому о русском консуле, ожидая, что последний станет главным защитником православия в регионе²⁸⁰.

Секретарём при консуле работал Владимир Семёнович Ионин (брат А.С. Ионина)²⁸¹. В.С. Ионин был ярым борцом за права турецких славян. Во время

²⁷⁹ Тепић И. Босния и Герцеговина у руским изворима.... С. 55.

²⁸⁰ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 12–13.

²⁸¹ Ионин В.С. (1838–1886) – выпускник Лазаревского института восточных языков, обучался в учебном отделении восточных языков при Азиатском Департаменте, в 1859 г. был послан студентом миссии в Константинополь; в 1860 г. был назначен секретарем консульства в Мостаре, в 1865 г. драгоманом генерального консульства в

службы в Мостаре у него зародилась идея организации восстания в Боснии и Герцеговине и освобождения боснийских христиан. Этому делу он был предан до конца своей жизни. Горячие заявления и деятельность секретаря вызывали недовольство у местных властей. Его не раз обвиняли в подстрекательстве к восстанию.

Перед консульством в Мостаре ставились такие же задачи, что и перед Сараевским дипломатическим представительством. Неоднократно к Безобразову обращались местные жители с просьбой выдать им русские паспорта, но был вынужден отказывать. Австрийцы же активно выдавали паспорта всем желающим. Характерно и то, что Безобразов негативно относился к мусульманам, считая их религиозными фанатиками.

Ибрагим Тепич рисует позитивный образ Валериана Владимировича, которому в отличие от Гильфердинга поначалу удалось завоевать расположение не только местной православной общины, но и торгового класса. Первый год его деятельности высоко оценили в российском МИД²⁸².

Однако уже в августе 1861 г. от мостарского архимандрита И. Памучины приходят письма с жалобами на Безобразова. Сообщается о конфликтах российского консула с турецкими чиновниками²⁸³. Неуважительное отношение Безобразова к турецким властям и его упрямство привело не только к ослаблению русского влияния, но и больно ударило по православному населению. Консул не мог в должной мере исполнять свою главную обязанность – защищать интересы христиан. Мостарская община даже отправила в Константинополь просьбу о замене дипломата. Кроме того, Памучина сообщал о денежных афёрах консула. По словам мостарского архимандрита пожертвование русской императрицы в 500 дукатов дипломат присвоил себе. Из 500 дукатов для монастыря Дужи 128 он

Белграде; с 1867г. секретарь консульства в Рагузе, в сентябре 1867 г. был перемещен в Бейрут в звании секретаря и драгомана генерального консульства. В 1869 г. был назначен консулом в Дамаск, в 1871 г. вторично переведен в Петербург в Азиатский департамент чиновником сверх штата, а 18 января 1872 г. уволен от службы с пенсией; в мае 1872 г. Ионин поступил в службу в Департамент таможенных сборов. В сентябре 1875 г. оставил службу по Министерству финансов и уехал на юг. В 1876 г. он был председателем болгарского революционного комитета в Бухаресте. 29 сентября 1877 г. был избран председателем боснийского народного временного правительства. Вскоре был вынужден бежать. Последние годы жизни провёл в Петербурге.

²⁸² *Tenuh I.* Босна и Херцеговина у руским изворима... С. 58–59.

²⁸³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 18–19.

передал настоятелю монастыря Никифору Дучичу за что, тот вручил ему расписку о получении всей суммы, а Безобразов в ответ выхлопотал у российского правительства крест с золотой цепью для Дучича. Пожертвованные русским императором средства на строительство школы для девочек Безобразов взял в кредит под проценты у мостарской православной общины и отказался возвращать. Подаяния на школу от остальных благотворителей он присвоил себе. И это ещё не полный список афер дипломата. «Этот такой же как и в Сараево²⁸⁴! За что же нам такие муки?» – сокрушался Памучина²⁸⁵.

Годом позже Безобразов вызвал недовольство Хуршид-паши. Российского консула обвинили в неуважении к местным властям, так как он не посетил праздничный приём в честь Курбан-байрама. Консул оправдывался тем, что инструкции из Константинополя предполагали обязательное посещение лишь Рамазан-байрама²⁸⁶.

Разбирательства Мостарской православной общины с Безобразовым тянулись до конца января 1864 г. Спустя два с половиной года российский консул вернул деньги, на которые был куплен дом для строительства церкви. Султан обещал также помочь в строительстве православного храма²⁸⁷.

Между российскими дипломатами порой явно просматривалась несогласованность в действиях. В качестве примера может послужить конфликт между консулом в Дубровнике К.Д. Петковичем и В.В. Безобразовым. В обход мостарского консула Петкович направил в Константинополь донесение о самоуправном взимании податей мудиром Никшича с жителей двух черногорских деревень. В ответ на Безобразова обрушились гневные письма с обвинением в умалчивании столь важных фактов. Выяснилось, что на самом деле обе деревни находились на территории Герцеговины, а действия турецких чиновников были правомерны. Местные жители отказались платить налоги и провозгласили себя черногорцами. Действительно во время восстания Луки Вукаловича²⁸⁸ эти сёла

²⁸⁴ имеется в виду Е.Р. Шулепников.

²⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 18–19.

²⁸⁶ *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима... С. 57–58.

²⁸⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 22–23.

²⁸⁸ См. Приложение Н. Портреты сербских деятелей.

присягали на верность Черногории и боролись против турок, однако после волнений повстанцы добровольно вернулись в свои селения, признали власть Турции и получали льготы от османского правительства (воспользовались всеобщей амнистией, им выдавался провиант и семена на засев полей). От черногорского князя было получено официальное письмо, где он заявлял об отсутствии претензий на эти сёла. В своих донесениях Петкович рисовал картины турецкого произвола, рассказывая о страшной карательной операции в отношении жителей деревень. Эти факты не нашли никакого подтверждения²⁸⁹. Такие демарши со стороны Петковича были не редкостью. Болгарин по происхождению, он находился в тесном контакте с А.Д. Блудовой и целью его было поднять восстание славян Герцеговины. Дипломаты из разных стран называли его то сербским, то австрийским агентом.

Безобразов вернулся в Петербург в октябре 1865 г. С собой он привёз тринадцатилетнего герцеговинского мальчика *Луку Иванишевича* для обучения в гимназии. Однако вскоре мальчик был брошен им на произвол судьбы. К счастью его приютил сербский журналист *Живоин Жуёвич*²⁹⁰. В это время Жуёвич сам испытывал материальные трудности и обратился в Азиатский департамент за помощью мальчику. Из МИД было получено 50 рублей.

В сентябре 1866 г. Безобразов получил назначение на должность российского генерального консула в Тебризе.

В.С. Ионин в 1865 г. был переведён на службу в Белград. В 1867 г. работал секретарём в Рагузе. В скором времени проявлявшего чрезмерную активность в деле борьбы христиан с турками В.С. Ионина перевели в Бейрут. В 1875 г. он вернулся на Балканы как частное лицо и принимал активное участие в восстании турецких славян.

Первый консул Российской империи в Мостаре, которого местные жители ждали как мессию, изрядно подорвал авторитет России в регионе. Из Мостара не раз в Азиатский департамент и славянские комитеты поступали на него жалобы.

²⁸⁹ ОР РГБ. Ф. 156. Картон. 6. Ед. хр. 21. Л. 1–4об.

²⁹⁰ *Карасёв В.Г.* Сербский демократ Живоин Жуёвич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М.: Наука, 1974. С. 61–62.

Отъезд дипломата был воспринят местными жителями с облегчением. Секретарь консульства В.С. Ионин казался очень подозрительной фигурой для местных турецких властей, что ставило консульство России в крайне неудобное положение.

Приемником Безобразова на посту консула стал выпускник Лазаревского института *Николай Александрович Илларионов* (1844 – ?). К тому моменту он уже имел опыт работы в регионе. С сентября 1864 г. Илларионов был секретарём и переводчиком при российском консульстве в Сараеве.

Спустя год службы в Мостаре Илларионов отправился в продолжительный отпуск. Во время его отсутствия (с сентября 1867 г по май 1868 г.) исполняющим обязанности консула был назначен *А.Н. Кудрявцев*.

Прежде всего, Кудрявцев занялся вопросом восстановления престижа российского консульства. В личном письме к Хитрово он просил посодействовать тому, чтобы его наградили турецким орденом Меджидие четвёртой степени, поскольку его иностранные коллеги уже добились этого²⁹¹. Можно было бы заподозрить Кудрявцева в честолюбии, но реальность была такова, что в данных областях, местные жители и турецкие чиновники относились к таким наградам очень серьёзно. От количества и степеней наград у иностранного чиновника напрямую зависело отношение к нему местных властей. Если российский дипломат был менее титулован в этом плане, нежели его иностранные коллеги, к нему меньше прислушивались, и ему приходилось терпеть более фамильярное отношение со стороны турецких чиновников. В османском ориентальном обществе орден играл важную роль²⁹².

Кудрявцев обратился в Азиатский департамент с предложением изменить статус дипломатического представительства в Мостаре, преобразовав его в вице-консульство. Основанием для такого предложения явилось то, что в 1866 г. турецкие власти провели административную реформу, объединив Боснийский пашалык и Герцеговинский санджак в Боснийский вилайет. С этого момента

²⁹¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 2.

²⁹² Вероятно, просьба Кудрявцева возымела эффект. Известно, что 17.05.1874 он был награждён орденом Меджидие 3й степени. Следовательно в период с 1867 по 1874 г. получил орден 4 степени.

мостарский паша стал подчинённым боснийского вали, и все вопросы относительно Герцеговины решались в Сараеве. Другие государства к тому моменту уже преобразовали свои консульства в вице-консульства. В июне 1868 г. предложение Кудрявцева было реализовано.

Летом 1868 г. Илларионов вернулся к месту службы. Он занимал пост вице-консула до 1872 г. В отличие от Безобразова ему удалось добиться расположения как турецких властей, так и местной православной общины.

Ионикий Памучина в письме к Раевскому от января 1870 г. писал, что российский консул – человек молодого возраста, но исполинского ума, очень добр, уважителен, он назвал его самым лучшим русским из тех, которые когда-либо приезжали в Герцеговину²⁹³. Об Илларионове отзывались как о главном заступнике каждого бедняка любого вероисповедания: «Годами молод, но по уму Муфасаилова века»²⁹⁴.

Как и Кудрявцев Илларионов активно сотрудничал со славянскими комитетами, предоставлял им подробные отчёты о нуждах местного населения²⁹⁵. Мостарский консул повторял тезис Гильфердинга о «мертвенности боснийцев». Первостепенной же задачей России он считал поднятие уровня образования местного населения. Параллельно с Кудрявцевым Илларионов составил отчёт о состоянии образования в регионе с перечнем мест, где необходимо поддержать или открыть учебные заведения.

Опираясь на материалы фонда Московского славянского комитета за 1869 г.²⁹⁶ можно выделить следующие основные вопросы, с которыми Илларионов обращался в комитет: 1) устройство школ; 2) содействие построению православного собора в Мостаре²⁹⁷; 3) активность западной пропаганды в Герцеговине.

Илларионов неоднократно предлагал открыть консульское агентство России в городе Требинье (Восточная Герцеговина), поскольку там работал агент Австро-

²⁹³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 30.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 90–93об.

²⁹⁶ ОР РГБ. Ф. 239. Картон. 2. Ед. хр. 2. Л. 15об, 18, 20, 23.

²⁹⁷ Параллельно шло строительство православного собора в Сараеве. Этот вопрос курировал Кудрявцев.

Венгрии. Николай Александрович полагал, что наличие российского агента в этом городе поможет противостоять росту австрийского влияния в регионе. Однако это предложение не получило отклика.

В 1872 г. Илларионов передал должность *Я. П. Славолубову*. Сам Николай Александрович получил назначение на консульскую должность в Шкодер²⁹⁸. В разное время он возглавлял консульства в Солуни (1874–1876 и 1894–1902), Иерусалиме (1876–1877 и 1878–1880), Адрианополе (1880–1887) и Смирне (1887–1894)²⁹⁹.

Яков Петрович Славолубов стал последним русским вице-консулом в Мостаре. Славолубов окончил семинарию, осенью 1862 г. принялся за изучение восточных языков при Азиатском департаменте МИД, несколько лет проработал при русской дипломатической миссии в Константинополе³⁰⁰.

К назначению в Мостар Яков Петрович подошёл очень ответственно. Славолубов выделил девять главных задач, которые ему было необходимо решить на новом месте. Среди них были: поддержание высокого авторитета России у православного населения, покровительство православным жителям перед турецкими властями, поддержка православных школ, монастырей и церквей, открытие дипломатического агентства в Требинье.

Весной 1875 г. мостарское вице-консульство было упразднено. Нужно отметить, что параллельно было закрыто консульство в Дамаске, вице-консульство в Призрене, генеральное консульство в Корфу преобразовано просто в консульство³⁰¹. Официально такие изменения произошли из-за сокращения квоты на содержание консульств.

Местное население очень тяжело восприняло это известие и надеялось, что Россия всё же пришлёт нового консула³⁰². Тепич пишет, что в последних донесениях Славолубов говорил, что в Герцеговине всё спокойно и не

²⁹⁸ Скутари, Скадр.

²⁹⁹ Тепић И. Босна и Херцеговина у руским изворима... С. 62–63.

³⁰⁰ Ibid. С. 64.

³⁰¹ Консульство в Рагузе наоборот получило статус генерального консульства.

³⁰² Тепић И. Босна и Херцеговина у руским изворима... С. 67.

предвидится никаких волнений³⁰³. Исходя из этого, трудно судить, было ли упразднение российского консульства связано с событиями, развернувшимися летом 1875 г.

МИД России активно сотрудничал со славянскими комитетами. Это видно на примере деятельности консулов, которые были агентами этих организаций. Они направляли в благотворительные общества отчёты о состоянии православных церквей и школ. На основе донесений консулов в регион посылались книги, церковная утварь и денежные средства. Консул занимался их распределением и отчитывался перед комитетами о проделанной работе, прилагая к письму расписки от школ и монастырей в получении финансовой или материальной помощи.

Главным координатором действий консулов был М.Ф. Раевский. Известно, что Гильфердингу, Щулепникову и Ионину Раевский посылал специальный шифр для переписки³⁰⁴. К сожалению, не удалось обнаружить ключи к этому тайному коду.

Консулы высоко оценивали деятельность М.Ф. Раевского, консультируясь с ним даже по вопросам своей службы. Так, к примеру, в 1858 г, когда Щулепников получил от начальства специальную книгу, в которой следовало вести учёт всем частным пожертвованиям, проходящим через консульства, он первым делом известил об этом Раевского, уточняя, следует ли туда вносить его имя³⁰⁵.

Из выше изложенного материала, очевидно, что не все российские дипломатические работники справлялись с возложенными на них задачами. Некоторые из них откровенно наносили вред авторитету России в регионе. Российский МИД же достаточно терпимо относился к своим сотрудникам, закрывая глаза на огрехи в их деятельности. Это вполне объяснимо, так как в Российской империи остро стояла проблема квалифицированных кадров. Однако, несмотря на слабость и ошибки русской дипломатической службы в Боснии и Герцеговине, следует констатировать, что открытие консульств в Сараеве и

³⁰³ Ibid. С. 68.

³⁰⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1, 6.; ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 1.

³⁰⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Ед. хр. 79. Л. 9об.

Мостаре способствовало корректировке российской балканской политики, а также укреплению связи русских общественных организаций с боснийскими славянами.

Глава 2. Боснийский вопрос и русское общество в 1850–1870-е гг.

§ 1. Русские благотворительные общества в деле организации помощи Боснии и Герцеговине

*О Боже, труден час заветного восхода
Твоей зари, славянская свобода!*

Кн. В. Мещерский³⁰⁶.

Если говорить о боснийском вопросе 1850–70-х гг. в контексте русско-боснийских отношений, то деятели, заинтересованные в его решении образуют сложную, многоуровневую систему. В ней выделяются следующие составляющие: Азиатский департамент МИД России, российские консулы в Сараеве и Мостаре, императорский двор, Святейший Синод, сербское правительство, сербский митрополит Михаил³⁰⁷, боснийские церковные и политические деятели, Омладина, кружок А.Д. Блудовой, М.Ф. Раевский, славянские комитеты.

Все эти элементы были тесно переплетены между собой. Можно выделить тех, кто являлись своеобразными связующими всей системы: М.Ф. Раевский, русские консулы в Сараеве и Мостаре, ряд боснийских и герцеговинских деятелей (С. Косанович, В. Пелагич, И. Памучина и т.д.)

Одну из ведущих ролей в разрешении боснийского вопроса играли русские общественные благотворительные организации. Особый интерес к судьбе турецких славян в России возник после поражения в Крымской войне 1856 г. С появлением российского консульства в г. Сараево возросло внимание к жизни православного населения Боснии и Герцеговины.

³⁰⁶ Мещерский В. Славянская Свобода // Гражданин. 1878. № 19. С. 372.

³⁰⁷ См. Приложение Н. Портреты сербских деятелей.

Петербургский благотворительный комитет А.Д. Блудовой

Русская благотворительность среди славянских народов тесно связана с именем графини, фрейлины императрицы Антонины Дмитриевны Блудовой (1813-1891)³⁰⁸. Активную деятельность в этом направлении графиня развернула в 1848 г. со сбора средств в пользу сербов Воеводины³⁰⁹. В кружок Блудовой входили чиновники, представительницы аристократии и несколько членов императорской фамилии. Он действовал вполне успешно, удавалось собирать значительные суммы средств. На эти деньги в Воеводине была оказана помощь сотне церквей и нескольким народным школам³¹⁰.

В 1856 г. кружок Блудовой получил статус официально разрешённой организации, именовавшейся «Петербургский благотворительный комитет»³¹¹. Это было связано с изменением положения России на международной арене и утратой права единоличного покровительства над турецкими славянами. При посредничестве частной благотворительности Россия могла решать часть своих задач в этом регионе. Помимо А.Д. Блудовой руководством комитета занимались княгиня Т.В. Васильчикова и графиня Н.Д. Протасова. Цель организации состояла в снабжении богослужебными книгами и утварью школ и церквей Балканского полуострова³¹².

Узнав об открытии российского консульства в Боснии, Блудова активно продвигала на пост главы российского дипломатического представительства известного славянофила В.Ф. Чижова. Однако эта акция не увенчалась успехом. Консулом стал А.Ф. Гильфердинг. Именно он и русский протоиерей в Вене М.Ф. Раевский стали главными посредниками комитета высокопоставленных дам в деле распространения помощи среди славян Боснии и Герцеговины. Трудно судить об объёмах и качестве помощи, которая поступала из России. Из

³⁰⁸ См. Приложение К. Стихотворение, посвящённое А.Д. Блудовой и Приложение Л. Портреты русских общественных деятелей.

³⁰⁹ Чуркина И.В. К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // Балканские исследования. Вып. 10. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. М.: Наука, 1987. С. 64.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Она же. Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославяне. С. 104.

³¹² Она же. К вопросу о первом русском обществе помощи южнославянским народам. С. 70.

переписки Блудовой с Раевским ясно, что комитет поддерживал православную общину в местечке Высоко недалеко от Сараева³¹³. Пересылались средства на восстановление монастыря Милешево³¹⁴.

Долгие годы княгиня Васильчикова была покровительницей герцеговинского монастыря Дужи. Впервые за помощью игумен монастыря обратился к ней в 1861 г. После восстания 1857–1858 гг. монастырь Дужи был разграблен турками, поскольку являлся центром организации и координации восстания. Для восстановления монастыря из России через консула в Дубровнике был доставлен один колокол. Через Гильфердинга настоятель монастыря просил Татьяну Васильевну прислать средства на иконостас³¹⁵. В 1870 г. Н. Дучич благодарил её за оказанные монастырю благодеяния³¹⁶.

Княгиня Протасова пересылала денежные средства, утварь, облачения и учебную литературу для школы и церкви боснийского Модрича (Посавинье)³¹⁷.

По большей части в Боснию посылались книги и церковная утварь. Гильфердинг составлял для дам списки местностей, где особо остро нуждаются в помощи, они занимались сбором и отправкой пожертвований для единоверцев. Такое положение дел продолжалось до середины 1860-х гг³¹⁸. Блудова, Протасова и Васильчикова доставляли свои пожертвования через Раевского.

Кроме того, Петербургский благотворительный комитет поддерживал стипендиатов сербского правительства из славяно-турецких областей. В 1860 г. Блудова получила благодарность от сербского митрополита Михаила за пособие на содержание четырёх учеников из Боснии и Герцеговины на обучении в Белградской семинарии (ими были: Стефан Вулетич из Герцеговины, Дмитрий Ристич, Пётр Метрович, Георгий Лазаревич из Боснии)³¹⁹.

Антонина Дмитриевна в своих письмах к русским и сербским общественным деятелям постоянно интересовалась тем, как обстоят дела в

³¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 445–448.

³¹⁴ РГАДА.Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2836. Л. 97–98.

³¹⁵ РГАДА.Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2541.

³¹⁶ РГАДА.Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 1617. Л. 60б–7.

³¹⁷ РГАДА.Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2836.

³¹⁸ В 1858 г. Гильфердинга на консульском посту сменил Е.Р. Щулепников.

³¹⁹ РГАДА.Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2836. Л. 103.

регионе³²⁰. В период с 1875 по 1876 гг. она активно отправляла денежные средства на поддержание местных славян в дни восстания.

Комитет подвергался критике со стороны российского консула в Сараеве А.Ф. Гильфердинга. Он писал Раевскому: «Одного подвига только совершить я не в силах – именно уверить баб в их бестолковости. Никак не хотят "entendre raison"³²¹ и посылать помощь туда, где она всего нужнее по местным обстоятельствам, а не по тому или другому святому, который им больше нравится...»³²². Высокопоставленные дамы действовали без всякой системы. Зачастую в одни и те же места они направляли помощь несколько раз, в то время, как другие области оставались без внимания. В середине 1860-х гг. деятельность комитета Блудовой угасла.

Деятельность Святейшего Синода в Боснии и Герцеговине

Огрехи в работе петербургских благотворительниц навели А.Ф. Гильфердинга на мысль о разработке подробного плана пересылки помощи и укрепления православной веры в Боснии и Герцеговине. В письме М.Ф. Раевскому от 5 мая 1858 г.³²³ он упоминает о записке, касающейся вопроса о состоянии церквей в Боснии и Герцеговине, которую собирался представить на суд обер-прокурору святейшего Синода А.П. Толстому. Копия этого документа хранится в фондах РГАЛИ. По-видимому, Гильфердинг долго работал над текстом, записка датируется 17 ноября 1858 г.³²⁴. Она содержит размышления о том, как нужно организовать помощь православным церквям Герцеговины.

Гильфердинг обстоятельно излагает детали своего плана. Прежде всего, он указывает на важность этого дела, обращая внимание на приверженность местных жителей к православной вере, «преданность русскому имени» и великой опасности распространения влияния иезуитов. Далее он говорит о трёх частях Герцеговины: «1) церкви в северной и северо-западной Герцеговине, где

³²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 26–28, 69–70, 92–93.

³²¹ внять доводам рассудка (франц.).

³²² Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского 1840–80е гг. XIX в. С. 124.

³²³ Там же

³²⁴ РГАЛИ. Ф. 1571. Оп. 1. Ед. хр. 2511.

православные живут вместе с римскими католиками, и где сии последние ныне всё более и более усиливаются в ущерб первым; 2) церкви в южной и юго-восточной Герцеговине, где православная стихия господствует почти исключительно, так как там католиков нет вовсе, а мусульман весьма мало, и где население тем более заслуживает внимания, потому что оно тут скорее, чем во всех других краях Западной Турции, может в благоприятное время освободиться от ига неверных; 3) церкви в восточной полосе Герцеговины, отделяющей узкою чертой Черногорию от Сербии, и поэтому имеющей весьма важное значение (тут католиков нет, а мусульман весьма мало)»³²⁵. К этому основному списку он добавляет и другие районы, населённые турецкими славянами.

Следующий вопрос, которому уделяет внимание Гильфердинг – конкретные нужды православного мира Боснии и Герцеговины. Он перечисляет отдельные церкви и указывает на их нужды: богослужебные книги, церковная утварь, облачения священнослужителей. Гильфердинг предлагает три возможных маршрута доставки помощи: через Вену, или через консульства в Белграде и Скутари, прилагая при этом и примерную смету расходов³²⁶. Разработанный Гильфердингом план был направлен на то, чтобы помощь была действительно эффективной. Автор сетовал на печальный опыт деятельности Петербургского благотворительного комитета Блудовой.

Он считал, что отсутствие системы при решении подобных вопросов, делает благотворительные акции такого рода бесполезными. «Много уже благодеяний оказала Россия единоверным церквям в славянских областях западной Турции. Все богослужебные книги, лучшие ризы, лучшая утварь доставлены были туда из нашего отечества, и от государей (в наибольшем количестве от Петра Великого и Екатерины II), и от Святейшего Синода, и наконец, даже от частных лиц. Но пожертвования сии не могли принести всей пользы, от них ожидаемой, потому что они, в особенности с начала нынешнего столетия, производились без системы и как бы случайно. Вдруг посылалось много церковных вещей в одну какую-

³²⁵ Там же. Л. 1.

³²⁶ Там же. Л. 5об.

нибудь местность, а все другие местности оставляемы были без внимания; после нескольких пожертвований, сделанных таким образом без особенного разбора, проходили годы и десятки лет, в которые ни что не напоминало православным жителям Западной Турции о желании России помогать нуждам их церквей. Такой отрывочный образ действия следовало бы, очевидно, заменить более правильной системой» – пишет Гильфердинг³²⁷. Он призывает брать пример с Австрии, которая ежегодно оказывает помощь католическим церквям, вызывая уважение местного населения и тем самым способствует укреплению своих позиций.

Гильфердинг считал, что Россия должна составить конкуренцию австрийской пропаганде в Боснии и Герцеговине. Размышляя об этом, он предлагает и конкретные меры. Гильфердинг пишет, что у православных жителей западно-турецких областей большой успех имела брошюра «Церковное пение», изданная в Австрии. «Книжечка эта расходилась при мне в Боснии тысячами экземпляров. Этим успехом она обязана главным образом тому, что в ней помещены стихи святым, наиболее уважаемым православными сербами, преимущественно святым славянским. Бесспорно, мысль благочестивая и полезная – доставить народу возможность воздавать хвалу угодникам прославившим Церковь его отечества, но мысль эта была употреблена Австрией для своекорыстных видов...»³²⁸. Гильфердинг подчёркивал, что в пропагандистских целях на последних двух страницах этого издания был напечатан хвалебный текст Габсбургскому дому.

По мнению Гильфердинга Россия должна была достойно ответить на эту австрийскую инициативу. Он указывает и на «оружие», недоступное для австрийцев, а именно на общее славянское происхождение и единство вероисповедания славян Боснии и России. Гильфердинг предложил получить разрешение Священного Синода на печатание «Церковного пения» в России с некоторыми добавлениями. Он считал, что следует «дать православным сербам, т.е. населению Сербии, Боснии, Герцеговины, Далмации, Черногории и Северной

³²⁷ РГАЛИ. Ф.1571. Оп. 1. Ед. хр. 2511. Л. 3, 3об.

³²⁸ Там же. Л. 6об, 7.

Албании, возможность почитать не только своих местных святых, но и угодников родственных племён, т.е. святых русской и болгарской церкви»³²⁹. «Одобрённые Синодом книги будут быстро расходиться, так как такого рода издания пользуются неограниченным доверием турецких славян»³³⁰. Таким образом, это издание могло бы распространяться и в болгарских землях. Цель этого мероприятия – укрепить духовное единство славянских народов и противостоять австрийской пропаганде.

А.П. Толстому эти предложения понравились. Проект русского варианта «Церковного пения» он представил на суд московскому митрополиту Филарету³³¹. Обер-прокурор Синода уверял митрополита, что такое издание вытеснит австрийское и будет способствовать росту авторитета Русской православной церкви на Балканах.

Несомненно Синод находился в тесной связи с благотворительными комитетами и Азиатским департаментом МИД. Это вполне объяснимо, поскольку без одобрения Святейшего Синода трудно было бы организовывать поездки священнослужителей из славяно-турецких областей в Россию с целью сбора средств. Если говорить о представителях Боснии и Герцеговины, это организация поездок Прокопия Чокорило, Саввы Косановича, Никифора Дучича и Серафима Перовича. Бывали случаи, когда на прошения российских дипломатов и деятелей славянских комитетов об отправке того или иного духовного лица с целью сбора средств в России, приходили отрицательные ответы или решение вопроса слишком затягивалось. Вся церковная литература, посылаемая на Балканы, должна была получить одобрение Синода. Синод пересылал книги и облачения через российское консульство в Белграде³³².

Вопрос об участии Синода в церковной жизни Боснии и Герцеговины представляется очень важным. Существовали нюансы, которые мешали выстраивать русско-сербские отношения в этом регионе в рамках русской

³²⁹ Там же. Л. 7об.

³³⁰ Там же. Л. 7.

³³¹ Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 гг.) изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями А.Н. Львовым. СПб., 1900 г. С. 402–403.

³³² ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 22.

внешнеполитической программы. Митрополии на территории Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака находились в прямом подчинении у Константинопольского патриарха. Митрополиты, занимающие кафедры в Боснии и Герцеговине, чаще всего являлись представителями греческого духовенства. Большинство из них получало нелицеприятные характеристики как со стороны местных жителей и иностранных дипломатов, так и со стороны европейских путешественников. Корыстолюбие, взяточничество, полная апатия к положению своей паствы, незнание языка единоверцев, пьянство и прочие грехи приписывались многим греческим иерархам в Боснии и Герцеговине.

Российские дипломаты считали одной из своих главных задач ослабление греческого духовенства в регионе и предпринимали попытки продвинуть на должность митрополита представителя местного славянского духовенства. Всё это ставило Синод в очень сложное положение. С одной стороны он должен был действовать в духе русской политики на Балканах, следить за соблюдением интересов православных христиан, с другой стороны, нельзя было идти наперекор Вселенскому патриархату и ставить под сомнение его компетентность. Это объясняет ту осторожность и порой отстранённость, которая была присуща Синоду в делах оказания помощи православным сербам Боснии и Герцеговины.

Через Раевского и МИД в Синод поступало много жалоб на митрополитов Боснии и Герцеговины, и все они рассматривались³³³. Русская православная церковь не могла напрямую высказывать своё недовольство по этому поводу. Местным жителям рекомендовалось обращаться с жалобами к Константинопольскому патриарху самим или через русскую дипломатию.

Перед тем, как отправить каждое обращение или жалобу от христиан Боснии в адрес Вселенского патриарха, российские дипломаты непременно согласовывали свои действия с Синодом. В конечном итоге тексты прошений отправлялись от имени самих дипломатов.

Зачастую константинопольские греки стремились дискредитировать Россию в деле поддержания православия среди балканских славян. Так, поездки

³³³ РГИА.Ф. 797. Оп. 36. Отд. II. Стол. 3. Л. 1.

священнослужителей в русские земли трактовались, как попытки славянских комитетов завербовать турецких славян и агитировать к повстанческой деятельности. В газетах появлялись обличающие Россию материалы, в том числе, переписка славян с графом Н.П. Игнатьевым, но эти письма были поддельными. Всё это негативно сказывалось на отношениях России с константинопольским патриархатом, а также подрывало доверие Игнатьева к деятельности славянских комитетов³³⁴. Подобные эпизоды приводили к конфликтам между славянскими комитетами, Синодом и Азиатским департаментом.

Славянские комитеты и Азиатский департамент МИД сообщали в Синод о каждом случае пересылки помощи церквям турецких славян. В 1857 г. с подачи Гильфердинга была организована отправка учебной литературы из России в Боснию и Герцеговину. Обер-прокурор Синода А.П. Толстой интересовался у Раевского вопросом насколько русские книги подходят болгарам и боснийцам, и нужно ли вносить какие-либо изменения в русские тексты³³⁵. В первой партии, отправляемых в Боснию книг, были «Русская грамматика» Греча, «Славянская грамматика», «Руководство по первоначальному изучению русской истории» Устрялова³³⁶. Такая подборка литературы представляется интересной. В Боснию было отправлено более двух тысяч экземпляров Азбуки (начальное обучение)³³⁷. В 1857 г. на эти книги Синод затратил около 1000 рублей³³⁸.

Учебная литература подобного рода должна была способствовать знакомству с Россией, тесному сближению с ней. Неясным остаётся вопрос, если в этом регионе ощущалась острая нехватка квалифицированных учителей, кто мог обучать детей русскому языку? В это же время сараевская школа для девочек Стаки Скендеровой, которой активно помогала Россия, закупала книги в Сербии. Видимо проект отправки учебников оказался несостоятельным, так как уже с начала 1860-х гг. Святейший Синод осуществлял пересылку в Боснию исключительно богослужебной литературы. Трудно сказать, насколько часто это

³³⁴ РГАЛИ Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 6–6об.

³³⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 75об.

³³⁶ Хевролина В.М. Документы из архивов СССР по истории школьного дела в Боснии и Герцеговине... С. 100.

³³⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 90.

³³⁸ Тенић И. Босна и Херцеговина у руским изворима... С. 498.

происходило. Доподлинно известно об отправке литературы в 1866 г.³³⁹. Достаточно часто Синод разделял эту обязанность со славянскими комитетами. Библиотеки православных боснийских и герцеговинских школ в основном пополняла Сербия.

Одной из главных задач Синода являлось противостояние католической и протестантской пропаганде. В 1869 г. в Османской империи вышел закон о поликонфессиональном образовании. С этого момента католики и протестанты начали активное строительство учебных заведений, которые были открыты для представителей всех вероисповеданий.

В декабре 1869 г. в Сараеве открылось женское училище, куда бесплатно принимали всех желающих. Спонсором выступало германское благотворительное общество «Диаконис». Руководство над школой приняла англичанка мисс Паулина Ирби. О деятельности этого учебного заведения речь пойдёт ниже. Примечательно, что президент сербского Сената Маринович рекомендовал зажиточным сараевским семьям отдать своих дочерей на обучение в эту школу. Святейший Синод же незамедлительно отреагировал на это событие. Обер-прокурор Синода Д.А. Толстой обратился в славянский комитет с просьбой организовать сбор средств для открытия сети женских школ в вилайете³⁴⁰.

Совместными усилиями комитетов, Синода и российского правительства была открыта женская школа в Мостаре и гимназия в Сараеве³⁴¹. Однако нельзя назвать эти проекты успешными.

В 1867 г. у московского митрополита Филарета возникла идея организации постоянного русского представительства при Константинопольском патриархе. На тот момент уже существовала русская духовная миссия в Иерусалиме. Нечто подобное предлагалось сделать и в главном городе Османской империи. Проект был одобрен Синодом. Предполагалось отправить в Константинополь архимандрита, владеющего турецким, греческим и славянскими языками,

³³⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 49.

³⁴⁰ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 99–100.

³⁴¹ Хевролина В.М. Документы из архивов СССР по истории школьного дела в Боснии и Герцеговине в 50–70-х гг. XIX в. С. 107–108.

который бы был полностью независим от греческого духовенства и подчинялся исключительно русскому Синоду. Российский МИД отказал в реализации данного проекта. Потеря монополии МИД в разрешении церковных проблем в Османской империи была нежелательна. Это могло бы привести к противостоянию церкви и дипломатии, как это произошло в Палестине³⁴².

1850-1870-е гг. были сложным временем для христианской церкви. После Первого Ватиканского собора 1870 г. появились старокатолики, внутри Константинопольской патриархии набирал обороты серьёзный церковный конфликт между греками и болгарами. Россия не могла открыто вмешиваться в это противостояние. В 1872 г. произошла греко-болгарская схизма. Эти события вызвали большой резонанс в России, так как славянская идея преимущественно опиралась на православие. Единство православных народов являлось одним из главных инструментов в отстаивании политических интересов Российской империи на Балканах. Для многих схизма стала настоящей трагедией³⁴³. Национальная борьба в Болгарии обрела форму движения за самостоятельность церкви от Константинопольского патриархата. Эти противоречия активно использовала как Порта, для которой было выгодно поддерживать разлад между греками и болгарами, так и Запад. Последний усилил католическую пропаганду, продвигал униатские идеи на Балканах. В этих условиях российская дипломатия была вынуждена отказаться от политики защиты единства православия в Турции. Синод стоял на позициях отстаивания канонического права, достаточно пассивно пытался разрешить данный конфликт. В конечном итоге, схизма осложнила межцерковные связи России и Константинополя. Данные события несомненно оказывали большое влияние на политику Русской православной церкви в Боснии и Герцеговине. Священный Синод был в курсе событий, происходящих в регионе, но не имел возможности открыто вмешиваться в церковные проблемы края. Было необходимо проводить политику максимально корректно, чтобы не допустить

³⁴² Герд Л.А. Константинополь и Петербург: Церковная политика России на Православном Востоке (1878–1898). С. 132–133.

³⁴³ Хевролина В.М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев... С. 162–186.

обострения отношений с Константинопольским патриархатом. Для Синода было важно сохранить православную ойкумену.

Деятельность славянских комитетов в Боснии и Герцеговине

Идеи Гильфердинга, высказанные в 1858 г., не прошли даром. Реализацией их на практике занялась новая общественная организация, которая перехватила лидерство у кружка Блудовой. В 1858 г. в Москве появился первый *славянский комитет*. Он был утверждён царём по представлению министра иностранных дел Горчакова и поддерживал тесные отношения с Азиатским департаментом МИД³⁴⁴. Вопреки расхожему мнению славянский комитет нельзя считать чисто славянофильской организацией. В его состав входили люди, придерживающиеся и иных взглядов. У истоков этого учреждения стояли как представители славянства (в основном болгарская группа во главе с Н. Геровым), московские славянофилы, так и правительство Российской империи. Создание комитета было тесно связано с деятельностью российских дипломатов в славянских регионах, особенно на Балканах. Не случайно время его появления относится к периоду корректировки русского внешнеполитического курса после неудачного завершения Крымской войны. Активно сотрудничали с этим учреждением российские дипломаты, находящиеся на Балканах.

Славянские комитеты работали в тесном контакте с российским правительством и играли очень важную роль в реализации русской внешнеполитической программы на Балканах. Парижский мирный договор ограничивал возможность прямого русского влияния на балканские народы, а общественные организации решали этот вопрос.

Комитет получал финансовую поддержку от членов императорской фамилии. Известно, что великий князь Константин Николаевич в 1858 г. передал в дар новоиспечённой благотворительной организации значительную сумму денег³⁴⁵. Императрица Мария Александровна ежегодно пересылала 300 рублей. Комитету было назначено ежемесячное пособие в 1000 рублей от Министерства

³⁴⁴ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 29.

³⁴⁵ Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге... С. 57.

иностранных дел³⁴⁶. Своё пособие пересылало и Министерство народного просвещения³⁴⁷. Кроме того, правительство предоставляло комитету льготы при почтовых пересылках.

Первым председателем Московского славянского комитета был известный предприниматель, попечитель Московского учебного округа, гофмейстер императорского двора *Алексей Николаевич Бахметьев* (1798–1861). Представляется, что данная кандидатура не была случайной. Граф Дмитрий Николаевич Блудов (отец Антонины Дмитриевны) и директор Азиатского департамента МИД Егор Петрович Ковалевский были близкими друзьями Бахметьева. Это лишний раз подтверждает тезис о тесной связи императорского двора и Министерства иностранных дел со славянским комитетом.

Российский исследователь А.А. Поповкин охарактеризовал данную благотворительную организацию, как кружок дворян, учёных и предпринимателей. На первом этапе в состав комитета входило около 50 человек³⁴⁸.

Именно в годы председательства Бахметьева Боснии и Герцеговине уделялось особенное внимание. Тем не менее, в самом начале было проблематично убедить местное население в желании России оказать помощь православию. Возможно люди просто боялись попасть под подозрение турецких властей. На упрёки Раевского в получении малого количества прошений из Боснии и Герцеговины российский консул Щулепников отвечал: «я очень ласково просил обращаться всех для церковных нужд в консульство, и не моя вина, если они не обращаются довольно часто, чему я удивляюсь, ибо в их просьбах никогда не было отказа»³⁴⁹.

Из отчётов славянского комитета и переписки сараевского консула Щулепникова с Раевским можно судить об осязаемых размерах помощи. Книги, денежные средства, церковная утварь и облачения пересылались в Боснию и

³⁴⁶ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 14.

³⁴⁷ ОР РГБ. Ф. 231/IV. Картон 2. Ед. хр. 61. Л. 1.

³⁴⁸ Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге... С. 57.

³⁴⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 9, 9об.

Герцеговину из разных источников. Благотворителями выступали: славянский комитет, кружок А.Д. Блудовой, Святейший Синод, Азиатский департамент МИД, императрица Мария Александровна. Большая часть средств проходила через М.Ф. Раевского. Основная масса помощи шла в Сараево и его окрестности, Посавинье, окрестности Тузлы, Сенницу (граница с Сербией) и Герцеговину.

Значительные средства были направлены в местечко Лопежи, которое находилось недалеко от Сенницы, на границе с Сербией. Русская императрица пожертвовала сюда 150 рублей серебром³⁵⁰ местной православной общине.

Пик оказания помощи сербам Боснии и Герцеговины приходится на 1859 г. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, завершилось знакомство российских дипломатов с этими областями, и была составлена точная картина того, кто нуждается в оказании помощи, нужно было приступить к укреплению своих позиций в регионе. В 1858 г. утихли волнения в Герцеговине и Посавинье. Начался процесс восстановления пострадавших в ходе этих событий местностей. Самый большой урон был нанесён православным монастырям, игравшим роль главных очагов сопротивления. Тогда и славянские комитеты, и члены императорской фамилии, и кружок Блудовой поддерживали монастырь Дужи. 1859 г. выпал неурожайным, население Боснии и Герцеговины голодало, нуждалось в помощи. Пожертвования делали представители разных слоёв населения, в том числе крестьяне, мещане, священники, купцы. Сам император Александр II выделил 15 тысяч рублей³⁵¹. Кроме того, к этому моменту были опубликованы работы А.Ф. Гильфердинга, посвящённые боснийскому вопросу, и русское общество получило конкретное представление об этих краях. В 1861 г. вспыхнуло восстание Луки Вукаловича. Это событие широко освещалось в русских газетах и также привлекло внимание общественности.

В апреле 1861 г. Бахметьев умер, на пост председателя комитета был назначен известный историк, публицист, издатель *Михаил Петрович Погодин* (1800–1875). Эту должность он занимал до своей кончины (8 декабря 1875 г.)

³⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 6.

³⁵¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864... С. 303.

Секретарём стал И.С. Аксаков. Д.Н. Блудову поступило предложение стать попечителем организации, но он отказался, сославшись на недостаток финансовых средств, сил и времени³⁵². В 1862 г. Е.П. Ковалевский получил звание почётного попечителя³⁵³.

При Погодине происходит становление комитета уже как общероссийской организации. С 1863 г. велась планомерная подготовка к проведению Славянского съезда. Он состоялся в 1867 г. в Москве и Петербурге в рамках этнографической выставки. По окончании съезда начались переговоры об открытии отделения славянского комитета в Петербурге. Инициатором выступил историк Владимир Иванович Ламанский (1833–1914). Правительство достаточно долго тянуло с ответом, вероятно опасаясь реакции Европы, в виду того, что в состав комитета входили представители императорской семьи. Тем более, что прошедший накануне Славянский съезд мог вызвать подозрения в стремлении Российской империи объединить австрийских и турецких славян под своим началом. В конечном итоге правительство дало согласие, и в январе 1869 г. состоялось открытие отделения в Петербурге. Параллельно с Петербургским предпринимались попытки создания подобных учреждений в Киеве, Одессе и Воронеже³⁵⁴. В первых двух городах были открыты филиалы славянского комитета.

Славянский вопрос стал популярным у российской общественности. На Балканы отправлялись всё новые путешественники, выполнявшие порой и разведывательные функции. Среди них был и Гильфердинг, посетивший Македонские области в 1868 г. К сожалению, об этой его поездке почти ничего не известно. Отмечается только, что оттуда он привёз большую коллекцию рукописей и памятников славянской древности³⁵⁵. В статье К. Куева сообщается, что Гильфердинга сопровождала загадочная дама³⁵⁶. Судя по всему, ею была

³⁵² РГАДА.Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 97. Л. 1–2.

³⁵³ ОР РГБ. Ф. 231/IV. Картон 2. Ед. хр. 55.

³⁵⁴ Никитин С.А. Славянские комитеты в России. С. 49–56.

³⁵⁵ Русский биографический словарь: Герберский – Гогенлоэ/ Изд. под ред. Н. М. Чулкова. – Москва: тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1916. – Т. 5. С. 199.

³⁵⁶ Куев К. К вопросу о путешествии Гильфердинга по Балканскому полуострову в 1868 году // Исследования по древней и новой литературе. Ленинград, 1987. С. 272–276.

графиня М.Ф. Карлова. Она описала свои впечатления в очерках «Турецкая провинция и её сельская и городская жизнь»³⁵⁷.

Гильфердинг обращался к издателю А.А. Краевскому с просьбой опубликовать данное сочинение в «Голосе», о Карловой он писал: «сколько я знаю, это первая русская, отважившаяся в эти малопривлекательные страны, вместо того, чтобы ехать в Париж, и поэтому статья заслуживает во всяком случае сочувственного отзыва»³⁵⁸.

Босния и Герцеговина также не остались без внимания первых фотографов России. Эти загадочные края привлекли фотографа *Петра Павловича Пятницкого*. Он родился в 1832 г. в дворянской семье в Саратове. Имя фотографа известно в среде саратовских краеведов благодаря его работе над фотоальбомом, посвящённом столетию Саратовской губернии.

Менее известна другая работа Пятницкого *«Фотографический сборник церковных древностей и типов славян европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года»*. В сборнике представлены фотографии герцеговинских монастырей и церковных древностей, снимки жителей разных областей края в национальных костюмах.

История путешествия русского фотографа по землям турецких славян пока ещё не реконструирована. Известно лишь, что свою поездку он совершил в 1866–1867 гг.³⁵⁹ Возможно планировалось представить снимки на Славянском съезде, который проходил в мае 1867 г., но данных подтверждающих это пока не обнаружено.

Исследователь Н.В. Самохвалова сообщает: «О молодом фотографе Пятницком заговорили вскоре после его поездки с ученым-славяноведом А.Ф. Гильфердингом по Балканам, в ходе которой был собран богатый археологический и этнографический материал»³⁶⁰.

³⁵⁷ Карлова М.Ф. Турецкая провинция и её сельская и городская жизнь. Путешествие по Македонии и Албании. // Вестник Европы. 1870. Кн. 6–7. С. 721–753.

³⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 271. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1.

³⁵⁹ Известия Императорского Русского географического общества. 1868. Т. IV. СПб., 1869. С. 26.

³⁶⁰ Самохвалова Н. Жил–был фотограф один // Газета недели в Саратове № 1. 15.01.2013.

Трудно сказать, действительно ли свою поездку фотограф совершал с Гильфердингом. Об этом путешествии русского слависта ничего не известно. В 1860-е гг. Гильфердинг работал в департаменте экономики. Осенью 1866 г. он находился за границей, но не на Балканах, а в во Франции вместе со своими родными. Его маленький сын Фёдор очень болел, и молодая семья ездила по Европе в поисках подходящего для ребёнка климата³⁶¹, но безуспешно в 1867 г. маленький Федя умер от менингита³⁶². Среди корреспондентов Гильфердинга нет имени Пятницкого. Не встречается его имя и в документах славянского комитета. Видимо свою поездку он осуществил независимо от этой организации.

В ноябре 1867 г. Пятницкий представил свою работу на заседании отделения этнографии Императорского Русского географического общества. Демонстрация снимков должна была сопровождаться чтением статьи о народной одежде сербов и хорватов В.И. Ламанского³⁶³.

На заседании Совета Императорского Русского географического общества от 4-го марта 1868 г. было зачитано письмо директора Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухова, в котором сообщалось о том, что Пятницкий составил альбом из восьмидесяти фотографических снимков и представил его императрице Марии Александровне. Государыня приняла это издание под своё особое покровительство. Стремоухов предлагал обществу приобрести экземпляр альбома для своей библиотеки: «цена альбому из восьмидесяти фотографий, в большой лист, назначена сто руб³⁶⁴. В случае заказа г. Пятницкому Азиатский департамент изъявляет готовность принять на себя посредничество»³⁶⁵. На заседании было решено приобрести экземпляр сборника. Альбом был награждён медалью общества «За полезные труды»³⁶⁶.

³⁶¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 54.

³⁶² Власова З.И. Новое о А.Ф. Гильфердинге (к 160-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1991. №1. С. 63.

³⁶³ Известия Императорского Русского географического общества. 1867. Т. III. СПб., 1868. С. 190.

³⁶⁴ См. Приложение Р. Фотографический сборник церковных древностей и типов славян европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого. Описание альбома.

³⁶⁵ Известия Императорского Русского географического общества. 1868. Т. IV. СПб., 1869. С. 26–27.

³⁶⁶ Самохвалова Н. Указ. соч.

В номере 18 «Современной летописи» за 1869 г. был опубликован отчёт заседания Московского Славянского благотворительного комитета. Среди прочих вопросов сообщалось, что было читано письмо П.П. Пятницкого, который два года путешествовал по Европейской Турции и составил обширное собрание фотографических снимков типов славян и древностей. Говорилось, что Пятницкий намеревается издать сборник из 50 снимков и поднести его в подарок императрице Марии Александровне. 20 процентов от средств вырученных за продажу сборника Пятницкий намеревался перечислить в Славянский комитет³⁶⁷. Видимо автор хотел осуществить переиздание своего альбома или же опубликовать снимки, которые не вошли в его первый вариант. Неизвестно вышел ли он в свет в таком виде.

В фондах Государственной публичной исторической библиотеки России хранится альбом Пятницкого в том варианте, который был представлен на заседании ИРГО³⁶⁸. На первой странице сборника стоит дарственная надпись: «Ея императорскому величеству государыне императрице Марии Александровне. Усерднейшее подношение верноподданного Петра Пятницкого. 1 января 1868 года»³⁶⁹.

Снимки позволяют воссоздать маршрут саратовского фотографа.

1) территории на которых проживало банянское племя. Это земли между городами Никшич и Билеча в Герцеговине³⁷⁰.

2) Герцеговинский монастырь Кассиерово, который располагался на берегу реки Требишница. Уникальность снимков заключается в том, что там монастыря больше нет. В 1966 г. он был перенесён в черногорский город Петровици³⁷¹.

3) Герцеговинский монастырь Дужи в окрестностях города Требине.

4) Герцеговинский монастырь Добричево недалеко от города Билеча³⁷².

5) Герцеговинский монастырь Пива³⁷³.

³⁶⁷ Современная летопись. 1869. №18. С. 14–15.

³⁶⁸ Фотографический сборник церковных древностей и типов славян европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого.

³⁶⁹ Подробное описание содержания альбома и фотографические снимки см. в Приложении Р и Приложении С.

³⁷⁰ Сейчас эти земли находятся в составе Черногории.

³⁷¹ Земли, где монастырь располагался ранее, были затоплены водохранилищем Гранчево.

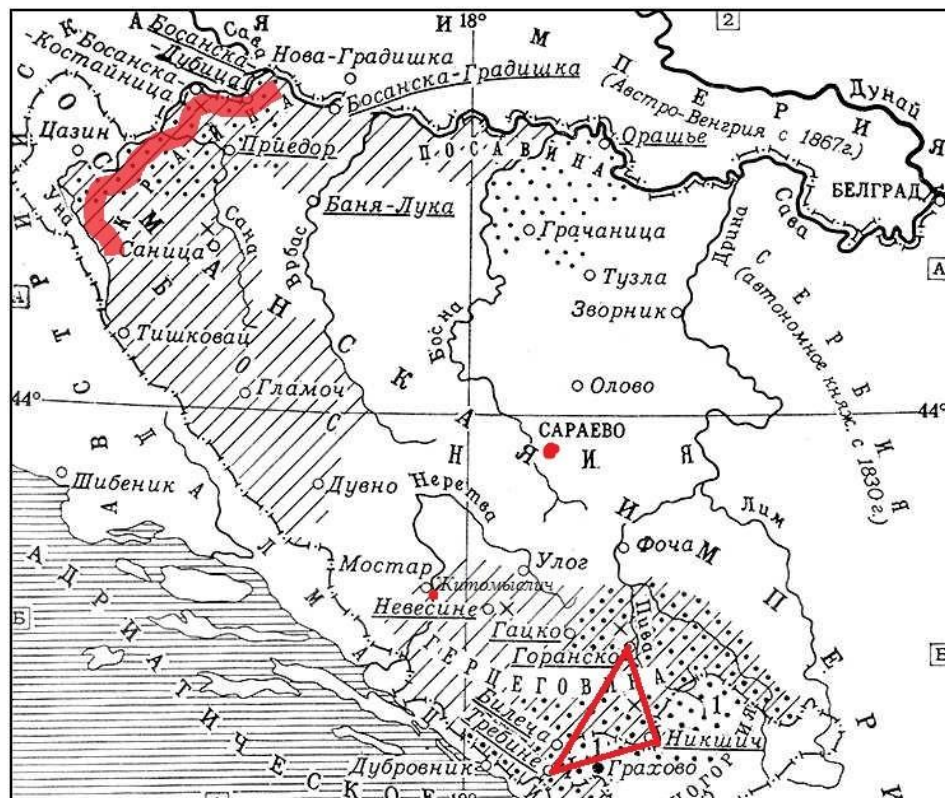
³⁷² Ныне это село Орах в Боснии и Герцеговине.

6) Герцеговинский монастырь Житомыслич, расположенный в селе Житомысличи, недалеко от Мостара.

7) Сараево.

8) Боснийская Крайна.

Рисунок 2.1. – Схема путешествия П. П. Пятницкого по Боснии и Герцеговине³⁷⁴

Ценность собранных Пятницким материалов очень велика. Благодаря русскому фотографу есть возможность увидеть облик герцеговинских монастырей, которые были главными центрами повстанческой деятельности в регионе.

Впечатляет серия фотографий представителей воинственного банянского племени. Баняне – жители восточной Герцеговины³⁷⁵. На протяжении всей истории они оказывали активное сопротивление туркам, принимали участие в

³⁷³ Ныне в Черногории недалеко от города Плужине.

³⁷⁴ Красным цветом отмечены области, в которых побывал фотограф П.П. Пятницкий

³⁷⁵ С 1878 г. эти земли в составе Черногории.

восстаниях: 1852–1862, 1875–1878 гг. Одним из центров сбора старост банян служил монастырь Кассиерово.

Монастырь Пива был центром притяжения племени пивлян. Русский фотограф запечатлел облик воеводы, возглавившего один из отрядов в борьбе против турок в 1875 г., священника монастыря Пивы – *Жарко Лешевича*.

Попал в объектив Пятницкого и *Мелентий Перович* (1835–1887) – ещё один вождь герцеговинского восстания 1875 г., архимандрит монастыря Дужи.

Среди образов, запечатлённых фотографом в Сараеве есть «Священник Савва, учитель Сараевской школы». Этот человек – будущий дабробосанский митрополит *Савва Косанович* (1839–1903). Снимок молодого Косановича больше нигде не встречается.

Интересна серия фотографий жителей Боснийской Крайны. Наряду с православными славянами в альбоме появляются и мусульманские образы: дервиш, турецкая девушка, бимбаша³⁷⁶.

«Фотографический сборник церковных древностей и типов славян европейской Турции» Пятницкого несомненно является важным источником, позволяющим представить, как выглядели сельские жители, горожане, торговцы, священнослужители Боснии и Герцеговины в далёком 1866 году

Пётр Павлович Пятницкий вернулся в родной Саратов, зарекомендовал себя как активный земский и общественный деятель, был депутатом Саратовского дворянского собрания, членом губернского статистического комитета и Саратовского речного яхт-клуба³⁷⁷. 25 февраля 1882 г. фотограф скоропостижно скончался в возрасте 49 лет.

Русский фотограф сохранил для нас образы будущих лидеров крупнейшего восстания против турецкого владычества. Примечательно, что в русской прессе 1875–1878 гг., которая уделяла большое внимание событиям на Балканах, нет этих снимков Пятницкого. Встречаются лишь рисунки с изображением

³⁷⁶ Бимбаша – турецкое офицерское звание.

³⁷⁷ *Самохвалова Н. Указ. соч.*

боснийских и герцеговинских вождей. Видимо деятели славянских комитетов забыли о труде фотографа.

До 1875 г. русские благотворительные организации не были заинтересованы в публикации образов славян Боснии и Герцеговины. В 1872 г. некий серб *Николай Арсенович* составил альбом со снимками разных костюмов и сцен из жизни южных славян. Он намеревался продолжить свою работу и запечатлеть жизнь и людей Черногории. Российский консул в Мостаре Илларионов переслал этот альбом Н.А. Попову с просьбой организовать его печать и выдать средства на новую поездку³⁷⁸. Московский славянский комитет ответил отказом³⁷⁹.

Однако в 1875 г. комитеты столкнулись с трудностью в поисках иллюстративного материала. Образы славян Боснии и Герцеговины должны были украшать многочисленные статьи в прессе, повествующие об ужасах борьбы славян с турецким владычеством.

По этому вопросу глава Санкт-Петербургского комитета И.П. Корнилов обращался за помощью в Вену к М.Ф. Раевскому³⁸⁰ и в Дубровник к А.С. Ионину³⁸¹. Раевский отвечал: «поручение Ваше о покупке фотографий я ещё не исполнил. Вот в чём дело: в Вене у нас усыпаны окна магазинов фотографиями хорошеньких актрис, девиц, актёров [...], а такой дряни, как славян, да ещё и турецких не существует; потому я писал Г. Ионину в Дубровник и митрополиту Михаилу в Белград, чтобы они, находясь близ места действия постарались мне доставить поскорее требуемые Вами фотографии...»³⁸². В конечном итоге усилиями Ионина материалы были собраны³⁸³. Большинство из них можно видеть на страницах журнала «Пчела», издающегося М.О. Микешиным в 1875–1878 гг. Забытый сборник Пятницкого помог бы деятелям комитета решить возникшие проблемы.

³⁷⁸ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 9. Ед. хр. 37. Л. 5–6об.

³⁷⁹ Там же. Л. 7–7об.

³⁸⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1 Ед. хр. 41. Л. 144–145.

³⁸¹ РГИА Ф. 970. Оп. 1. Ед. хр. 559. Л. 1об–2.

³⁸² ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3386. Л. 7об.

³⁸³ Там же. 10об.

Россия принимала деятельное участие в строительстве двух кафедральных православных соборов в Сараеве и Мостаре. Эти храмы строились на средства городских православных общин. Стоит отметить, что и султан Абдул-Азиз внёс своё крупное пожертвование в возведение каждого из них.

Строительство *соборного храма Святой Троицы в Мостаре* началось в 1863 г. На 1869 г. оно ещё не было завершено. В качестве архитектора православная община наняла местного герцеговинца Спасое Вулича. Его квалификации оказалось недостаточно. Он построил стены, но все они дали трещины. Пришлось менять архитектора и исправлять ошибки³⁸⁴. Община пригласила одного из лучших зодчих на Балканах Андрея Дамьянова. Он занимался и возведением собора пресвятой Богородицы в Сараеве. К 1870 г. была окончена наружная отделка мостарского храма. Консул Илларионов писал о нём: «соборный храм Мостара по наружному своему виду можно будет считать одним из первых православных храмов Турции и он мог бы служить украшением любому европейскому городу»³⁸⁵. Однако у общины не было средств на внутреннюю отделку. Без помощи России убранство храма составили бы лишь выбеленные стены и деревянная перегородка вместо иконостаса.

Параллельно же шло строительство католического собора в Мостаре. Собранные в католических странах средства и помощь Австрии позволили осуществить прекрасную внутреннюю отделку. Илларионов писал в славянский комитет: «прискорбно будет видеть православный храм, несравненно красивейший католического снаружи, с голыми стенами внутри и вполне без всяких украшений»³⁸⁶. Это же прошение Н.А. Илларионов продублировал к Н.А. Попову³⁸⁷.

Стараясь помочь мостарцам, российский консул обратился в славянский комитет с просьбой прислать из России художника, который бы осуществил

³⁸⁴ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 63.

³⁸⁵ Там же. Л. 63об.

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 9. Ед. хр. 37. Л. 1.

роспись иконостаса. По окончании работы в Мостаре он мог бы приступить к украшению и других церквей.

Илларионов писал: «много москвичей тратят сотни тысяч на постройки храмов и монастырей, здесь же необходимы не сотни и даже пожалуй не десятки тысяч, а с несколькими тысячами рублей можно вполне украсить православный собор Мостара. Неужели Москва, далеко известная своими пожертвованиями и горячей преданностью православию, оставит без помощи своих единоверцев Мостара и допустит католическому храму гордиться своим великолепием, а православному собору стыдиться своего убранства?»³⁸⁸.

Однако славянский комитет так и не откликнулся на просьбы мостарцев. Параллельно шло строительство *главного православного собора в Сараеве*. Устройством иконостаса для него занимались петербургские благотворители во главе с архимандритом Сергиевской пустыни отцом Игнатием. Все иконы были написаны в Петербурге, деревянные и резные работы предполагалось осуществить на месте. Из России в Боснию была направлена группа мастеров. Консул Илларионов обращался к М.П. Погодину с предложением оплатить работы этих мастеров и для мостарского храма³⁸⁹. Московский славянский комитет обещал помочь с реализацией проекта, но к январю 1872 г. дело не сдвинулось с места³⁹⁰. Строительство мостарского храма было завершено в 1873 г. Долгое время он считался одним из самых величественных православных соборов на Балканах³⁹¹.

Строительство храма в г. Сараево также началось в 1863 г. Помимо помощи от султана сараевская община получила пожертвования от сербского правительства, князя Михаила Обреновича и сербского государственного деятеля Йована Мариновича.

Член Петербургского комитета Н.А. Киреев отправил в новый кафедральный собор серебряную утварь, заводчик П.П. Демидов пожертвовал 250

³⁸⁸ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 64об.

³⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 160.

³⁹⁰ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 9. Ед. хр. 37. Л. 3–6об.

³⁹¹ Храм был разрушен 15 июня 1992 г. В 2010 г. начались работы по его восстановлению.

рублей³⁹². В 1870-е гг. для сбора средств в Россию отправился сараевский архимандрит Савва Косанович, о путешествии которого будет рассказано ниже.

К 1868 г. помощь Московского славянского комитета Боснии и Герцеговине резко сократилась. В описи бумаг организации в период с 1868 по 1874 гг. Боснии и Герцеговине уделено уже незначительное место.

Анализируя бумаги секретаря комитета Н.А. Попова, можно составить следующую таблицу:

Таблица 2.1. – Обращения из Боснии и Герцеговины в Московский славянский комитет в 1868–1874 гг³⁹³.

год	Прошения, связанные с Боснией и Герцеговиной	Общее количество прошений от славян
1868	5	143
1869	15	242
1870	5	148
1871	6	310
1872	5	256
1873	16 ³⁹⁴	163
1874	3	171
всего	55	1433

Среди документов: прошение о помощи церкви великомученника Георгия в Травницком санджаке, сообщения о нуждах боснийских и герцеговинских церквей, школ и деятельности западной пропаганды от российских консулов, прошения от архимандрита В. Пелагича поддержать семинарию в Баня-Луке, три прошения о выдаче стипендий на обучение в России, документы об организации поездки сараевского архимандрита Саввы Косановича в Россию, расписки о получении помощи из Горажде, предложения устроить женскую гимназию в Сараеве, просьбы о содействии в строительстве собора в Мостаре, прошения о помощи из Буковачской и Варцарской общин, сообщения о судьбе С. Перовича и

³⁹² Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921)... С. 185.

³⁹³ ОР РГБ Ф. 239. Картон 2. Ед. хр. 2. Л. 3об.–73об.

³⁹⁴ Все документы касаются поездки сараевского архимандрита Саввы Косановича в Россию.

расписки российских консулов в получении денежной помощи (их встречается всего лишь три)³⁹⁵.

В 1869 г. Московский славянский комитет назначил для раздачи пособий в Боснии 350 рублей. Консул Кудрявцев уже начал распределять средства из фонда консульства, ожидая поступления денег от комитета. Однако в Москве переменили планы и решили потратить означенную сумму на другие нужды. Эта ситуация поставила консула в затруднительное положение³⁹⁶.

Если обратиться к ежемесячным отчётам Московского славянского комитета о сборе денежных средств за 1868–1874 гг., то обнаружит себя лишь одно упоминание Боснии. В 1871 г. оказывалась помощь боснийскому монастырю Папрача³⁹⁷.

С чем связаны такие перемены? Почему Босния и Герцеговина отошла в деятельности комитета на второй план? Одной из главных причин стали неудачи Балканского союза. Россия делала ставку на Сербию. Конфликты и раздоры в совокупности с другими факторами разрушили планы славянского единства. Произошло крушение идиллических надежд о возможном объединении славян. Исследователи отмечают, что русское общество стало больше заниматься болгарским вопросом, соответственно денежная помощь направилась в другую сторону.

Следует признать, что действительно до событий 1875 г. болгарский вопрос волновал деятелей славянских комитетов куда больше, нежели боснийский³⁹⁸. Изучение фондов Московского славянского комитета позволило сделать вывод, что до 1875 г. болгарам уделялось намного больше внимания. Это подтверждают и отчёты о расходах комитета в период до 1875 г.³⁹⁹

Пост председателя новообразованного *Петербургского отделения славянского комитета* предлагали занять министру народного просвещения и

³⁹⁵ ОР РГБ, Ф. 239. Картон. 2. Ед. хр. 2. Л. 3об., 4, 5об, 6, 13, 14–15об., 18–21об., 23, 25–26об., 32–32об., 36, 39, 42об., 49, 52, 53, 57об., 59–60об., 62–63, 65об., 66об., 73об.

³⁹⁶ ОР РГБ, Ф. 239. Картон 2. Ед. хр. 2. Л. 19.

³⁹⁷ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 26.

³⁹⁸ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 28.

³⁹⁹ ЦИАМ. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 1.; ЦИАМ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 35.

обер-прокурору Святейшего Синода *графу Дмитрию Андреевичу Толстому*. По сообщениям В.И. Ламанского он был готов принять это предложение, но отказался под влиянием Горчакова⁴⁰⁰. Министр иностранных дел опасался, что открытое участие такой важной правительственной фигуры в делах комитета скомпрометирует правительство.

Отделение возглавил *Александр Фёдорович Гильфердинг*⁴⁰¹. Интересно, что ему вместе с Михаилом Фёдоровичем Раевским и Осипом Максимовичем Бодянским в 1867 г. официально было запрещено участвовать в работе Славянского съезда в Москве поскольку они активно популяризировали это мероприятие среди австрийских славян⁴⁰². Должность секретаря петербургского отделения комитета занял *В.И. Ламанский*.

С.А. Никитин отмечает, что Петербургский комитет преследовал две цели: помощь культурному развитию славянских народов и внедрение славянской идеи в сознание русского общества⁴⁰³. Комитет оказывал поддержку молодым людям в вопросе получения высшего образования, в основном это были сербы, болгары, черногорцы. Официально провозглашался не политический, а благотворительный характер общества. К маю 1869 г. петербургское отделение уже насчитывало 240 членов.

При комитете была организована издательская комиссия, цель которой состояла в публикации литературы о славянах. «Первенцем» стала публикация жизнеописания Кирилла и Мефодия⁴⁰⁴. Была учреждена премия за сочинение по кирилло-мефодиевской проблематике. Планировалось издание серии книг, которые бы познакомили русское общество с каждой славянской страной в отдельности. Во многом это происходило благодаря активности председателя общества Гильфердинга, стремившегося рассказать обществу о жизни славян. Неоднократно он сетовал, что русский народ не знает своих братьев. Большое

⁴⁰⁰ ОР РГБ. Ф. 239. Картон. 12. Ед. хр. 16. Л. 20.

⁴⁰¹ См. Приложение И. Стихотворения Ф.И. Тютчева, посвящённые А.Ф. Гильфердингу.

⁴⁰² *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославяне. С. 145.

⁴⁰³ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России. С. 93.

⁴⁰⁴ *Лаптева Л.П.* Александр Фёдорович Гильфердинг (1831–1872) как первый председатель Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Комитета. С. 58.

внимание Гильфердинг уделял и австрийским славянам. Это было особенно актуально, поскольку, если о сербах, болгарх и поляках русский человек хоть что-то знал, то судьба братских народов Австрийской империи оставалась абсолютно неведомой. Идея познакомить русское общество со славянством, проживающим в этом регионе, возникла у Гильфердинга достаточно рано. Ещё в начале 1850-х гг. он осуществил поездку по австрийским землям, активно работал над созданием «Истории Балтийских славян»⁴⁰⁵, изучал вопрос о серболужицкой народности и, конечно же, не обошёл вниманием чешский народ. В сентябре 1855 г. Александр Фёдорович побывал в Праге, оттуда, по словам Веры Сергеевны Аксаковой он писал «о жажде сообщения и знания русской деятельности, которая существует в этих местах, и о совершенном недостатке средств удовлетворить этой жажде, о равнодушии русских в этом отношении...»⁴⁰⁶. Этому впечатлению молодости Александр Фёдорович будет верен всегда. В своём письме Раевскому от 9 апреля 1859 г. Гильфердинг говорил, что об австрийских славянах Министерство иностранных дел «к нашему стыду, ничего не знает»⁴⁰⁷. Не случайно первым народом, с которым первый Председатель комитета в Петербурге хотел познакомить жителей Российской империи был чешский народ. К 1868 г. относится публикация «Очерка истории Чехии»⁴⁰⁸ и участие комитета в праздновании памяти Яна Гуса.⁴⁰⁹

Так и произошло разделение сфер влияния, когда Москва отвечала за судьбы турецких славян, а Петербург – австрийских.

С 1870 г. при Санкт-Петербургском комитете открылось и Дамское отделение, основной задачей которого была организация благотворительных акций в пользу страждущих братских народов.

В виду отсутствия собственного помещения, собрания комитета проходили, как правило, на квартире одного из его членов. По вторникам – у Георгиевского,

⁴⁰⁵ Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. М., 1855.

⁴⁰⁶ Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855 гг. СПб., 1913. С. 129.

⁴⁰⁷ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. С. 130.

⁴⁰⁸ Гильфердинг А.Ф. Очерк истории Чехии. СПб., 1868.

⁴⁰⁹ Лаптева Л.П. Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) как первый председатель Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Комитета. С. 58 – 60.

по средам – у Ламанского, по четвергам – у Гильфердинга, в субботу и воскресенье местом сбора комитета служила квартира Срезневского⁴¹⁰. На заседаниях читались исторические работы, литературные сочинения, проводились беседы о текущих славянских делах. Устраивались также литературно-музыкальные вечера по славянской тематике.

Комитет активно занимался вопросами оказания помощи студентам и выпускникам русских университетов, приехавшим из славянских земель. К примеру, в своём письме к Н.А. Попову от 14 октября 1870 г.⁴¹¹ Гильфердинг интересуется личностью одного бывшего студента Московского университета, который в виду отсутствия денежных средств покушался на самоубийство. Гильфердинг от имени комитета ходатайствует о предоставлении ему денежного пособия.

У комитета было своё периодическое издание – «Славянский сборник», однако оно достаточно плохо расходило. Четвёртая часть каждого тиража отсылалась в славянские земли.

Судя по архивным материалам, в частности, по переписке Погодина с Поповым, финансовые дела Славянского комитета шли не очень хорошо, отмечается постоянная нехватка денег. Так, после смерти Гильфердинга, назначенная ему премия в 965 рублей пошла на расходы комитета⁴¹². Деньги же для оказания помощи славянам собирали «всем миром».

Для сбора средств Славянский комитет устраивал благотворительные концерты. В своём письме к Николаю Александровичу Ермакову⁴¹³ от 22 января 1871 г. Гильфердинг пишет следующее: «Милостивый Государь, Николай Александрович, по поручению Славянского комитета имею честь обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой: не сочтёте ли возможным воспользоваться многочисленным разнообразным кругом знакомств Ваших,

⁴¹⁰ Там же. С. 58.

⁴¹¹ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 7. Ед. хр. 24.

⁴¹² ОР РГБ. Ф. 231/II. Картон 26. Ед. хр. 60. Л. 6.

⁴¹³ *Ермаков Николай Андреевич* (1824 – 1897) – окончил Порховское уездное училище, служил в хозяйственном департаменте министерства внутренних дел. Позднее был назначен вице-директором, а затем директором департамента торговли и мануфактур министерства финансов. Одновременно в течение нескольких лет являлся директором Технологического института. С 1885 года служил в министерстве финансов.

чтобы рекомендовать возможно большему числу лиц посетить концерт, который устраивается в пользу Комитета... »⁴¹⁴.

Собранные средства чаще всего отправлялись к Михаилу Фёдоровичу Раевскому в Вену, который передавал их по назначению. Точных данных о том, сколько и для чего посылалось, обнаружить не удалось. Но есть несколько частных случаев. Так, в 1870 г. по просьбе Раевского комитет отправил 200 рублей на поддержку хорватских партий в борьбе с политикой бана Рауха⁴¹⁵. Примерно в это же время решался вопрос об открытии православной церкви в Праге. Этот сюжет детально рассматривается в переписке А.Ф. Гильфердинга с М.П. Погодиным⁴¹⁶. Из писем становится ясно, что комитет в 1871 г. испытывал большие финансовые трудности. Проводился сбор средств на издания в память Гуса, кирилловскую премию, для Серболужицкой Матицы и чешского театра⁴¹⁷.

Откуда же брались деньги на благотворительность? В основном все мероприятия осуществлялись за счёт самих благотворителей. Например, член комитета Посохов взял на себя обязательство по устройству и содержанию одной школы в Герцеговине⁴¹⁸.

Судя по тому, что достаточно часто встречаются сообщения о нехватке денежных средств, приток денег извне был незначителен, но организация продолжала существовать. В отличие от многих славянофильских начинаний и издания журналов соответствующей направленности, славянский комитет держался на плаву. Интерес к деятельности комитета усиливался в связи с экстраординарными событиями в славянском мире, такими как обострение Восточного кризиса.

Не терял комитет связь и с российским МИД. Известно о просьбе директора Азиатского департамента Стремоухова к Гильфердингу помочь в реализации проекта расширения сети православных школ в Герцеговине. Председатель славянского комитета в Петербурге также был вынужден отказать в этом, ввиду

⁴¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 967. Л. 1.

⁴¹⁵ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 293. Л. 5.об.

⁴¹⁶ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 127.

⁴¹⁷ Лантева Л.П. А.Ф. Гильфердинг как первый председатель Санкт-Петербургского Славянского комитета. С. 63.

⁴¹⁸ ГАРФ. Ф. 1750. Оп.1. Ед. хр. 68. Л. 91об.

отсутствия возможности помочь материально⁴¹⁹. С 1871 г. Петербургский славянский комитет оказывал ежегодную помощь в 100 рублей школе в Невесинье⁴²⁰.

К 1870-м гг. между Москвой и Петербургом возникло недопонимание. Москва обвиняла Петербург в излишней самостоятельности в принятии решений и пыталась контролировать финансовые расходы своего отделения. Это возмущало А.Ф. Гильфердинга, о чём он открыто писал Н.А. Попову⁴²¹.

В 1872 г. не стало А.Ф. Гильфердинга. «Если тяжела потеря заслуженного деятеля, когда он прошёл уже с честью своё поприще и изведаль даже сил, сознаваясь, что наступила пора бездействия и отдыха, но насколько горче потерять труженика в полном цвете жизни, сил и опытности, заставлявшей ожидать от него, в будущем, новых, более совершенных, трудов, которым предыдущая деятельность служила только, так сказать, подготовкою или пробой? Между тем, такую именно горькую потерю понесла русская наука в лице А.Ф. Гильфердинга... Настолько ревностного и знающего труженика трудно указать между живыми собратьями» – писал автор одного из некрологов⁴²².

Отделение славянского комитета в Петербурге возглавил *Иван Петрович Корнилов* (1811–1901). К этому моменту Корнилов успел побывать инспектором казённых училищ Московского учебного округа, помощником попечителя Петербургского учебного округа, с 1864 по 1868 гг. был попечителем Виленского учебного округа, являлся членом совета Министерства просвещения. Его перу принадлежали работы, посвящённые польскому вопросу.

В январе 1874 г. граф *Н.П. Игнатъев* был избран почётным членом Санкт-Петербургского благотворительного комитета⁴²³.

⁴¹⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1864–1870. С. 185–186.

⁴²⁰ *Хевролина В.М.* Документы архивов СССР по истории школьного дела в Боснии и Герцеговине в 50–70-х гг. XIX в... С. 100.

⁴²¹ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 7. Ед. хр. 24. Л. 7–8.

⁴²² *А.Ф. Гильфердинг.* // Всемирная иллюстрация. 1872. Т. VIII. № 207. С. 398.

⁴²³ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 3186. Л. 3.

О работе Петербургского отделения в Боснии и Герцеговине в период с 1872 по 1874 гг. известно мало, вероятнее всего именно Москва занималась боснийским вопросом.

В 1870-е гг. славянские комитеты находились в бедственном финансовом положении. Средств на ведение их деятельности не хватало.

Благотворительные организации устраивали специальные вечера для сбора средств в пользу славян. Билеты продавались в кассах Большого театра. К примеру, в честь Пасхи в 1871 г. устраивался художественно-литературный вечер с живыми картинами. Стихотворения к вечеру были подготовлены Майковым, Полонским, Тютчевым⁴²⁴.

Из обращения московского славянского комитета к общественности в 1867–1868 гг.⁴²⁵ можно судить об источниках дохода благотворительной организации:

1. Пожертвования от членов императорской семьи.
2. Пособия от Министерства иностранных дел и Министерства просвещения.
3. Ежегодные взносы постоянных членов комитета.
4. Сбор пожертвований от частных лиц. За пожертвование сумм от 5 до 10 рублей причислялось звание члена - благотворителя комитета, от 10 до 25 рублей – звание действительного члена, от 25 и более – звание почётного члена.
5. Устройство музыкальных, литературных и драматических вечеров.
6. Добровольное участие корреспондентов комитета в сборе средств в пользу славян.

Важнейшим делом комитета было противодействие католической и протестантской пропагандам. Сараевский консул Кудрявцев писал в 1869 г. в славянский комитет: «Славянский благотворительный Комитет выразил желание иметь подробные сведения о деятельности западных пропаганд в Боснии. Поспешно исполнил желание Комитета с тем большим сочувствием, что насаждаемая им деятельность обращается ныне на народное просвещение

⁴²⁴ ОР РГБ. Ф.231/4. Картон 2. Ед. хр. 26. Л. 2об.

⁴²⁵ ОР РГБ. Ф.231/4. Картон 2. Ед. хр. 61.

югославян, — значит и бошняков, — в котором они так много нуждаются и которого ищут, но пока напрасно»⁴²⁶. Совершенно очевидно, что русская помощь Боснии ещё не была существенной.

Тема соперничества с католической пропагандой звучит во всех прошениях присылаемых из Боснии и Герцеговины. Часто, стремясь обратить внимание комитета на регион, российские консулы в своих прошениях акцентировали внимание на противостоянии православия католичеству и протестантизму. Так Кудрявцев в 1869 г. писал: «от России и её общества зависит огромная доля преуспевания в восстании и образовании православного народа Боснии. От того-то от России и её общества ожидают всего наши единоверцы, которые больше чем когда-либо надеются и веруют в нашу силу и могущество. Наша сила, по их убеждениям, способна бороться одна совсем Западом и серединою Европы, но для этого она должна быть прилагаема к делу, по какой либо рациональной и практической системе, подобно, например, системе германских обществ, миссионерская деятельность которых увенчивается самыми блистательными результатами»⁴²⁷.

Как уже говорилось, заботой комитетов было обучение славян из Боснии и Герцеговины в России⁴²⁸. Сербский митрополит Михаил говорил, что ученикам из Боснии, Герцеговины и Старой Сербии лучше получать образование в Сербии, а в Россию следует отправлять болгар⁴²⁹.

На 1874 г. в русских училищах не находилось ни одного представителя Боснии. Сараевский архимандрит *Савва Косанович* хлопотал об устройстве в иконописный отдел Троице-Сергиевой лавры своего соотечественника Ристы Чайкановича. На учёбу в Россию его отправила сараевская православная община. С просьбой о помощи он обращался к Н.А. Попову⁴³⁰. Последний устроил Чайкановича в лавру и живописное училище в Москве⁴³¹. Серб получил

⁴²⁶ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 84.

⁴²⁷ Там же. Л. 88об.—89.

⁴²⁸ Подробнее речь об этом пойдёт в главе 3.

⁴²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 11–12.

⁴³⁰ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 13. Л. 5об.

⁴³¹ Там же. Л. 11.

стипендию от российского правительства. Спустя полгода он уже собрался уезжать на родину. Косанович вновь обратился к Попову с просьбой отговорить Ристу от этого шага⁴³².

В том же 1874 г. в Османской империи был принят новый закон о школах. Церковно-школьные комитеты⁴³³ были провозглашены нелегальными органами, действующими против государства. Соответственно был запрещён сбор средств в пользу школ, все учителя тщательно проверялись правительством, учебная литература печаталась в вилайете, проводилась тщательная ревизия учебников. Все основные школы должны были быть устроены по принципу турецких⁴³⁴. Эти меры существенно ударили по русской и сербской просветительской политике в регионе. Под запрет попало всё, над чем так долго работали.

Финансовый вопрос, соперничество с католической пропагандой и противостояние турецкой политике были не единственными проблемами. Нельзя умалять достоинств славянских комитетов и русских благотворителей в деле поддержания православия и образования в Боснии и Герцеговине. Однако необходимо отметить и негативные моменты, которые скорее подрывали репутацию России.

Сараевский консул Шулепников писал Раевскому: «пришлите, пожалуйста, что-нибудь только не очень поддержанное...»⁴³⁵. Недовольство качеством присланной помощи выражали и местные жители Боснии и Герцеговины. Сараевский консул сообщал: «откровенно сказать старые вещи как-то совестно и раздавать, как например, я имел много весьма ветхих риз, и в бытность мою недавно в Мостаре и Архимандрит Памучина конфиденциально изъявил мне своё неудовольствие на то, что получил от Вас много старья, весьма справедливо замечая при том, что таким образом не достигается наша цель благотворительности»⁴³⁶.

⁴³² Там же. Л. 21–21об.

⁴³³ Церковно-школьные комитеты (общины) заведовали всеми учебными заведениями Боснии и Герцеговины. Они занимались вопросами финансирования и подбора учительских кадров.

⁴³⁴ *Тепић И.* Босна и Херцеговина ... С. 519.

⁴³⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 22.

⁴³⁶ Там же. Л. 29.

Из вышесказанного становится ясно, что комитет старался пересылать всё, что удавалось собрать, в том числе и ветхое старьё. Такого рода помощь от богатой и сильной России выглядела как издевательство. Австрия, которую считали главным конкурентом в регионе не позволяла себе таких оплошностей.

Не было чётких договорённостей в вопросах распределения помощи и разделении зон ответственности. Несогласованность приводила к тому, что в одни местности помощь пересылалась многократно, а другие не получали ничего. Столкнувшись с этой проблемой сербский митрополит Михаил предлагал обмениваться данными о том, куда и сколько было направлено помощи из России и Сербии⁴³⁷.

Судя по письмам российских консулов, такая неразбериха была системным явлением. Зачастую сам Раевский раздавал вещи через боснийских торговцев, не ставя в известность консульство. В самих консульствах часто случалась путаница с присланными вещами. Они перемешивались, терялись, доставлялись не по адресу⁴³⁸. Существовала несогласованность в действиях и самих работников консульств. Во время отъезда консула секретари раздавали помощь, не ведя записей о том, куда и что послали⁴³⁹. Существовали трудности с пересылкой: ящики задерживались и терялись, порой на транспортировку уходило около года.

Как уже говорилось, с открытием консульства в Мостаре, Герцеговина вышла из зоны ответственности консульства в Сараеве. Российский консул Безобразов установил контакт со славянскими комитетами. Он писал, что не несёт ответственности за помощь, розданную в Герцеговине сараевским консулом Шулепниковым и местной православной общиной⁴⁴⁰. В результате осталась неясной судьба нескольких ящиков, присланных славянскими комитетами. Все попытки Раевского получить расписки в их получении были тщетны.

Огромные трудности возникали с распределением, собранного в России. Раздавать деньги по сёлам было просто невозможно, так как не в каждом селе был

⁴³⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 9–10.

⁴³⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1.

⁴³⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 9об.

⁴⁴⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 82–82об.

священник. Безобразов предлагал раздавать по три-четыре червонца особо бедным священникам, чтобы хоть как-то их поддержать⁴⁴¹.

Не все славянские агенты комитета отличались порядочностью. Многие просто создавали видимость деятельности, получая скромную плату. Конечно же с Балканского полуострова в Россию приезжало много разного рода авантюристов. Бывали случаи приезда в Россию сербов – турецких и австрийских шпионов. Балканские агенты и русские консулы старались предупредить Москву и Петербург об опасности общения с ними⁴⁴².

Михаил Фёдорович Раевский и боснийский вопрос

Пример успешного сотрудничества Русской православной церкви, славянских комитетов и МИД являет собой личность замечательного человека – протоиерея *Михаила Фёдоровича Раевского* (1811–1883)⁴⁴³. Он был ключевой фигурой в вопросе установления связей славянства с Россией.

По предложению обер-прокурора Синода в 1842 г. Раевский получил назначение на должность священника русской посольской церкви в Вене. В 1843 г. Михаил Фёдорович прибыл в столицу Австрии вместе со своей большой семьёй⁴⁴⁴. Здесь он пробыл до своей кончины (около 40 лет).

Этого человека можно смело назвать связующим центром сложной системы, которая охватывала русские благотворительные организации, правительство, Священный Синод, деятелей славянского мира. Количество его корреспондентов исчисляется тысячами⁴⁴⁵.

Без преувеличения можно сказать, что координация всей русской благотворительности, поступающей из разных источников, лежала на плечах Михаила Фёдоровича. Во второй половине XIX века из-за ужесточения цензуры в империи Габсбургов была затруднена переписка и книгообмен с Россией.

⁴⁴¹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 84–85.

⁴⁴² ОР РГБ. Ф. 239. Картон. 11. Ед. хр. 13. Л. 1.

⁴⁴³ См. Приложение Л. Портреты русских общественных деятелей.

⁴⁴⁴ На тот момент у него была жена и шестеро детей.

⁴⁴⁵ Исследователи архива М.Ф. Раевского В. Матула и И.В. Чуркина выявили порядка 1750 корреспондентов только из славянских земель. См. *Матула В., Чуркина И.В.* Архив М.Ф. Раевского как источник по истории связей между славистами России и Австрии (40–70е гг XIX в.) // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974. С. 166–178.

Выручала дипломатическая почта. На адрес посольства пересылать письма было опасно, поэтому вся корреспонденция проходила через М.Ф. Раевского.

В переписке с Раевским российские консулы использовали специальные шифры. Доподлинно известно, что они применялись в общении с Е.Р. Щулепниковым⁴⁴⁶ и А.С. Иониным⁴⁴⁷.

Отношение Раевского к боснийскому вопросу прошло эволюцию от искренней веры в возможность объединения всего сербского народа до глубокого разочарования в этих идеях. Михаил Фёдорович много трудился на благо славян и поддержание православия. Депутации христиан из Боснии и Герцеговины знали, что именно здесь они смогут найти помощь и поддержку. Раевский владел итальянским, французским, шведским и всеми славянскими языками, в то время как не все русские консулы в Боснии говорили по-сербски.

В 1858 г. Михаил Фёдорович ещё верил в силу народа Боснии и Герцеговины, которая позволит сбросить «турецкое ярмо». В это время в Герцеговине разразилось восстание. Раевский со скепсисом относился к выводам Гильфердинга об апатичности народа Боснии. Он писал: «не могу вполне согласиться со словами Г. Гильфердинга в брошюре его о Боснии, что эта страна не в состоянии подняться сама собой без внешнего постороннего содействия. Кто теперь поднял босняков? Неужели в самом деле Австрия, запретившая вывозить из своих владений в Боснию и порох и оружие, на днях выгнавшая со службы 15 человек офицеров славян из граничаров за их сношения с Бошняками. И не тем бы кончилось это восстание в Боснии и Герцеговине, если бы райе не связаны были руки вмешательством в её дела посторонних государств»⁴⁴⁸.

А.Ф. Гильфердинг придерживался иных позиций. Как очевидец восстания он был уверен, что волнения являлись провокацией иностранных агентов.

В 1860 г. Михаил Фёдорович принимал участие в работе сербского комитета по освобождению Боснии под руководством М. Бана. К этому моменту к нему пришло понимание о невозможности освобождения Боснии и Герцеговины

⁴⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 1.

⁴⁴⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1.

⁴⁴⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 70об.

исключительно собственными силами. Подробнее об этом комитете речь пойдёт ниже. Результаты работы тайной организации ввергли Раевского в глубокое разочарование. В это время он писал А.С. Ионину: «во всех славянах право мало толку»⁴⁴⁹.

К 1861 г. Михаил Фёдорович уже разуверился в возможности славянского единства и обретения всеобщего блага. Он писал: «нет единства мыслей, единства действий. Всякая голова имеет свой план, всякая отдельная личность и национальность ставят прежде всего свой интерес впереди, и на нём хочет основать систему единства»⁴⁵⁰.

В 1864 г. Раевский писал, что настало время борьбы Востока с Западом, православия с католицизмом, славян с другими народами. Во главе этой борьбы Бог поставил Россию. Он призывал Россию поступать также как ведут себя Австрия, Англия и Франция: писать больше полезного для страны в газетах, активно заниматься благотворительностью и сообщать о своей деятельности⁴⁵¹. Разуверившись в возможности славянского духовного единения, он стал больше внимания уделять защите интересов России. Позиция Михаила Фёдоровича по вопросу о нуждах и стремлениях народа Боснии и Герцеговины в годы восстания и русско-турецкой войны, в 1875–1878 гг. чётко прослеживается в его письмах к И.П. Корнилову: «положим, что сербы взойдут в Боснию и Герцеговину; – а уверены Вы, что они не передерутся между собой? И тогда увы! Придётся просить Австрию, чтоб заняла Боснию. А уверены Вы, что босняки желали бы соединиться с сербами! А вот видите ли: когда поп Жарко⁴⁵² вступил в Боснию, босняки не поднялись с ними, и теперь там почти всё смирно [...] когда недоумевают кого послать в Боснию и Герцеговину для управления делами я, в шутку предлагаю послать сербов. У них есть и народная форма правления и чиновники тоже сербы. Поверьте, что чрез два года, если не прежде, умолять будут босняки европейские державы, только вывести от них сербов. Хорошо

⁴⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3383. Л. 1.

⁴⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 17, 17об.

⁴⁵¹ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 496.

⁴⁵² воевода Жарко Лешевич

тогда будет положение России! Хоть и скучно, но нужно сознаться, что Босния и Герцеговина не могут ещё ни сами собой управляться, ни быть управляемы своими соседями — славянами»⁴⁵³. Это высказывание хорошо иллюстрирует перемены в воззрениях Раевского на боснийский вопрос.

Раевский, который приложил много усилий на то, чтобы славянская тема зазвучала в русском обществе, ужасался активности своих соотечественников. Разгоревшиеся в русском народе страсти пугали его. Он понимал, что крах иллюзий неминуем. Россия ввязалась в дело, исход которого неизбежно приведёт не только к потере Боснии, но и к ссорам с Сербией. Раевский сетовал: «теперь же славяне к нам не признательны, а если освободятся, то и совсем отворотятся от нас, к радости немцев, англичан *et tutti quanti*»⁴⁵⁴. Вот моя Вам исповедь завзятого славянофила»⁴⁵⁵.

Многолетние труды Раевского в Боснии и Герцеговине, участие в работе тайных сербских обществ, контроль за распределением русской помощи, организация обучения выходцев из региона в России, непрерывная переписка с представителями местного населения хорошо познакомили Михаила Фёдоровича с этим регионом Балкан. Вложив много усилий в славян этого края, к 1876 г. он принял тезис о неспособности его народа жить самостоятельно или вместе с родственными сербами. Существование Боснии и Герцеговины было возможно только в рамках большой империи.

К середине 1870-х гг. Михаил Фёдорович стал менее активным в своей деятельности. Во время великого восточного кризиса он собирал средства в пользу славян. Как установила И.В. Чуркина, после оккупации Боснии и Герцеговины Раевский не разорвал контактов со своими корреспондентами из этих областей, вёл активную переписку с участником повстанческого движения Петром Узелацем⁴⁵⁶.

⁴⁵³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3386. Л. 8, 8об.

⁴⁵⁴ и всяких других (итал.).

⁴⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3386. Л. 11об.

⁴⁵⁶ Чуркина И.В. *Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский...* С. 185–186.

Как отмечают В. Матула и И.В. Чуркина, в историографии устоялось три оценки типа личности Раевского. Одни считают его агитатором и идеологом панруссизма и панславизма. Другие называют выдающимся русско-славянским деятелем и выразителем интересов русского народа. Третьи говорят о нём, как о представителе могущественного русского народа, на помощь которого надеялись все славяне. Трудно принять тезис о Раевском – панслависте. Прежде всего, он был проводником политики правящих кругов России, Русской православной церкви и деятелей славянофильского течения. Стоит отметить, что общественно-политические взгляды Михаила Фёдоровича отличались консерватизмом. До конца жизни неизменными для него оставались два принципа: верность русскому престолу и православной церкви⁴⁵⁷. История взаимоотношений Раевского с Боснией очень хорошо иллюстрирует это.

Свои первые шаги русская благотворительность в Боснии начала в 1850-е гг. Всё это время славянские комитеты были верными союзниками российского правительства в вопросе распределения помощи. Вышеперечисленные организации играли важную роль в установлении русско-сербских церковных связей. Наибольшие денежные вливания в регион относятся к периоду конца 1850-х – нач. 1860-х гг. Далее шла планомерная поддержка Сербии и её программы в регионе, а благотворительные пожертвования стали поступать болгарскому народу.

Политика Горчакова была направлена на укрепление связей с балканскими народами. Славянский комитет должен был стать главным орудием в этом деле. К 1875 г. наблюдается расхождение в образе мыслей и действий Московского комитета и российского правительства. И.С. Аксаков⁴⁵⁸, ставший руководителем комитета, стремился вести самостоятельную политику. Он был одним из главных инициаторов и организаторов восстания в Боснии и Герцеговине. Такая его позиция, идущая в разрез с планами правительства спровоцировала закрытие

⁴⁵⁷ Матула В., Чуркина И.В. Архив М.Ф. Раевского как источник по истории связей между славистами России и Австрии (40–70е гг. XIX в.) ... С. 166–178.

⁴⁵⁸ См. Приложение Л. Портреты русских общественных деятелей.

Московского славянского благотворительного общества⁴⁵⁹. И.С. Аксаков был выслан из Москвы за критику русской внешней политики в публичном выступлении, посвящённом итогам Берлинского конгресса 1878 г. Московское славянское благотворительное общество было закрыто в 1878 г. Санкт-Петербургское благотворительное общество просуществовало до 1920 г.

§ 2. Русская периодическая печать о боснийских проблемах в 50–70-е гг. XIX века

*Два слова им на мрачных знаменах
начертаны: одно из них – «свобода»
другое – «Смерть». Теперь в твоих руках
решить судьбу восставшего народа.*

А. Михайлов⁴⁶⁰

Периодическая печать для XIX века была главным инструментом формирования общественного мнения. На основании анализа ряда изданий попытаемся определить, какое место занимала Босния и Герцеговина на страницах русских журналов и газет.

В 1860-е гг. в России возросла роль периодической печати, во многом это было связано со смягчением николаевской цензуры. Самыми популярными были «толстые» журналы. Если ранее большая часть подобных изданий носила только художественный и научно-популярный характер, то теперь на их страницах активно освещались политические события⁴⁶¹.

Босния и Герцеговина на страницах русских периодических изданий

Периодическая печать России, активно пропагандировавшая славянскую идею, уже привлекала внимание исследователей. Особо следует отметить монографию Л.И. Ровняковой «Борьба южных славян за свободу и русская

⁴⁵⁹ Московский и петербургский славянские комитеты были преобразованы в Славянские благотворительные общества в 1877 г.

⁴⁶⁰ Михайлов А. Восстание славян (перевод с сербского) // Дело. 1876. № 10. С. 208.

⁴⁶¹ Ровнякова Л.И. Указ соч. С. 83–112.

периодическая печать (50–70-е гг. XIX века)»⁴⁶² и Т.Ф. Пирожковой «Славянофильская журналистика»⁴⁶³.

Объектом внимания исследования стали толстые журналы, официальные издания, славянофильские издания, западнические издания: «Дело» (1866–1879 гг.), «Гражданин» (1872, 1873, 1878 гг.), «Русское слово» (1859–1866 гг.), «Современник» (1856–1863 гг.), «Русский вестник» (1856–1878 гг.) и приложение к журналу «Современная летопись» (1861–1867 гг., 1869г., 1871г.), «Русский инвалид» (1857–1858гг.), «Военный сборник» (1858–1879гг.), «Вестник Европы» (1866–1879), «Русская беседа» (1856–1860), «Голос»⁴⁶⁴.

Литературный и общественно-политический журнал «Русский Вестник» являлся одним из самых влиятельных изданий своего времени. Главным редактором журнала был публицист, литературный критик и основоположник политической журналистики в России, приверженец идеологии западничества Михаил Никифорович Катков (1817–1887).

Журнал выходил в период с 1856 по 1906 гг. Изначально издание было двухнедельным, с 1861 г. ежемесячным. Первый отдел журнала содержал беллетристику и научные статьи, второй отдел носил политический характер и назывался «Современная летопись». С 1861 г. политическое обозрение «Современная летопись» выходила отдельно.

На страницах журнала печатались произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.А. Гончарова, С.Т. Аксакова, А.Н. Островского, А.А. Фета, исследования Ф.И. Буслаева и С.М. Соловьёва.

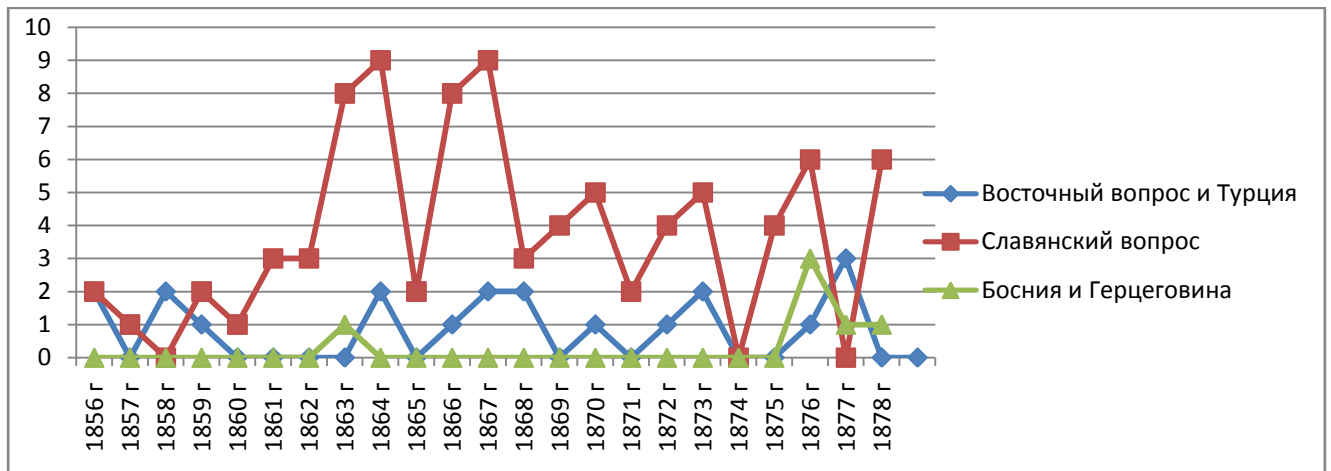
Какое же место на страницах это издания занимала Босния и Герцеговина? Проведя фронтальный осмотр номеров журнала за 1856–1878 гг. можно составить график частоты встречаемости славянского вопроса, Восточного вопроса и упоминаний о Боснии и Герцеговине.

⁴⁶² Она же. Указ соч.

⁴⁶³ Пирожкова Т.Ф. Указ соч.

⁴⁶⁴ Анализ материалов «Голоса» произведён на основе монографии Л.И. Ровняковой.

**Рисунок 2.2. – График частоты упоминаний в «Русском вестнике»
Восточного вопроса, славянского вопроса, Боснии и Герцеговины
в период за 1856–1878 гг.⁴⁶⁵.**

Начиная с 1863 г. славянские сюжеты начинают занимать видное место на страницах издания. Вполне естественно, что особое внимание уделялось польскому вопросу. О боснийских проблемах встречается лишь одно упоминание, связанное с Лукой Вукаловичем и переговорами о заключении мира с Портой⁴⁶⁶.

Далее до 1876 г. нет никаких упоминаний о Боснии и Герцеговине. Издание не поддержало всеобщую активность, охватившую общество в связи с началом Герцеговинского восстания. Только июльский номер журнала за 1876 г. содержит в себе «Очерки современного положения Задунайских славян» известного учёного-слависта и дипломата *В.В. Макушева* и перевод драмы сербского писателя *М. Бана* «Мейрима или босняки»⁴⁶⁷.

Макушев называет Боснию и Герцеговину царством произвола мусульман и грубого невежества, говорит о вреде католической пропаганды и проблемах образования православного населения. Все ужасы мусульманского террора в этом же номере журнала хорошо иллюстрирует «Мейрима» М. Бана. Главный герой драмы отказывается переменить веру и жениться на дочери бега и попадает в тюремное заключение. Акцент делается на непокорности боснийской знати султану, который владеет Боснией «только по имени», а они «на самом деле».

⁴⁶⁵ Данные примерные, так как не удалось посмотреть все номера журнала.

⁴⁶⁶ Русский вестник. 1863. Т. 48. № 11–12. С. 818–819.

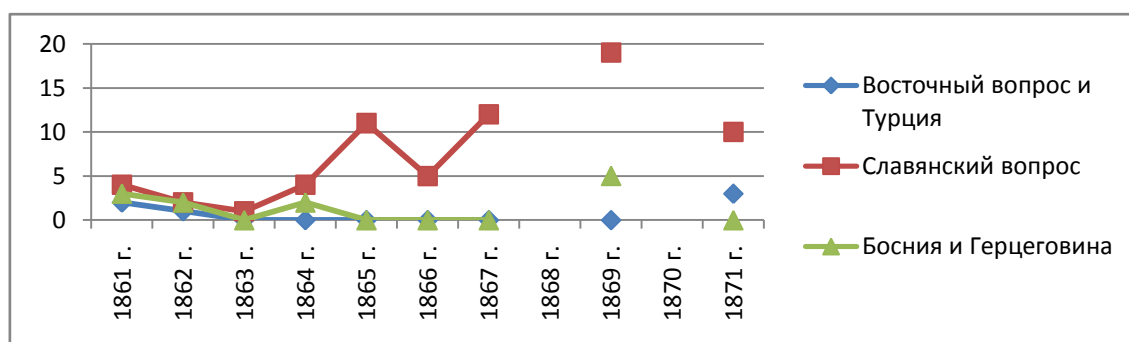
⁴⁶⁷ Русский вестник. 1876. Т. 123. № 5–6. С. 5–36, 745–835.

Отмечается извечный принцип потурченцев: «в душе веруй как хочешь, назовись только турком».

Отвечая интересам русского общества к землям южных славян в этом же году на страницах издания появляется «Поездка из Константинополя в Сараево в 1874 г.»⁴⁶⁸. Не удалось установить авторство работы. Точно можно сказать, что она не принадлежит перу российских консулов и секретарей, которые в то время находились в Боснийском вилайете. Автор делится впечатлениями, которые на него произвели турецкие управленцы в Мостаре и Сараеве. Особо поразил путешественника мостарский Ризван-паша. Его кабинет был похож на номер в самой плохой гостинице, расположившись в кресле на корточках с печатью в руках, своим видом он напоминал обезьяну⁴⁶⁹. Мостар предстаёт ужасным местом, где повсеместно душат православие, царит безграмотность, а братья по крови и племени готовы друг друга задушить⁴⁷⁰. В 1877–1878 гг. на страницах издания публиковались очерки герцеговинского восстания⁴⁷¹.

Оценивая место Боснии и Герцеговины в «Русском вестнике», нельзя обойти стороной приложение «Современная летопись», которое выходило в период с 1861 по 1871 гг. В 1863 г. М.Н. Катков получил в аренду газету «Московские ведомости». «Летопись» стала приложением к этому изданию.

Рисунок 2.3. – График частоты упоминаний в «Современной летописи» Восточного вопроса, славянского вопроса, Боснии и Герцеговины в период за 1861–1871 гг.⁴⁷²

⁴⁶⁸ Русский вестник. 1876. Т. 125. № 10. С. 629–677.

⁴⁶⁹ Там же. С. 662–663.

⁴⁷⁰ Там же. С. 664.

⁴⁷¹ Русский вестник. 1877. Т. 132. № 11. С. 358–385; 1878. Т. 136. № 7–8.

⁴⁷² Данные примерные, так как не удалось посмотреть номера журнала за 1868 и 1870 гг.

В 1861–1862 гг. на страницах издания встречаются короткие сообщения о ходе восстания Луки Вукаловича⁴⁷³.

В № 39 за 1864 г. в газете было напечатано письмо из Боснии от *Серба Боснийского*⁴⁷⁴. В письме сообщалось о многочисленных податях, которые христиане вынуждены платить туркам.

С 1865 г. в «Современной летописи» появляется раздел «Славянская хроника». В 1865 г. эту колонку вёл *Н.А. Попов*, за год она выходила 11 раз⁴⁷⁵. В 1866 г. на страницах издания нет этого раздела. С 1867 по 1869 гг. этот раздел готовил корреспондент «Z.Z.Z.». К сожалению, не удалось установить личность, скрывающуюся за этим псевдонимом. Первые статьи данного журналиста появляются в 1866 г.⁴⁷⁶ и все они затрагивают славянскую проблематику.

В разделе «Славянская хроника» № 12 за 1869 г. сообщается о возвращении Осман - паши в Сараево и закрытии богословской семинарии Василия Пелагича в Баня-Луке⁴⁷⁷. Осман - пашу автор называет «зверем в человеческом образе» и «турецким цивилизатором», который «распоряжается жизнью имуществом и честью несчастных христиан как своей собственностью»⁴⁷⁸. Заключение Пелагича и учителей семинарии в тюрьму преподносится как варварство.

В № 28 в разделе «Славянская хроника» сообщалось о письме Луки Вукаловича к герцеговинцам⁴⁷⁹. Бывший предводитель восстания, скрывающийся от турецкого преследования в России, рассуждал об австро-венгерских планах относительно Боснии. Вукалович уверял, что Австрии в данное время некогда и подумать о Боснии, и нет никаких оснований её бояться. Относительно венгров Вукалович сказал следующее: «если мадьяры обладают политической зрелостью, то они должны протянуть нашему народу братскую руку, отказаться от внешней политики, которая не для них, и укрепиться в своей собственной земле»⁴⁸⁰.

⁴⁷³ Современная летопись. 1861. № 12. С. 21; 16. С. 14–15; № 21. С. 19.; Современная летопись. 1862. № 4, № 39.

⁴⁷⁴ Современная летопись. 1864. № 39. С. 4–5.

⁴⁷⁵ Современная летопись. 1865. № 6–7, 9, 12, 16–18, 22, 28–29.

⁴⁷⁶ Современная летопись. 1866. № 23, № 28, № 33–35, № 39–40.

⁴⁷⁷ Современная летопись. 1869. № 12. С. 3–5.

⁴⁷⁸ Современная летопись. 1869. № 12. С. 3.

⁴⁷⁹ Современная летопись. 1869. № 28. С. 6–7.

⁴⁸⁰ Там же. С. 7.

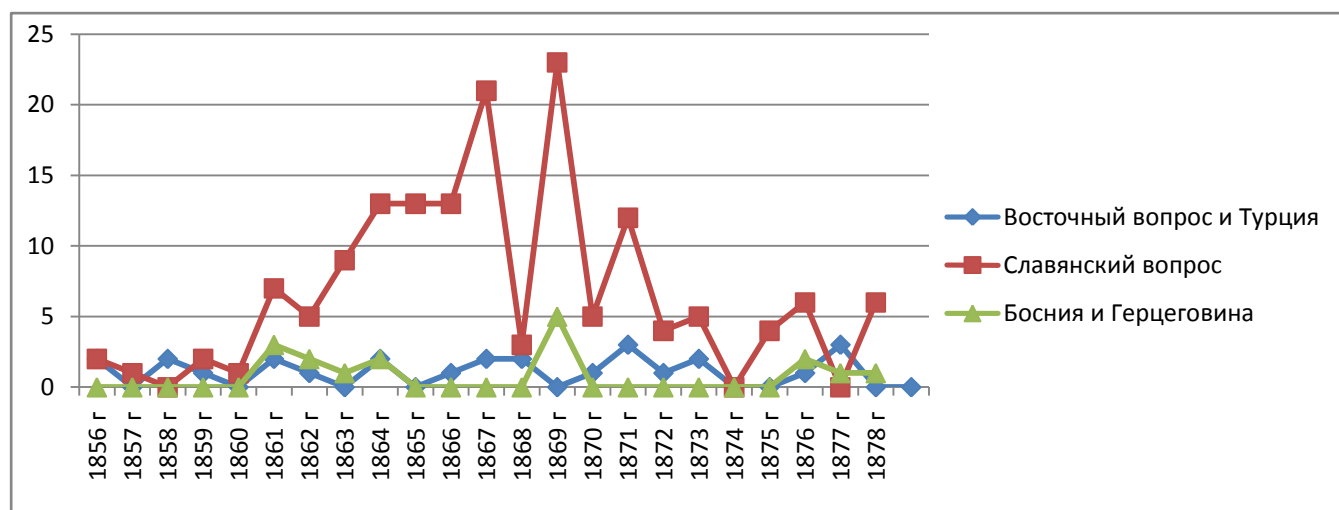
Опасности со стороны хорватов Вукалович тоже не видел, поскольку для них главная задача – разобраться с венграми: «мы не должны отделяться от хорватов, потому что они наши братья по крови и языку. Они должны держаться нас, а мы их: должны отказаться от безделья и раздора»⁴⁸¹.

Самое главное несчастье и опасность Вукалович видел в католической пропаганде, которая «ногой стала на шею».

О будущем Боснии и Герцеговины он говорит следующее: «наша будущность прекрасна, её никто больше не может омрачить. Турецкое правительство исчезнет само собой [...]. Не нужно больше бояться, день нашего освобождения не далёк. Надобно нам трудиться в соединении и согласии, чтобы великий день нашего возрождения застал нас готовыми, а Бог нам дал великую славянскую Россию с друзьями, так что враги не могут больше удручать нас»⁴⁸².

С 1869 г. в газете печатались протоколы заседаний Московского славянского комитета и отчёты о деятельности Петербургского отдела.

Рисунок 2.4. – Объединённый график: «Русский вестник» и «Современная летопись»

Как видно, сведения о Боснии и Герцеговине были не частыми гостями на страницах этих двух изданий. Нельзя сказать, что создаваемый здесь образ региона сильно отличался от того, что было в других журналах и газетах. Босния и Герцеговина предстаёт там как захолустье Европы, где всякое развитие

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² Там же.

остановилось, орудует католическая пропаганда, а православные жители ведут свою бедную жизнь в страхе. Несомненно видно влияние деятелей славянских комитетов, в частности Н.А. Попова. «Современную летопись» они использовали как одно из орудий деятельности своей организации.

Петербургский ежемесячный журнал *«Русское слово»* выходил с 1859 по 1866 гг. Редактором этого издания был граф *Григорий Александрович Крушелёв-Безбородко* (1832–1870). В 1862 г. он передал издание *Григорию Евлампиевичу Благовестову* (1824–1880). Журнал имел литературно-научный характер. В 1860-х гг. на его страницах активно выступают представители радикального движения.

Впервые к славянской теме журнал *«Русское слово»* обратился в 1861 г., когда в № 10 появилась статья А.А. Майкова «Присяжный суд у южных славян»⁴⁸³. В 1862 г. в разделе «Политика» сообщалось о ходе восстания Луки Вукаловича⁴⁸⁴. Следующий год был ознаменован публикацией ряда стихотворений в основу которых были положены сербские сюжеты⁴⁸⁵. В 1864 г. под заголовком «Голос из Сербии»⁴⁸⁶ в журнале появилась статья некого серба Ракича с критикой деятельности и идеологии славянофилов. В статье говорится о том, что «безумная любовь славянофилов» совершенно не то, что нужно славянам. Знакомство автора с материалами «Русской Беседы», «Паруса» и газеты «День» принесли ему только разочарование. О славянофилах говорится следующее: «они скорее ненавидят, чем любят нас; потому что их притворное сентиментальничание, их гнилой романтизм, да ещё в политических вопросах, решительно ни на что не годен; их любовь требует от нас жертвы, жертвы огромной, от которой зависит самобытность нашей жизни...»⁴⁸⁷. Оскорбительным автор статьи находит то, что русские славянофилы относятся к своим собратьям как к нижестоящим, а не как к равным. Забота и деятельность славянофилов названы автором лицемерием.

⁴⁸³ Русское слово. 1861. № 10.

⁴⁸⁴ Русское слово. 1861. № 4, 5.

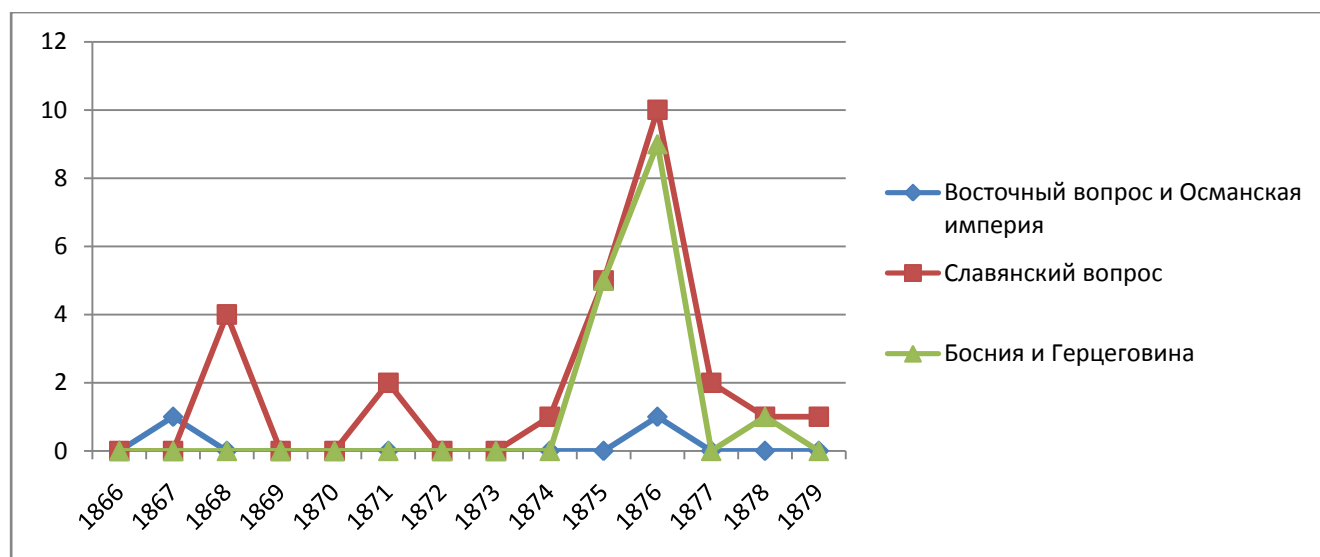
⁴⁸⁵ Русское слово. 1863. № 7, 11

⁴⁸⁶ Русское слово. 1864. № 5. С. 71–88.

⁴⁸⁷ Там же. С. 71.

Журнал был закрыт в 1866 г., после покушения Каракозова. Наследником «Русского слова» стал журнал революционно-демократического направления, орган разночинного радикализма «Дело». Официальным редактором-издателем был *Н.И. Шульгин*, но фактически делами журнала занимался *Г.Е. Благосветлов*. Журнал находился под пристальным вниманием цензуры. Наряду с «Отечественными записками» и «Вестником Европы» издание было одним из самых популярных в России, особенно в провинции. Тираж журнала колебался от 3500 до 5000 экземпляров в год.

**Рисунок 2.5. – График частоты упоминаний в журнале «Дело»
Восточного вопроса, славянского вопроса, Боснии и Герцеговины
в период за 1866–1879 гг.**

Интерес к Боснии и Герцеговине появляется в журнале только с началом восстания 1875 г. На страницах издания печатаются стихотворения и переводы сербских стихотворений В.И. Славянского⁴⁸⁸, А. Михайлова⁴⁸⁹, А. Круглова. Публикуются работы «Мученики Герцеговины»⁴⁹⁰, «Славянка в турецком гареме»⁴⁹¹, «Сербии – герцеговинец»⁴⁹², «Молитва славянина»⁴⁹³, «Герцеговинец в

⁴⁸⁸ псевдоним Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

⁴⁸⁹ псевдоним Александра Константиновича Шеллера.

⁴⁹⁰ Дело. 1875. № 10. С. 276.

⁴⁹¹ Дело. 1875. № 11. С. 34.

⁴⁹² Там же. С. 100.

⁴⁹³ Там же. С. 263–264.

турецкой тюрьме»⁴⁹⁴, «Судьба райи»⁴⁹⁵, «Герцеговинцы»⁴⁹⁶, «Молитва восставших славян»⁴⁹⁷, «Восстание славян»⁴⁹⁸, «Славянская рознь»⁴⁹⁹.

В 1876 г. в издании был опубликован очерк *Л. Лебедева* «Босния и Герцеговина»⁵⁰⁰, знакомящий читателя с этим регионом указывающий на причины волнений в крае. Лебедев отмечает, что существуют лишь две достойные работы об этом регионе. Это сочинение Гильфердинга и «Задунайские и адриатические славяне» В. Макушева. Всё остальное носит фрагментарный характер. Поскольку статистические данные Гильфердинга уже устарели, то Лебедев предлагает читателям познакомиться с новыми статистическими сведениями о населении в крае. Автор много пишет о проблемах духовенства, школ, торговле, недостатках турецкого управления и беговате. Его работа полна сочувствия к славянам.

В № 11 за 1878 г. появляется русский перевод путешествия по славянским землям двух английских леди мисс Ирби и мисс Макензи⁵⁰¹.

Очевидно, что до восстания 1875 г. проблемы Боснии и Герцеговины совершенно не занимали издателей журнала.

Антагонистом славянофильского движения выступал журнал «Современник» *Николая Гавриловича Чернышевского* (1828–1889) и *Николая Александровича Добролюбова* (1836–1861). Критике подвергался тезис славянофилов о самобытных путях развития славян. Издатели журнала столкнулись с тем, что славяне не знали о существовании «Современника». В славянские читалища и матицы поступали лишь периодические издания славянофильского толка⁵⁰².

⁴⁹⁴ Дело. 1875. № 12. С. 215–216.

⁴⁹⁵ Там же. С. 324.

⁴⁹⁶ Дело. 1876. № 2. С. 296.

⁴⁹⁷ Дело. 1876. № 7. С. 340.

⁴⁹⁸ Дело. 1876. № 10. С. 208.

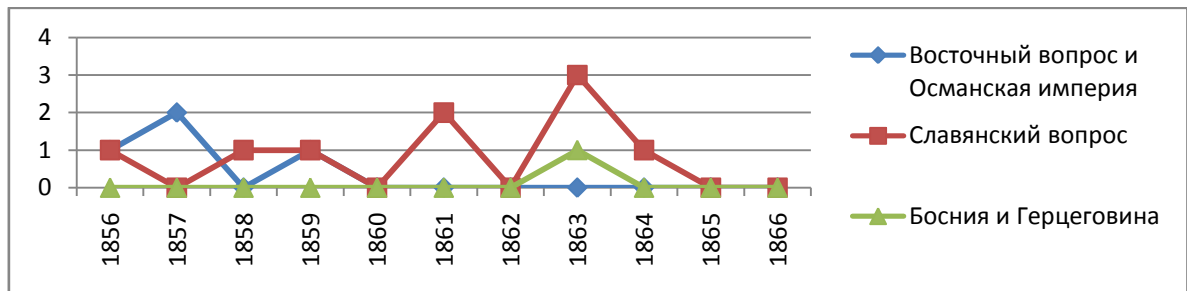
⁴⁹⁹ Дело. 1879. № 11. С. 95.

⁵⁰⁰ Дело. 1876. № 7. С. 241–281.

⁵⁰¹ Mackenzie G.M., Irby A.P. Ibid.

⁵⁰² Ровнякова Л.И. Указ. соч. С. 94.

**Рисунок 2.6. – График частоты упоминаний в «Современнике»
Восточного вопроса, славянского вопроса, Боснии и Герцеговины в период
за 1858–1866 гг.**

Тема турецких славян изредка поднималась на страницах журнала⁵⁰³. Босния и Герцеговина прозвучала лишь раз, когда в № 6 за 1863 г. появилась статья «Славянский юг» Ж. Склава⁵⁰⁴. Под этим псевдонимом скрывался сербский демократ, публицист и общественный деятель Живоин Жуёвич (1838–1870)⁵⁰⁵.

Несомненно причиной публикации материалов стало прошедшее восстание Луки Вукаловича и обстрел турками Белграда в 1862 г.

Жуёвич постарался дать трезвую оценку положению турецких славян и их готовности противостоять туркам. О Боснии он говорит следующее: «босняки меньше всех ждут себе добра от княжества Сербии. У них даже замечается некая антипатия к этой последней. Мы по опыту знаем, что всегда, когда по временам турки меньше давили их, они оставались очень довольными своим положением. К какому бы то ни было восстанию они нисколько не готовы». По мнению Жуёвича, если Сербия поднимется на восстание в Боснии не будет и отголоска. Поскольку

⁵⁰³ Современник. 1856. № 1–2.; Современник. 1857. № 7–8.

⁵⁰⁴ Современник. 1863. № 6. С. 259–274.

⁵⁰⁵ *Живоин Жуёвич* – сербский демократ, публицист, общественный деятель. В 1859 г. окончил Белградскую семинарию. Получил стипендию сербского правительства и отправился на учёбу в Киевскую духовную семинарию. Затем поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1863 г. перешёл на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, вследствие чего был лишён стипендии сербского правительства. В России вращался в кругах революционных демократов. Сотрудничал с журналами «Очерки», «Санкт-Петербургские ведомости», «Современник», «Голос». Жуёвич использовал следующие псевдонимы: Ж. Склад.; Ж.серб.; Ж. Жуёвич; К.; Ж.; П.П.; Ж. Ж-ч.; серб.; задунайский славянин; корреспондент; г. В 1866 г. из-за проблем со здоровьем он был вынужден покинуть Россию. Несколько месяцев учился в Мюнхене, затем год провёл в Цюрихе. Вернувшись в Белград в 1867 г., работал в министерстве финансов. Сотрудничал с сербскими газетами либерального толка. Был инициатором перевода на сербский язык сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия». Жуёвич тяжело болел, в 1868 г. он поправлял здоровье на Адриатике, где познакомился со С. Марковичем. После этой встречи увлёкся социалистическими идеями. Умер 25 апреля (7 мая) 1870 г. Подробнее о Ж. Жуёвиче см. *Карасёв В.Г.* Сербский демократ Живоин Жуёвич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М.: Наука, 1974. 334 с.

там все так напуганы, что стоит туркам высказать малейшие подозрения, как местные жители уже выражают свою покорность. Так же как и турецких угнетателей жители Боснии ненавидят своих купцов, которые блюдут исключительно свои интересы: «для народных учителей они ненавистнее всего на свете, потому что все школы какие там находятся, за исключением разве одной, в которой попечительница, несколько известная русской публике, прозванная герцеговинским оракулом, самоучка Стака Скендерова, за исключением, говорим, этой одной школы, все другие находятся под непосредственным попечительством купцов»⁵⁰⁶. В целом же Босния, как и соседствующая с ней Старая Сербия пребывают в летаргическом сне.

«Герцеговина – это лучшая, благороднейшая страна сербская, герцеговинский народ – это способнейшее племя сербской семьи, но увы! Он жертва турецкого зверства, он в ужаснейших турецких цепях» – говорит Жуёвич⁵⁰⁷. Кроме того, он сообщает о разного рода патриотах-авантюристах, которые на самом деле жаждут наживы и готовы к измене. Всё же в случае восстания герцеговинцы будут бороться.

Что касается других турецких славян, то болгары, по мнению Жуёвича, не готовы делать первые шаги. Они поднимутся против турок лишь в том случае, когда все восстанут. Черногорцы отличаются от прочих славян. Они боролись всегда. Однако в данный момент народ находится в разладе со своим правительством. Внутренние проблемы могут помешать борьбе. Сербское же княжество – надежда всех славян. Однако и оно находится в непрестом положении. Западные державы относятся к нему с недоверием. Идёт тяжелый и затратный процесс внутреннего реформирования. Внутренние голоса свободы душит местная цензура. Говоря о турецких славянах в целом, Жуёвич характеризует их как «глупых рабов турецких и своих деспотов»⁵⁰⁸.

Несмотря на то, что славянскому вопросу на страницах журнала уделялось внимание, Босния и Герцеговина по-видимому не интересовала редакторов

⁵⁰⁶ Современник. 1863. № 6. С. 263.

⁵⁰⁷ Там же. С. 265.

⁵⁰⁸ Там же. С. 267.

издания. Однако единственное упоминание о ней представляется очень интересным, так как отражает точку зрения совершенно противоположную тому, что можно видеть на страницах других изданий того времени.

Как и «Русское слово» в 1866 г. журнал был закрыт по Высочайшему повелению.

Русский литературно-политический журнал *«Вестник Европы»* под редакцией *Михаила Матвеевича Стасюлевича* (1826–1911) выходил в период с 1866 по 1918 гг. До 1875 г. славянскому вопросу на страницах издания уделялось мало внимания, это вызвало критику со стороны «Голоса»⁵⁰⁹. Журнал задался вопросом: отчего же, уверяя в своей привязанности к России, славяне не едут сюда. На страницах издания проводился тезис о том, что славянский вопрос можно разрешить лишь тогда, когда будет налажена внутренняя жизнь русского общества.

С 1875 по 1877 гг. Восточный вопрос и события на Балканах упоминались 12 раз⁵¹⁰. Помимо описаний происходящего, на страницах журнала высказывались опасения относительно всеобщей эйфории, охватившей русское общество⁵¹¹: «помогайте славянам, но не забывают своих дел»⁵¹². Активная агитация славянских комитетов в периодических изданиях подвергалась критике. В издании говорилось, что призыв о помощи единоверным и единоплеменным братьям и дифирамбы русскому православному человеку звучали оскорбительно в отношении представителей других вероисповеданий и Кавказа, которые также последовали общему порыву.

«Вестник Европы» был нацелен на решение внутренних проблем русского общества. Россия пережила ряд важнейших реформ, и силы требовалось вкладывать в устройство жизни русского народа. Придерживаясь этих позиций, журнал практически не уделял никакого внимания славянскому вопросу. В годы

⁵⁰⁹ Вестник Европы. 1869. Т. 6. Кн. 12. С. 923–936.

⁵¹⁰ В 1875 г.: Кн. 9. С. 381–398. В 1876 г.: Кн. 4, 6, 8–12. В 1877 г.: Кн. 2, 3, 6, 11.

⁵¹¹ Вестник Европы. 1876. Т. 5. Кн. 10. С. 877.

⁵¹² Вестник Европы. 1876. Т. 5. Кн. 9. С. 353.

Восточного кризиса издание не следовало за волной всеобщего энтузиазма, а стремилось дать трезвую оценку происходящему.

Большой интерес представляет газета-журнал «Гражданин» издаваемая с 1872 по 1879 гг. в Петербурге. Основателем и одним из авторов был князь *Владимир Петрович Мецкерский* (1839–1914). В разное время редакторами журнала были *Г.К. Градовский* (1872), *Ф.М. Достоевский* (1873–1874). Изначально журнал издавался на частные пожертвования. Одним из благотворителей был будущий император Александр III. В период с 1876 по 1878 гг. издание журнала неоднократно приостанавливалось из-за критики внешнеполитического курса России. В 1879 году журнал был закрыт⁵¹³.

В ходе исследования был проведён анализ номеров за 1872 –1873 гг. и 1878 г. Знакомство с подборками за эти годы позволяет судить, что боснийский вопрос занимал не самое последнее место в издании. На страницах журнала публиковались не только стихотворные произведения на сербские мотивы⁵¹⁴, но и корреспонденция из Боснии. В № 41 за 1873 г. напечатано письмо из боснийского города Градишко⁵¹⁵.

В тексте говорилось: «позвольте надеяться многоуважаемый редактор, что ваше славянское чувство не откажет в напечатании этого письма в вашем почтенном журнале. Пусть узнают братья русские о наших страданиях, и если по обстоятельствам не могут нам много помочь, по крайней мере пожалеют нас несчастных в неволе»⁵¹⁶. Основной лейтмотив письма заключался во фразе: «в несчастной Боснии теперь наибольший грех – быть православным». Сообщалось о проблемах местных жителей: отсутствии школ, закрытии семинарии Пелагича, произволе турок. Говорилось об участившихся случаях бегства местного населения в Австро-Венгрию, убийствах мирных сельских и городских жителей и закрытии всех школ в Градишке и Баня-Луке.

⁵¹³ В 1882 г. издание журнала было возобновлено при финансовой поддержке Александра III.

⁵¹⁴ Гражданин. 1873. № 15–16. С. 467.

⁵¹⁵ Гражданин. 1873. № 41. С. 1102–1103.

⁵¹⁶ Там же.

«Такова наша равноправность; такова цивилизация XIX века, таковы благодеяния просвещённого турецкого правительства, такова человечность турок. Босния платит Цариграду 59 милл. грошей, а на своё церковно-народное образование не получает и 59 коп.» – сетует автор письма⁵¹⁷.

Во время восстания и русско-турецкой войны в журнале подробно освещались события происходящие на Балканах, публиковались отчёты славянских комитетов о сборе и распределении пожертвований.

Одним из ведущих изданий того времени была либеральная газета «Голос». Она выходила в период с 1863 по 1883 гг. Редактором и издателем был *Андрей Александрович Краевский* (1810–1889). «Голос» считается первой русской газетой, которая публиковала материалы корреспондентов с мест⁵¹⁸. Издание получало субсидии от Министерства народного просвещения.

Исследователь Л.И. Ровнякова провела фронтальный обзор номеров издания за 1863–1869 гг. Она выявила более 200 материалов на славянскую тематику. Широко был представлен Восточный вопрос и исследовано современное положение Турции. Боснии и Герцеговине было посвящено девятнадцать материалов⁵¹⁹.

В 1864–1865 гг. материалы об этом регионе предоставлял Живоин Жуёвич. Подробнее о его деятельности в «Голосе» писал В.Г. Карасёв⁵²⁰. Перу Жуёвича принадлежат статьи, повествующие о Луке Вукаловиче. Карасёв установил, что большая часть статей являлась компиляцией материалов из сербских изданий. С уходом Жуёвича полгода славянский вопрос на страницах издания не поднимался.

В 1865 г. в газете появляются рассуждения о нерешительности сербского князя Михаила в боснийском вопросе. На страницах «Голоса» подвергалась

⁵¹⁷ Там же.

⁵¹⁸ Ровнякова Л.И. Указ. соч. С. 115.

⁵¹⁹ Там же. С. 121.

⁵²⁰ Карасёв В.Г. Сербский демократ Живоин Жуёвич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. С. 143–145.

критике турецкая программа просвещения славян Боснии⁵²¹. Восточный вопрос рассматривался как дело русской политики.

В 1870–1880-х гг. газета становится неофициальным органом правительственной печати и теряет свою популярность⁵²².

«Военный сборник» являлся официальным органом Военного министерства Российской империи. Сообщения о Боснии и Герцеговине не часто появлялись на его страницах. Отклик получило восстание Луки Вукаловича 1861–1862 гг. За событиями на Балканах следил *Николай Павлович Глиноецкий* (1830–1892), который заведовал отделом «Иностранное военное обозрение». Говоря о бедственном положении турецких славян, Глиноецкий акцентирует внимание на том, что христиане Боснии и Герцеговины находятся в самом плохом положении. Проблема заключается не только в произволе со стороны частных лиц, но также исходит от местных властей. Злоупотребления чиновников на местах – бич, с которым не в силах справиться Константинополь. Проверки и попытки навести порядок в провинции не принесли никаких результатов. Противостоянию Омер-паши и Луки Вукаловича Глиноецкий уделял особый интерес⁵²³.

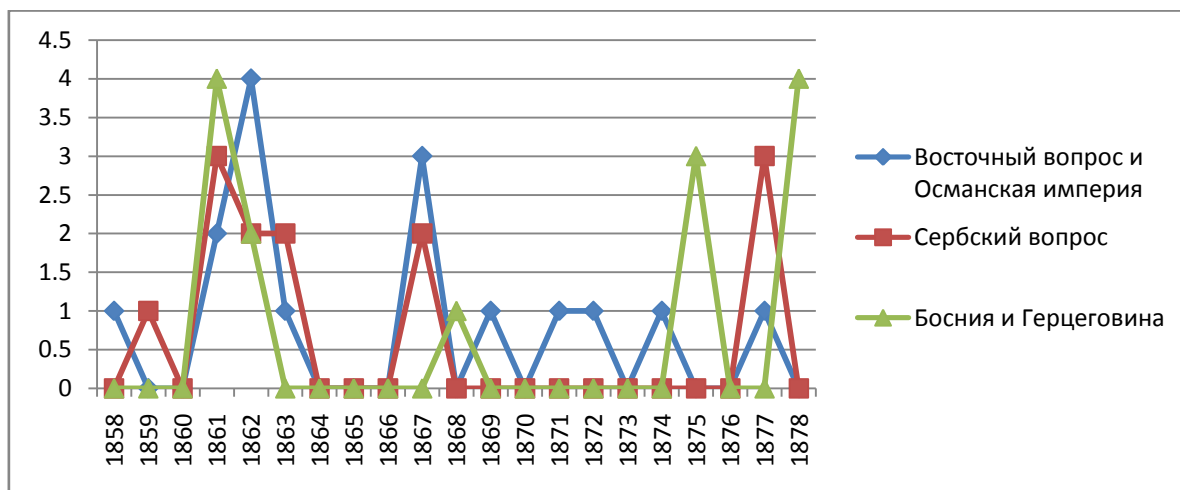
Пристальное внимание Босния и Герцеговина обратили на себя в 1875 г., когда славяне Герцеговины подняли восстание, послужившее началом нового Восточного кризиса. В период с 1858 по 1875 гг. на страницах «Военного сборника» нет никаких материалов об этом регионе Турции, кроме коротких сообщений о волнениях местных христиан.

⁵²¹ Ровнякова Л.И. Указ. соч. С. 126–127.

⁵²² Там же. С. 136.

⁵²³ Военный сборник. 1861. Т. 18. № 4. С. 516–518; Военный сборник. 1861. Т. 21. № 10. С. 520–521; Военный сборник. 1861. Т. 22. № 12. С. 565–568; Военный сборник. 1862. Т. 26. № 7. С. 233–248; Военный сборник. 1862. Т. 28. № 11. С. 259–270.

**Рисунок 2.7. – График частоты упоминаний в «Военном сборнике»
восточного вопроса, сербского вопроса, Боснии и Герцеговины
в период за 1858–1878 гг.**

На страницах ежедневной газеты военного министерства *«Русский инвалид»* регулярно публиковались сообщения о последних событиях на Балканах. Соответственно, присутствовали упоминания и о Боснии.

Особого внимания заслуживают издания славянофильской направленности. Именно эти журналы попадали в славянские земли и распространялись среди зарубежных славян. Одним из самых значимых изданий этого периода являлся журнал *«Русская беседа»*.

3 февраля 1856 г., когда император снял цензурную опалу со славянофилов, было разрешено издавать новый журнал. *«Русская беседа»* выходила в период с 1856 по 1860 гг. Главным редактором издания являлся известный публицист и общественный деятель *Александр Иванович Кошелев* (1806–1883). Соредакторами издания были Т.И. Филиппов, П.И. Бартенев, М.А. Максимович и И.С. Аксаков. Инициатором создания журнала выступил *Алексей Степанович Хомяков* (1804–1860). *«Москвитянин»* к тому времени потерпел неудачу, но и *«Русская беседа»* также не принесла ожидаемых результатов. В первые годы существования журнал не пользовался особой популярностью, в марте 1856 г. у него было 29

подписчиков, в то время как у «Русского вестника» свыше трёх тысяч⁵²⁴. Считается, что журнал носил скорее элитарный характер и не был увязан с современностью. Бытовало мнение о том, что он был скучным⁵²⁵. Кроме того, считалось, что причиной неудач является неправильный выбор редактора, поскольку Кошелев был специалистом по экономическим вопросам, не очень хорошо разбирался в литературе и проявлял большую осторожность в общении с властями, а читатели жаждали более активных действий⁵²⁶. Как и в случае с другими славянофильскими изданиями век «Беседы» оказался весьма коротким.

В 1859 г. прогремело дело «*Паруса*», который Иван Сергеевич Аксаков хотел сделать центром славянофильской мысли. В 1860 г. не стало идейного вдохновителя славянофилов А.С. Хомякова. Его жизни и деятельности был полностью посвящён последний номер «Русской беседы». Отдав дань памяти Хомякову, журнал прекратил своё существование.

Одним из ведущих авторов издания был *А.Ф. Гильфердинг*. Русские слависты получали материалы от своих коллег – австрийских славян. В свою очередь и сами они отсылали свои труды, русскую периодику, научные статьи в славянские земли. С одной стороны это способствовало налаживанию культурного и научного обмена, установлению связей с учёным миром славянства, с другой, по мнению Гильфердинга, должно было способствовать пропаганде за границей русских трудов, которые были в то время почти не известны и недоступны. Об этом говорит Александр Фёдорович в своём письме к Раевскому от 21 декабря 1855 г.⁵²⁷. «Русская беседа» должна была стать своеобразным интернациональным славянским органом и не только знакомить русское общество с историей и современным положением родственных народов двух других империй, но и распространяться среди славян, привлекать к участию зарубежных учёных.

⁵²⁴ Кошелев В.А. К истории возникновения «Русской беседы» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб., 2011. С. 50–58.

⁵²⁵ Пирожкова Т.Ф. Указ. соч. С. 126–165.

⁵²⁶ Кошелев В.А. К истории возникновения «Русской беседы». С. 56.

⁵²⁷ Југословени и Русија. Документи из архива М.Ф.Рајевског 1840–80 г. XIX в. С. 214.

«У наших славянофилов теперь кипит работа. Большая часть цензурных затруднений устранена, и на святой должна выйти 1-я книжка "Русской беседы". Редакция её (Хомяков, Кошелев, Аксаков) обратится к Вам с просьбой о посредничестве для заведения, насколько возможно при нынешних обстоятельствах, связей с западными славянами и о рассылке экземпляров "Беседы"» – пишет Гильфердинг Раевскому в марте 1856 г.⁵²⁸

Александр Фёдорович просил Раевского стать посредником в распространении «Беседы» среди славян⁵²⁹, призывал Ивана Кукулевича-Сакцинского к участию в издании журнала. В конце января 1856 г. он ему писал: «До Вас и вообще до всех Ваших хорватских учёных есть покорнейшая просьба: участвовать в новом 3-х-месячном журнале, который будет выходить в Москве под названием «Русская беседа» [...] и который будет обращать особое внимание на славянскую науку и словесность»⁵³⁰.

Гильфердинг с самого начала принимал деятельное участие в организации журнала, а затем и в его распространении и привлечении славянских авторов к работе в нём, активно печатал свои статьи. Всего же ему удалось опубликовать 15 своих сочинений в 20 номерах «Беседы»⁵³¹. К югославянским темам из них относятся следующие труды: «Юго-славянские рассказы»⁵³², «Письмо из Белграда о всеславянском словаре»⁵³³, «Босния, путевые заметки»⁵³⁴, «Босния в начале 1858 года»⁵³⁵, «Письма об истории болгар и сербов»⁵³⁶, «Дух сербского народа Йована Хаджича»⁵³⁷, «Чем поддерживается православная вера у южных славян?»⁵³⁸.

По сути дела, знакомить русское общество с загадочными землями Боснии и Герцеговины Гильфердинг начал ещё до своего отъезда в эти края. В 1856 г., когда общество активно обсуждало итоги мирной конференции в Париже, он

⁵²⁸ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. С. 123.

⁵²⁹ Там же. С. 237.

⁵³⁰ Письма А.Ф. Гильфердинга И.А. Кукулевичу-Сакцинскому. // Живая старина. 1894. Вып. 2. С. 182.

⁵³¹ См. Приложение Ж. Сочинения А.Ф. Гильфердинга на страницах «Русской Беседы».

⁵³² Гильфердинг А.Ф. Юго-славянские рассказы // Русская беседа. Смесь. 1856. Т. 2. С. 29–33, 55–56.

⁵³³ Он же. Письмо из Белграда о всеславянском словаре // Русская беседа. 1857. Т. 1. Смесь. С. 89.

⁵³⁴ Он же. Босния, путевые заметки // Русская беседа. 1858. Т. 1–4.

⁵³⁵ Он же. Босния в начале 1858 года // Русская беседа. 1858. Т. 3. Приложение. С. 1.

⁵³⁶ Он же. Письма об истории сербов и болгар // Русская беседа. 1859. Т.2. Науки. С. 105–160., Т. 3. Науки. С. 113–186.

⁵³⁷ Он же. Дух сербского народа Йована Хаджича // Русская беседа. 1859. Т. 5. Критика. С. 1–10.

⁵³⁸ Он же. Чем поддерживается православная вера у южных славян? // Русская беседа. 1860. Т. 2. Смесь. С. 1–28.

опубликовал в журнале «Русская беседа» небольшую статью под названием «Юго-славянские рассказы»⁵³⁹.

Эту работу Гильфердинга можно назвать новаторской в том плане, что она открывала русскому читателю мир турецких славян-мусульман, вопрос о судьбе которых начал волновать всю Европу. Он писал: «В пределах Турции и всего южного славянства важное значение будет иметь область боснийская, северо-западный угол султанских владений [...] Из всех турецких земель Босния едва ли не более всех одичала; едва ли не ей всего труднее будет выйти из четырёхвекового оцепенения и варварства на путь просвещения и развития, на который теперь, искренно или неискренно, призывает Турцию вся Европа и сам султан»⁵⁴⁰.

Гильфердинг сообщает русскому читателю факты, которые делают эту землю уникальной. Босния примыкает своими границами к Австрийской империи, но при этом плохо известна европейцам; в этой области Османской империи нет этнических турок, там не говорят по-турецки, но при этом распространен ислам. Сообщение о том, что где-то на подступах к цивилизованной Европе есть область, населённая славянами-мусульманами, было новостью для русского общества. В финале статьи Гильфердинг опубликовал два рассказа, иллюстрирующие все тяготы жизни славян под турецким владычеством. Это были отрывки из сочинения герцеговинского священнослужителя Иоаникия Памучины⁵⁴¹ и записок монаха францисканца Франьо Юкича⁵⁴².

Памучина рассказывал историю христианской девушки Ристы, которая даже ради спасения собственной жизни отказалась принять мусульманскую веру. Испытав на себе гнев и уговоры мусульман, она осталась в православии и была спасена. Рассказ Франьо Юкича затрагивает сюжет о пребывании в Боснии Омер-паши Латаса и проведении в жизнь реформ танзимата. Гильфердинг в своём комментарии развенчивает миф о благих намерениях турецких властей и

⁵³⁹ *Он же.* Юго-славянские рассказы ... С. 29–33; 55–56.

⁵⁴⁰ Там же. С. 29.

⁵⁴¹ *Памучина И.* Суд над Христианской девушкой в Мостаре в 1841 г. // Русская беседа. Смесь. 1856. Т. 2. С. 34–46.

⁵⁴² *Юкич Ф.* Рассказ францисканца о введении танзимата в Боснии (1850–1851) // Русская беседа. Смесь. 1856. Т. 2. С. 47–55.

повествует о том, что миссия Омер-паши заключалась в разоружении Боснии, в ходе которого пострадало большое количество христиан.

В ОР РНБ хранятся рукописи статей Гильфердинга для публикации в журнале «Русская беседа» с редакторской правкой А.И. Кошелева⁵⁴³. Замечаний по тексту работ практически нет. Кое-где убраны непонятные читателю места, филологические тонкости, таблицы, сравнивающие славянские диалекты. Вероятно, это было сделано для того, чтобы читатель не заскучал, так как основная задача журнала состояла в том, чтобы сделать статью более живой и популярной. Кошелев старался избежать излишней научности текста.

Это пример обработки текста внутри журнала, что же касается внешней цензуры сверху, то в этом отношении характерно столкновение Александра Фёдоровича со Святейшим Синодом. О «неистовстве» духовной цензуры, от которой пострадала его статья о Боснии, он упоминает в своём письме от 26 июля к К.С. Аксакову⁵⁴⁴. Этот же сюжет возникает и в письме к Раевскому от 4 августа 1858 г.: «Вследствие истории, вышедшей из даскаловских статей, то что я писал о греках, подпало под духовную цензуру и было выключено Синодом: из-за этого у нас теперь война с Синодом, да ещё какая жаркая! Дело в том, что статья должна быть перепечатана с другими моими статьями о Боснии в «Записках Географического общества», которое требует от Синода разрешения восстановить вычеркнутые места. Какой мямля и трус Ваш А.П. Толстой!»⁵⁴⁵.

Переполох вызвала история со статьёй болгарина Х. Даскалова «Возрождение болгар или реакция в Европейской Турции», которая была опубликована в «Русской Беседе»⁵⁴⁶. Дело в том, что в этой статье упоминается о церковном и национально-культурном гнёте, который испытывал болгарский народ со стороны греков. Такие нападки на православных греков вызвали недовольство в Синоде. Это усилило интерес духовной цензуры и к статье Гильфердинга.

⁵⁴³ ОР РГБ. Ф. 139. Картон 5. Ед. хр. 14.; ОР РГБ. Ф. 231/ II. Картон 13. Ед. хр. 28.

⁵⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 105. Л. 7.

⁵⁴⁵ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. С. 128.

⁵⁴⁶ Даскалов Х. Возрождение болгар или реакция в Европейской Турции // Русская беседа. 1858. Кн. 2.

Исследователь Л.И. Ровнякова⁵⁴⁷ дала оценку «Русской беседе» как главной трибуне славянофилов, позволявшей им распространять свои взгляды, и отметила, что несмотря на финансовую несостоятельность журнала и его непопулярность в России, издателям удалось добиться главной цели – возбудить интерес в русском обществе к славянству. Она обратила внимание на идеологический раскол среди участников «Беседы» и отметила тот факт, что конец журнала совпал с уходом идеологов раннего славянофильства.

Поскольку век «Беседы» оказался коротким, то в 1859 г. предпринималась попытка воссоздать «Парус» под другим именем. Редактором его должен был стать Фёдор Васильевич Чижов. Однако эту идею не удалось воплотить в жизнь, хотя, по словам Гильфердинга, император был на стороне славянофилов. Вмешательство «насильников» во главе с А.М. Горчаковым не позволило осуществить это мероприятие. «Чтобы как-нибудь втащить славянский вопрос в нашу журналистику мы решили открыть в «СПб. ведомостях» отдел славянских известий. Он остаётся под покровительством Егора Петровича Ковалевского» – пишет Гильфердинг к Раевскому⁵⁴⁸.

Азиатский департамент под началом Ковалевского вступил в конфликт с главой Министерства иностранных дел. Это стало одной из причин ухода Ковалевского и Гильфердинга из этого ведомства. Таким образом был перекрыт доступ к официальным дипломатическим источникам.

Материалы о славянском вопросе собирались с миру по нитке. Необходимую информацию присылали русские консулы и послы, славянские учёные, и конечно же главным русским информатором был М.Ф. Раевский.

Гильфердинг выступал против монопольного права славянофилов рассказывать о славянах. Это привело к конфликту с Иваном Сергеевичем Аксаковым, который ополчился на Гильфердинга за публикацию работ в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1858 г. Иван Сергеевич считал, что эта газета носит «западнический» характер. Гильфердинг же отвечал на это: «Для моего

⁵⁴⁷ Ровнякова Л.И. Указ. соч.

⁵⁴⁸ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. С. 130.

нравственного чувства одна из самых оскорбительных вещей – фанатизм. Я не фанатик, я враг фанатизма...»⁵⁴⁹.

Выполнял Гильфердинг и работы «на заказ». Так в письме Аксакову от 26 июля 1858 г. он пишет: «посылаю Вам статью о Боснии, которую должен был написать по требованию министерства, для заграничной публики, она вся одобрена [...] кроме одного места, которое мною перечёркнуто...»⁵⁵⁰. Сотрудничал Александр Фёдорович и с газетой «Русский инвалид»⁵⁵¹, издание которой курировал военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин. Работа в этом журнале была связана с обострением польского вопроса. В своих воспоминаниях за 1863 г. Дмитрий Алексеевич пишет: «Союзником в газетной борьбе с полонофильством и ложью иностранной печати был «Русский инвалид», который в этом году принял размеры и характер большой политической газеты [...] Сотрудниками были некоторые из учёных, пользовавшихся известностью специалистов по части славянства: Коялович, Гильфердинг, Бестужев-Рюмин, Ламанский и другие»⁵⁵².

А.Ф. Гильфердинг публиковал свои статьи в журналах разного рода, не замыкаясь исключительно в славянофильском кругу. Своей главной задачей он считал распространение знаний о славянах в русском обществе.

После закрытия «Беседы» И.С. Аксаков продолжил издательскую деятельность. В 1861 г. вышел в свет первый номер газеты «День». Покровительство изданию оказывал Азиатский департамент. Начало было успешным, у газеты появилось много подписчиков. Затем начались проблемы с цензурой и финансами. Из-за несогласия с позициями Ивана Сергеевича его покинули многие соратники. В какой-то момент времени он единолично

⁵⁴⁹ Гильфердинг А.Ф. Письма к И.С. Аксакову // Голос минувшего. 1916. № 2. С. 207.

⁵⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 105. Л. 7.

⁵⁵¹ Гильфердинг А.Ф. За что борются русские с поляками // Русский инвалид 1863; Он же. В чём искать разрешения по польскому вопросу // Русский инвалид 1863; Он же. Положение и задача России в Царстве Польском // Русский инвалид. Смотрите указатели.

⁵⁵² Милютин Д.А. Воспоминания 1863–1864. М., 2003. С. 253.

занимался подборкой и написанием материалов. К 1865 г. выпуск газеты прекратился⁵⁵³.

Переводы материалов «Русской беседы» о Боснии на сербский язык

На примере «Русской беседы» видно, что журналы славянофильской направленности не пользовались большой популярностью у русской общественности. Однако славянофилы активно распространяли свои издания среди славян. Именно они поступали в библиотеки, матицы и читалища. Популярны же в России издания, такие как «Современник», «Русский вестник», «Дело» были недоступны славянам.

Материалы «Русской беседы» зачастую переводились на сербский язык. Вышло несколько сочинений Гильфердинга, они стали важным источником информации для широких кругов грамотных сербов.

Труды Гильфердинга о сербах пользовались большой популярностью у современников, как в самой Сербии, так и у сербов Австрии. Не успело в России выйти в свет сочинение Александра Фёдоровича, посвященное истории сербов и болгар, как тут же оно было переведено на сербский язык и опубликовано в Белграде. Такая же судьба постигла и его «Путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии». Публикацией этих трудов русского слависта занимался Милан Миличевич⁵⁵⁴. В 1856 г. он работал в княжеской канцелярии и состоял в Обществе сербской словесности.

Первым увидело свет сочинение Гильфердинга «История сербов и болгар». Предыстория этой публикации представляет большой интерес. В архивах Сербии было обнаружено большое количество писем, связанных с процессом издания трудов русского слависта.

В своём письме к обществу сербской словесности от 30 мая 1856 г. Миличевич характеризовал сочинение Гильфердинга как качественную научную работу, написанную на достоверных исторических источниках и пользующуюся популярностью не только в славянском мире, но и на Западе. Он обосновывал

⁵⁵³ Тесля А.А. Последний из «отцов»: биография Ивана Сергеевича Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. С. 179–199.

⁵⁵⁴ См. Приложение Н. Портреты сербских деятелей.

необходимость публикации этого труда о сербах на сербском языке, во-первых, потому что сочинение написано на исторических источниках, недоступных самим сербам, а во-вторых, потому что оно вышло из под пера человека, который питает любовь к сербам и славянскому миру⁵⁵⁵. Труд Гильфердинга можно доверять, писал Миличевич, и сербский народ должен познакомиться со своей историей, прочитав это сочинение. Изложив свои мысли о несомненной пользе работы Гильфердинга, Миличевич предлагал Обществу сербской словесности взять на себя труды и расходы по публикации сочинения, что принесёт огромную пользу всему сербскому народу. В июле Общество отправило письмо в Министерство просвещения с просьбой оказать содействие в публикации работы⁵⁵⁶. Результатом этих усилий стал указ князя Александра Карагеоргиевича в котором говорилось о том, что правительство Сербии берёт на себя расходы по публикации 1000 экземпляров данного сочинения, а переводчик сочинения обязуется предоставить 50 книг Министерству просвещения. Остальными же может распоряжаться по своему усмотрению, что будет считаться платой за перевод сочинения⁵⁵⁷.

В результате в 1857 г. впервые вышло в свет сочинение Александра Фёдоровича Гильфердинга на сербском языке. Это был первый том «Истории Сербов и болгар». Переводчик посвятил эту публикацию правительству Сербии⁵⁵⁸. В своём предисловии Миличевич писал, что от всего сердца благодарит А.Ф. Гильфердинга за этот труд и просит его от имени всего сербского народа продолжить работу над историей сербов⁵⁵⁹.

Второй том сочинения Гильфердинга был опубликован в 1860 г⁵⁶⁰. История публикации развивалась по тому же сценарию. Просьба об оказании помощи в этом деле последовала от Общества сербской словесности в Министерство просвещения и, наконец, оказалась на столе князя Милоша Обреновича. Сербский князь также как и его предшественник, Александр Карагеоргиевич, согласился

⁵⁵⁵ АСАНУ. Ф. ДСС–СУД. 1856. 48.

⁵⁵⁶ АСАНУ. Ф. ДСС–СУД. 1856. 57.; АС. Ф. МПс. 1857. III. 92.

⁵⁵⁷ АС. Ф. МПс. 1857. III. 92.

⁵⁵⁸ Гильфердинг А.Ф. Историја срба и бугара. Свеска I. Београд, 1857.

⁵⁵⁹ Там же.

⁵⁶⁰ Гильфердинг А.Ф. Историја срба и бугара. Свеска II. Београд, 1860.

финансировать публикацию. Правительственным указом от 4 января 1860 г. Милан Миличевич получил возможность опубликовать второй том сочинения Гильфердинга на тех же условиях, что и первый⁵⁶¹. В этом же году началась публикация этого сочинения в Летописи Матицы Сербской⁵⁶², издаваемой в Буде *Антонием Хаджичем*⁵⁶³. Таким образом, с историей своего народа, вышедшей из под пера русского учёного познакомились как турецкие, так и австрийские сербы.

Милан Миличевич продолжил свою издательскую деятельность. Он попытался организовать выпуск периодического издания «Часови одмора» («Часы отдыха»), где помещались статьи, связанные с историей и культурой сербского народа. Первый том этого журнала вышел в 1858 г. Многие из статей были взяты из «Русской беседы». Миличевич активно сотрудничал с этим изданием и неоднократно публиковал свои труды на страницах «Беседы»⁵⁶⁴. В «Часови одмора» попало «Письмо из Белграда» адресованное А.Ф. Гильфердингом к Е.П. Ковалевскому⁵⁶⁵. Видимо меценатом для издания второго тома выступил Шабачкий епископ *Михаил* (будущий митрополит Сербии). Именно ему Миличевич посвятил эту публикацию. В третьем же томе этого издания помещена статья под названием «Босния», представляющая собой одну из частей сочинения Гильфердинга «Путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии»⁵⁶⁶.

Милан Миличевич был российским дипломатическим агентом в Сербии. При помощи Азиатского департамента МИД его сын Дмитрий получил стипендию на обучение в Москве⁵⁶⁷, но в скором времени он сильно заболел и лишился стипендии. На некоторое время он вернулся на родину, но в 1873 г. Н.А. Попов помог устроить его на медицинский факультет Московского университета⁵⁶⁸.

⁵⁶¹ АС. Ф. МПс. 1860. I. 20.

⁵⁶² Летопись Матицы Сербской 1859. Т. 1, Т. 2.; 1860. Т. 1, Т. 2.

⁵⁶³ Антоний Хаджич (1831–1916) – известный сербский общественный деятель, возглавлял Матицу Сербскую и Народный театр в Нови-Саде.

⁵⁶⁴ *Миличевич М.* Семейная община по сёлам сербским, известная под именем задруги. // Русская беседа. 1858. Т. IV. Смесь. С. 98–112.; Он же. Рассказ очевидца о Скупщине. // Русская беседа. 1859. Т. II. Смесь. С. 139–156.; Он же. Письмо из Белграда. // Русская беседа. 1859. Т. III. Смесь. С. 140–145.

⁵⁶⁵ Часови одмора. Т. 2. Београд, 1858.

⁵⁶⁶ Часови одмора. Т. 3. Београд, 1859.

⁵⁶⁷ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 107.

⁵⁶⁸ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 13. Ед. хр. 32. Л. 16–27.

Кроме Миличевича история поездки Гильфердинга по землям Боснии и Герцеговины заинтересовала и А. Хаджича⁵⁶⁹. С 1859 г. он начал публиковать серию статей под названием «Босния» в журнале «Летопись Матицы Сербской»⁵⁷⁰. По сути, это был пересказ сочинения Гильфердинга.

Вопрос о Боснии и Герцеговине Гильфердинг затронул и в своей статье «Историческое право хорватского народа»⁵⁷¹. Эта работа также была опубликована на сербском языке⁵⁷². Статья представляет собой разбор сочинения хорватского автора, который видел в Боснии и Герцеговине земли будущего хорватского государства. Русский славист выступил категорически против этого. Он писал: «спросите жителей Боснии и Герцеговины какого они народа: огромное большинство ответит, что сербы, другие назовут себя, смотря по вероисповеданию, латинами или турками [...] имени хорвата не присвоит себе никто»⁵⁷³. В этом вопросе Гильфердинг рьяно выступал на стороне сербов: «хорваты не могут присоединить к себе Боснию и Герцеговину [...] тамошние православные жители скорее дадут изрубить себя в мелкие куски или опять призовут турок, чем присоединятся к хорватам, а не братьям сербам»⁵⁷⁴. Образование самого хорватского государства Гильфердинг считал утопией, а борьбу за национальное освобождение нецелесообразной без союза с Сербией.

Уже после смерти Гильфердинга на сербском языке в Австрии было опубликовано его сочинение «Венгрия и славяне»⁵⁷⁵.

Сочинения Александра Фёдоровича, повествующие об истории сербского народа и о современном положении дел в удалённых уголках славянского мира, представляли большой интерес для сербов и способствовали их консолидации.

В 1870 г. в государственной типографии Сербии вышла в свет книга «Россия и Сербия» Н.А. Попова⁵⁷⁶. Эта работа нашла положительный отклик в сербской общественности.

⁵⁶⁹ См. Приложение Н. Портреты сербских деятелей.

⁵⁷⁰ Летопись Матицы Сербской. 1859. Т. 1., Т. 2.; 1860. Т. 1., Т. 2.; 1861. Т. 1., Т. 2.; 1862. Т. 1., Т. 2.; 1863. Т. 1.

⁵⁷¹ А.Ф. Гильфердинг. Историческое право хорватского народа. М., 1860.

⁵⁷² Превод чланка руског писатеља А. Гильфердинга, који је изашао у првој свесци «Руске беседе» за 1860 г.

⁵⁷³ А.Ф. Гильфердинг. Историческое право хорватского народа. М., 1860. С. 11.

⁵⁷⁴ Там же. С. 12.

⁵⁷⁵ Гильфердинг А.Ф. Угарска и словени. Темишвар, 1879.

В 1860 г. в Лейпциге была издана небольшая брошюра – билингва. Текст в ней был напечатан на русском и сербском языках. Название труда: «К сербам. Послание из Москвы»⁵⁷⁷. Автором этой работы был известный русский славянофил *А.С. Хомяков*. Перевод на сербский язык выполнил Гильфердинг⁵⁷⁸.

Дата появления «Послания» не случайна. Именно в 1859 г. к власти в Сербии вернулась династия Обреновичей. Предвкусая перемены и сближение с Россией, Алексей Степанович Хомяков решил предостеречь «родных братьев по крови и духовных по Христу»⁵⁷⁹ от возможных ошибок в устройении новой жизни⁵⁸⁰. Примечательно, что эта работа считается последним заветом Хомякова не только сербскому, но и русскому народу. В самом начале «Послания» говорится о благах, полученных сербским народом. Наряду с самостоятельностью, свободой от турецкого ига, возможностью умственного, нравственного и духовного развития, Хомяков выделяет и «возможность содействовать благу меньших братий ваших [сербских] наставлениями и примерами вашими»⁵⁸¹. Делать это следует, опираясь на пример России, которая сыграла большую роль в деле освобождения Сербии.

В отличие от работ Попова и Гильфердинга «Послание» в Сербии было воспринято неоднозначно. Многих возмутило, что Хомяков обращался именно к православным сербам. Это исключало возможность участия в политической жизни сербов католиков⁵⁸², хорватов. Такая постановка вопроса воспринималась, как попытка исключения этих категорий из славянского единства. Сербь опасались, что это спровоцирует религиозные конфликты⁵⁸³. Послание славянофилов считали опасным.

⁵⁷⁶ *Попов Н.* Србија и Русија. Од кочине крајине до св.андрејевске скупштине. Свезке I–II. Београд, 1870.

⁵⁷⁷ К сербам. Послание из Москвы. Лейпциг, 1860.

⁵⁷⁸ Под текстом стояли подписи: Алексея Хомякова, Михаила Погодина, Александра Кошелева, Ивана Беляева, Николая Елагина, Юрия Самарина, Петра Бессонова, Константина и Ивана Аксаковых, Петра Бартенева, Федора Чиждова.

⁵⁷⁹ *Хомяков А.С.* К сербам. Послание из Москвы // *Собрание сочинения А.С. Хомякова*. Т. 1. М., 1900. С. 377.

⁵⁸⁰ Подробнее см. *Кузьмичева Л.В.* А.С. Хомяков и сербский вопрос // *А.С.Хомяков – мыслитель, поэт, публицист. Языки славянских культур*. Т. 1. М., 2007. С. 156–202.

⁵⁸¹ *Хомяков А.С.* К сербам. Послание из Москвы... С. 377.

⁵⁸² Князь Михаил Обренович был женат на католичке из Венгрии Юлии Хуньяди де Кетей.

⁵⁸³ Об этом идёт речь в письме М. Бана к И.С. Аксакову от 2 декабря 1860 г.: ОР РНБ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 5об–6.

Подводя итог вышесказанному становится очевидно, что Босния и Герцеговина на страницах русской печати появлялась не часто. Работа Гильфердинга оставалась единственным серьёзным сочинением об этом регионе. Широкое освещение получили лишь события восстания Луки Вукаловича. В 1875 г. же Босния и Герцеговина стали главными героинями большинства газет и журналов. По большей части русская периодическая печать представляла образ угнетённого славянского православного народа застрявшего в средневековье. С подачи деятелей славянских комитетов, которые являлись ведущими специалистами по боснийскому вопросу, русское общество призывали к оказанию помощи братскому народу. Лишь «Современник» и «Вестник Европы» не поддались ажиотажу вокруг славянского вопроса.

Журналы славянофильской направленности изначально не пользовались популярностью в России, хотя к их изданию привлекались и славянские авторы. «Русская беседа» пополняла библиотеки зарубежного славянства, рождая своими публикациями представления, что русское общество очень заинтересовано в решении славянского вопроса. Однако «Беседа» являлась отражением исключительно славянофильских позиций. Подобного рода деятельность соответствовала намерениям российского правительства в то время. Не стоит забывать о том, какую помощь в деле издания и распространения журнала оказывал Азиатский департамент МИД. Это издание было одним из инструментов, обеспечивающим проведение русского внешнеполитического курса на Балканах. Россия поддерживала свой имидж защитницы и охранительницы православия и славянства.

Глава 3. Деятельность России по оказанию помощи православной церкви и просвещению в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-е гг.

Одними из главных проблем православного населения Боснии и Герцеговины являлись плохое положение православного духовенства и отсутствие образования. Решение этих вопросов являлось первостепенной задачей для России в этом регионе. Русская благотворительность начинает переход к конкретному плану действий, который выражался в налаживании контактов со священнослужителями, открытии учебных заведений в регионе и выделении стипендий уроженцам Боснии и Герцеговины для учёбы в России.

§ 1. Поездки священнослужителей П. Чокорило и С. Косановича в Россию

*Какая жалкая судьба –
всю жизнь бороться с нищетою,
и цепь позорную раба
носить, поникнув головою.*

В.И. Славянский⁵⁸⁴

Одним из первых герцеговинских священнослужителей, отправившихся в Россию для сбора средств в пользу церквей и школ своего региона был иеромонах из Мостара *Проконий Чокорило* (1802–1863).

Он помогал А.Ф. Гильфердингу в деле отправки молодежи на обучение в Россию. Александр Фёдорович высоко ценил литературное творчество Чокорило, он перевёл на русский язык и опубликовал его сочинение «*Летопись Герцеговины 1831–1857*»⁵⁸⁵. В предисловии Гильфердинг писал: «Автор предлагаемой летописи дел, свершившихся в наше время, [...] есть православный монах,

⁵⁸⁴ Славянский В.И. (В.И. Немирович–Данченко). Судьба райи. Перевод с сербского. // Дело. 1875. № 12. С. 324.

⁵⁸⁵ Чокорило П. Летопись Герцеговины 1831–1857 // Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений. Т 3. С. 499–525.

герцеговинец, рассказывающий то, что видел и слышал, и в чём нередко участвовал»⁵⁸⁶.

Прокопий Чокорило рано принял духовный сан, служил в Любинье, а затем перебрался в Мостар. Здесь и состоялось знакомство монаха с Гильфердингом. Ещё будучи консулом в Сараеве, 6 октября 1857 г. в своём донесении директору Азиатского департамента Е.П. Ковалевскому Гильфердинг предлагал отправить в Россию для получения образования 10–12 боснийских и герцеговинских мальчиков. На роль провожатого он рекомендовал Прокопия Чокорилу, служителя «мостарской церкви, отличающегося хорошою нравственностью и преданностью православию и России. Сдав детей в учебные заведения, монах мог бы, согласно его просьбе, приступить с разрешения Святейшего Синода к собиранию в России милостыни для монастырей Герцеговины»⁵⁸⁷. Александр Фёдорович сообщал, что для успеха этого мероприятия необходимо получить разрешение местных властей. В случае отказа он предлагал сослаться на пример Австрии, которая ежегодно принимала боснийских и герцеговинских католиков в свои учебные заведения⁵⁸⁸.

В первую очередь Чокорило намеревался собрать средства для строительства православных церквей в областях, где усиливалась католическая пропаганда. Предполагалось строительство следующих церквей: во имя Св. Николы в Дувне, во имя Св. Димитрия в Любушском, во имя Св. Екатерины в Белом поле, во имя успения пресвятой Богородицы в Старой Габеле, во имя Св. Петра и Павла в Борках. На постройку каждой церкви требовалось по 500 рублей серебром⁵⁸⁹. Остальные средства должны были пойти на строительство православного собора в Мостаре и церкви в Фоче. Кроме того, был составлен список предметов необходимых для благоустройства храмов и монастырей Герцеговины.

⁵⁸⁶ Там же. С. 501.

⁵⁸⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. С. 83.

⁵⁸⁸ Там же. С. 84.

⁵⁸⁹ РГАДА.Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2938. Л. 1об.

Синод дал разрешение на поездку герцеговинского монаха 31 декабря 1857 г.⁵⁹⁰. Видимо, практика совместной опеки над священнослужителями из турецких областей только входила в обиход, так как из Азиатского департамента в Синод поступил вопрос: всегда ли впредь должно спрашивать позволения у Синода в подобных случаях?⁵⁹¹ Скорее всего, ответ был положительным. Это видно на примере священнослужителей, которые позже отправлялись в Россию с подобными миссиями. Разрешение Синода император утвердил лишь в мае 1858 г.⁵⁹² Синод установил ряд правил сбора подаяний: 1) сбор монах должен был осуществлять сам, без чьей-либо помощи; 2) все подаяния нужно было фиксировать в специальной книге учёта; 3) по окончании сбора книгу необходимо было сдать на проверку в местную консисторию, а затем в хозяйственное управление Синода⁵⁹³.

В июне 1858 г. Гильфердинг писал: «подвиньте также дело об отправлении из Мостара монаха Прокопия Сокорины⁵⁹⁴ с 4-мя воспитанниками, которое лежит на Сараевском консульстве»⁵⁹⁵. В октябре того же года А.Ф. Гильфердинг направил письмо к М.П. Погодину с просьбой оказать материальную помощь и покровительство служителю мостарской церкви, который направлялся в Россию для сбора подаяний в пользу монастырей, церквей и училищ в Герцеговине⁵⁹⁶.

В июле 1858 г. Прокопий Чокорило прибыл в Одессу. Тут он оставил группу учеников и направился в Киев, а в начале октября добрался до Москвы⁵⁹⁷.

Пребывание Чокорило в Москве не обошлось без проблем. В письме историка и славянофила П.А. Бессонова к М.П. Погодину сообщается о том, что назначенный сопровождать Чокорила Верещагин запил и перестал исполнять свои обязанности⁵⁹⁸. «Он не может внушать этому герцеговинцу любви и

⁵⁹⁰ РГИА.Ф. 797. Оп. 27. отд. II. стол 2. Д. 410. Л. 3.

⁵⁹¹ Там же. Л. 5.

⁵⁹² Там же. Л. 10.

⁵⁹³ Там же. Л. 12.

⁵⁹⁴ Чокорило.

⁵⁹⁵ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. С. 125.

⁵⁹⁶ ОР РГБ. Ф. 231/ II. Картон 8. Ед. хр. 3. Л. 1.

⁵⁹⁷ РГИА.Ф. 797. Оп.27. II отд. 2. стол. Д. 410. Л. 15, 22.

⁵⁹⁸ ОР РГБ. Ф. 231/ II. Картон 13. Ед. хр. 28. Л. 31, 31об, 32.

сочувствия к русскому имени» – писал о Верещагине Гильфердинг⁵⁹⁹. Последний занялся решением этой проблемы, он разработал план переезда монаха в Петербург, и пытался выхлопотать для него келью на Троицком подворье. Действовать приходилось очень осторожно, так как московский митрополит Филарет был не очень доволен гостем из Герцеговины⁶⁰⁰. Вероятно, это было связано с тем, что накануне сбором средств для школ и церквей Герцеговины промышлял авантюрист Ристич. Бессонову удалось наладить контакт с митрополитом, и Филарет предоставил герцеговинцу место для проживания в Москве.

В январе 1859 г. Чокорило прибыл в Петербург. О помощи гостю из турецких земель хлопотала глава Петербургского благотворительного комитета графиня А.Д. Блудова. В письме к Раевскому от 31 января 1859 г. она пишет: «Теперь здесь герцеговинский монах Чокорило, которому и передаём все готовые вещи для Герцеговины. За него ручается Гильфердинг»⁶⁰¹. Блудова преподнесла отцу Прокопию в подарок медальон и образа с изображением святых⁶⁰².

Собрать как можно больше средств для герцеговинских церквей помогла Чокорило и статья Гильфердинга *«Несколько слов о Герцеговине и её церквях»*⁶⁰³. В ней содержалась краткая справка по истории этого края и повествовалось о тяжёлом положении родственного славянского народа под турецким гнѐтом. Александр Фѐдорович взывал к сочувствию русского читателя, рисуя печальные картины жизни православного населения: «случаи смерти от голода не редкость в Герцеговине [...] местные жители вынуждены бывают питаться буковою или кленовою корою, желудями и растением козалац, с примесью микроскопической доли муки»⁶⁰⁴. Он рассказал о плачевном состоянии православных церквей в крае. Вот как он описывает, построенную в 1833 г. церковь в Мостаре: «размеры для церкви предписаны такие малые, что незначительная часть прихожан может в ней

⁵⁹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 480. Л. 59.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 30–31.

⁶⁰¹ Југословени и Русија. Документи из архива Рајевског. С. 124.

⁶⁰² РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 1924а. Л. 60б.

⁶⁰³ А.Ф. Гильфердинг. Несколько слов о Герцеговине и её церквях // Санкт-Петербургские ведомости. 1859 г. № 61.

⁶⁰⁴ Там же.

поместиться. В большие праздники христиане толпятся на дворе церковном, ловя случайно долетающие к ним через дверь или окна слова богослужения. Внутри духота ужасная, потому что велено было строить церковь так низко, что крыша её не была видна из-за стены, ограждающей церковный двор. Чтобы сколь-нибудь увеличить внутри вышину церкви, христиане глубоко врыли её в землю, так что в церковь спускаешься вниз по лестнице, в десять ступеней. Такова кафедральная церковь Герцеговины...»⁶⁰⁵.

В этой небольшой статье Гильфердинг указывает читателю и на опасность распространения католицизма и западной идеологии на балканских славян. Он подчёркивает, что на России лежит обязанность вывести население Герцеговины «из духовного сиротства, дать им возможность иметь богослужение и этим поддержать их веру!»⁶⁰⁶. На строительство одной церкви нужно 500 рублей серебром, «неужели эти деньги не найдутся в России?» – заключает Александр Фёдорович⁶⁰⁷.

Этот призыв помог Чокорило собрать в России средства и открыть сербскую школу при монастыре Житомыслич, а в Мостаре начать строительство новой церкви⁶⁰⁸. Известно, что весомый вклад в это дело внесли жители Новгородской, Курской и Тульской губерний, которые переслали в Синод помощь для единоверцев⁶⁰⁹. По просьбе монаха срок его пребывания в России был продлён до апреля 1860 г.⁶¹⁰.

Чокорило не удалось получить походную церковь, которую он просил с самого начала своего приезда. С прошением о даровании такой церкви он выступал перед Синодом, но оно осталось без ответа. «Всё окружие города Мостара, состоящее из 3000 православных и простирающееся на расстояние 500 верст, не имеет православной церкви. Ныне между этими несчастными поселились римокатолические миссионеры, которые, построив церкви, разными

⁶⁰⁵ Там же.

⁶⁰⁶ Там же.

⁶⁰⁷ Там же.

⁶⁰⁸ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославы... С. 121–122.

⁶⁰⁹ РГИА.Ф. 797. Оп.27. отд. II. стол 2. Д. 410. Л. 23–25, 34, 41.

⁶¹⁰ Там же. Л. 53, 55, 62.

обольщениями отторгают бедных Герцеговинцев от Православия и принимают в объятия своей церкви. И всё это потому, что бедные Герцеговинцы не имели счастья услышать в продолжении нескольких веков хоть один раз Божественную Литургию, или поучительную проповедь!» – писал Чокорило⁶¹¹. За исполнение этой просьбы взялся Московский славянский комитет. Переписка на счёт походной церкви растянулась на несколько лет. Не удалось установить, реализован ли был этот проект.

Несмотря на проблемы с организацией поездки, Чокорило был принят в России очень хорошо. Сама императрица Мария Александровна пожаловала архиерейские облачения для церкви Пресвятой Богородицы в Мостаре⁶¹².

Прокопий пробыл в Петербурге, затем продолжительное время находился в Москве и, наконец, в 1860 г. возвращался в Мостар через Одессу⁶¹³.

Вернувшись на родину, он ещё долго получал посылки с собранными им в России пожертвованиями. Главным организатором пересылки помощи была А.Д. Блудова. Именно к ней иеромонах обращался, когда возникали малейшие проблемы. Так, например, в своём письме от 1862 г. он сообщает, что до Мостара до сих пор не дошли деньги, посланные Раевским в Азиатский департамент ещё в октябре 1859 г.⁶¹⁴ Кроме того, упоминавшийся выше российский консул Безобразов обманным путём присвоил себе часть денег, собранных в России⁶¹⁵.

Судя по переписке Раевского с Чокорило можно предположить, что герцеговинец собирался совершить ещё одно путешествие в Россию. В том же 1862 г. он интересовался у Михаила Фёдоровича, как обстояли дела с организацией его новой поездки в Петербург⁶¹⁶. Этим планам не суждено было осуществиться. 18 июля 1863 г. Чокорило скончался⁶¹⁷.

⁶¹¹ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 61.

⁶¹² РГАДА. Ф. 1274. Ч. 2. Ед. хр. 2420. Л. 1.

⁶¹³ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 61–61об.

⁶¹⁴ РГАДА. Ф. 1274. Ч. 2. Ед. хр. 2420. Л. 1.

⁶¹⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 18–19.

⁶¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 53.

⁶¹⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 21.

Как уже упоминалось выше в Боснии и Герцеговине представления о России носили скорее характер мифов. «Майка Руси́я»⁶¹⁸ – по их мнению, это большая северная страна, населённая братским славянским народом и управляемая сильным могучим царём. На неё возлагали большие надежды, от неё ждали помощи и поддержки. Отправиться туда считалось большой удачей. Одним из счастливых, кому довелось увидеть русскую землю, был *Савва Косанович* (1839–1903).

Савва Косанович родился в селе Милянич восточной Герцеговины⁶¹⁹ 14 (27) января 1839 г. в зажиточной крестьянской семье. Однако, семейное благополучие Косановичей длилось недолго. Отец Саввы, Кико вместе с двумя братьями погиб в вооружённом столкновении с турками. Потеряв кормильца, семья Косановичей оказалась в бедственном положении. Известно, что у Саввы были ещё брат и сестра. В 1846 г. Савва отправился на учёбу в герцеговинский монастырь Житоmysлич, затем недолго учился в мостарской школе, после чего снова вернулся в монастырь. Когда же пришло время принять монашеский постриг, Косанович отправился в Сараево. Оттуда в возрасте шестнадцати лет вместе с товарищем Симой Чайкановичем он пешком ушёл в Белград. Молодые люди поступили в семинарию, где стали получать стипендию сербского правительства.

Курс обучения в семинарии Савва окончил в 1860 г. Он хотел продолжить образование в Киевской духовной академии или в Задаре. Обращение к российскому консулу не дало результатов. Поездка в Задар также не увенчалась успехом. Тогда он отправился в Мостар, где начал работать учителем начальной школы. Вскоре С. Косанович женился на девушке из известной в тех краях семьи Гатало, год проработал в сараевской школе для мальчиков, а затем снова вернулся в Мостар на четыре года. Здесь его постигло глубокое горе – один за другим ушли из жизни его жена, дочь и сын⁶²⁰.

⁶¹⁸ Мать - Россия (сербск.)

⁶¹⁹ территория племени Банян

⁶²⁰ Хаџи – Сава Косановић // Богословски гласник. 1903. Књ. III. Св. I. С. 161–162.

На духовное поприще Косанович вернулся в 1862 г. В ноябре в Сараеве дабробосанский митрополит Игнатий рукоположил его в дьяконы, а годом позже в священники. 19 июня 1872 г. он постригся в монахи, а в день святого Илии митрополит Паисий произвёл его в архимандриты.

В сербской историографии личность Саввы Косановича вызывает интерес в связи его деятельностью конца 1870-х – 1880-х гг.⁶²¹ Он прослыл ярким борцом за единение сербского народа и противником австро-венгерской оккупации, а с 1881 г. С. Косанович стал Дабробосанским митрополитом. Всё это время он поддерживал связь с сербским митрополитом Михаилом, советовался с ним по важнейшим вопросам. В 1885 г. из-за конфликта с представителями римско-католической церкви был отстранён от занимаемой должности. Последние годы жизни провёл в Черногории.

Хотя о Косановиче существует некоторая литература, практически неисследованными остались контакты Саввы Косановича с Россией в период 1860–1870-х гг.

В 1867 г. представители сараевской православной общины обратились к российскому консулу с просьбой дать разрешение на поездку священника Саввы Косановича в Россию для сбора средств на постройку церкви⁶²². Однако летом того же года компанию против архимандрита Саввы, который имел значительный авторитет среди жителей Сараева, развернул дабробосанский митрополит Игнатий. Он обратился к Константинопольскому патриарху с просьбой отправить Савву в ссылку на Афон. В качестве причины называлась деятельность архимандрита по подстрекательству к восстанию. За Косановича вступился российский МИД и по просьбе консула в Сараеве Е.Р. Щулепникова урегулированием этого вопроса занялся сам Н.П. Игнатьев⁶²³. Однако, разрешение на поездку в Россию было получено от Синода только в феврале 1872 г.⁶²⁴. Возможно не последнюю роль в этом сыграл набирающий обороты греко-

⁶²¹ См. к примеру: *Максимовић В.* Митрополит Сава Косановић 1839–1903. Сарајево, 2003.

⁶²² Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 75.

⁶²³ Там же. С. 91.

⁶²⁴ Там же. С. 277.

болгарский церковный конфликт, который привёл к охлаждению во взаимоотношениях русской православной церкви и Константинопольского патриархата. Целью поездки провозглашался сбор средств на открытие гимназии, нужды православных школ и на покрытие долгов сараевской общины, появившихся после возведения храма. До того как отправиться в Россию, в 1868 г. Косанович в составе делегации от Сараевской православной общины побывал в гостях у русского протоиерея в Вене М.Ф. Раевского. Об этом в своём письме сообщает российский консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев, где характеризует Косановича как патриота и учителя молодёжи, которая поднимет Боснию. Детали этой встречи остались неизвестными⁶²⁵.

Перед тем как отправиться в Россию С. Косанович побывал в Белграде, там состоялась его встреча с Никифором Дучичем⁶²⁶, который снабдил сараевского архимандрита подробными инструкциями о том, что нужно делать и говорить о Сербии и Черногории. Об этом Дучич пишет в своём письме к министру иностранных дел Сербии Йовану Ристичу⁶²⁷. Связи Косановича с сербским правительством и тайным комитетом по освобождению Боснии не подлежат сомнению. Так, сербский агент в Боснии Боголюб Петранович в своём письме от 10 декабря 1869 г. предлагал Йовану Ристичу сделать Косановича постоянным агентом, сообщить ему тайный шифр и назначить ежемесячное денежное пособие. Это подтверждает тот факт, что в Россию сараевский архимандрит ехал не только для сбора подаяний, но и в качестве сербского агента.

12 сентября 1872 г. российский консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев обратился с письмом к секретарю московского славянского благотворительного комитета *Н.А. Попову*, в котором рекомендовал ему архимандрита Савву Косановича и богатого сараевского купца *Максима Дестича*, прибывших в Россию для сбора пожертвований в пользу собора в Сараеве. Кудрявцев писал: «Помогите им словом и делом; облегчите их миссию и заставьте наших бедных единоверцев,

⁶²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 6–7.

⁶²⁶ *Никифор Дучич* (1832–1900) – архимандрит, настоятель монастыря Дужи, активный участник борьбы против турецкого ига в Герцеговине (1862 г.), состоял в тайном комитете Матии Бана, где разрабатывались планы освобождения Боснии, там представлял интересы сербского митрополита Михаила.

⁶²⁷ АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XXVI / 7. 463.

через Ваши любовь и [деятельное] покровительство, ещё более увериться в сочувствии и симпатии к ним русского народа»⁶²⁸.

Судя по всему, Попов и Косанович к этому моменту уже состояли в дружеской переписке⁶²⁹. Архимандрит прибыл в Россию 16 сентября 1872 г. Нил Александрович оказал большое содействие, помощь и поддержку Савве Косановичу. Сохранились письма архимандрита к Попову, по которым можно восстановить историю его путешествия. Попов взял на себя хлопоты о сборе средств для миссии Косановича, пересылке его писем и собранных вещей на родину, а также помог в разработке маршрута поездки. Для того чтобы поддержать миссию архимандрита Попов опубликовал небольшое сочинение *«Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой»*⁶³⁰. Цель этого труда заключалась в привлечении внимания русской общественности к проблемам православного населения края. Чтобы обеспечить успех миссии Косановича в России, сараевская православная община доверила ему свою святыню, десницу первомученицы Фёклы Иконийской (эти мощи до сих пор хранятся в г. Сараево).

Путешествие архимандрита из Боснии не заладилось с самого начала. Ещё до отъезда Саввы в Россию на страницах официозной белградской газеты *«Единство»* появилась статья, направленная против миссии архимандрита. Текст этого обличительного материала увидел свет и в России на страницах *«Голоса»*. Обвиняли Косановича в панславизме и греческие газеты. Многие лица, участвующие в организации поездки решили отказаться от этого мероприятия. Выше упомянутый торговец Максим Деспич, оставил Савву. Это заметно пошатнуло не только репутацию архимандрита, но подорвало и его финансовое положение. В Петербурге Савва встретил *мисс Ирби*, она предложила ему услуги некоего влиятельного английского миссионера, но Косанович отказался от такого рода помощи. Он полагал, что такими действиями английская

⁶²⁸ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 43. Л. 1, 1об.

⁶²⁹ Об этом свидетельствует письмо С. Косановича к Н.А. Попову от 12 октября 1870 г. с просьбой помочь с переводом письма к Иларионову на русский язык (ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11. Л. 1.).

⁶³⁰ Попов Н.А. Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами.

благотворительница добивается возврата расположения членов сараевской общины и восстановления репутации своей школы. Спустя некоторое время, в газете «Единство» было опубликовано заявление о том, что статья, обличающая архимандрита, была напечатана против воли редакции, давалась положительная характеристика личности Саввы Косановича и приносились извинения за эту досадную ошибку⁶³¹.

Собрать большое количество средств в Санкт-Петербурге не удалось и в феврале 1873 г. Савва отправился в Москву, где остановился в Сретенском монастыре. В Москве Косановичу понравилось, он познакомился с Аксаковым, Погодиным, Батюшковым, Черкасским, но от Синода он получил разрешение лишь на годовое пребывание в России. Усилиями директора Азиатского департамента П.Н. Стремоухова этот срок удалось продлить. Весной 1873 г. для сбора средств на строительство храма в г. Сараево и на нужды боснийских церквей Косанович отправился в большую поездку по России. Он посетил *Рязань, Моршанск, Козлов, Тамбов, Саратов, Хвалынский, Казань, Вятку и Нижний Новгород*⁶³².

15 апреля 1873 г. Косанович покинул Москву и отправился в Рязань. Там он пробыл несколько дней, но сбор средств оказался не очень удачным. Из Рязани отец Савва отправился в Моршанск, Тамбовской епархии, где его радушно принял и поместил в своём доме соборный протоиерей Лука Яковлевич Воскресенский. В воскресный день он совершил с сараевским архимандритом крестный ход вокруг собора и призвал свою паству оказать помощь в пользу боснийской церкви. Отец Савва пробыл в Моршанске 6 дней, оттуда он поехал в Козлов⁶³³.

Славянский комитет заботился о том, чтобы о миссии Саввы и прибытии святыни сообщали епархиальные ведомости, но казусов не удалось избежать. В городе Козлове⁶³⁴, Тамбовской губернии сараевский архимандрит столкнулся с

⁶³¹ Попов Н.А. Православие Боснии... С. 30–31.

⁶³² ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11. Л. 3–45об.

⁶³³ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 119.

⁶³⁴ Современный город Мичуринск

чрезмерной подозрительностью и рвением городских властей. Местный протоиерей Пётр и полицмейстер В.И. Майсов не поверили в благонамеренность миссии Косановича и он был задержан. До тех пор пока не пришли документы из Синода, подтверждающие право на сбор подаяний, архимандрит не мог продолжить своего путешествия⁶³⁵. Получив официальные извинения от местного протоиерея и полицмейстера отец Савва отправился в Тамбов, но не задержался в этом городе, так как там в то же время находился с Афонской святыней архимандрит Гефсиманского монастыря Лука Агиографов.

В Саратове гостю из Сараева был оказан дружественный приём. Местный епископ Иоанникий тепло принял архимандрита и поместил его в обители Спассо-Преображенского монастыря. В отчёте славянского комитета о поездке Саввы говорится о том, что в Саратове более тысячи человек пришли поклониться мощам Святой Фёклы. Там же якобы произошло несколько чудес. На реке Волге было устроено освящение воды по случаю засухи. Сразу же после молебна пошёл дождь. После этого отца Савву пригласили совершить молебен в женском монастыре. Игуменья монастыря, матушка Олимпиада была серьёзно больна, но после молебна начала поправляться, а к моменту отъезда Косановича из Саратова выздоровела. В благодарность за исцеление монахини пожертвовали сараевской церкви ризу, украшенную жемчугом и драгоценными камнями.

В сентябрьском отчёте московского славянского комитета говорится и о других чудесах: «перед мощами жертвомученицы служили молебны даже раскольники и старообрядцы, из коих некоторые здесь же возвращались в православие»⁶³⁶. В Саратове Косанович пробыл около месяца, а затем отправился в Хвалынский на открытие отделения Саратовского братства Святого Креста для противодействия расколу. Тысячи людей вышли провожать Савву. Сбор был очень удачным (около 1000 рублей серебром). После трёхдневного пребывания в Хвалынске отец Савва отправился в Казань. Местный архиепископ Антоний оказал ему радушный приём, разместил в кельях архимандрита Спассо-

⁶³⁵ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11. Л. 23–24об.

⁶³⁶ ГАРФ. Ф. 1750. Оп.1. Ед. хр. 58. Л. 120, 120об.

Преображенского монастыря. По случаю приезда Саввы казанский епископ Викториан посвятил воскресную проповедь мученице Фёкле и призвал помочь отцу Савве в его священной миссии. Сбор в Казани составил около 500 рублей серебром. Помимо этого было подарено много церковной утвари, митра, архимандричий крест и мантия. Савве посоветовали отправиться в Вятскую епархию, но по неизвестным причинам там его отказались принять и попросили покинуть эти земли.

Из Вятки архимандрит отправился в Нижний Новгород. Здесь ему был оказан радушный приём, тем более, что новым епископом епархии был старый знакомый Саввы, преосвященный Иоанникий из Саратова. Оттуда архимандрит направился в Москву⁶³⁷.

В провинции Косановичу удалось собрать гораздо больше вещей и денег, нежели в Москве и Петербурге. Сбором, пересылкой и хранением средств занимались Синод, Азиатский департамент и славянский комитет. Через славянский комитет в Москве и российского консула в Сараеве шла переписка Косановича с сараевской православной общиной. Он подробно отчитывался о собранных и высылаемых средствах. «Полагаемся на вашу совесть. Работайте так, как Вас Бог учит» – отвечали архимандриту из Сараева⁶³⁸.

В конце сентября 1873 г. Савва Косанович отправился в Петербург, уладив там все дела, он вновь вернулся в Москву. Здесь его ждали новые бедствия. У архимандрита случился конфликт с настоятелем Сретенского монастыря отцом Виктором. В конце октября он отправил московскому митрополиту жалобу на настоятеля, сообщая об интригах, которые тот плетёт против своих иеромонахов⁶³⁹. Спустя некоторое время Н.А. Попов получил жалобное письмо от сараевского архимандрита, в котором он рассказывал о неприятностях, учинённых ему местной братией. Савве Косановичу был нанесён ряд оскорблений, в результате чего на следующий день он бежал из монастыря и переехал в гостиницу. «Милостивый Государь! Неужели для этого меня народ

⁶³⁷ Там же. Л. 121–123.

⁶³⁸ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 15–15об.

⁶³⁹ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 12. Л. 31.

послал в Россию, чтоб братья меня притесняли и оскорбляли, и действиями своими вызывали к исступлению? Не знаю, что имеет архимандрит Виктор против меня и почему такие незаконные действия в вверенном ему монастыре он допускает? Неужели, таким образом, делается гостеприимство полномочному одного народа, которому так сильно симпатизирует Россия [...]. Что скажут сербы на родине, когда узнают о подобных действиях, и какое будут иметь мнение о русском монашестве! Милостивый Государь! Конечно, что отец Виктор, после выселения моего из монастыря, постарается всеми силами очернить меня [...], но я уверен как в справедливости, так и в том, что славянский комитет не только что не поверит этим клеветам, но сделает надлежащие шаги у предпоставленных лиц Духовной власти, чтоб отцу Архимандриту Виктору сделано было внушение, которым бы в будущее не только я, но и каждый из моих сородичей избавлен был от подобных неприятностей!» – так Косанович писал Н.А. Попову о приключившейся с ним истории⁶⁴⁰. После этого архимандрит тяжело заболел. В своих письмах Савва часто говорил о своей боязни возвращаться на родину, а также намекал Попову на то, что хорошо было бы ему получить русский паспорт и протекцию. В этом случае он бы спокойно вернулся домой и выполнял роль корреспондента славянского комитета⁶⁴¹.

В это время скончался дабробосанский митрополит Паисий. Сараевская и другие боснийские общины намеревались развернуть кампанию в поддержку Косановича как будущего митрополита, но он, ссылаясь на плохое здоровье, попросил освободить его от этого.

В конце 1873 – начале 1874 г. Савва Косанович начал своё очередное путешествие по России. На это раз его путь лежал через *Саратов, Елец, Орёл и Тамбов*⁶⁴². Судя по тёплым письмам от саратовского протоиерея Груздева, в этом

⁶⁴⁰ Там же. Л. 43–44.

⁶⁴¹ Там же. Л. 42.

⁶⁴² ОР РГБ. Ф. 239. Картон. 11. Ед. хр. 13. Л. 1–8.

волжском городе ему вновь был оказан радушный приём⁶⁴³. Продолжала поступать помощь и из Казани от частных благотворителей⁶⁴⁴.

Помимо сбора подаяний для православной сараевской общины, С. Косанович пытался решить и другие проблемы своих сограждан. Так, например, из «*Мемуаров протопопа Недельки*»⁶⁴⁵, анонимного сочинения Саввы, известно о его визите к русскому послу в Константинополе *Н.П. Игнатьеву*. Он посетил русского генерала в его петербургской квартире и просил его оказать содействие в деле освобождения десяти сараевских торговцев и троих герцеговинцев (Серафима и Йово Перовичей и Леонтия Радуловича). Позже Игнатьеву действительно удалось добиться от турецкого правительства амнистии для некоторых из них.

Архимандрит также состоял в переписке с известной благотворительницей графиней *А.Д. Блудовой*. Во время своего пребывания в России, в декабре 1872 г. он сообщил ей о покупке австро-венгерским генеральным консулом Тодоровичем большого участка земли в центре г. Сараево для строительства католического храма и высших католических школ. Это мероприятие он считал очень опасным и писал, что оно «будет не только пропагандировать в пользу Ватикана, но и подготовит, проложит путь к австро-венгерскому владычеству в Боснии»⁶⁴⁶. Косанович развивал тему опасности католической пропаганды, сообщая об открытии французами подобных учебных заведений в Мостаре. В конце своего письма он сетовал на то, что в России нет ни одного его соотечественника, отданного на воспитание.

В марте 1874 г. архимандрит Савва Косанович отправился на родину. Он ещё мог оставаться некоторое время в России, но на чужой стороне его преследовали болезни. Азиатский департамент и Синод предлагали назначить другую кандидатуру для сбора пожертвований, но по сообщению архимандрита оказалось, что вещей и денежных средств, полученных им, было более чем

⁶⁴³ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 26–27.

⁶⁴⁴ Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875–1878 гг.: Сборник документов и материалов. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. С. 17.

⁶⁴⁵ Из мемуара протопоп Неделька. б.д. С. 42.

⁶⁴⁶ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 2064. Л. 10б.

достаточно⁶⁴⁷. В адрес Попова, славянского комитета, Синода и российского МИД были отправлены многочисленные благодарности от представителей сараевской православной общины.

По сообщению российского консула в Сараеве А.Н. Кудрявцева в России сараевскому архимандриту удалось собрать около 4500 рублей и 10 ящиков с одеждой, утварью и книгами⁶⁴⁸. У Косановича остались положительные впечатления о поездке. Особенно поразил его визит в Казань, где он увидел разницу во взаимоотношениях мусульман и христиан в Российской и Османской империях, по словам российского консула, рассказы об этом дивном городе быстро распространились по сараевским домам⁶⁴⁹. О мирном соседстве великолепных мечетей и православных храмов в России, равноправии русских и татар писал Косанович и Попову, сетуя на то, что несчастные жители Боснии и церкви построить не могут⁶⁵⁰. Возможность мирного и бесконфликтного сосуществования ислама и православия поразила гостя из Боснии. Косанович в России больше не был, но долгое время оставался корреспондентом славянского комитета.

Соборная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, строительство которой завершилось благодаря собранным в России средствам, до Первой мировой войны являлась резиденцией дабробосанских митрополитов. Она и по сей день украшает Сараево.

В организации поездок священнослужителей в Россию существовало много огрехов. Все эти проекты держались на плечах таких ответственных общественных деятелей как Гильфердинг, Попов, Погодин и Блудова. Примеры поездок Косановича и Чокорило показывают, что в регионах страждущим славянам охотнее оказывалась помощь, нежели в Москве и Петербурге. Это говорит о том, что уже к 1870-м гг. русское общество имело представление о

⁶⁴⁷ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 13. Л. 11об.

⁶⁴⁸ Строительство Соборной церкви в Сараеве продолжалось в период с 1863 до 1874 гг. 556 дукатов на строительство пожертвовал турецкий султан Абдул-Азиз, 150 дукатов – сербский князь Михаил Обренович, 500 дукатов выделило сербское правительство, в России Косанович собрал около 1870 дукатов.

⁶⁴⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 363.

⁶⁵⁰ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11. Л. 29об.

нуждах и бедах турецких славян. И не случайно, что в 1875 г. акция помощи единокровным и единоверным братьям приобретёт по-настоящему всероссийский масштаб.

§ 2. Сараевская школа для девочек Стаки Скендеровой и Россия

*Не в озлоблении
грозною битвою
мир покорить мы хотим,
в полном смирении
с кроткой молитвою
мы пред Тобой предстоим
М⁶⁵¹.*

Боснийский пашалык (с 1866 г. вилайет) находился на задворках Османской империи и на пороге просвещённой Европы. В XIX в. на этих землях царило настоящее средневековье. Здесь, в полной суеверий и предрассудков среде православных жителей края, появилась незаурядная личность – *Стака Скендерова* (1830–1891)⁶⁵². Там, где она родилась, женщины занимались домашним хозяйством и не помышляли о том, чтобы обучаться грамоте. Для боснийского общества своего времени Стака Скендерова была явлением воистину экстраординарным. Она говорила на нескольких языках – сербском, турецком, греческом, русском, пела в церковном хоре, одевалась в мужскую одежду темного цвета, попала на приём к самому султану, самостоятельно совершила паломничество в Иерусалим, занималась литературным трудом и открыла в Боснии школу для девочек. Она была монахиней в городе, где не было ни одного православного монастыря, и большую часть жизни работала на светском поприще. Своим трудом она заслужила уважение современников и последующих

⁶⁵¹ М. Молитва восставших (перевод с сербского) // Дело 1876. № 7.

⁶⁵² См. Приложение Н. Портреты сербских деятелей.

поколений. Долгое время одна из улиц в г. Сараево носила её имя⁶⁵³. Скендерова также способствовала сближению России и Сербии с боснийскими землями.

Особого внимания заслуживает открытое ею учебное заведение, из стен которого вышли первые образованные женщины Боснии. В период с 1858 г. по 1878 г. в Сараеве работала женская школа Стаки Скендеровой⁶⁵⁴.

Сохранилось не так много сведений об этой удивительной женщине. Зачастую они противоречат друг другу. О своей встрече с ней в 1857 г. писал первый российский консул в Сараеве А.Ф. Гильфердинг⁶⁵⁵. В 1903 г. на страницах боснийской газеты «Вила» появилась статья Алексы Й. Поповича, основанная на его личных воспоминаниях о Стаке⁶⁵⁶. В 1932 г. ведущая сербская газета «Политика» опубликовала статью Йована Кршича, источником для которой послужили воспоминания бывших воспитанниц школы Стаки Скендеровой⁶⁵⁷.

История жизни и странствий С. Скендеровой походила на роман. Её отец был небогатым торговцем. Долгое время семья жила в городе Приеполе, однако торговля в этом крае шла не очень хорошо, и тогда было решено перебраться в сердце Боснийского пашалыка, город Сараево. Здесь в 1830 г. и появилась на свет Стака⁶⁵⁸. С ранних лет её увлекало учение, она выучилась читать и писать, что для этой местности было редкостью, особенно для девочки.

«В детстве отец одевал её в мужское платье, как часто там делают и христиане и мусульмане со своими малолетними дочерьми. Стака Скендерова мужского платья уже не сняла; это было знаком отречения от замужества и посвящения себя жизни исключительно домашней» – писал А.Ф. Гильфердинг⁶⁵⁹. В мужском платье Скендерова ходила в церковь, читала Апостол, поскольку не нашлось ни одного грамотного юноши. В 1841 г. произошло несчастье с её старшим братом. Неизвестно при каких обстоятельствах он был жестоко избит

⁶⁵³ В 1941 г. улица Стаки Скендеровой была переименована в улицу Радойки Лакич, а ныне носит название «Каптол».

⁶⁵⁴ Только в 1871 г. школа для девочек была открыта в г. Мостар. См. Скарић В. Избрана дјела. Прилози за историју Босне и Херцеговине и југословенских народа. Књ. 3. Сарајево, 1985. С. 55–60.

⁶⁵⁵ Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений. Т. 3. С. 383–385.

⁶⁵⁶ Поповић А. Хаџи Стака Скендерова, српска калуђерица и учитељица // Босанска Вила. 1903. №№ 23–24.

⁶⁵⁷ Кршић Ј. Хаџи Стака Скендерова // Политика. 6 јануар 1932.

⁶⁵⁸ по другим сведениям год её рождения – 1828.

⁶⁵⁹ Гильфердинг А.Ф. Указ соч. С. 383.

турками прямо посреди Сараева и стал инвалидом. Отец умер еще раньше. В семье Скендеровых осталось четверо: сама Стака, её мать, сестра и брат. Известно, что брат девушки занимался выделкой мехов, его услугами пользовались богатейшие сараевские семьи и турецкие чиновники. Приходилось много ходить по турецким домам и общаться с турецкой знатью, так Стака, помогая брату, и выучила турецкий язык. Это знание пригодилось ей в деле защиты христиан в крае. Облачившись в мужской костюм, она неоднократно приходила в турецкие дома и помогала решать проблемы своих единоверцев.

Личность Стаки Скендеровой привлекла внимание А.Ф. Гильфердинга. Он перевёл на русский язык и опубликовал её сочинение «Летопись Боснии 1825–1856 гг.»⁶⁶⁰. Русский ученый и дипломат высоко оценил её деятельность: «никто из православных жителей Боснии не заслуживает почётно́го названия гражданского деятеля столько, сколько Стака Скендерова», – писал он⁶⁶¹.

Заветной мечтой Скендерой было открытие школы для девочек. Это удалось осуществить в 1858 г. Содействие в основании этого учебного заведения оказывали многие русские и сербские общественные и политические деятели. Ещё в 1857 г., когда Гильфердинг находился в Сараеве, Скендерова обратилась к нему с просьбой поддержать идею открытия школы в этом городе. Этим вопросом он занялся по приезду в Петербург и добился назначения пособия в размере 1384 рублей⁶⁶². Своё пожертвование в 1400 рублей внесла и русская императрица Мария Александровна⁶⁶³.

Школа располагалась в небольшом двухэтажном здании. Весь первый этаж занимала семья Скендеровых. На втором этаже находились большой класс, маленькая комната для занятий рукоделием и кабинет Стаки, где она молилась и занималась книжным трудом⁶⁶⁴.

Скендерова в своей деятельности столкнулась с противодействием патриархальной сербской среды и недоверием со стороны православной общины

⁶⁶⁰ Скендерова С. Летопись Боснии // Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1873.

⁶⁶¹ Там же. С. 383.

⁶⁶² Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. М., 1985. С. 181.

⁶⁶³ Там же. С. 201.

⁶⁶⁴ Кришић Ј. Ibid.

г. Сараево. Активную поддержку Стаке оказывал тогдашний вали Велиудин-паша⁶⁶⁵, и многие православные сербы отказывались отдавать своих дочерей на обучение в школу, которой покровительствовал османский чиновник.

Несмотря на лишения и трудности, а также враждебность со стороны сараевского купечества, школа под руководством С. Скендеровой не закрывалась. В 1858 г. занятия в ней посещали уже 75 девушек, большинство из которых, были родом из бедных семей⁶⁶⁶. Изначально действовало три класса, позже их количество возросло до пяти⁶⁶⁷.

Для благоустройства школы, закупки учебных пособий и поиска учительницы Скендерова в сентябре 1858 г. намеревалась отправиться в Белград. Российское консульство планировало поручить ей сопровождать герцеговинских и боснийских мальчиков, отправляемых на учёбу в Россию⁶⁶⁸. Однако кампанию против неё развернули местные торговцы, недовольные тем, что 1400 русских рублей не попали в их карманы. Они уверили пашу, что учительница намерена устроить восстание в Посавинье, а затем отправиться в Россию. По началу в паспорте ей было отказано⁶⁶⁹, но в конечном итоге, заветный документ был всё же получен. В этом вопросе Скендеровой посодействовал один турок, член меджлиса, который взамен просил принять на обучение в школу свою дочь⁶⁷⁰.

Перед тем как отправиться в Белград, Стака получила подробнейшие инструкции от российского консула в Сараеве Е.Р. Щулепникова⁶⁷¹. Он советовал боснийской просветительнице обратиться к сербскому митрополиту с просьбой, принять училище под свой надзор и покровительство.

Содействие Скендеровой оказывала и графиня *Антонина Дмитриевна Блудова*. Об этом свидетельствуют записи в тетрадях Блудовой, хранящихся в РГАДА⁶⁷². Осенью 1858 г, в тот момент, когда в Сербии разразился политический

⁶⁶⁵ Поповић А. Ibid.

⁶⁶⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. С. 208.

⁶⁶⁷ Панић М. Историја српских школа у Босни и Херцеговини. Сарајево, 1978.

⁶⁶⁸ В итоге эта миссия была поручена П. Чокорило.

⁶⁶⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. С. 201.

⁶⁷⁰ РГАДА.Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 2772. Л. 9.

⁶⁷¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. С. 208–209.

⁶⁷² РГАДА.Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 2772.

кризис и режим правления уставобранителей шёл к закату, Антонина Дмитриевна находилась в Белграде. В это же время в Сербию прибыла и Стака Скендерова. А.Д. Блудова встретила с ней и пообещала помочь найти учительницу. Графиня беседовала об этом с сербским митрополитом Петром и министром народного просвещения Сербии. По словам Блудовой, мероприятие это было не простое и очень хлопотное, так как положение дел в Сербии было критическим и у местных властей не было времени на то, чтобы позаботиться о благополучии сараевской школы. Однако кандидатка на должность учительницы была найдена и отправлена к Блудовой на собеседование. Ей оказалась скромная молодая девушка, сирота, живущая с братом. В своих записках, Антона Дмитриевна рассказывает об этой встрече. На первый взгляд, соискательница на должность учительницы показалась ей чересчур молодой (девушке было 18 лет), но после беседы Блудова отметила, что она достаточно хорошо образована, рассуждает очень здраво и зрело. Особенно русскую графиню впечатлило замечание юной особы о том, что учить грамоте сараевских девочек она намерена, используя кириллический алфавит, а не латиницу, которая всё больше входила в моду⁶⁷³.

С. Скендерова вернулась в Сараево с необходимым комплектом книг и учительницей *Еленой Стефановой Нешкович*. В Белграде Скендеровой удалось добиться расположения сербского митрополита Петра, и в конце октября 1858 г. на торжественном открытии школы он сам служил молебен, окропил дом святой водой и благословил детей на учение. На торжество были приглашены дипломаты всех держав, имеющих представительства в Сараеве, однако присутствовали только российский консул и французский вице-консул⁶⁷⁴.

Учебная программа включала изучение арифметики, сербской истории, чтения и письма, часослова, псалтыря, церковного пения. Помимо этого в школе Скендеровой девочек учили и рукоделию, что привлекало даже скептически настроенных зажиточных горожан.

⁶⁷³ Там же. Л. 8 – 8об.

⁶⁷⁴ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. С. 208–209.

За учёбу платили только девочки из богатых семей. На полученные средства покупались материалы для рукоделия (шелка, золотые нити). Для бедных детей Стака была не только учителем, но и защитницей. Многие сироты были полностью на её содержании. Она им заменила мать: одевала, кормила, воспитывала. Она брала на воспитание даже девочек, матери которых находились в публичных домах, открывая для них новые жизненные горизонты. Стака Скендерова слыла строгой, но справедливой учительницей. Пороки с её стороны ученицы боялись больше, чем телесных наказаний.

Каждый год завершался экзаменами, которые проходили публично. На них присутствовал сам боснийский паша или его заместитель, представители церкви, родители учениц. Ежегодно устраивалась выставка рукоделия, которым гордилась школа. По выходным и праздничным дням под руководством Скендеровой в церкви выступал хор учениц.

Ещё в 1858 г. Блудова в беседе со Скендеровой заметила, что было бы не дурно обучать славянской грамоте и девочек из мусульманских семей. По мнению Антонины Дмитриевны, «благоденственное влияние христианства» должно было способствовать обращению в православие магометан⁶⁷⁵. И действительно, двери школы были открыты для детей всех вероисповеданий⁶⁷⁶. Девушки из православных, католических, еврейских, мусульманских семей на равных обучались в школе Скендеровой.

Российское консульство опекало это учебное заведение. В марте 1859 г. консул Е.Р. Щулепников направил донесение на имя директора Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевского. В нем он сообщал об успехах в работе школы. Хвалебный отзыв российского консула получила и учительница Е.С. Нешкович, которая успела «своим кротким и привлекательным обхождением приобрести любовь всех учениц и подстрекнуть их тем к более быстрым успехам»⁶⁷⁷. Был благосклонен к школе и дабробосанский митрополит *Дионисий*. Он вместе с французским и российским консулом устроил туда несколько девочек

⁶⁷⁵Запись в тетради А.Д. Блудовой. См. РГАДА.Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 2772. Л. 8 – 8об.

⁶⁷⁶ *Поповић А.Ј.* Ibid.

⁶⁷⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. С. 218.

из Мостара, оплачивая их обучение и проживание (по 2000 пиастров в год за одну пансионерку)⁶⁷⁸. Рост количества учеников требовал расширения учительского штата. С просьбой решить эту проблему Скендерова обращалась к сербскому правительству и в мае 1859 г. Министерство просвещения Сербии согласилось удовлетворить её просьбу⁶⁷⁹. В 1860 г. в школе действовало два класса, в которых занималось около 100 учениц. Слава об этом учебном заведении распространилась по всему боснийскому пашалыку. Осенью 1861 г. на имя российского консула Щулепникова пришло обращение от високовской православной общины с просьбой прислать выпускницу сараевской школы в качестве учительницы и отдать свою школу под управление С. Скендеровой⁶⁸⁰.

Покровительство школе оказывал и известный деятель на ниве просвещения сербов в Османской империи сербский *митрополит Михаил*. Документы, свидетельствующие об этом, хранятся в фонде Белградской митрополии Архива Сербии (г. Белград). Просьбы Скендеровой носили различный характер: прислать нового учителя, подарить книги, помочь в восстановлении школы после пожара в Сараеве. Однако деньги не всегда доходили до адресата, они либо присваивались посредником, либо, как не раз случалось со школой Стаки, средства перераспределялись в пользу сараевской мужской школы⁶⁸¹.

В 1861 г. Стака Скендерова вновь обратилась к сербскому правительству с просьбой выделить средства на строительство нового здания школы, ввиду того, что старая постройка сгорела, а обещанных денег так и не было получено⁶⁸². Судя по всему, этот вопрос долго не решался. Прошение об оказании помощи учебному заведению Скендеровой к сербскому митрополиту Михаилу адресовал в мае 1865 г. некий житель Сараева Г. Йованович⁶⁸³. Он восторженно отзывался о просветительской деятельности Стаки. Неизвестно, как отреагировал Михаил на это письмо. Помощь пришла из России. Согласно донесению Щулепникова

⁶⁷⁸ Там же.

⁶⁷⁹ АС. Ф. МБ. 1859. 512.

⁶⁸⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. С. 355–356.

⁶⁸¹ АС. Ф. МБ. 1860. 1032.

⁶⁸² АС. Ф. МБ. 1861. 889.

⁶⁸³ АС. Ф. МБ. 1865. 693.

сараевские торговцы отказались предоставить денежные средства на перестройку здания, и тогда необходимая сумма в 1000 пиастров была пожалована Скендеровой российским МИД⁶⁸⁴.

Осенью этого же года начальница женской школы направила в российское внешнеполитическое ведомство прошение с просьбой оказать ей содействие в организации поездки в Россию. Целью визита был сбор денежных средств в пользу боснийских школ. Покровительница женского образования русская императрица Мария Александровна отозвалась на это положительно. Однако Синод предложил отсрочить приезд Скендеровой. Разрешение было получено только в начале 1867 г.⁶⁸⁵ Однако никаких сведений о посещении Скендеровой России обнаружить не удалось.

Сочувственно относился к сараевской школе и Н.А. Попов⁶⁸⁶. Об этом учебном заведении он упомянул в своей работе *«Очерки религиозной и национальной благотворительности на востоке и среди славян»*⁶⁸⁷. Попов, опираясь на сведения, полученные от корреспондента Славянского комитета, путешествовавшего по Герцеговине, сообщает о попытке английских путешественниц мисс Ирби и мисс Макензи⁶⁸⁸, связанных с обществом диаконис, открыть в Сараеве школу для девочек, которая должна была составить конкуренцию учебному заведению С. Скендеровой. В этом деле им содействовал консул северо-германского союза Блай. В начале 1869 г. он приобрёл участок земли в центре Сараева, где была выстроена школа. Диаконисы всячески старались привлечь местных жителей. По сообщению корреспондента обучение в школе было бесплатным, более того отдавшим детей в эту школу родителям обещали некое вознаграждение. Однако подобное благородство не только не

⁶⁸⁴ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1864–1875. С. 17–18.

⁶⁸⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1864–1875. С. 37.

⁶⁸⁶ См. Приложение Л. Портреты русских общественных деятелей.

⁶⁸⁷ Попов Н.А. Очерки религиозной и национальной благотворительности на востоке и среди славян. СПб., 1871. С. 85–87.

⁶⁸⁸ Дж. М. Макензи и А.П. Ирби осуществили своё путешествие по балканским землям в 1862–63 гг. В результате на свет появилась книга: Mackenzie G.M., Irby A.P. Travels in the Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. London, 1867. Посещение Боснии привело путешественниц к мысли о необходимости учреждения там учебного заведения для девочек. Найти средства на воплощение этого плана им удалось только у протестантской организации общества диаконис.

вызвало сочувствия у местных жителей, но и насторожило их⁶⁸⁹. Об этой же школе Попов говорит и в другой своей работе: *«Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами»*⁶⁹⁰. Здесь он также негативно отзывается об учебном заведении Ирби, указывая на тот факт, что из-за религиозной пропаганды диаконис школа пребывала в кризисе и теряла своих учеников⁶⁹¹.

Эти события вызвали беспокойство и в российском МИД. Об опасности усиления позиций протестантской и католической церкви в Боснии говорил в своём донесении российский консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев. В качестве ответных действий России он предлагал выделить средства на учреждение женской гимназии в Сараеве (требовалось 3000 рублей). Директор Азиатского департамента Стремоухов в 1869 г. обратился в Петербургское отделение славянского комитета с просьбой посодействовать Стаке Скендеровой в открытии гимназии. Председатель комитета Гильфердинг ответил, что почётный член Славянского комитета *Н.А. Киреев* выразил готовность выплачивать новому учебному заведению ежегодное пособие размером в 750 рублей, однако из-за финансовых трудностей предоставить сумму в 3000 рублей возможности не было⁶⁹².

Судя по всему, Скендерова вновь обращалась к России с просьбой организовать ей поездку для сбора средств в пользу будущей гимназии, но славянские комитеты не увидели в этом крайней необходимости. Об этом свидетельствуют документы из фонда Гильфердинга⁶⁹³.

Чёрная полоса в деятельности Скендеровой продолжалась. По неизвестным причинам ее школу лишили пособия французского консульства. По-прежнему росло недоверие к ней со стороны православной общины. По мнению Гильфердинга, виной такого положения дел были интриги со стороны иезуитов⁶⁹⁴.

⁶⁸⁹ Попов Н.А. Очерки религиозной и национальной благотворительности на востоке и среди славян. С. 85–86.

⁶⁹⁰ Он же. Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами. М., 1873.

⁶⁹¹ Там же. С. 19, 30.

⁶⁹² Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1864–1875. С. 179.

⁶⁹³ ОР РНБ. Ф. 182. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 2–5.

⁶⁹⁴ Там же. Л. 3.

Возможно, что причиной этому послужило то, что Стака открыто выступала в поддержку учебного заведения мисс Ирби, против которой в местных газетах была развёрнута настоящая война. Памятуя, как в своё время открытие школы Скендеровой было воспринято в штыки местным православным обществом, она обратилась к церковной общине с речью о важности образования и разъяснила, что намерения английской леди носят чисто просветительский характер⁶⁹⁵.

В июне 1870 г. гимназия всё-таки открылась. Однако сараевская православная община отказалась утвердить С. Скендерову на должность директрисы⁶⁹⁶. Дела гимназии шли не гладко, уже в 1871 г. начались проблемы с финансированием. Н.А. Киреев, обещавший ежегодное пособие, отказался его предоставлять в связи с финансовыми затруднениями. У славянских комитетов не нашлось средств для выплат⁶⁹⁷.

Интересно отметить, что школе Скендеровой помогали турецкие власти. В 1862 г. боснийский вали *Топал Шериф Осман-паша* съездил в Белград, для того чтобы ознакомиться с тем, как там устроена система образования. Он отдал в школу Скендеровой своих дочерей, его примеру последовали и другие турецкие чиновники. Топал Осман-паша выхлопотал у султана ферман, по которому школе Скендеровой оказывалась ежемесячная помощь от турецкого правительства в 600 грошей. Прибывший в Сараево в 1868 г. новый боснийский вали также передал Скендеровой финансовую помощь от султана в 1000 грошей⁶⁹⁸.

В 1870 г. Скендерова отправилась в путешествие в Иерусалим к гробу Господню. Путь лежал через Константинополь. Топал Осман-паша добился для неё аудиенции у султана Абдул-Азиза и оплаты путевых расходов (10000 грошей). По прибытии в святыне места, Стака приняла монашество. Поездка ее длилась целый год, и это было неслыханное событие для тех лет. Посещать богослужения особам женского пола не в праздничные дни и не воскресенье в

⁶⁹⁵ В 1871 г. школа под руководством мисс Паулины Ирби разорвала отношения с обществом диаконис. После долгих лет борьбы, ей всё же удалось убедить местных жителей в чистоте своих намерений. Это учебное заведение продолжало своё существование и после австрийской оккупации.

⁶⁹⁶ Директрисой гимназии по рекомендации митрополита Михаила стала Персида Йованович.

⁶⁹⁷ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 46.; ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 82–83.

⁶⁹⁸ Поповић А. Ibid.

боснийском обществе того времени считалось не приличным. Здесь же женщина одна отважилась на поездку в Святую землю и удостоилась встречи с самим султаном. Возвращение Стаки в Сараево было триумфальным, приветствовать её вышли толпы народа.

Во время отсутствия Скендеровой делами в школе управляли две выпускницы этого учебного заведения Анна Каранова и Кока Джуричева. Позже они стали первыми учительницами в школе для девочек в Мостаре.

Скендерова выполняла порой и очень непростые личные поручения своих единоверцев. По свидетельствам современников она неоднократно помогала вызволять из заключения православных сербов, добилась права проведения торжественного обряда похорон с церковным пением и шествием через весь город для православных жителей Сараева⁶⁹⁹.

В 1878 г. с австро-венгерской оккупацией Боснии и Герцеговины школу пришлось закрыть. Прекратилась денежная помощь от султана, перестали поступать русские и сербские средства. Девочек сирот, которые учились в школе, приняла под свою опеку мисс Ирби. Английская благотворительница взяла на пожизненное содержание Стаку Скендерову и её столетнюю мать.

Выпускницы школы Скендеровой стали первыми образованными женщинами Боснии и Герцеговины. Как правило они считались завидными невестами и удачно выходили замуж. Эти образованные женщины уже воспитывали своих детей в духе нового времени, прививая им охоту к учебе.

До конца своих дней С. Скендерова не переставала помогать людям. 26 мая 1891 г. на праздник в пользу бедных и сирот в Сараеве она повела двух своих воспитанниц, девочек из бедной семьи. По дороге домой на них налетела повозка. Дети чудом не пострадали, а Стака Скендерова получила смертельные ранения и на следующий день скончалась в сараевской больнице. Все расходы и хлопоты о похоронах взяла на себя Паулина Ирби⁷⁰⁰. По свидетельствам очевидцев она

⁶⁹⁹ Там же.

⁷⁰⁰ *Кнежић Н.* Хаџи Стака Скендерова // Кишобран. Септембар 2008. С. 16.

каждую неделю заходила в Сараевскую православную соборную церковь и ставила свечу в память о женщине, которая намного опередила своё время.

Приведённые выше сюжеты лишний раз свидетельствуют о совместной работе российского правительства и благотворительных организаций в деле помощи церквям и школам Боснии и Герцеговины. Стоит также отметить, что не всегда в России с должной ответственностью относились к этим вопросам. В Боснийском же вилайете очень надеялись на обещанную помощь, от неё зависело существование учебных заведений и реализация проектов по строительству церквей. Ярким примером служит история с женской гимназией в Сараеве, от содержания которой отказался Киреев. Петербургский и московский славянский комитеты в своей переписке перекладывали друг на друга ответственность за это учебное заведение. Азиатский департамент отказался помочь в этом вопросе. Собрать необходимую денежную сумму так и не удалось и гимназию пришлось закрыть. Слабая, пока ещё плохо организованная и не имеющая длительного опыта, русская благотворительность не всегда могла справиться с задачами, которые перед собой ставила.

§ 3. Учащиеся из Боснии и Герцеговины в России

*Из этой тьмы скорее вон!
скорей, не то душа устанет!
стряхни её позорный сон,
пусть Божий гром над нею грянет!*

*В.И. Славянский*⁷⁰¹

Обучение турецких славян в России являлось одним из важных пунктов в работе славянских комитетов и активно поддерживалось государством. Нельзя сказать, что процент студентов из Боснии был высок. Выходцы из этого региона значительно реже попадали в русские учебные заведения, в отличие от болгар и

⁷⁰¹ Славянский В.И. (В.И. Немирович–Данченко). Судьба райи. Перевод с сербского // Дело. 1875. № 12. С. 324.

сербов княжества. Это объясняется тем, что уровень образования в Боснии и Герцеговине был очень низким и до 1857 г. о том, что такое Босния в России имели слабое представление.

Именно первый консул в Сараеве А.Ф. Гильфердинг предложил наладить систему обучения молодых людей из Боснии и Герцеговины в России. Провожатым для детей был назначен монах Прокопий Чокорило. Он привёз молодых людей в Одессу к месту учёбы. Точных данных о количестве и составе этой группы найти не удалось. Изначально планировалось выдать стипендии 12 представителям края. Чокорило в своём донесении в Синод сообщал, что правительство Российской империи оказало благодеяние 10 ученикам⁷⁰². В этой группе был и Йован Пичета. В своих воспоминаниях⁷⁰³ он утверждает, что в Россию вместе с ним отправилось всего четыре человека, жители Мостара *Николай Билич и Стефан Говедарица* и некий уроженец Сараева *Остоич*⁷⁰⁴.

Йован Христофорович Пичета родился 9 сентября 1844 г. в Мостаре в православной многодетной семье. Мостарская община открыла и поддерживала в городе школу для детей. Это учебное заведение во время своего путешествия посетил и А.Ф. Гильфердинг и его секретарь А.С. Ионин. Дорогие гости выслушали все жалобы местного населения и позже из Сараева прислали весть о решении российского правительства назначить стипендии для обучения в России нескольких уроженцев Мостара. «Кто будут эти счастливцы? – спрашивали мы друг друга, делая всякие предположения. Способных между нами было достаточно, но не каждый мог надеяться на отпуск его родителями в далёкую страну» – пишет Пичета⁷⁰⁵. Первым в списке оказался юный Йован. Его мать долго противилась разлуке с сыном, но после уговоров всё же согласилась. Начались серьёзные приготовления к поездке. Школьный учитель удвоил занятия для отъезжающих учеников. «Всё что может сделать горячая любовь патриархальной семьи для своего члена, то сделано было моими дорогими

⁷⁰² Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 215

⁷⁰³ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца Прот. И. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1–4.

⁷⁰⁴ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца Прот. И. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1. № 2. С. 223–224.

⁷⁰⁵ Там же. С. 222.

родными для меня. Снарядили меня всем в изобилии [...] Кто только не побывал у нас в ближайшие к отъезду дни! Даже некоторые магометанские семьи присылали «брашненицы» на дорогу, состоявшие из разных сластей, а дети их – мои сверстники прощались со мною, как с родным» – пишет Пичета⁷⁰⁶. Простившись с близкими, Йован отправился в компании своих товарищей и Прокопия Чокорило в новую жизнь.

Первым пунктом был город Сараево, там российское консульство добивалось разрешения турецких властей на отъезд мальчиков. В это время молодые люди бродили по городу и набирались новых впечатлений: «мы видели много лиц, одетых совершенно так, как одевались тогда "попови" у нас и в простоте сердечной готовы были подходить к ним для целования руки. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что это евреи-торговцы сараевские!» – вспоминал Пичета⁷⁰⁷.

Получив разрешение от османских властей и денежные средства от российского МИД, ученики отправились в дорогу. Охраняемый караван направился в сторону Сербии, через Валево путь лежал в Белград. «Стольный город Сербии не произвёл на меня такого впечатления, каким рисовало его моё воображение» – говорит Пичета⁷⁰⁸. Путешествие продолжалось по Дунаю на пароходе.

В болгарском городке Силистрия⁷⁰⁹ с Пичетой случилось первое большое приключение. Вышло так, что отправившись за провизией, он не успел на свой пароход, а отчаянная попытка пуститься вплавь за своими товарищами едва не закончилась гибелью. К счастью мальчик был спасён и доставлен следующим пароходом до места назначения, города Галац: «спутников своих я ещё застал на пристани. Они были уверены, что я утонул, а потому, когда увидели меня, крайне обрадовались и свою радость выражали долгими поцелуями и рассказами, что они

⁷⁰⁶ Там же. С. 222–223.

⁷⁰⁷ Там же.

⁷⁰⁸ Там же. С. 224.

⁷⁰⁹ Совр. Силистра.

испытывали без меня, как меня жалели и оплакивали...»⁷¹⁰. Конечным пунктом путешествия стала Одесса. Всего питомцы российского правительства 15 дней добирались на перекладных лошадях через высокие горы, а затем 9 суток плыли до Одессы на пароходе⁷¹¹.

Пичета прошёл курс обучения в Киеве – духовном училище, а затем в духовной академии. Молодой человек вместе со своим товарищем *Николой Биличем* собрался вернуться на родину. «Но куда ехать? [...] в несчастную Герцеговину, где нас турецких подданных, всё могло постигнуть, не исключая и засады в какую-нибудь тюрьму, или в другое место? Решили ехать в Сербию» – пишет Пичета⁷¹².

В Белград выпускники Киевской духовной академии прибыли в 1867 г. Здесь они начали своё знакомство с сербской *Омладиной*. Вовлечённый в круговорот молодёжного движения Йован Пичета готовился к отъезду в Герцеговину и хотел посвятить себя преподавательской деятельности на родине. Однако по его словам возвращение домой для него, турецкого подданного было очень опасным мероприятием, а русское образование могло стать отягчающим обстоятельством. В Белградской семинарии места для молодого преподавателя не нашлось, попытки митрополита Михаила устроить Пичету на должность учителя в Сербии тоже не увенчались успехом. Илия Гарашанин убедил его в том, что получение сербского паспорта только ухудшит его положение и молодой человек вместе со своим товарищем Биличем решили вернуться в Россию, так и не побывав в родных краях. Митрополит Михаил очень переживал за судьбу этих уроженцев Герцеговины. Он писал в своём письме к графине Блудовой: «Прошу Вас сказать о них Г. Стремоухову, чтобы он позаботился о них, чтобы не пропали в свете, ибо оба они очень хорошие люди»⁷¹³.

⁷¹⁰ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца Прот. И. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1. № 2. С. 227.

⁷¹¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 215.

⁷¹² Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца Прот. И. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 2. № 7. С. 83.

⁷¹³ РГАДА.Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2179. Л. 83.

Усилиями Стремоухова Пичету устроили на должность преподавателя в южно-славянском пансионе г. Николаева. Йован Пичета перешёл в русское подданство 25 июня 1869 г. После этого он несколько раз ездил в Мостар навещать родных. Он окончательно закрепился в России, женился на дочери украинского чиновника Марии Григорьевне Григоренко. В разное время возглавлял Витебскую и Полтавскую духовные семинарии. За своё верное служение Йован Пичета был удостоен орденов Святой Анны и Святого Владимира и получил потомственное дворянство.

Этот, привезенный когда-то по просьбе Гильфердинга мальчик остался в России, а его сын, *Владимир Иванович Пичета* выдающийся славист, удостоенный звания академика, стал первым ректором Белорусского государственного университета и основателем кафедры славяноведения в Московском университете.

Как уже говорилось выше, из боснийских земель Гильфердинг возвращался не один, компанию ему составил уроженец г. Мостара *Йован Дреч*. «Земляк мой и товарищ И.Ф. Дреч был лучшим и способнейшим учеником в нашей школе» – писал о нём Й. Пичета⁷¹⁴. Йово стал воспитанником Александра Фёдоровича, вместе с ним гостил в Вене у М.Ф. Раевского. К сожалению, об этом молодом человеке и его судьбе известно немного. «Йово у меня здравствует – учится по-русски, часто вспоминает о Вас» – сообщал Гильфердинг Раевскому в мае 1858 г.⁷¹⁵. В октябре того же года Александр Фёдорович говорит об успехах Ивана при обучении в частной школе и его приготовлениях к учёбе в третьем классе гимназии⁷¹⁶. Интересно, что из Петербурга в Мостар не поступало никаких писем о судьбе Дреча. В 1862 г. Прокопий Чокорило в письме просил Раевского разузнать что-нибудь о воспитаннике Гильфердинга. Из-за долгого молчания семья Дреча решила, что он погиб в России⁷¹⁷.

⁷¹⁴ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца Прот. И. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 3. С. 801.

⁷¹⁵ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. С. 125.

⁷¹⁶ Там же. С. 129

⁷¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр.75. Л. 54, 56.

Следующая весточка о его судьбе относится к 1869 г. Из текста прошения о переводе на медицинский факультет Московского университета известно, что Йово успешно окончил 3 гимназию (1864 г.) и поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. К этому моменту молодой человек уже покинул дом Гильфердинга и проживал в ночлежном приюте при сербской кухмистерской⁷¹⁸. В январе 1869 г. он сообщал: «жизнь в Петербурге студентом тамошнего университета далеко не посильна моим скудным средствам, которые я там извлекал непостоянными частными заработками. В настоящее время с истечением первого академического полугодия мне представилась возможность к менее трудной в отношении материальном студенческой жизни в Москве»⁷¹⁹. Итак, переезд в Москву состоялся, однако добиться получения стипендии молодому человеку не удалось. Попытка обращения за помощью в Санкт-Петербургское отделение славянского комитета, где председательствовал Гильфердинг, также не увенчалась успехом⁷²⁰.

Для того чтобы обеспечить его проживание в России был организован сбор средств через газету «Сербия»⁷²¹. Дреч поддерживал контакты со *Светозаром Марковичем*, занимался революционной деятельностью и пропагандой социалистических взглядов, не удивительно поэтому, что над ним был установлен полицейский надзор⁷²². В 1872 г. Дреч и два его товарища *И. Лепав*⁷²³ и *Г. Филиппович*⁷²⁴ получили приглашение от Белградского, Крагуевацкого, Новосадского и Цетинского комитетов Омладины с уверением в том, что дело национального освобождения подготовлено и в скором времени будет начато. Тогда молодые люди оставили университет и двинулись в родные края, но ожидаемое восстание не состоялось. Судя по всему, они ехали через Вену, где

⁷¹⁸ Кухмистерская – небольшая столовая, где всякий желающий за небольшую плату может получить недорогой обед.

⁷¹⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1865–1875. М., 1988. С. 157.

⁷²⁰ ОР РГБ. Ф. 231/IV. Картон 2. Ед. хр. 86.

⁷²¹ *Карасёв В.Г.* К вопросу о первых боснийско-герцеговинских социалистах... С. 85–88.

⁷²² Югословени и Русија. Документи из архива Рајевског. 40–80. година XIX века. С. 228.

⁷²³ Герцеговинец Иван Лепав был стипендиатом российского правительства и учился в Новороссийском университете. В 1871 г. он перевёлся на учёбу в Москву. См. ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 102–102об.

⁷²⁴ *Филиппович Г.* – был стипендиатом министерства народного просвещения России. См. ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 56.

повстречались с Михаилом Фёдоровичем Раевским. «Письмо это передаст Вам мой экс-воспитанник Иван Дреч, возвращавшийся учительствовать на родину в Герцеговину. Не откажите ему в добром совете и, в случае нужды, в милостивой поддержке Вашей» – пишет Гильфердинг 18 марта Раевскому⁷²⁵. Так Александр Фёдорович навсегда расстался со своим воспитанником.

Сербский митрополит Михаил писал по поводу приезда Дреча к Н.А. Попову: «жаль, что и этот молодой человек, получив прекрасное направление, губит себя и портит свои отношения. Его как-то испортила какая-то пропаганда, внушив ему вражеские мысли недоверия к России. Глупость, которая, только вредит частным лицам и общему славянскому делу! Нельзя ли как-нибудь побережь этих молодых людей от зловредной заразы, по крайней мере, в России»⁷²⁶.

Вернувшись в Герцеговину Дреч уверил русского вице-консула Славолубова в своём желании отправиться в Константинополь для дальнейшего обучения медицине, после чего планировал вернуться в Мостар в качестве врача⁷²⁷. Однако, на самом деле он участвовал в подготовке нового антитурецкого восстания. Хорошо знавший воспитанника Гильфердинга А.С. Ионин писал о нём в своём донесении следующее: «неисправимый нигилист, но умный и с характером. Я его долго убеждал не ездить, но он всё-таки поехал, бросив учение на медицинском факультете и погубив своё будущее»⁷²⁸. Российский консул считал, что Дреч превратился в «слепое орудие Омладины»⁷²⁹. Вместе со своим товарищем Лепавой он учительствовал в Мостарской школе, а в 1873 г. открыл в Мостаре аптеку⁷³⁰.

В это время он попал под подозрение турецких властей, потому что герцеговинский митрополит Прокопий написал донос на молодых людей,

⁷²⁵ Југословени и Русија. Документи из архива Рајевског... С. 228.

⁷²⁶ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 13. Ед. хр. 45. Л. 1, 1об.

⁷²⁷ Уједињена омладина српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови-Сад, 1977. С. 276–277.

⁷²⁸ Југословени и Русија. Документи из архива Рајевског. 40–80. година XIX века. С. 228.; Уједињена омладина српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. С. 293.

⁷²⁹ Уједињена омладина српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. С. 293.

⁷³⁰ Москва –Сербия. Белград – Россия: Сборник документов и материалов. Т. 2: Общественно-политические связи 1804–1878 гг. Москва-Белград, 2011. С. 265-267.

обвинив их в шпионской деятельности в пользу России⁷³¹. Каким образом разрешилась эта проблема неизвестно. До августа 1876 г. Дреч принимал участие в восстании⁷³². С октября он заведовал госпиталем в черногорском Даниловграде⁷³³. Последнее, что известно об Иване Фёдоровиче Дрече это то, что он обосновался в городе Цетинье и открыл там свою аптеку⁷³⁴. Во время своего путешествия по Черногории *Дмитрий Петрович Голицын* встретился с ним и охарактеризовал его следующим образом: «владелец аптеки и один из авторитетнейших жителей города, родом из Герцеговины, верно предан России и отлично знает русский язык»⁷³⁵. Й. Пичета в своих воспоминаниях говорит о нём, как о человеке добром, услужливом и честном, снискавшем доверие черногорского правительства⁷³⁶. Так сложилась судьба воспитанника А.Ф. Гильфердинга.

В своём донесении от декабря 1869 г. Кудрявцев сообщает в Азиатский департамент о характере русской помощи в деле обучения боснийской молодёжи⁷³⁷. По данным российского консула с момента учреждения консульства на учёбу в Россию было отправлено 19 представителей Боснии и Герцеговины⁷³⁸. По-видимому, это всё-таки далеко не полный список.

Обучение турецких сербов в России оплачивалось из разных источников. Одни являлись государственными стипендиатами, вторые находились на попечении у славянских комитетов и других благотворителей. Зачастую финансирование обучения выходцев из Боснии и Герцеговины осуществлялось из Сербии.

⁷³¹ Уједињена омладина српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. С. 306–308.

⁷³² Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. С. 319–320.

⁷³³ Там же. С. 321.

⁷³⁴ См. Приложение М. Здание аптеки Йована Дреча в г. Цетинье.

⁷³⁵ *Голицын Д.* Крај сињег мора. Билешке са пута по Црној Гори и Далматинској обали. Други дио. Подгорица, 1999.

⁷³⁶ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца ПроТ.И. Пичеты. // Вера и разум. 1911. Т. 3. С. 801.

⁷³⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1865–1875. С. 209–215.

⁷³⁸ Дмитрий Ботчевич, Никола Спахич, Таны Батинич, Василий Пелагич, Пётр Митрович, Деспот Деспотович, Пётр Бацатич, Стефан Йованович, Йово Дреч, Иевто Оборина, Никола Билич, Йово Пичета, Стево Говедарица, Йово Миленкович, Дмитрий Дучич, Йово Перович, Пётр Србич, Лука Иванишевич, Георгий Бабич.

О судьбе многих русских питомцев из Боснии и Герцеговины известно немного. Согласно записке Кудрявцева *Н. Билич, И. Оборина, С. Йованович* скончались в России. Многие, как Пичета, так и не вернулись на родину.

Пётр Митрович окончил семинарию в Белграде. Деньги на его обучение поступали от комитета Блудовой. По сообщениям митрополита Михаила Пётр входил в число лучших учеников⁷³⁹.

Никола Спахич, Дмитрий Богичевич и Константин Миленкович – уроженцы Сараева. По рекомендации А.С. Ионина они, как лучшие кандидаты, получили стипендии от российского правительства⁷⁴⁰. Им было по 15 лет. Известно, что Спахич был исключён из семинарии, вернулся на родину и стал учителем в сараевской школе для мальчиков. Российский консул Кудрявцев описал его, как «человека без всяких способностей и значения»⁷⁴¹.

Деспот Деспотович окончил Белградскую семинарию. Петербургский благотворительный комитет в 1869 г. оказывал содействие в устройстве Деспотовича в Санкт-Петербургскую духовную академию. Он получал ежемесячную стипендию от московского славянского комитета (по 5 рублей в месяц)⁷⁴². Впоследствии Деспотович стал одним из предводителей восстания 1875 г. в Герцеговине. После оккупации он получил место в школе в сербском городе Валево⁷⁴³.

Дмитрий Дучич – младший брат известного сербского деятеля архимандрита *Никикфора Дучича*. Он окончил гимназию в Белграде. По ходатайству брата получил стипендию от российского правительства для учёбы в университете. Оказалось, что герцеговинец совершенно не владел русским языком, поэтому не мог сдать экзамены. Директор Азиатского департамента Стремоухов обратился в московский славянский комитет к Аксакову с просьбой принять Дучича и обучить его русскому языку⁷⁴⁴. Университет в России ему так и

⁷³⁹ РГАДА.Ф. 1274. Ед. хр. 2180. Л. 120.

⁷⁴⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1об.

⁷⁴¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1865–1875. С. 210.

⁷⁴² ОР РГБ. Ф. 231/IV. Картон 2. Ед. хр. 123. Л. 1.

⁷⁴³ АС. МПс. 1877. IV. 56.

⁷⁴⁴ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 14–15.

не удалось окончить. После возвращения на родину в 1866 г. он был выслан турецкими властями в Дубровник, где в скором времени умер⁷⁴⁵.

Остоич – уроженец Сараева, прибыл в Россию вместе с Чокорило, но оказался неспособным к обучению⁷⁴⁶.

Лука Иванишевич, брошенный на произвол судьбы консулом Безобразовым, окончил гимназию в Петербурге. Позже он обосновался в Париже и стал известным врачом⁷⁴⁷.

*Василий Пелагич*⁷⁴⁸ родился в 1838 г. в боснийском селе Жабар, Посавинье⁷⁴⁹. Он учился в гимназии и семинарии в Белграде. Вернувшись в Боснию, развернул бурную деятельность на педагогическом поприще: работал учителем в школе в Брчко, открыл там читальню. Сербский митрополит Михаил порекомендовал молодого талантливого преподавателя Раевскому. В начале 1863 г. Пелагич приехал в Москву. Благодаря И.С. Аксакову он получал стипендию в 30 рублей ежемесячно от славянского комитета. В качестве вольнослушателя посещал Московский университет⁷⁵⁰.

В 1866 г. он вернулся на родину. Поработав некоторое время учителем, Пелагич решил основать семинарию в Баня-Луке. Отказался от выгодной женитьбы, постригся в монахи, митрополитом Дионисием был посвящён в иеромонаха, затем произведён в архимандриты⁷⁵¹.

Изначально семинарию посещало 40 человек. К 1869 г. в ней уже обучалось 60 человек, действовало женское училище.

Первые три года проект реализовывался за счёт местных купцов и жертвователей. Затем благодаря содействию *сербского митрополита Михаила* семинария начала получать ежегодную финансовую помощь от сербского

⁷⁴⁵ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима... С. 514.

⁷⁴⁶ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца Прот. И. Пичеты. // Вера и разум. 1911. Т. 1. № 2. С. 224.

⁷⁴⁷ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца Прот. И. Пичеты. // Вера и разум. 1911. Т. 3. С. 802.

⁷⁴⁸ См. Приложение Н. Портреты сербских деятелей.

⁷⁴⁹ Подробнее о В. Пелагиче см. *Поплыко Д.Ф.* Васа Пелагич и Россия: Из истории сербской революционной мысли. М.: Наука, 1983; *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский... С. 165–170.

⁷⁵⁰ По некоторым сведениям Пелагич учился в Киевской духовной академии. См. Пилиповић Р. Српски богослови на школовању у Русији у другој половини 19. века – према оцени руског царског дипломате // Годишњак за друштвену историју 2, 2012. С. 89.

⁷⁵¹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 124об.

правительства в размере эквивалентном около 2000 русских рублей. Нужно отметить, что это было очень существенное пожертвование⁷⁵².

Пелагич неоднократно просил российское правительство, славянские комитеты и Раевского оказать финансовую помощь семинарии в Баня-Луке. Из России обещали поддержку. В 1868 г. он был принят в славянский комитет в качестве агента⁷⁵³. Однако по признанию В. Пелагича в письме к консулу в Сараеве Кудрявцеву к 1869 г. на семинарию из России не поступило ни одной копейки⁷⁵⁴. Нельзя сказать, что Пелагич был очень предан России. Неоднократно он отзывался о русском правительстве критически и позволял себе довольно резкие нападки в адрес благотворителей⁷⁵⁵.

Выбор именно Баня-Луки как центра подготовки сербского духовенства не случаен. Сам Пелагич говорил, что православное учебное заведение должно стать главным очагом сопротивления римско-католической пропаганде. Это было вполне актуально, ибо как раз в это время на венгерские деньги трапписты вели активное строительство монастыря, училища и больницы в Баня-Луке⁷⁵⁶.

В Баня-Луке преобладало христианское население. Однако город граничил с наиболее густо заселёнными мусульманами областями Боснии. По мнению многих российских дипломатов, устройство семинарии именно в этой области было слишком рискованным мероприятием, а Пелагича они не видели в качестве ректора этого учебного заведения. Российский консул Кудрявцев считал, что Пелагичу нельзя было поручать управление семинарией, так как он молод и неопытен⁷⁵⁷. В этом он пытался убедить Раевского. Семинария Пелагича вызывала сомнения и у многих жителей Боснии и Герцеговины, о чём Савва Косанович писал Попову. До 1868 г. в Баня-Луке не было организаций по подготовке восстания и семинария стала главным агитационным центром⁷⁵⁸.

⁷⁵² Там же. Л. 125.

⁷⁵³ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 64об.

⁷⁵⁴ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 5–6.

⁷⁵⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1865–1875. С. 211.

⁷⁵⁶ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 86.

⁷⁵⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 60б.

⁷⁵⁸ ОР РГБ. Ф. Картон 11. Ед. хр. 12. Л. 10об.

Самого Пелагича многие называли «разбойником». Й. Пичета в своих воспоминаниях оценивает его крайне негативно⁷⁵⁹.

В процессе устройства семинарии российские дипломаты и общественные деятели горячо обсуждали между собой вопрос о целесообразности поддержки данного учебного заведения. Необходимость открытия семинарии в Боснии не ставилась под сомнение, но избранное Пелагичем место выглядело как провокация.

В конечном итоге опасения подтвердились. Семинария подверглась преследованию турецких властей. Весть о закрытии турками этого учебного заведения российский консул в Сараеве Кудрявцев воспринял спокойно, считая это явление временным⁷⁶⁰. Позже стало ясно, что турецкое правительство настроено решительно. Пелагич попал в тюрьму. Сербский митрополит Михаил активно его поддерживал. Он писал, что трудно найти другого такого деятеля в Боснии⁷⁶¹. Суд состоялся в Константинополе. Пелагича отправили в ссылку в городок Кютяй, срок его заключения составлял 101 год.

И тогда именно Россия встала на защиту первого ректора семинарии в Бая-Луке. Стараниями графа Игнатьева Пелагича удалось освободить из ссылки, он получил русский паспорт и на пароходе «Тамань» был вывезен в Одессу, а оттуда перебрался в Белград. Во время восстания 1875–1878 гг. в Боснии и Герцеговине Пелагич стал одним из его руководителей. Пелагич принимал активное участие в работе сербской Омладины. В 1871 г. после публикации работы «Опыты прогрессивного развития народа и личности» испортились его отношения с митрополитом Михаилом, а Раевский разорвал с ним все контакты. За пропаганду социалистических идей в Сербии в 1896 г. он был осуждён на каторгу и умер в тюрьме в 1899 г.

Йово Перович – младший брат известного церковного и политического – деятеля Герцеговины игумена монастыря Житоmysлич *Серафима Перовича* (1827–1903). Он учился в Киевской духовной академии, женился на русской и

⁷⁵⁹ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца Прот. И. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 3. С. 798.

⁷⁶⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 125об.

⁷⁶¹ ОР РГБ. Ф. 239. Картон. 13. Ед. хр. 44. Л. 14.

вернулся на родину. Долгое время Й. Перович работал учителем в основной мостарской школе. В московский славянский комитет отправлялись просьбы о предоставлении Й. Перовичу ежегодного денежного пособия в 200 рублей⁷⁶².

Братья Перовичи находились в размолвке с российским консулом Кудрявцевым. Он вмешался во внутренние дела их семьи. В скандале была замешана русская жена Йована Перовича и секретарь консульства Каподистрия. Перовичи развернули кампанию против Кудрявцева. В русских и сербских газетах публиковались статьи, критикующие российского консула. Тем не менее российское правительство продолжало активно поддерживать братьев.

В 1870 г. Перовичи попали в турецкую тюрьму по подозрению в организации повстанческой деятельности, а затем были отправлены в ссылку в Феццан. Опасения турецких властей усиливал тот факт, что младший брат учился в России, а старший в середине 1860-х гг. находился там с целью сбора средств в пользу монастырей и церквей Герцеговины⁷⁶³.

С. Косанович писал: «Отец Серафим Перович отличный патриот, но свой патриотизм он проявляет глупо и очень неосторожно»⁷⁶⁴. Так, вернувшись из России в 1865 г. и читая проповедь в монастыре Житоmysлич при большом скоплении народа, он заявил, что Александр II лично обещал герцеговинскому народу помощь в повстанческой борьбе с турецким владычеством. Эти же слова архимандрит повторил сербскому князю Михаилу во время его путешествия по Боснии. Всё это привело к небольшому восстанию в окрестностях Мостара. С. Перович не скрывал, что монастырь Житоmysлич являлся одним из центров организации восстания. По свидетельствам современников он неоднократно повторял: «Кто смеет трогать меня и мой монастырь, когда у меня оружие и люди»⁷⁶⁵.

Братья Перовичи провели в ссылке пять лет. В 1876 г. они были освобождены усилиями иностранных консулов.

⁷⁶² Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1865–1875. С. 17.

⁷⁶³ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 23–28.

⁷⁶⁴ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 13. Л. 23.

⁷⁶⁵ Там же. Л. 24.

В целом, можно сказать, что немного уроженцев Боснии и Герцеговины получали образование в России. Не всем из питомцев российского правительства и благотворителей удавалось окончить учёбу, некоторые оставались в России, а те, кто возвращался на родину, не столько трудились на ниве просвещения соотечественников, сколько становились активными участниками в борьбе против турецкого господства.

Уже к началу 1870-х гг. Игнатъев пришёл к пониманию утопичности проекта обучения турецких славян в России. Всё больше он склонялся к тому, что необходимо открывать учебные заведения для славян на их родине. Уровень знаний выходцев из Боснии и Герцеговины не соответствовал требованиям русских университетов. Многие не владели русским языком. Зачастую при выборе стипендиатов большее внимание уделялось не столько природным способностям учеников, сколько протекции видных сербских деятелей. Практика показывала, что выбор часто был субъективным. Возможности славянских комитетов не позволяли должным образом обеспечивать своих воспитанников, что препятствовало получению ими полноценного образования.

Глава 4. Боснийский вопрос в русско-сербских отношениях в 1850–1870-е гг.

§ 1. Сербские планы в отношении Боснии и Герцеговины и Россия

*О, Сербия! Своей судьбе
ты будь верна и, молодея,
всех кто поклонится тебе,
спасай, как медный змий Моисея...*

В.И. Славянский⁷⁶⁶

В 1850-е гг. ни в Австрии, ни в Сербии ещё не была выработана определённая программа действий в отношении Боснии. Сербия, получившее независимый автономный статус княжество, переживало очередную смену власти и находилось в поисках пути своего развития. Его население по языку и вере было родственным православным славянам Боснии и Герцеговины. Сербское княжество по мнению русских аналитиков МИД того времени было лучшим союзником России для реализации русской программы по укреплению позиций православного населения Боснийского пашалыка. Россия во многом способствовала сближению Сербии с различными регионами славянских областей Турции, и, в первую очередь Боснии и Герцеговины. По мнению российских дипломатов, именно Сербия должна была стать той силой, которая поможет народу Боснии и Герцеговины изменить своё положение.

Недолгое пребывание на посту консула А.Ф. Гильфердинга и обстоятельства его отставки показали, что русским представителям было сложно самим вести работу по консолидации православного населения Боснии и Герцеговины. Однако то, что было затруднительно осуществлять напрямую, легче было сделать в тесном контакте с Белградом. Взаимодействие с Сербией по боснийскому вопросу шло не только на уровне правительства, инициатива

⁷⁶⁶ Славянский В.И. (В.И. Немирович–Данченко). Сербии – герцеговинец. Перевод с сербского // Дело. 1875 г. № 11. С. 100.

исходила и от русского общества. Огромный вклад в это дело внесли славянофилы и славянские комитеты, которые сотрудничали с Азиатским департаментом МИД. Выпускник Киевской Духовной академии сербский *митрополит Михаил* состоял в переписке с многими известными русскими общественными деятелями, приезжал с визитами в Россию. Организовывался многоплановый союз, он охватывал политических и церковных деятелей, балканскую интеллигенцию. Во главе этого союза должна была стать Сербия.

Территории Боснии и Герцеговины всегда представляли интерес для Сербии. Населённые преимущественно славянами, среди которых был высок процент православных, эти земли рассматривались как неотъемлемая часть сербского государства. Жители Сербии и Боснии имели единую церковную традицию, общую историю. Идея объединения вызревала давно, ещё в период сербских восстаний начала XIX века. Вождь Первого сербского восстания Карагеоргий планировал объединиться с черногорцами и поднять волнения в Герцеговине. Милош Обренович не проявлял особой активности по отношению к этому региону. Для Александра Карагеоргиевича *Илия Гарашанин* разработал проект «*Начертание*», где Боснии уделялось много внимания. Основная идея этой программы: «Сербия – природная покровительница всех турецких славян». В 1845 г. Гарашанин предлагал в Боснии и Герцеговине развернуть деятельность следующего характера: наладить печать в сербских типографиях духовной литературы, народных песен, издать историю Боснии и Герцеговины. Все эти книги должны были быть напечатаны и на кириллице и на латинице. Предполагалось их распространение на территории Боснийского пашалыка⁷⁶⁷. На первом этапе планировалось культурное проникновение. Сербия должна была играть роль Пьемонта для турецких славян.

В 1849 г. начались мероприятия по засылке тайных сербских агентов в соседние славяно-турецкие области. Программа политической пропаганды в этих землях была составлена *И. Гарашаниным, М. Баном, Й. Мариновичем и*

⁷⁶⁷ *Slijepčević Đ. Ibid. S. 21.*

*Т. Ковачевичем*⁷⁶⁸. Однако после отставки Гарашанина в 1853 г. деятельность в этом направлении остановилась. Долгое время у Сербии не было ни сил, ни возможности, ни подходящих условий для того чтобы развернуть активную работу в Боснии и Герцеговине. Сербский князь *Александр Карагеоргиевич* в 40–50-х гг. XIX века был занят решением внутренних проблем и не проявлял особого интереса к расширению границ Сербского княжества. М. Экмечич полагает, что роль тайных сербских обществ в организации повстанческой деятельности до второй половины 1850-х гг. преувеличена. Нет ни одного доказательства, что их работа спровоцировала восстание⁷⁶⁹.

Если Россия и другие великие державы активизируют свою политику в этом регионе сразу же после Крымской войны, то начало активизации сербской политики по отношению к Боснии связано с возвращением к власти династии Обреновичей в конце 1858 г.

К непосредственной реализации плана Гарашанина сербское правительство приступило во период правления князя *Михаила Обреновича* (1860–1868). Тогда Илия Гарашанин возглавил Министерство иностранных дел, а затем стал премьер-министром Княжества Сербия, способствуя созданию в славяно-турецких областях агентурной сети.

В фонде Илии Гарашанина архива Сербии хранится программа работы Сербии в Боснии на 1858 г. Главные её направления были следующими:

«1) Каждые 15 дней необходимо доносить о том, что творится в Боснии и Крайне. В первую очередь обращать внимание на то, что говорят о своём положении и будущем турки, христиане, турецкие чиновники. Внимательно отслеживать все действия австрийских чиновников: какую работу они проводят с местным населением, что обещают, на какой класс и веру направлена их пропаганда.

2) Добыть сведения о военной мощи турецкого правительства в этих областях, выяснить вопрос о военных укреплениях в городах.

⁷⁶⁸ *Карасёв А.В.* Россия и Балканский союз 60-х годов XIX века... С. 122.

⁷⁶⁹ *Екмечич М.* Дијалог прошлости и садашњости. Зборник радова. Београд, 2002. С. 169.

3) Отслеживать все новые указы и законы, которые касаются христиан и мусульман. Если они сулят какое-то облегчение, высказывать подозрения, что туркам верить нельзя.

4) Приложить все силы, чтобы обратить мысли всего народа, без разницы вероисповедания, на Сербию и убеждать, что избавление от османской власти идёт со стороны князя Михаила Обреновича, который постоянно думает об их будущем. Для достижения этих целей каждый агент должен иметь верного священника и учителя, главного кмета и торговца. Кроме того, необходимо поддерживать контакты с боснийскими торговцами, не имеющими патриотических чувств.

5) Пусть предполагаемые союзники агента напишут письмо в Сербию, в котором выразят желание вступить в союз. Пусть пишут, что никакая сила не сможет разделить сербский народ, который имеет общую историю и язык. Это обращение необходимо прочесть перед каждым, кто поставит свою подпись или крестик. Первыми должны подписать священники.

6) Нужно энергичнее действовать в Боснии против Австрии, убеждать население не верить обещаниям людей, который агитируют в пользу Австрии. Нужно доказать, что австрийское ярмо намного тяжелее турецкого. В Австрии придётся служить в армии, погибнуть за чужую родину. В доказательство этого приводить в пример граничар.

7) Из-за того, что и хорваты привлекают симпатии боснийского народа, нужно действовать и против них, убеждать, что они работают на Австрию. Особенно нужно оберегать народ от агента священника Штроссмайера и от многих офицеров-гариничар, которые разделяют его взгляды.

8) Нужно привлечь на свою сторону капитана Орешковича⁷⁷⁰, но осторожно. Есть подозрения в его связях с Штроссмайером.

9) Не нужно определять точного времени восстания, но уверять людей, что оно обязательно будет.

⁷⁷⁰ *Антоние Орешкович* (1829–1906) – австрийский офицер, один из главных соратников сербского князя Михаила, принимал активное участие в организации сети тайных сербских комитетов в Боснии, Герцеговине и Старой Сербии, полковник сербской армии в годы сербо-турецкой войны 1876 г.

10) Нужно действовать совместно и с христианами и с турками, вместе ополчиться против османского господства. Мусульман нужно уверить, что их вера и обычаи почитаемы сербами.

11) Если появятся люди, у которых нет терпения ждать главного восстания, и они захотят организовать четы и взбунтоваться против турок, то следует осмотрительно поступить так: малые четы особо не поддерживать, так как у них нет никаких целей; поддерживать только крупные четы, но следить, чтобы крестьяне не выбрали никого из этих чет своим руководителем. В четы необходимо принимать и боснийских мусульман на равных с христианами правах.

12) Нужно и граничар подготовить к восстанию, приготовить для них денежное вознаграждение. Всех предателей прилюдно судить и казнить.

13) Участники борьбы с турками все свои действия должны согласовывать с Сербией»⁷⁷¹.

Из этой программы видно, что своим главным соперником в регионе Сербия считала Австрию. Существовала конкуренция и с хорватами. Примечательно, что на 1858 г. ещё нет упоминаний о совместной работе с Россией. Это говорит о попытке Гарашанина подготовить Боснию к слиянию с Сербией собственными силами. Отношение России и Австрии к сербскому вопросу, по мнению Гарашанина, было схожим. Он полагал, что настанет день и две эти державы столкнутся на поле боя. Победа одной из них будет означать конец для Сербии. Если победительницей выйдет Австрия, то будет уничтожена политическая жизнь Сербии, победа России приведёт к гибели всего сербского народа, утратившего государство⁷⁷². Интересен также тезис о привлечении к борьбе местных мусульман. Как покажет дальнейшее исследование, эта идея так и не была реализована в полной мере.

⁷⁷¹ АС. Ф. ИГ. 1072.

⁷⁷² *Берић Д.* Срско питање и политика Аустроугарске и Русије 1848–1878. Београд, 2000. С. 47.

В 1860–1861 гг. в Белграде работал тайный комитет по освобождению Боснии во главе с Матией Баном⁷⁷³. История деятельности этой организации овеяна тайной.

Матия Бан (1818–1903) был родом из Дубровника. По своему вероисповеданию был католиком, в 1834 г. стал францисканцем, но в скором времени разорвал все связи с этим орденом. Несколько лет он провёл в путешествиях на Востоке. В 1844 г. перебрался в Белград и стал воспитателем дочери Александра Карагеоргиевича. Основываясь на этом опыте он издал методическое пособие, посвящённое проблемам женского образования. Его работа при княжеском дворе продлилась недолго. В период с 1849 по 1853 гг. он издавал в Дубровнике журнал с одноимённым названием. Затем стал преподавателем французского языка в белградском лицее. Ходили слухи о его неприязни к славянам, которую он активно демонстрировал своим ученикам⁷⁷⁴. Во время Крымской войны он открыто писал статьи антирусской направленности и наконец издал оду, посвящённую султану Абдул-Меджиду⁷⁷⁵. После этого его вынудили покинуть лицей. В 1858 г. Бан работал преподавателем в артиллерийской академии Белграда, по неуставленным причинам был уволен оттуда.

Вскоре он начал активную работу в деле объединения сербского народа и освобождения от турецкого ига. Трудно сказать, чем объясняются такие резкие перемены в его взглядах. Во многих источниках он слывёт за авантюриста. Известно, что на момент организации комитета по освобождению Боснии у него не было постоянного места работы, зато были долги.

В историю Сербии Бан вошёл, как писатель и драматург. Он известен своими произведениями на историческую тематику («Мерима», «Смерть Уроша V», «Король Вукашин», «Ян Гус»). В 1887 г. он стал одним из первых членов сербской королевской академии наук. Его именем назван один из районов Белграда – «Баново брдо».

⁷⁷³ См. Приложение Н. Портреты сербских деятелей.

⁷⁷⁴ Зарубежные славяне и Россия... С. 331.

⁷⁷⁵ АСАНУ. Ф. Историјска збирака. 10572.

Личность Бана неоднозначная и противоречивая. Современники отмечали его глубокий ум и умение оставить о себе положительное впечатление.

В это время шла активная борьба за объединение Италии. Имя Д. Гарибальди пестрело на страницах европейских газет. Идеи национальной независимости активно пропагандировались. Возможно, уловив дух времени, и Матия Бан решил начать работу в этом направлении. История комитета Бана не раз привлекала внимание русских и сербских учёных⁷⁷⁶.

Матия Бан известил сербское правительство о своих планах, но получил лишь молчаливое согласие. Первое заседание его комитета состоялось в августе 1860 г.⁷⁷⁷. На нём присутствовало четыре человека: Матия Бан, Николай Йованович (Нико Окан)⁷⁷⁸, Зария Курштич⁷⁷⁹ и Дмитрий Голубович⁷⁸⁰. Из решений заседаний известно, что сербский митрополит Михаил являлся покровителем комитета. Он не мог открыто участвовать в работе этой организации⁷⁸¹, поэтому предлагалось назначить его постоянного представителя.

На этом же заседании *И.С. Аксаков* был принят действительным членом комитета. Ему было поручено организовать заем значительной денежной суммы в Петербурге на реализацию проекта освобождения Боснии. Знакомство Аксакова с Баном состоялось незадолго до этого. Летом 1860 г. Иван Сергеевич посетил Белград. Тогда Бан изложил ему свои планы и, заручившись поддержкой митрополита Михаила, получил от Аксакова согласие на участие в организации восстания в Боснии и 3000 рублей.

⁷⁷⁶ *Фрейдзон В.Ф.* О Белградском «комитете» М. Бана (1860–1861) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 100–115.; *Вучковић В. Ј.* Неуспела политичка акција Матије Бана 1860–1861. // Историски часопис 1959. Књ. IX–X. Београд: Научно дело, 1960. С. 381–409; *Раденић А.* Документација тајног национално ослободилачког комитета у Београду 1860–1861. // Годишњак града Београда. Књ. XIV. 1967. С. 61–79.

⁷⁷⁷ АСАНУ. Ф. Матије Бана. 17. К. 60. 17/5.

⁷⁷⁸ *Николай Йованович*, более известный как Нико Окан – выходец из Боснии, бывший сараевский торговец, был активным деятелем всех комитетов по освобождению сербо-турецких провинций. Позже он являлся ведущим сотрудником Йована Ристича по этому вопросу, курировал сербских агентов в Боснии, Македонии и Старой Сербии.

⁷⁷⁹ О *Курштиче* известно лишь, что он был родом из юной Сербии, отличался необразованностью.

⁷⁸⁰ На тот момент *Голубович* был секретарём административного отделения княжеской канцелярии и попечительства иностранных дел.

⁷⁸¹ На тот момент Михаил находился в конфликте с Обреновичами из-за того, что стало известно о его письме с предложением русскому цесаревичу занять сербский престол.

В сербских архивах был выявлен документ – обращение «Боснийцам!»⁷⁸², датированный 1860 г. На восьми листах излагается план освобождения Боснии от Турецкого владычества. В документе говорится о том, что избавление Боснии от турок возможно осуществить только двумя способами: восстанием самого народа или при помощи извне. Освобождение посредством восстания возможно, но не гарантированно. Не гарантированно потому что, этот народ не имеет вождя, оружия, разделён на три веры, не ощущает свою народность и единство. Наиболее вероятно добиться успеха во втором случае, то есть при помощи другого народа, а именно народа Сербского княжества, но нужна помощь со стороны самих боснийцев. Это дело будет стоить денег и крови. Перед началом боевых действий нужен длительный этап подготовки, так как Сербия в данный момент не обладает достаточной силой и средствами. Следует выждать некоторое время и пригласить к сотрудничеству Черногорию и Грецию. Если же Сербии помогут деньгами, то в течение трех месяцев можно поднять восстание и за один месяц освободить всю Боснию. В этом случае, каждый босниец должен принести с собой одно ружьё, 200 патронов и все приспособления необходимые для ухода за оружием. Постепенно планировался приток сил из Хорватии, Славонии, Австрии и Черногории.

Открыто действовать Сербии в деле освобождения Боснии было слишком рискованно, поэтому предлагался план организации движения четников. В документе подробно расписывается устройство и механизмы управления четами (отрядами), выделены округа, в которых они должны функционировать. Таким образом, Босния при тайной поддержке Сербии должна была начать процесс освобождения самостоятельно, расширяя сеть своих четнических отрядов, а уже на подготовленную почву на помощь пришли бы сербские войска. Так выглядел проект тайного комитета Матии Бана.

⁷⁸² АС. Ф. ПО. 24. 179.; АСАНУ. Ф. Матије Бана. 17. К. 60. 17/3.

На подготовку такого масштабного восстания и организацию агентурной сети по подсчётам М. Бана требовалось порядка 100.000 австрийских дукатов⁷⁸³. 10.000 русских рублей обещал предоставить Аксаков⁷⁸⁴.

Сербский исследователь деятельности комитета В. Вучкович говорит о двуличности Бана, который в поисках средств обращался и к австрийскому генеральному консулу Боровичко. Он утверждал, что деятельность комитета направлена на присоединение Боснии и Герцеговины к Австрии. Боровичко отказался поддержать Бана, так как сомневался в его надёжности⁷⁸⁵.

Осенью 1860 г. Бан отправился в Вену и посвятил в свои планы Раевского и русского посланника В.П. Балабина. М. Бан спекулировал темой русско-австрийского соперничества на Балканах, уверив Балабина в его готовности принять помощь от Австрии в случае отказа со стороны России⁷⁸⁶.

Тогда от Раевского были получены первые денежные средства⁷⁸⁷. В ноябре Бан был назначен председателем комитета и получил все собранные деньги на создание агентурной сети⁷⁸⁸.

Во время визита Бана к Раевскому тот произвёл на Михаила Фёдоровича хорошее впечатление. Он увидел в нём умного, порядочного человека, горячо преданного славянскому делу. Там же с Баном познакомился и российский дипломат А.А. Ольхин. Оказавшись в Белграде, последний разузнал подробнее о личности сербского деятеля и решил предостеречь Раевского. Он писал: «нет ни одного человека, который бы, не говоря, хвалил, но громко и при всех не ругал его. Затем он пользуется репутацией шпиона всех держав поочерёдно, а то, пожалуй, хоть в одно и тоже время [...] Влангали⁷⁸⁹ не высказывает положительно мнения о Бане, но, судя по некоторым отрывочным фразам, кажется, сильно не

⁷⁸³ Раденинић А. Ibid. С. 66.

⁷⁸⁴ Никитин С.А. Славянские комитеты... С. 149.

⁷⁸⁵ Вучковић В. Ј. Ibid. С. 391.

⁷⁸⁶ Там же. С. 393.

⁷⁸⁷ АСАНУ. Ф. Матије Бана. 17. К. 60. 17/9.

⁷⁸⁸ АСАНУ. Ф. Матија Бан. 17. К. 60. 17/15.

⁷⁸⁹ российский консул в Белграде.

доверяет ему, а Вадбольский и Березин⁷⁹⁰ откровенно презирают его. Бан приходит в консульство чуть ли не через день, а консульство даже не потрудились узнать его адреса. Будьте же осторожны, глас народа – глас божий»⁷⁹¹. Интересно, что Михаил Фёдорович считал, Бана православным. Это письмо изменило мнение русского протоиерея в Вене о Матии Бане. Тем не менее, называя его *болтуном* и *лгуном*, он верил в пользу и большую значимость работы комитета⁷⁹².

Итак, М.Ф. Раевский и И.С. Аксаков стали одними из действующих лиц в работе комитета. В письме Матии Бана к Раевскому от 6 декабря 1860 г. говорится об организации агентурной сети в Боснии и сообщаются ключи для тайной переписки членов комитета⁷⁹³:

книги – ружья

общество словесности – тайный комитет

бумага – порох

библиотека – Босния

председатель общества словесности – г. Аксаков

попечитель (министр) просвещения – г. Балабин

представитель – г. Митрополит

белградцы – христиане в Турции

наши люди – турки

корреспондент – агент

школьная комиссия – сербское правительство

попечительство (министерство) финансов – российское правительство

один, два, три (до десяти) – 100,200, 300

Шабац – Старая Сербия

Крагуевац – Герцеговина

писатели – Мирдита (область в Албании)

⁷⁹⁰ Березин Леонид Васильевич (? –1889)– писатель и дипломат. 1861–1862 – секретарь консульства в Битоли, с 1862 г –вице-консул. 1863–1871 – консул в Риеке. 1872–1879 – цензор С.–Петербургского почтамта. Автор книги 1879 г. «Хорватия, Славония, Военная граница».

⁷⁹¹ Зарубежные славяне и Россия... С. 331–332.

⁷⁹² Никитин С.А. Славянские комитеты... С. 147.

⁷⁹³ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп.1. К. 12. Л. 36–37.

ученики лицея – боснийские беженцы

Неготин – Хорватия

Пожаревац – Славония

Ужице – Далмация.

Удалось обнаружить письмо Матии Бана И.С. Аксакову от 2 декабря 1860 г., написанное этим шифром⁷⁹⁴, в котором Бан торопил Ивана Сергеевича с пересылкой денег на работу тайных агентов.

В августе 1861 г. Бан вновь отправился в Вену. Вернувшись, на заседании комитета он сообщал, что Горчаков доложил императору Александру II о работе их организации, назвав её частным предприятием, одобренным князем Михаилом⁷⁹⁵.

По мнению сербского исследователя В. Вучковича, многочисленные донесения Бана в Россию и другим членам комитета о его успешной работе в Хорватии не имели ничего общего с действительностью. Бан утверждал, что заключил с хорватами договор об организации агентурной сети. На самом деле он тратил деньги русских благотворителей на личные нужды⁷⁹⁶. Все агенты комитета были мифическими.

В.И. Фрейдзон установил связь комитета Матии Бана с российским правительством и назвал это первой попыткой русско-сербского сотрудничества в 60-е гг. XIX века⁷⁹⁷. Опираясь на материалы АВПРИ, исследователь выявил, что правительство Российской империи было готово оказывать финансовую поддержку Бану при условии его полного подчинения князю Михаилу. В России были хорошо осведомлены об авантюрах Бана. Для Сербии был подготовлен крупный бессрочный и беспроцентный заем в 900 тыс. рублей⁷⁹⁸. Однако весной 1861 г. князь Михаил временно отказался от своих планов в виду изменения внешнеполитической ситуации. Шли переговоры с Турцией о выводе ею своих военных гарнизонов из сербских городов. Не состоялись, ожидаемые австро-

⁷⁹⁴ ОР РНБ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 5–7.

⁷⁹⁵ АСАНУ. Ф. Матија Бан. 17. К. 60. 17/27.

⁷⁹⁶ Вучковић В.Ј. Ibid. p. 394.

⁷⁹⁷ Фрейдзон В.Ф. О Белградском «комитете» М. Бана (1860–1861) ... С. 100–115.

⁷⁹⁸ Там же. С. 114.

итальянская война и венгерское восстание. Михаил попросил об отсрочке займа и распустил комитет Бана.

Участие Балабина в акции Матии Бана нанесло урон его карьере. Кроме того, больно ударило по его здоровью. В скором времени он серьёзно заболел и ушёл со службы. Раевский также был глубоко разочарован, и решил на время разорвать контакты с Азиатским департаментом. От этого шага его отговорил Гильфердинг⁷⁹⁹.

Из дневника австрийского дипломата Б. Каллаи известно, что М. Бан неоднократно предлагал и ему свои услуги, но тот относился к нему с недоверием. То же самое говорится и о *Николе Йовановиче*⁸⁰⁰. Остальные члены комитета заняли хорошие должности в государственных структурах Сербии.

В 1862 г. уже сербское правительство создаёт специальный комитет, целью которого были руководство и координация деятельности всей сербской пропаганды в славяно-турецких областях. Руководил этой организацией лично *И. Гарашанин*. Сербские агенты работали в Боснии, Далмации, Герцеговине, Славонии, Хорватии, Македонии, Болгарии и Румынии⁸⁰¹.

В 1866 г. начинает оформляться *Балканский союз*. Российская дипломатия активно его поддерживала. Тогда же появляется главный *сараевский комитет*. Его возглавил *Боголюб Петранович*. О принципах его работы будет сказано ниже. Ведущие роли в его деятельности играли *Никифор Дучич* и *Нико Окан*. Как отмечает исследователь А.В. Карасёв этой организации удалось далеко продвинуться в своей работе. Началось формирование повстанческих чет. Сербское правительство получало сведения о расположении турецких войск в вилайете, наличии вооружения.

А.В. Карасёв установил, что уже через год работы у сараевского комитета возникли разногласия с Гарашаниным и он был распущен. Позже комитет возобновит свою работу под контролем Й. Ристича⁸⁰².

⁷⁹⁹ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский... С. 119–120.

⁸⁰⁰ Дневник Беџамина Калаја. 1868–1875. БЕОГРАД–НОВИ САД, 1976. С. 39, 94, 408.

⁸⁰¹ Карасёв А.В. Россия и Балканский союз 60-х годов XIX века. С. 123–126.

⁸⁰² См. Приложение Н. Портреты сербских деятелей.

В 1867 г. в боснийском вопросе активизируются хорваты. В Загребе под руководством *Штроссмайера* создаётся комитет по подготовке восстания. В его работе принимает участие и Сербия. На австро-боснийской границе разворачивается агентурная сеть. К 1867 г. Босния была готова поднять восстание. По мнению Гарашанина это было самое подходящее время, так как Порта увязла в критском кризисе, а Австро-Венгрия ещё не оправилась от поражения в войне с Пруссией. Однако сербский князь отступил от намеченного плана, поскольку Турция и Сербия решали вопрос о передаче княжеству крепостей и выводе из них турецких гарнизонов.

Гарашанин ушёл в отставку. В этот же год произошёл разрыв Омладины с сербским правительством. Они начали действовать в Боснии по отдельности. Тогда же провалилась попытка совместной работы с хорватами, которым Сербия давала неясные обещания о создании единого югославянского королевства в будущем. Обострились противоречия и с Черногорией. В решающий же момент князь Михаил переориентировался на Австро-Венгрию, пытаясь получить Боснию с её помощью.

Уже к 1867 г. австрийские планы захвата Боснии и Герцеговины обретают чёткие очертания. Эти земли должны были стать компенсацией материальных и моральных потерь последних лет⁸⁰³. Б. Каллаи писал в своём дневнике: «моя идея, что сербы и хорваты не могут быть приятелями из-за Боснии. Боснийский вопрос – яблоко раздора, которое брошено между ними и может их разделить»⁸⁰⁴. По сути дела так и произошло.

Переориентация князя Михаила на Австрию привела к охлаждению отношений с Россией. С 1867 г. Сербия, Черногория, хорваты, Омладина начинают действовать разобщено в Боснии и Герцеговине. В 1868 г. князь Михаил погиб в результате покушения. Его смерть послужила началом окончательного распада Балканского союза.

⁸⁰³ Медяков А.С. Внешняя политика Австро-Венгрии 1867–1871 гг. ... С. 207.

⁸⁰⁴ Дневник Беньямина Калаја. С. 116.

По мнению исследовательницы из Сербии С. Раич, в XIX веке князь Михаил был единственной политической фигурой в Сербии, которой Россия могла доверять. Лишь во время его правления отношения России и Сербии были искренними и основанными на взаимном сотрудничестве⁸⁰⁵. Со смертью Михаила постепенно в Боснии сербская пропаганда вытесняется австрийской и русской⁸⁰⁶. Нельзя сказать, что Сербия прекратила свою агитационную деятельность в боснийских землях. Новым князем стал 14-летний *Милан Обренович*, на его воинском штандарте было начертано: «Свобода и объединение сербского народа».

Реализацию плана Гарашанина продолжил *Йован Ристич*. До 1867 г. он представлял интересы Сербии в Константинополе, вернувшись занимал посты председателя совета министров и министра иностранных дел. С 1868 по 1872 гг. был членом регентства при малолетнем князе Милане. Затем стал премьер-министром. Помощь в решении боснийской проблемы ему оказывали уже знакомые люди: Н. Окан, Н. Дучич, Б. Петранович.

Никола Йованович (Н. Окан) отвечал за агентурную сеть в Боснии. Он отстаивал идею освобождения Боснии при помощи Сербии. Княжество должно было вложить много средств в организацию агентурной сети и подготовку чет, и при этом не должно было иметь никаких официальных связей с Боснией. Действовать предлагалось через частных лиц⁸⁰⁷.

В 1871 г. Н. Дучич писал к Н.А. Попову, что объединения Сербии и Боснии можно достичь только с русской помощью. От России требовались: 1) моральная и финансовая поддержка; 2) невмешательство в момент начала войны с турками; 3) в случае вступления Австро-Венгрии в войну, Россия должна была вторгнуться или в Галицию или на Босфор. Дучич говорил, что будущее южного славянства может решить только русский брат. В случае победы Россия обретёт хорошего союзника с населением в 15 миллионов⁸⁰⁸.

⁸⁰⁵ *Pajiћ С.* Спољна политика Србије између очекивања и реалности (1868–1878). Београд, 2015.

⁸⁰⁶ *Ibid.* С. 326–329.

⁸⁰⁷ АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XII/3. 12/28.

⁸⁰⁸ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 8. Ед. хр. 33. Л. 7–11.

По мнению сербского историка Милорада Экмечича, многочисленные тайные организации являлись составляющей политической нестабильности на Балканах. Весь мир считал Боснию частью Сербии. Это объясняется популярностью теории единого языка⁸⁰⁹. В хорватах сербы видели своих главных союзников в деле освобождения Боснии, однако они в тоже время являлись главными соперниками. В ряду соперников-союзников были Россия, Черногория и Австрия. При этом Россия на деле оказывала сербам поддержку в вопросе присоединения Боснии и Герцеговины.

§ 2. Сербское княжество и организация православного образования в Боснии и Герцеговине

*Пускай же враг теснит и давит,
Мы стерпим всё пред ним...
Но из детей мы приготовим
Врагов – врагам своим*

Александр Круглов⁸¹⁰

Роль Сербии в организации сети православных школ в Боснии и Герцеговине

Открытие школ для православного населения в славяно-турецких областях и обучение выходцев из этих регионов в Сербии и России играло ключевую роль в деле воспитания про–сербски настроенного боснийского общества.

Документы архивохранилищ Сербии, связанные с деятельностью Министерства просвещения и Белградской митрополии в Боснии и Герцеговине, а также материалы из фонда Йована Ристича Архива Сербской академии наук и искусств позволяют выявить процесс установления контактов, механизмы сотрудничества сербского правительства с сербами из Боснии и Герцеговины. Судя по их содержанию, взаимоотношения строились следующим образом: из турецкой области направлялось прошение в Министерство просвещения Сербии или же в Белградскую митрополию с целью получить помощь. Это прошение должно было пройти следующий путь: адресат – Министерство просвещения –

⁸⁰⁹ *Екмечич М.* Дијалог прошлости и садашњости. Зборник радова. Београд, 2002. С. 168.

⁸¹⁰ *Круглов А.* Из сербских мотивов (Посвящ. Памяти Гильфердинга) // Пчела. Русская иллюстрация. Еженедельный журнал искусств, литературы, политики и общественной жизни. 2 ноября 1875. № 42. С. 503.

княжеская канцелярия. В конечном итоге решение об оказании помощи принималось непосредственно правительством Сербии. В некоторых случаях, ответ был заверен подписью князя. Все просьбы об оказании помощи можно подразделить на несколько групп: 1. Помощь учебным заведениям (денежное вспомоществование, обеспечение учебными пособиями, комплектование штата учителей); 2. помощь церковным учреждениям; 3. оказание помощи частным лицам (устройство учеников на учёбу, финансовое вспомоществование для учителей, помощь гонимым турецкими властями православным священникам).

Как уже говорилось выше, эти просьбы хлынули в Сербию с возвращением к власти династии Обреновичей. На их поток и характер оказывало влияние положение дел в Сербии. Так, к примеру, не удалось обнаружить ни одного прошения из славяно-турецких областей в фондах Белградской митрополии и Министерства просвещения за 1862 г. Как известно, в этот год произошёл конфликт между сербским и турецким правительством, был обстрелян Белград.

Первые шаги Сербии как благотворителя были не очень удачными. Зачастую деньги не доходили до адресата, или же их использовали не по назначению. Так, учителя, получив финансовую помощь, бросали бедные деревушки и переезжали в более благополучные для жизни края. Это вынуждало к поиску агентов-контролёров, которые сообщали о том, вызывает ли доверие человек, направивший какую-либо просьбу, стоит ли положительно решить его вопрос, и по назначению ли были истрачены высланные средства. Но были и позитивные примеры. Попытка взрастить про-сербски настроенную образованную прослойку на землях Боснии, Герцеговины, Болгарии, Старой Сербии, Македонии зачастую удавались.

В 1860-е годы посредниками в делах такого рода начинают выступать российские дипломаты. Так, консулы в Сараеве А.Н. Кудрявцев и в Мостаре И.А. Илларионов писали письма сербскому митрополиту Михаилу⁸¹¹. В них они сообщали о ходе распределения, присланных из Сербии книг, давали оценку местным учителям. Через российских дипломатов не только передавали деньги,

⁸¹¹ АС. Ф. МБ. 1869. 935; АС. Ф. МБ. 1869. 953.

книги и прочую помощь, но и получали от них информацию о том, кому стоит оказать поддержку, как проситель израсходовал присланные деньги. Таким образом, дипломатические работники России становились своеобразными агентами – посредниками между Сербией и Боснией и получали возможность контролировать сербскую культуртрегерскую работу на местах.

«Вся масса православного народа в боснийском вилайете погружена в самое глубокое невежество. Это невежество отнимает у христиан дух братства и взаимной поддержки, без которого улучшение будущности немыслимо» – писал консул Кудрявцев в славянские комитеты в 1868 г.⁸¹²

Школьный вопрос стоял в Боснии и Герцеговине очень остро. До начала XIX века в этом регионе было всего три школы для православного населения, в Мостаре, Ливно и Сараеве⁸¹³. Преподавание в них находилось на очень низком уровне. Вторая половина 1850-х гг. стала временем своеобразного бума в строительстве школ. Первая средняя школа появилась в Сараеве в 1855 г., она готовила торговцев. Следом, в 1858 г. открылась духовная школа в Монастыре Житоmysлич⁸¹⁴. К этому времени в Боснии и Герцеговине уже насчитывалось около 20 школ для православного населения⁸¹⁵. На 1866 г. эта цифра выросла до 60-ти. К 1869 г. в Боснии действовало пять крупных мужских школ и одна женская. Они располагались в Сараеве, Тегине, Баня-Луке и Брчко. В Герцеговине к этому времени действовала школа в Мостаре, небольшое училище при монастыре Житоmysлич. Остальные учебные заведения были малы и плохо устроены.

По данным австрийского консула в Сараеве Зоретича на 1860-е гг. из 1200 тыс. населения только 46 тыс. детей посещали школы: 7 % из числа

⁸¹² ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 117.

⁸¹³ Католические школы в основном располагались при монастырях. На 1857 г. было всего 13 учебных заведений. Значительная финансовая помощь на содержание этих учреждений поступала из Австрии, Франции, Италии и Рима. Гораздо больше было мусульманских школ. Они располагались при мечетях. По свидетельствам российского консула Славолубова преподавание в них велось плохо и сводилось к заучиванию турецких, арабских и персидских текстов. Сербский язык не изучался. Только с 1866 г. начали открываться школы для подготовки чиновничьих кадров.

⁸¹⁴ *Скарић В.* Избрана дјела. Прилози за историју Босне и Херцеговине и југословенских народа. Књ. 3. Сарајево, 1985. С. 55–60.

⁸¹⁵ *Хевролина В.М.* Документы архивов СССР по истории школьного дела в Боснии и Герцеговине в 50–70-х гг. XIX в... С. 99.

мусульманских детей, 0,4 % от общего числа католиков, 0,75 % от числа православных⁸¹⁶.

С середины 1850-х гг. из Боснии в Сербию поступает множество прошений о помощи школьному делу. Эти документы позволяют составить представление о проблемах на ниве образования в Боснии.

Обратимся к тексту прошения представителей общины города Сеник к сербскому министру просвещения. Первое письмо относится к весне 1866 г⁸¹⁷. Среди всех своих бедствий самым губительным его авторы называют отсутствие школы для детей и места, где бы христиане могли проводить богослужения. По великим церковным праздникам местные жители отправлялись на развалины старой церкви и там славили Бога. Для восстановления предлагалась церковь в местечке Лопижи, возведённая когда то местными жителями совместно с попом Ильёй. При церкви начинала свою работу и школа. Однако Илья вынужден был бежать вместе со своей семьёй, скрываясь от преследования турок. В момент, когда турецкие власти разрешили воздвигать и восстанавливать церкви, община хотела завершить начатое дело, но не имея никакой финансовой поддержки со стороны местных турецких властей, вынуждены обратиться за помощью к Сербии.

После долгих разбирательств и пересылок прошения из одного ведомства в другое, в ноябре 1866 г. Михаил Обренович подписал указ о выдаче 2000 грошей на восстановление церкви и открытие школы⁸¹⁸. До адресата денежная помощь дошла в феврале 1867 г⁸¹⁹. За ходом строительства следил секретарь суда Сеника Шачир-эфенди и отправлял отчёты в Сербию. Из текста одного из таких посланий известно, что к ноябрю школа была готова, укомплектована книгами, присланными из Сербии. Прибыл и учитель, разочаровавший Шачир-эфенди. Он застал учителя в школе, восседающим на столе в изорванных опанках с вицей⁸²⁰ в руках. По последнему инструменту обучения детей секретарь суда и понял, кто

⁸¹⁶ Там же. С. 108.

⁸¹⁷ АС. Ф. МПс. 1868. II. 169. Л. 2, 2об.

⁸¹⁸ Там же. Л. 8.

⁸¹⁹ Там же. Л. 10.

⁸²⁰ Опанки – сербская кожаная обувь. Вица – розга.

сидит перед ним. Педагог сообщил, что его зовут Йово и он родом из Боснии, дальнейший диалог не состоялся. Учитель и секретарь суда разошлись, не сумев договориться, после чего, последний отправил письмо с просьбой прислать хорошего учителя, сообщив о том, что педагог Йово толком и писать то не умеет⁸²¹. В конце марта 1868 г. представители местной общины вновь обратились с прошением к сербским властям⁸²². Выяснилось, что в местной школе обучается 50 детей. Вновь поднимался вопрос об учителе, знания которого оставляли желать лучшего, а кроме того просили оказать финансовую помощь, жалуюсь на притеснения со стороны турок.

Работала школа и при монастыре Папрача в Боснии. В школе обучалось 15–20 детей, все они были из бедных семей. Они также получали помощь от правительства Сербии. К примеру, известно, что в 1859 г. туда был направлен комплект учебной литературы⁸²³.

Монастырь Житомыслич находился в трёх часах езды от Мостара. Школа здесь существовала с давних времён. К занятиям допускались и девочки⁸²⁴. В 1860-е гг. она содержалась в основном на русские деньги. В 1866 г. игумен монастыря С. Перович разработал проект открытия духовной семинарии⁸²⁵, и получил поддержку из России. Семинария должна была стать центром для подготовки повстанческих чет, но проект не удалось реализовать, так как С. Перович попал в тюрьму.

Своеобразным центром просвещения в Герцеговине был город Мостар. Долгое время только здесь располагалось единственное на весь регион учебное заведение. Мостарской школе А.Ф. Гильфердинг уделил много внимания в своём «Путешествии». О ней упомянул в своих воспоминаниях некогда учившийся там Йован Пичета: «убога была школа, состоявшая из двух невзрачных комнат, по своему внешнему виду, а ещё более по школьным принадлежностям, которые

⁸²¹ АС. Ф. МПс. 1868. II. 169. Л. 12об.

⁸²² Там же. Л. 1.

⁸²³ АС. Ф. МПс. 1859. XII. 8.

⁸²⁴ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 93.

⁸²⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1865–1875. С. 48–49.

почти отсутствовали в ней. Не богат был сведениями и школьною опытностью и обучавший в ней нас начетчик»⁸²⁶.

Сила города Мостара заключалась в людях, поскольку местная православная община была, пожалуй, самой крепкой и сплочённой в Герцеговине. Для постройки новой школы были приглашены мастера из Далмации. Появились новые учителя, выпускники Белградской семинарии. В 1856 г. в Мостар приехали два иеромонаха Дужского монастыря, *Никифор Дучич* и *Серафим Перович*⁸²⁷. В 1856 г. они обратились в Белградскую митрополию с просьбой отпустить их из монастыря и выдать им на дорогу денежные средства, что и было сделано⁸²⁸. С их приездом в Мостаре жизнь закипела, и вскоре в школе появилось уже четыре класса. Именно в такую обновлённую школу и попал Гильфердинг. В своём донесении к Ковалевскому от 17 мая 1857 г. он писал о мостарской школе: «после обедни мне показали прекрасно устроенную первоначальную школу, заведённую с прошлого года при мостарской церкви, и которая, хотя едва начала свое существование и имеет самые недостаточные средства, оказывает уже благотворное влияние на здешний народ»⁸²⁹.

В 1860 г. представители мостарской общины обратились к сербскому митрополиту Михаилу с просьбой прислать к ним управителя для школы и комплект книг⁸³⁰. Этот комплект можно назвать стандартным, в него входили: букварь, псалтырь, собрание молитв, краткий катехизис, книга для чтения, пособие по мировой истории, арифметика, краткая история сербов и пособие по географии Сербии и Турции. Именно такой набор литературы чаще всего поставлялся Сербией в учебные заведения Боснии и Герцеговины.

Итак, большинство учебной литературы поступало из Сербии. Не всегда содержание этих книг соответствовало нормам турецкого правительства. Известен эпизод аферы с учебниками. Чаще всего турецкие чиновники не обращали внимания на тексты, присылаемых пособий, но в 1865 г. боснийский

⁸²⁶ Пичета Й. Факты и воспоминания из жизни герцеговинца // Вера и разум 1911. Т. 1. С. 218.

⁸²⁷ Серафим Перович в период с 1889 по 1903 был герцеговинским митрополитом.

⁸²⁸ АС. Ф. МБ. 1856. 383; АС. Ф. МБ. 1856. 432.

⁸²⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. М., 1985. С. 40.

⁸³⁰ АС. Ф. МБ. 1860. 1033.

вали Осман – паша поручил своему чиновнику, хорошо знающему сербский язык, ознакомиться с содержанием сербских книг в сараевской школе для мальчиков. В результате проверки выяснилось, что все они имеют антитурецкую направленность. К примеру, Косовская битва описывается как трагическое событие, турки характеризуются как ненавистные враги сербского народа. Выявив такое вероломство со стороны Сербии, местные власти закрыли школу и устроили проверку всего учебного материала⁸³¹.

Неясно, почему турки не догадались провести подобную ревизию раньше. Вероятно, всё произошедшее имело целью устранить директора школы Нико Павловича. Неудобен местным властям он стал после того как начал шпионить в пользу Австрии. О его связях с сербским освободительным движением знали и ранее. Об этом упоминал в своих донесениях российский консул Щулепников. Очевидно, что местные власти прекрасно знали о деятельности Сербии на просветительском фронте, но смотрели на это сквозь пальцы. Тем более, что свою науку насаждали и представители иностранных держав, делая щедрые пожертвования местным учебным заведениям. Известен случай продажи дешёвых церковных книг на турецком, сербском и других языках в городе Мостаре. Распространялась эта литература из магазина английского общества по распределению книг. Позже выяснилось, что содержание этой литературы было далеко от оригиналов⁸³².

Посредником при передаче учебной литературы в школу города Травник выступал выпускник Белградской семинарии, знаменитый Василий Пелагич. Об этом известно из письма местного учителя Стефана Сараевича⁸³³. Последний был родом из города Сараево, его семья переехала в Ужицу. Он был из числа питомцев сербского правительства и окончил три класса гимназии в Белграде, а затем отправился учительствовать в Боснию, где год проработал в Сараеве и два года в Травнике. Всё это время не имел возможности видеться с семьёй. Из-за маленькой заработной платы и плохого положения дел дома он обратился к

⁸³¹ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима 1856–1878. С. 500.

⁸³² Там же. С. 501.

⁸³³ АС. Ф. МПс. 1868. IV. 1131.

сербскому правительству с просьбой отпустить его к родным в Ужицу и выделить денег на дорожные расходы. Кроме того, Сараевич пишет об опасном положении, в котором находятся все учителя, прибывшие из Сербии и об их бегстве из Боснии⁸³⁴.

Жизнь учителей в турецких областях действительно не была легкой. Несмотря на то, что принимающая сторона как правило, обеспечивала жильём и денежным содержанием, средств всё равно не хватало. О тяжёлых условиях работы пишет в своём письме в Министерство просвещения учитель из Оча (Герцеговина), Михаил Джорджевич⁸³⁵. Он получил образование в Сербии, находился под покровительством митрополита Михаила. Согласно договору вернулся на родину и приступил к учительской деятельности. Однако денег, выделяемых Сербией ему в качестве платы было явно недостаточно. Джорджевич сообщал, что он осознаёт всю важность его миссии и готов служить, но жить на получаемую плату невозможно. В связи с этим он просил обеспечить школу учебными материалами и наладить оказание материальной помощи учителям, бывшим питомцам сербских учебных заведений. При этом он ссылался на пример своих коллег из Старой Сербии, которые получали финансовую помощь от сербского правительства.

О случае бегства молодых учителей рассказывает письмо боснийского митрополита Дионисия, направленное митрополиту Михаилу⁸³⁶. В тексте послания говорится о двух выпускниках Белградской семинарии, которые вместо того, чтобы отправиться учительствовать на родину, куда их послало сербское правительство, убежали в Далмацию.

Были и другие случаи. Некоторые сербы, веря в идею объединения, приезжали добровольно на работу в Боснию. Подобная история произошла в Брчко, причём приезжий учитель, Стеван Янкович, был родом из Австрии, там он получил образование и работал в школе. Его судьбу изменила встреча с Василием Пелагичем. Выслушав его рассказы о тяжёлом положении многострадаального

⁸³⁴ АС. Ф. МПс. 1869. IV. 727.

⁸³⁵ АС. Ф. МПс. 1866. I. 200.

⁸³⁶ АС. Ф. МБ. 1860. 862

сербского народа в Боснии, нехватке преподавателей, он перебрался в Брчко и устроился на должность учителя. В своём письме он пишет, что три года проработал в местной школе, но попал в тяжёлое финансовое положение и не может прокормить свою большую семью (у него было четверо детей)⁸³⁷. Из-за невозможности стать священником в Австрии он просил Белградскую митрополию рукоположить его в священники и выделить ему приход. За него ручались и бывшие питомцы сербского правительства Деспот Деспотович и Стефан Петкович.

Политика Сербии имела целью воспитание сербской национальной идеи в местном населении, но средств и сил на это не хватало. Ощущалась острая нехватка учителей, а положение их было незавидным. С 1868 г. количество прошений о помощи из Боснии и Герцеговины в Сербию резко сокращается. Однако работа княжеских комитетов в Боснии продолжалась.

Следует отметить, что помощь оказывалась далеко не всем школам и учителям. К вопросу распределения средств подходили очень продуманно. Выбор места был не случайным, поскольку преследовались не только учебные, но и политические цели. В фонде Йована Ристича хранятся донесения агентов из разных уголков Боснии и Герцеговины, в которых подробно обозначаются места, где представляется наиболее выгодным открытие и поддержка школ. Школа должна была стать центром для подготовки четы, а учитель являлся потенциальным командиром повстанческого отряда.

Большая часть корреспонденции сербских агентов проходила через российские консульства, как дипломатическая почта, что избавляло от излишнего внимания со стороны турецких властей. В переписке использовались специальные шифры с применением кодовых слов.

Интересно, что предполагая вести переписку через российское консульство, сербы намеревались скрывать от российских дипломатов содержание писем, маскируя их под частную корреспонденцию⁸³⁸.

⁸³⁷ АС. Ф. МБ. 1869. 492.

⁸³⁸ АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XVII/ 1. 17/6.

Одним из деятелей комитета по освобождению Боснии был известный собиратель сербского фольклора *Боголюб Петранович*. В декабре 1869 г. его направили в Сараево. Оттуда Петранович посылал свои донесения в Белград, они попадали на стол к Йовану Ристичу. Петранович сообщал, что разработанная комитетом схема успешна⁸³⁹. Местные сербы хорошо организованы в специальные ячейки и готовы поднять восстание в любую минуту. Агитаторской деятельностью и контролем за работой ячеек занимались Савва Косанович, Яков Вукович, учителя Миливой Божич, Коста Ристич и Нико Павлович.

Работу с крестьянами окрестных деревень вёл лично Петранович вместе со священником, учителем сараевской школы *Саввой Косановичем*. Последний очень хорошо зарекомендовал себя и претендовал на должность постоянного агента с денежным окладом. Боголюб Петранович передал ему тайный шифр, которым предполагалось вести переписку с Никой Оканом и Симой Чайкановичем. Эту секретную переписку сербские патриоты планировали передавать через российское консульство. В постоянном денежном пособии Косановичу было отказано, но известно, что он получал от сербского правительства разовые выплаты за выполнение определённых поручений⁸⁴⁰.

Из письма Петрановича видно, как организовывались четнические отряды⁸⁴¹. Каждая чета формировалась на базе школы. Руководителем отряда выступал местный учитель⁸⁴². Деньги на содержание школ получали от славянских комитетов из России и от сербского правительства. Примечательно, что сербы княжества старались выдержать баланс в этом вопросе. Так, если в местность, важную для них со стратегической точки зрения, отправлялась помощь из России, туда рекомендовалось послать сумму превышающую размер русской помощи.

⁸³⁹ Там же.

⁸⁴⁰ АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XXVI / 7.426.

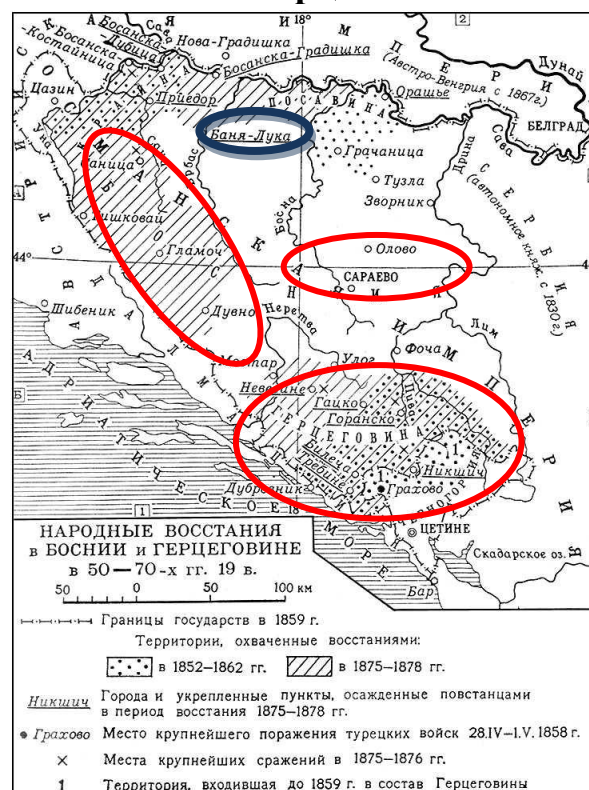
⁸⁴¹ АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XVII/ 1. 17/6.

⁸⁴² АС. Ф. МПС. 1877. II. 144.

На специальную подготовку учителя также уходила значительная сумма денег. Он должен был быть благонадёжным человеком, который сумеет подготовить к вооружённой борьбе свою чету.

В письме Петрановича речь идёт о следующих местностях: Чипулича, Купрес, Ливно, Пролог – здесь предполагалось готовить четы для борьбы с Австрией. Говорится о необходимости организовать чету в Грахово. Эту заботу Петранович берёт на себя, предполагая осуществить эту миссию с граховским попом Скакичем и рядом агентов из Книна. Если посмотреть на карту восстания 1875 г., то можно увидеть, что именно эти местности были основными очагами сопротивления. Характерно при этом, что они совпали с теми областями, куда поступала помощь из Сербии и России. Нужно сказать, что исключение составляет лишь Баня-Лука. Поддержку семинарии Пелагича, как уже говорилось выше, оказывал сербский митрополит Михаил, но Россия в эту область посылала помощь неохотно.

Рисунок 4.1. – Сербская и русская помощь школам Боснии и Герцеговины⁸⁴³

⁸⁴³ Красным цветом выделены области, в которые Российская империя и княжество Сербия предоставляли финансовую помощь для учебных заведений. Синим цветом выделена Баня-Лука, в которую поступали только сербские средства.

Выходит, что изначально сербские агенты выбирали наиболее подходящие места для ведения в будущем боевых действий, а затем отправляли в Россию просьбы о помощи учебным заведениям в этих областях. Вряд ли все члены русских благотворительных организаций были в курсе происходящего. Что же касается наиболее активных деятелей, таких как И.С. Аксаков, Н.А. Попов, И.П. Корнилов, А.Ф. Гильфердинг, то они прекрасно знали, что скрывается за каждой отдельной просьбой. Это объясняет активную деятельность Аксакова в этом вопросе и отстранение Гильфердинга от боснийских проблем. Последний считал, что местное общество незрело, а поднятое им восстание не приведёт ни к чему хорошему.

Россия стремилась к сотрудничеству с Сербским княжеством в деле просвещения православного населения Боснии и Герцеговины и полностью поддерживала его этом вопросе. Российский консул в Сараеве Кудрявцев писал в славянский комитет: «мы должны дать книги, одежды и утвари в места, куда российское правительство или частные жертвователи не посылали их. Мы должны позаботиться, чтобы при больших приходах открыты были школы и чтоб в эти первоначальные училища поступали наставниками молодые сербы, учившиеся в Белграде. Эти молодые люди будут очень полезны, если принесут с собой терпение и сдержанность. Чтобы не обратить внимания турецкого правительства, боящегося как огня сербских путеводителей, надобно разместить учителей на далёкие друг от друга расстояния. Надобно поручить им учить народ прошлой истории, причинам поражения 15 июня 1389 года, современному движению народов, единодержавию России, соединению большей части родственных между собой народностей под одно знамя и правление»⁸⁴⁴. Консул предлагал взять под патронаж 20 училищ, выделяя по 50 червонцев на каждое из них. Учебную литературу предлагалось поставлять из Сербии.

По сообщениям консулов, русская помощь усиливала подозрения турецких властей к деятелям боснийского просвещения. В учителях Порты видела главное орудие панславизма и его пропаганды. Так, после истории с семинарией

⁸⁴⁴ ГАРФ. Ф. 1750. Оп.1. Ед. хр. 68. Л. 119.

Пелагича, русские консулы, отправляя в славянские комитеты просьбы о финансовой поддержке учебных заведений, просили не афишировать их. Посылая прошение учителей сараевского мужского училища в Московский славянский комитет, Кудрявцев писал: «считаю долгом просить не предавать гласности ходатайства Сараевских учителей, которые сочтены были бы турецким правительством за эмиссаров России и которые подведены были к необходимости оставить Боснию и свой народ»⁸⁴⁵.

Несмотря на сотрудничество с Россией, сербское правительство стремилось по мере возможностей действовать самостоятельно и опасалось проявлений излишних про-русских симпатии среди населения Боснийского вилайета. Митрополит Михаил же полностью полагался на Россию, веря, что только с её помощью можно добиться освобождения турецких славян.

Обучение молодёжи из Боснии и Герцеговины в Сербии

В Белграде была налажена система обучения славян из Боснии и Герцеговины. Она работала следующим образом. По прошению видных боснийских священнослужителей, общественных деятелей или же по совету российских консулов в Сербию отправлялась группа мальчиков для прохождения курса обучения, чаще всего свои двери для турецких славян открывала *Белградская семинария*. Эти молодые люди находились полностью на обеспечении сербского правительства, получали жильё и стипендию. После прохождения курса они были обязаны вернуться на родину и трудиться на благо просвещения своего народа.

В 1857 г. будущий сербский митрополит *Михаил* обратился к министру просвещения с предложением выделить денежные средства на обучение молодых людей из Боснии, Герцеговины и Старой Сербии в Белградской семинарии⁸⁴⁶. В декабре 1857 г. из министерства пришёл положительный ответ. Мальчикам назначалось годовое содержание в 720 талеров. В эту сумму входили учебные материалы, жильё, мебель и одежда.

⁸⁴⁵ Там же. Л. 6.

⁸⁴⁶ АС. Ф. МБ. 1858. 864.

На основании хранящихся в Архиве Сербии документов об истории обучения в семинарии молодёжи из Турции, можно реконструировать как процесс обучения, так и дальнейшую судьбу учащихся из турецких областей. Возраст при поступлении таких питомцев колебался от 15 до 20 лет⁸⁴⁷. В среднем в семинарии училось около 25 мальчиков из всех славяно-турецких областей. Так, в 1865 г. из 23 таких питомцев 10 были родом из Боснии и 1 из Герцеговины (Мостар)⁸⁴⁸. По сравнению с другими регионами, представители этой области составляли большинство.

Таблица 4.1. Список учащихся Белградской семинарии из Боснии и Герцеговины, находящихся на правительственном попечении Сербии в 1858–1859 гг⁸⁴⁹.

	Имя	Происхождение	Возраст	класс
1	Сима Пепич	Из семьи крестьянина (Герцеговина)	23	4
2	Илия Ставрич	Мама–вдова (Босния)	18	3
3	Савва Косанович	Из бедной семьи (Герцеговина)	19	3
4	Сима Чайканович	(Босния)	19	3
5	Василий Стефанович	Из бедной семьи (Босния)	17	2
6	Илья Спасович	Из бедной семьи (Босния)	19	2
7	Никола Йованович	(Босния)	19	2
8	Джордже Стоиславлевич	Из бедной семьи (Герцеговина)	20	2
9	Никола Лукич	(Босния)	19	1
10	Василий Андрич	Из семьи крестьянина (Герцеговина)	20	1
11	Максим Крестич	Из семьи крестьянина (Босния)	18	1
12	Сима Илич	(Босния)	19	1

⁸⁴⁷ АС. Ф. МБ. 1858. 723.

⁸⁴⁸ АС. Ф. МПс. 1866. VII. 1503.

⁸⁴⁹ АС. Ф. МБ. 1858. 723.

Содержание этих 12 питомцев обходилось казне в 840 талеров в месяц. Выделяемых на учёбу денег хватало не всегда. Зачастую ученики из Боснии и Герцеговины, получившие стипендию для обучения в Сербии обращались в Министерство просвещения с просьбой оказать им материальную помощь⁸⁵⁰.

Ученики семинарии на каникулы отправлялись в разные монастыри на своего рода практику⁸⁵¹. Василий Стефанович отправился в Равницу, Сима Пепич в Манасию, Савва Косанович во Врачаницу, Никола Йованович в монастырь Драча, Илия Стасович в монастырь Грачаница.

Посмотрим, как сложилась судьба некоторых питомцев Белградской семинарии и сумели ли они оправдать, возложенные на них надежды сербского правительства.

Доподлинно известно, что из выше приведенного списка учеников семинарии, трое были агентами сербского правительства. Одним из них стал *Савва Косанович*, о котором говорилось ранее.

Больших успехов добился *Илия Ставрич*. По завершению учёбы в Белградской семинарии он был отправлен в Россию, где окончил Киевскую духовную академию. После этого Ставрич вернулся на родину и при содействии митрополита Михаила, российского консула Ивана Степановича Ястребова и торговца Симы Андреевича Игуманова открыл семинарию в городе Призрене. Он же стал первым ректором этого учебного заведения⁸⁵².

Вероятнее всего *Сима Чайканович* также сотрудничал с сербскими комитетами по освобождению Боснии. Его донесения попадали на стол к Й. Ристичу. Чайканович работал учителем в Сараеве. Английская путешественница и просветительница мисс Ирби удостоила его похвалы.

Василий Андрич уехал на родину и занялся преподавательской деятельностью, но попал в очень сложную ситуацию. В 1867 г. о своём тяжёлом

⁸⁵⁰ АС. Ф. МПс. 1860. VII. 1246.

⁸⁵¹ АС. Ф. МБ. 1858. 400.

⁸⁵² Бован В. Срби из Босне и Херцеговине – просветни и национални радници у Старој Србији од шездесетих година XIX века до краја турске владавине // Зборник за историју Босне и Херцеговине. Т. 6. Београд, 2009. С. 91–99.

положении он оповещал Министерство просвещения Сербии⁸⁵³. В 1866 г. на него поступил донос от начальника Подринского округа, в котором говорилось о том, что он предавался пороку пьянства. Для выяснения в село Трешник, где преподавал Андрич, была направлена комиссия. Она застала его в состоянии алкогольного опьянения. В результате разбирательства Василий Андрич был отстранён от преподавательской деятельности. После этого школа была закрыта, а бывший учитель остался без средств к существованию. Он направил письмо к министру просвещения Сербии с целью обелить своё имя, заявив, что всё произошедшее, ничто иное как козни капитана (начальника Подринского округа), который вынуждал людей свидетельствовать против него. После случившегося Андрич устроился в другую школу. Но и там он потерял место, так как отец одного из учеников пригласил на эту должность другого учителя из Сербии, знающего немецкий язык. Оставшись без средств к существованию, он переезжал с места на место в поисках заработка. Сербское правительство сжалилось над своим бывшим питомцем. Ему простили его проступки, выдали денег и отправили учительствовать в одну боснийскую деревню⁸⁵⁴.

Как уже говорилось выше, задача Сербии состояла в воспитании просербски ориентированных кадров, которые, вернувшись на родину, должны были способствовать пропаганде идеи объединения сербства. Воспитание и обучение жителей Боснии и Герцеговины должно было идти по соответствующей программе.

В 1867 г. министр народного просвещения Сербии К. Цукич издал распоряжение, по которому все сербы из Боснии и Герцеговины и Старой Сербии, получившие образование в княжестве на средства правительства, не имели права оставаться в Сербии, а были обязаны возвращаться на родину. На тот момент в семинарии обучалось 64 ученика из славяно-турецких провинций⁸⁵⁵.

⁸⁵³ АС. Ф. МПс. 1861. IV. 772.

⁸⁵⁴ АС. Ф. МПс. 1867. I. 194.

⁸⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 239. Картон. 13. Ед. хр. 44. Л. 15.

Священниками стать хотели далеко не все. Нередко ученики семинарии просили о переводе на учёбу в гимназию⁸⁵⁶. Очень часто ученикам мешало и состояние здоровья. Из Белградской митрополии в Министерство просвещения отправлялись письма примерно такого содержания: Савва Николич – ученик второго класса Богословии в 1870 г., родом из Герцеговины по состоянию своего здоровья не может больше продолжать обучение, поэтому просит организовать его отъезд домой. Оттуда он намеревается отправиться в монастырь Милешево и занять там должность учителя⁸⁵⁷.

Часто случалось так, что пройдя курс обучения, молодые люди просто не хотели возвращаться на свою родину, где условия жизни были тяжёлыми, и бежали в Далмацию или Австрию, тем самым нарушая условия «контракта».

В целом же система работала. Многие выпускники семинарии и сербских гимназий возвращались в Боснию и Герцеговину и трудились во имя просвещения и объединения всего сербства. Они становились своеобразными агентами Белграда, сообщая о положении дел в регионе, давая характеристики определённым личностям и участвуя в организации восстания за освобождение от турецкого господства. Ярчайшими примерами служат имена Н. Дучича, С. Перовича, С. Косановича, С. Чайкановича, В. Пелагича. Все они были питомцами сербского правительства и играли ведущие роли в деле национально-освободительной борьбы Боснии и Герцеговины.

§ 3. Церковный вопрос в Боснии и Герцеговине в 1850–1860-е гг. и Сербия

*Только над этой пустыней немою,
страждущим мир указуя иной,
светится крест путеводной звездой,
знаменем веры и муки святой...*

*В.И. Славянский*⁸⁵⁸

⁸⁵⁶ АС. Ф. МБ. 1869. 732.

⁸⁵⁷ АС. Ф. МПс. 1870. II. 281.

⁸⁵⁸ Славянский В.И. (Немирович–Данченко В.И.). Молитва славянина. Перевод с сербского. // Дело. №11. 1875. С. 263–264.

Прежде чем говорить о вопросе связанном с православной церковью в Боснии и Герцеговине, следует обратить внимание на изменения, произошедшие после принятия хатт-и-хумаюна и на церковное управление в этом регионе. С 1856 г. христианская церковь в Турции попала под защиту международного права, появилась возможность официально избирать епископов из сербов, а не греков-фанариотов. С 1861 г. было разрешено строительство новых церквей⁸⁵⁹.

В Боснии и Герцеговине располагалось три православные епархии⁸⁶⁰:

- 1) Герцеговинаская с центром в городе Мостар;
- 2) Дабробосанская с центром в г. Сараево;
- 3) Зворницкая с центром в г. Тузла⁸⁶¹.

Во главе каждой из них стояли митрополиты и, несмотря на разрешение турецких властей назначать на эти должности представителей сербского населения, в рассматриваемый период во главе епархий стояли греки-фанариоты или эллинизированные болгары. Власть митрополита основывалась на канонах православной церкви и на берате, полученном от султана по прошению константинопольского патриарха и Синода. Митрополит мог подвергаться суду только в Константинополе. До принятия хатт-и-хумаюна в Боснии не были точно обозначены права священников и епископов⁸⁶². Митрополиты имели несколько источников дохода. Они собирали налог с населения епархии – мирию, а также дань лично для себя, брали деньги со священников за процедуру рукоположения, за получение прихода и владение им, за освящение новой церкви, крещение, венчание... Таким образом, в Боснии часто наблюдалась парадоксальная ситуация. Люди, называющие себя православными, часто не были даже крещены из-за невозможности заплатить за обряд. Недовольство греческими митрополитами было повсеместным. Хотя именно митрополит должен был быть

⁸⁵⁹ Веселиновић Р. Историја српске православне цркве са народном историјом. Књ. 3 (1766–1945). Београд, 2010. С. 227–228.

⁸⁶⁰ Иногда к Боснии относили и Рашко-Призренскую епархию.

⁸⁶¹ См. Приложение У. Список митрополитов Боснии и Герцеговины в 1856–1878 гг.

⁸⁶² Скарић В. Избрана дјела. Прилози за историју Босне и Херцеговине и југословенских народа. Књ. 3. Сарајево, 1985. С. 53–54.

главным защитником православного населения. Не всегда удавалось находить с ним общий язык и представителям Сербии.

К примеру, о своеволиях герцеговинского митрополита *Григория*, занимавшего кафедру с 1854 по 1860 гг., сообщали Раевскому. Митрополит за 10 австрийских дукатов мог моментально устроить развод и обвенчать желающего с новой женой. Он не соблюдал пост и предавался пороку пьянства. Одна девушка забеременела от владыки и он попытался выдать её замуж за своего помощника Йову Дечанца. Последний отказался от венчания и поведал мостарцам правду о случившемся. Скандал прокатился по всей Герцеговине. Хуже всего было то, что Григорий никогда не помогал своим единоверцам, отказывался от походов в меджлис и на приём к паше. Этим он заслужил нелюбовь своей паствы, усмешки иноверцев и злобу со стороны паши и турецких чиновников⁸⁶³. Такой негативный образ митрополита и его недостойное поведение были предметом тревоги российских дипломатов.

Неоднократно предпринималась попытка выдвижения на должность митрополита сербов из Боснии и Герцеговины. Выше шла речь об отказе *Саввы Косановича* от борьбы за место боснийского митрополита. В период же с 1860 по 1864 гг. фактически митрополитом Герцеговины являлся представитель Мостара *Иоанний Памучина* (1810–1870).

Памучина учился в школах при монастырях Дужи и Завала. В 1829 г. стал монахом и был направлен в Мостар ко двору герцеговинского митрополита. Здесь он стал архимандритом и выучил греческий язык.

С конца 40-х гг. он стал постоянным корреспондентом Раевского. В 1850 г. православная община Мостара обращалась в Россию с просьбой посодействовать назначению Иоанникия митрополитом вместо ненавистного грека *Иосифа*⁸⁶⁴. Эта акция не увенчалась успехом. Памучине пришлось некоторое время скрываться от

⁸⁶³ РО ИРЛИ РАН. Р. II. БАН. Оп. 3. Ед. хр. 141.

⁸⁶⁴ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 12.

преследования турок в Дубровнике. В Мостар он вернулся в 1853 г. Подробнее эту историю осветила И.В. Чуркина⁸⁶⁵.

Памучина попал в поле зрения Гильфердинга в 1857 г. Последний перевел на русский язык и опубликовал в России сочинение герцеговинца⁸⁶⁶.

В ходе восстания в Герцеговине 1857–1858 гг., в организации которого ложно обвинили российских дипломатов, Иоанникий Памучина выступал в качестве переговорщика от имени турецкого правительства. Его попытки мирным образом договориться с повстанцами не увенчались успехом⁸⁶⁷. Тем не менее его старания принесли пользу, поскольку в представленных для турок донесениях Памучина указывал на отсутствие черногорцев в повстанческом лагере⁸⁶⁸. Это противоречило фактам, сфабрикованным турецкими военачальниками и английскими агентами. Как уже говорилось ранее, они пытались выставить Черногорию главной виновницей волнений в регионе. Такого рода дипломатия привела к тому, что Памучина вновь попал в немилость к мостарскому паше. Позже, за содействие в установлении мира в Герцеговине, он получил наперсный крест от российского правительства.

В 1860 г. умер герцеговинский митрополит Григорий. Стал вопрос о его преемнике. При поддержке Сербии и России герцеговинцы начали добиваться назначения на эту должность серба из Герцеговины. Главными кандидатами выступили *Никифор Дучич* и *Иоанникий Памучина*. Нужно сказать, что они конфликтовали между собой. В конечном итоге, Дучич уступил это право Памучине, но это не устраивало А.С. Ионина. Он считал его интриганом и писал Раевскому: «Памучина подличает и оказывается трусом. Плохо, если первый блин (первый сербский митр[ополит]) будет комом»⁸⁶⁹.

Константинопольский патриарх отверг кандидатуру Памучины. Интересно, что в этом вопросе мостарцев поддерживал и Васиф-паша. В этот же год

⁸⁶⁵ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский. С.58–59, 62.

⁸⁶⁶ Памучина И. Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, везира Герцеговинского. // А.Ф. Гильфердинг. Собрание сочинений. Т. 3. С. 329–378.

⁸⁶⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 106–111.

⁸⁶⁸ Там же. С. 118–119.

⁸⁶⁹ Зарубежные славяне и Россия... С. 178.

разразилось восстание Луки Вукаловича. Поскольку из Константинополя новый митрополит так и не был назначен, то фактически до 1864 г. эту должность неофициально занимал Памучина⁸⁷⁰.

Он активно сотрудничал со славянскими комитетами и М.Ф. Раевским, занимался перераспределением помощи, поступающей из России.

В 1862 г. по случаю тысячелетия России по инициативе М.Ф. Раевского было решено наградить выдающихся деятелей из зарубежных славян русскими орденами. Главным кандидатом от Герцеговины являлся Памучина⁸⁷¹. 8 сентября его представили к ордену святой Анны 3-й степени. Инициатива награждения именно Памучины исходила от Гильфердинга⁸⁷².

Памучина организовывал отправку соотечественников на учёбу в Сербию и Россию. В истории Мостара он известен как благодетель местной школы. Ещё в 1869 г. он обратился в Азиатский департамент с просьбой принять его деньги (800 червонцев) в русский государственный банк, чтобы отчислять полученные проценты мостарской школе⁸⁷³.

Добиться назначения в Боснию и Герцеговину митрополита из числа местного клира во времена османского владычества так и не удалось. Это станет возможным только после австро-венгерской оккупации.

Многие боснийские и герцеговинские митрополиты вели себя неподобающим образом. На это обращали внимание не только русские и иностранные консулы, но и европейские путешественники.

К примеру, боснийский митрополит *Игнатий* (1860–1868 гг.) открыто сожительствовал с женой своего покойного брата. Зворницкий митрополит *Дионисий II* (1866–1868 гг.) составил на имя патриарха прошение об отстранении Игнатия⁸⁷⁴. Несмотря на это Боснийский митрополит занимал свой пост до конца жизни.

⁸⁷⁰ Затем из Константинополя был прислан огреченный болгарин митрополит Прокопий (Самуйло Маширович). Эту кафедру он занимал до 1875 г.

⁸⁷¹ Предлагалась ещё кандидатура Никифора Дучича, но его имя было вычеркнуто из списка в связи с тем, что он не лучшим образом проявил себя в ходе восстания Луки Вукаловича.

⁸⁷² Зарубежные славяне и Россия... С. 132–136.

⁸⁷³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 30, 30об.

⁸⁷⁴ РГИА.Ф. 797. Оп. 36. II отд. 3 стол. Д. 36. Л. 3–5.

Среди местного клира образованные священнослужители (Памучина, Дучич, Перович, Косанович) были исключением. Основная масса служителей православной церкви в Боснии была безграмотной и находилась в тяжёлом материальном положении.

В Архиве Сербии хранятся документы, сообщающие о бегстве священников из Боснии в Сербию. Примером одного такого побега может служить история Йована Марковича. Он родился в герцеговинском городе Приеполе в семье священника. В 1867 г. обратился в Белградскую митрополию с просьбой предоставить ему место в Сербии⁸⁷⁵. Свой побег в Сербию он объяснял тем, что жизнь для него в Герцеговине опасна и невыносима. Йован Маркович жаловался на всевозможные притеснения со стороны турок, которые он претерпел после смерти отца. Кроме того, с ним произошла одна неприятная история. Во время путешествия по Герцеговине, в которое он пустился для сбора милостыни в пользу монастыря Милешево, один турок украл у него коня. Спустя пять месяцев пострадавший отыскал своего обидчика и уличил его в краже. Решением местного суда турок должен был отдать пострадавшему своего коня. Вслед за восстановлением справедливости последовали угрозы в адрес священника, так как для турка такой акт передачи своей лошади христианину был настоящим позором. Из-за боязни за свою жизнь Маркович оставил свою жену и детей и бежал в Сербию. В связи с этим он просил сербского митрополита выделить ему приход в Сербии и перевезти туда родных. Своё ходатайство отправил за него и боснийский митрополит Дионисий, обвинив в злоключениях священника своего герцеговинского коллегу, сребролюбца, фанариота и бича священников Прокопия⁸⁷⁶. В этой просьбе Марковичу отказали, но он не уехал из Сербии и немного позже повторил свою мольбу⁸⁷⁷. На это он получил ответ, в котором ему по-прежнему отказывалось в помощи и настоятельно рекомендовалось вернуться на родину⁸⁷⁸.

⁸⁷⁵ АС. Ф. МБ. 1867. 259.

⁸⁷⁶ Там же. Л. 2.

⁸⁷⁷ АС. Ф. МБ. 1867. 350.

⁸⁷⁸ АС. Ф. МБ. 1867. 350. Л. 2.

Похожая ситуация была и ранее с неким Ивко Марковичем, возможно отцом Йована. Он также пытался в 1859 г. перебраться в Сербию, но получил отказ. В письме, присланном из Белградской митрополии, говорилось о том, что священник не имеет права бежать от своей паствы и должен разделять с ней горечи и радости, какая бы опасность его не ожидала⁸⁷⁹.

Большой проблемой, как говорилось выше, была организация передачи денежных средств. Случай мошенничества произошёл в Бродской общине. В 1865 г. представители города Брода сообщили о том, что они получили ферман от турецких властей, позволяющий им начать строительство православного храма. В связи с этим «Сербию как мать свою», местные жители просили оказать финансовую помощь в осуществлении этого мероприятия⁸⁸⁰. 12 января 1866 г. Михаил Обренович пожаловал городу Броду 100 австрийских дукатов на строительство церкви. Вслед за этим поступила просьба от местной школы⁸⁸¹. Учителя просили от имени несчастного боснийского народа, помочь своим верным братьям, «закованным в оковы варваров». Но посланные в Брод деньги не пошли на строительство церкви и помощь школе. Средства были переданы через местного жителя торговца Михаила Тасовца, а он их по приезду отдал другому торговцу по кличке Стева Толстяк из турецкой части города. Последний отказался их возвращать⁸⁸².

Часто причиной обращения священников в Белградскую митрополию служило тяжёлое финансовое положение, их письма сводятся к следующему: стал священником, приехал в Боснию, получаю очень мало денег, жить здесь невозможно⁸⁸³.

Православных церквей, по сведениям Гильфердинга, в Боснии было очень мало. Пик их строительства приходится на вторую половину 1860-х гг. Неоднократно с просьбами оказать финансовую помощь в строительстве обращались и представители Зворника. Сам митрополит зворницкий *Дионисий* в

⁸⁷⁹ АС. Ф. МБ. 1859. 938.

⁸⁸⁰ АС. Ф. МПс. 1866. I. 51.

⁸⁸¹ АС. Ф. МПс. 1866. I. 12.

⁸⁸² АС. Ф. МБ. 1865. 1484.

⁸⁸³ АС. Ф. МБ. 1869. 1029.

своих письмах сообщал о неудачах в реализации этого проекта⁸⁸⁴. В 1867 г. он также говорил о случаях воровства, присланных денег и бегстве священников с ними в Австрию. С критикой на Дионисия обрушивались австрийские сербы. Из-за публикации в Нови-Садском Народном листе⁸⁸⁵, обличающей его статьи, он писал митрополиту Михаилу оправдательное письмо. Обвинение в краже большой суммы монастырских денег он всячески отрицал и обрушивался с критикой на авторов статьи, называя их слова продуктом грубого, адского и гадкого языка, провокацией со стороны Австрии. Вслед за этим поступило письмо из Боснии от бывшего правительственного питомца Стефана Тодоровича⁸⁸⁶. «Страх и ужас охватил сербство, когда несколькими днями ранее одна сербская газета опубликовала хвалебную статью зворницкому митрополиту Дионисию, главному мучителю борющегося сербства» – начинает Тодорович письмо⁸⁸⁷. Дионисия он называет главным гонителем и душителем просвещения в Боснии, иностранным шпионом, подобием Иуды и призывает не верить ни единому его слову. Письмо же заканчивается просьбой любыми способами освободить Боснию от этого человека. Деньги на строительство церкви в Зворнике сербское правительство отправило⁸⁸⁸. Дионисий же сохранил свой пост.

Денежную помощь от сербского правительства получал и монастырь Святой Троицы в Герцеговине⁸⁸⁹. Из всех рассмотренных прошений об оказании помощи в строительстве церквей или поддержании монастырей в регионе не обнаружено ни одного отказа со стороны сербского правительства. Сюда же поступало много помощи и из России.

Поддержание православия в регионе было одной из первостепенных задач политики Сербии. Ведь именно это было одной из главных связующих нитей между разорванными славянскими областями. Вопрос воспитания кадров –

⁸⁸⁴ АС. Ф. МБ. 1867. 653.

⁸⁸⁵ Народни лист. Нови-Сад. 1867. бр. 43.

⁸⁸⁶ АС. Ф. МБ. 1867. 732.

⁸⁸⁷ Там же. Л. 1.

⁸⁸⁸ АС. Ф. МБ. 1867. 906.; АС. Ф. МБ. 1867. 1001.; АС. Ф. МБ. 1867. 1376.

⁸⁸⁹ АС. Ф. МБ. 1856. 768.

священнослужителей из местного славянского населения Сербия брала в свои руки.

Помощь церквям и монастырям так же, как и в случае со школами не носила случайный характер. Часто при монастырях располагались учебные заведения. Пожалуй самым известным из них была школа при монастыре Житоmysлич. Именно православные монастыри становились главными повстанческими центрами. Герцеговинские монастыри Дужи и Житоmysлич, тесно связанные с Никиформ Дучичем и Серафимом Перовичем, являлись основными очагами волнений в Герцеговине.

В Боснии и Герцеговине священник не только приобщал население к православию, он играл роль агитатора в борьбе с владычеством Турции. Если обратиться к истории восстаний этого региона, то можно заметить, что во всех волнениях эпохи хатт-и-хумаюна ведущие роли играли именно представители духовенства. Достаточно вспомнить Мелентия Перовича, Жарко Лешевича, Никифора Дучича.

§ 4. Русские и сербские планы в отношении Боснии и Герцеговины в контексте политики Османской и Австрийской империй

*Слышатся стоны и чюдятся муки...
видятся в царстве турецких бичей
кровью облитые спины и руки,
сжатые ржавым железом цепей...*

В.И. Славянский⁸⁹⁰

Для того чтобы выяснить, на сколько эффективными были усилия России и Сербии в Боснии и Герцеговине нужно ещё раз посмотреть на ситуацию в

⁸⁹⁰ Славянский В.И. (Немирович–Данченко В.И.). Мотива славянина. Перевод с сербского // Дело. 1875. № 11. С. 263–264.

регионе, обратить внимание на австрийские и османские планы относительно будущего этого края.

Политика Османской империи в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-е гг.

С османским завоеванием Балканы превратились в цивилизационную контактную зону между Востоком и Западом. Примыкающая к австрийской границе Босния, где добровольно мусульманскую веру принял значительный процент населения, является наиболее интересной областью. Здесь столкнулись и переплелись запад и восток, христианство и ислам.

В предыдущих главах речь шла о сопротивлении христианского населения Боснии и Герцеговины турецкому гнѣту. Изученные источники давали исключительно негативный образ османского управленца и твердили о невыносимых условиях жизни для сербов Боснии и Герцеговины. Какова же была реальная картина османского управления краем?

Турки принесли в Боснию строгую централизацию власти. Это полностью исключало возможность раздробленности и сепаратизма. Появился единый и незыблемый правитель – султан.

Земли Боснии и Герцеговины попали в культурный ареал османского традиционного общества. Всё население империи делилось на аскерию (знать) и райю (остальной народ). Общество держалось на традициях, соблюдение которых было обязательным условием его благополучного существования. Отсутствовала чѣткая дифференциация законодательной, исполнительной, судебной власти, огромную роль играли личные связи, поддерживалось раздельное проживание представителей разных конфессий. Из последнего и вытекало деление страны на миллеты по религиозному принципу. Империя разнородных культурных традиций и религиозных практик поддерживала равновесие за сѣт проведения «традиционных реформ», укрепляющих существующий порядок⁸⁹¹. Пропуск к карьерным успехам на государственном уровне давал ислам. До XVIII века пробиться наверх славянам помогала система девширме (сбор). Для некоторых семей насильственное разлучение с ребёнком было настоящей трагедией, но

⁸⁹¹ Олюнин С.В. Указ соч. С. 13.

многие добровольно и с радостью отдавали детей в ряды янычар. Это давало возможность получить хорошее образование и сделать достойную карьеру. Босния была источником лучших военных кадров, 20 выходцев из этого региона стали великими везирями. Добровольно принявшая ислам знать – беговат жила самостоятельной жизнью, пересылая в центр ежегодные налоги. Все восстания в регионе Босния и Герцеговина до 1850-х гг. носили характер феодального сепаратизма или представляли собой междоусобные разборательства. Крестьяне редко принимали в них участие.

Мир стремительно менялся, Османская империя пребывала в кризисе, назрела необходимость реформ. Началась эпоха преобразований – *танзимат*. Она полностью перечеркивала те принципы, на которых долгое время держалась Османская империя. Для представителей всех вероисповеданий открывались двери в гражданские и военные школы, на государственную службу. Это наносило сокрушительный удар по структуре общества, существовавшей со времени основания государства. *Хатт-и-хумаюн* 1856 г. декларировал в стране единую национальность – османскую. Позже этот принцип станет одним из положений конституции 1876 г.

Приверженность традициям сменила государственная идеология *османизма*. В её основу легли принципы: катылымджилык (единение всех национальных элементов) и ватандашлык (гражданство)⁸⁹². Она представляла собой вариант западной национальной идеологии. Переход к ней был продиктован идеей спасения государства. Символичной стала организация султанской гвардии в 1864 г. Она получила название – «силах–шуран». С этого момента личную охрану главы империи составляли представители дворянства всех народностей подвластных султану без различия вероисповедания. Они носили свои национальные одежды и были вооружены по обычаю своих народов. Лошадь, экипировку, рацион и жалование личные охранники султана получали из казны. Эта гвардия должна была сопровождать Абдул-Азиза во всех его поездках.

⁸⁹² *Ташансу Тюркер*. Процесс модернизации в Османской империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии (XIX – нач. XX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Тюркер Ташансу. – М., 2007. С. 45–46, 113.

Османской империи не удалось избежать влияния со стороны запада, которое переросло в диктат. Кроме того, сила многовековых традиций была столь крепка, что в одночасье перестроить мышление и образ жизни рядового жителя Османской империи было затруднительно.

Сербия и Россия заботились о будущем православного населения вилайета, Австро-Венгрия активно поддерживала католиков. В сербских и австрийских проектах главные роли отводились именно христианскому населению, а мусульмане отходили на второй план. Их судьба не особенно волновала русское и европейское общество.

В современной боснийской историографии всё громче звучит такое понятие, как «Христославизм». Исследователь С. Банджович обозначает этим термином идеологию, возникшую в XIX веке. Суть этого понятия заключается в следующем: все славянские народы по своей природе христиане и переход в другую религию означает отказ от принадлежности к славянству. Этот парадокс хорошо был показан в «Боснии, Герцеговине и Старой Сербии» Гильфердинга и не раз подтверждался другими дипломатами и зарубежными путешественниками, соприкоснувшимися с боснийскими землями. Нельзя обозначить точное время, когда такое понимание народности укоренилось в Боснии. Этот вопрос требует глубокого и серьёзного исследования. Ясно одно, что сербская, австрийская, хорватская и русская пропаганда в регионе только усиливала это размежевание.

В Османской империи вся общность мусульман носила название «умма». Тем не менее боснийские мусульмане для Константинополя именовались «бошняки» или «потурченцы». В свою очередь столичных мусульман их боснийские братья по вере презрительно именовали «туркушами». Универсальным обозначением славянина-мусульмана был термин «турчин»⁸⁹³.

По мнению историка-османиста С.В. Олюнина разобщённость боснийского общества сохранялась на протяжении всего XIX века. Решить эту проблему должны были реформы танзимата, но они только усугубили ситуацию⁸⁹⁴.

⁸⁹³ Олюнин С.В. Указ соч. С. 88.

⁸⁹⁴ Там же. С. 112.

Обратимся к сведениям об этно-конфессиональном составе населения Боснии и Герцеговины. Здесь следует оговориться, что точных статистических данных по этому вопросу не существует. Официальная перепись, проводимая османскими чиновниками грешила множеством неточностей⁸⁹⁵. Зачастую не проводился полный учёт всех населённых пунктов. Для примера бралось одно село, производился подсчёт населения, а полученные цифры приписывались и остальным населённым пунктам местности. Описи, составленные иностранцами, также нельзя считать полностью достоверными, так как они чисто физически не могли произвести учёт всего населения.

Перепись населения проводилась по дворам в 1851 г., считали, что во дворе живёт 6–7 человек. Итого вышло около 1.100.000 человек, из них 534.651 мужчин. Вот статистические данные, которые приводит в своей работе А.Ф. Гильфердинг⁸⁹⁶:

Таблица 4.2. – Население Боснии и Герцеговины на 1851–1852 гг.

	мусульман		христиан		Итого примерно обоого пола	Католики обоого пола
	Двор.	Муж. душ	двор	Муж. душ		
Босния						
6 боснийских санджаков	65.405	267.637	51.728	185.195	905.664	120.624
Герцеговинский санджак	7.968	26.010	14.595	55.809	163.638	53.458
всего	73.373	293.647	66.323	241.004	1.080.730	174.082

Вторая перепись 1865 г. считала количество мужского населения. Получилось 721.000 мужчин. Общее количество населения приняли за 1.442.000 человек. Обе переписи не верны. Тем не менее за 13 лет виден ощутимый прирост населения, который составил 342.000 человек.

Гильфердинг указывал, что в первой переписи цифры занижены. Австрийский майор генерального штаба Роскевич отметил, что в переписи 1865 г. цифры наоборот завышены. Он полагал, что в реальности население региона

⁸⁹⁵ См. Приложение П. Статистические данные о населении Боснии и Герцеговины.

⁸⁹⁶ Гильфердинг А.Ф. Босния в начале 1858 г. С. 283–284.

составляет 1.151.000 человек. Австрийский майор Теммель⁸⁹⁷ насчитал в Боснии и Герцеговине 1.211.772 человека, прусский консул Блау – 1.062.027⁸⁹⁸.

**Таблица 4.3. – Население Боснии и Герцеговины.
Результаты переписи 1865 г⁸⁹⁹.**

Прав м.д	Катол. муж.душ	Мусул. муж.душ	Евр. муж.душ	Итого муж.душ.	Примерно обоого пола
344.777 ок. 48 % ⁹⁰⁰	128.960 ок. 18 %	243.203 ок. 34 %	4.091	721.031	1.442.062

**Таблица 4.4. – Материалы переписи австрийских и прусских агентов
к середине 1860-х гг. (Босния, Герцеговина и Нови-Пазар)⁹⁰¹.**

Вероисповедание/национальность	Блау	Роскевич	Тёммель
Мусульмане	444.505 ок. 42%	378.000 ок. 33%	442.170 ок. 36%
Православные	431.201 ок. 40%	590.000 ок. 51 %	571.756 ок. 47%
Католики	171.764 ок. 16%	164.000 ок. 14 %	185.504 ок. 15%
Евреи	3.759	5.700	2.305
Цыгане	10.798	13.300	10.037
всего	1.062.027	1.151.000	1.211.772

Из таблицы видно, что данные разнятся. Особенно ощутим разброс сведений о соотношении православного и мусульманского населения. Будем считать, что количество мусульман в регионе составляло около 38 %. Это достаточно ощутимая цифра.

Для удобства в проведении дальнейших расчётов примем общее количество населения Боснийского вилайета за 1.200.000 человек.

⁸⁹⁷ Результаты его переписи пользовались российские консулы.

⁸⁹⁸ Военно-статистический сборник на 1868 год. Выпуск II. Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. СПб., 1868. С. 194.

⁸⁹⁹ Там же. С. 193.

⁹⁰⁰ Здесь и далее подсчёты в процентах произведены самостоятельно.

⁹⁰¹ Военно-статистический сборник на 1868 год... С. 194.

Итак, с введением в жизнь хатт-и-хумаюна был взят курс на создание единой османской нации. В Боснии с её пёстрым религиозным составом появляется идея *интерконфессионального бошнячества*. Её главным творцом был *Топал Шериф Осман - паша* (1829–1877).

Он родился в Морее на острове Крит⁹⁰². Осман-паша был хорошо образован, слыл знатоком арабской, турецкой и персидской литературы, владел греческим и французским языками. В молодые годы находился на военной службе, самоотверженно сражаясь за веру, султана и старый порядок. С годами к нему пришло понимание о необходимости преобразований в империи. Всю свою энергию в этом вопросе он направил на Боснию и Герцеговину.

В 1861 г. он стал генерал-губернатором Боснийского пашалыка. Этот пост он занимал до 1869 г⁹⁰³. Такое долгое пребывание в Боснии было редкостью. Прежде османские чиновники не задерживались там более, чем на два года⁹⁰⁴.

Осман-паша мечтал превратить Сараево в настоящий европейский город. Его стараниями в столице вилайета были построены больница, библиотека, большая гостиница, появились кредитные организации помощи крестьянам, почта и телеграф (Сараево – Нови-Пазар – Константинополь)⁹⁰⁵. Шло активное строительство дорог и мостов. На окраине Сараева была построена прекрасная вилла, которая до сих пор украшает город⁹⁰⁶. Большое внимание он уделял лесопильному делу. Из Вены были приглашены инженеры, которые обучали местное население ведению лесопильного хозяйства. В Боснии появилась первая типография. Из австрийского г. Земун был приглашён книгопечатник Сопрон⁹⁰⁷. Турецкое правительство заключило с ним контракт на три года, предоставило ему бесплатное помещение, 38.000 гульденов ежегодно на печатные расходы и

⁹⁰² Российский консул Щулепников считал его уроженцем Боснии.

⁹⁰³ *Salih Sidki Hadžihusević Muvekkit. Povijest Bosne. Knj. 2. Sarajevo, 1999.*

⁹⁰⁴ См. Приложение У. Список пашей Боснии.

⁹⁰⁵ К этому времени относится появление и распространение в Боснии мусульманской фамилии «Телеграфич»

⁹⁰⁶ Эта постройка носит название «Вилла Ченгичей», так как Осман паша продал её представителям этого богатого семейства. Именно эта вилла стала яблоком раздора между российским консулом Кудрявцевым и Осман пашой.

Об этом говорилось выше. См. Главу 1.

⁹⁰⁷ До этого момента в Боснии и Герцеговине ранее не печатались газеты. В 1850 г. Иван Франьо Юкич организовал издание газеты «Боснийский друг» (*Bosanski prijatelj* – серб.). До 1870 г. вышло всего четыре номера этой газеты и все они печатались в хорватских землях.

заработную плату в 2000 гульденов⁹⁰⁸. В 1866 г. появилась официальная газета «Босния», последний номер которой датируется июлем 1878 г. Сопрон лично начал печать сербского издания «Боснийский вестник» (1866 г.). С 1868 по 1872 гг. выходило литературно-политическое издание вилайета «Сараевский цветник»⁹⁰⁹.

Все эти газеты были билингвами. Один и тот же текст приводился на османском языке и сербской кириллице. Турецкие наборщики получали жалование от правительства, а сербским платил Сопрон лично. Кроме того, в типографии Сопрона должна была печататься учебная литература для школ. За основу принимались сербские учебники. Осман-паша намеревался наладить печать богослужебных книг для православного населения. Он направил ноту боснийскому, мостарскому и зворницкому митрополитам с просьбой предоставить список нужных книг. Боснийский митрополит Игнатий категорически отказался от этого, сославшись на то, что без позволения Константинопольского патриарха он не имеет право одобрить печать. Такая инициатива Осман-паши насторожила и российскую дипломатию. Высказывались опасения в возможном искажении священных текстов и утраты духовного общения с православным населением. Консул Шулепников просил убедить патриарха наложить запрет на данную инициативу⁹¹⁰.

Этот вопрос разбирали митрополит московский Филарет и Синод. Было решено предпринять все усилия, чтобы не допустить печати книг в вилайете. Одним из главных аргументов было то, что турки могли ознакомиться со священными текстами и найти в них места, которые можно трактовать в их пользу. Так Россия помешала Осман-паше в деле налаживания контактов с православным населением.

Выше уже говорилось о том, какую помощь Осман-паша оказал православной школе Стаки Скендеровой, в которой учились его собственные

⁹⁰⁸ Донесения об этом поступали в Святейший Синод. См. РГИА.Ф. 797. Оп. 36. II отд. 3 стол. Д. 36. Л. 3–5.

⁹⁰⁹ Пејановић Ђ. Штампa Босне и Херцеговине 1850–1941. Сарајево: Свјетлост, 1949. С. 43–44.

⁹¹⁰ РГИА.Ф. 797. Оп. 36. II отд. 3 стол. Д. 36. Л. 3–12.

дочери. Турецкое правительство финансово поддерживало и католические учебные заведения⁹¹¹.

По сообщениям российских консулов при Осман-паше турецкая тайная полиция работала особенно хорошо, она пристально следила за деятельностью консульства России⁹¹². Именно при нём прогремело дело семинарии Пелагича. Соответственно сербы княжества относились к этому чиновнику негативно и с нетерпением ждали его удаления из Сараева⁹¹³.

Этот боснийский вали старался одинаково относиться к представителям всех вероисповеданий. Правда такая политика не находила должного отклика у боснийского общества. Мусульманам не нравилось его лояльное отношение к христианскому населению. Деятели сербского комитета по освобождению Боснии докладывали в Сербию, что многие турки ненавидят своего вали⁹¹⁴.

Осман-паша провёл административную реформу в Боснии и Герцеговине. В 1866 г. *Боснийский пашалык* и *Герцеговинский* санджак были объединены в *Боснийский вилайет*. В вилайете выделялось семь санджаков: Сараевский, Герцеговинский, Зворницкий, Баня-Лукский, Бихачский, Нови-Пазарский и Травницкий. Боснийский вали терял свои военные полномочия.

Нельзя сказать, что Сербия полностью игнорировала работу с мусульманским элементом. Как было отмечено выше, одним из пунктов плана Гарашанина была агитаторская деятельность в среде исламизированного населения Боснии. Попытки сербского правительства идти на социальный компромисс и сделать союзниками боснийских мусульман, приводили к тому, что они обретали доверие небольшой группы местных бегов, но теряли симпатии большой группы христиан – крестьян. По мнению М. Экмечича, участие исламской элиты Боснии в работе тайных сербских организаций было лишь подготовкой к оформлению их собственной идеологии⁹¹⁵. Во второй половине

⁹¹¹ Об этом свидетельствуют донесения российских консулов в Московский славянский комитет. См. ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 91.

⁹¹² Там же. Л. 119.

⁹¹³ Об этом свидетельствуют донесения сербских агентов в Боснии к Йовану Ристичу. См. АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XII/3. 12/37.

⁹¹⁴ АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XII/3. 12/31.

⁹¹⁵ Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања. Београд, 2008. С. 264.

60-х гг. XIX века велись переговоры с боснийскими мусульманами феодалами⁹¹⁶. Россия поддерживала Сербию в этом деле⁹¹⁷. Результатов достичь не удалось из-за постоянной отсрочки восстания.

В 1860-е гг. Османская империя оказалась в тяжёлом положении. 1860–1861 гг. были ознаменованы Сирийским кризисом. По Герцеговине прокатилось восстание Луки Вукаловича, оно перетекло в войну с Черногорией. Весной 1866 г. Абдул-Азиз признал полунезависимый статус Египта. В августе начались первые столкновения греков с турецкими войсками на Крите. Как известно 1865–1866 гг. были временем активной работы участников Балканского союза над организацией массовых волнений.

После восстания Луки Вукаловича и черногоро-турецкой войны производятся работы по укреплению дорог и мостов на границах с Сербией и Черногорией⁹¹⁸. В 1864 г в Боснии и Герцеговине начинается формирование 40-тысячной милиции из местного мусульманского населения – отрядов баши-бузуков⁹¹⁹. Эти отряды существовали в Боснии и ранее, именно они сыграли главную роль в войне с Черногорией. Баши-бузуки располагались вдоль всей сербской границы и на части австрийской. Организацию новых военных единиц поручили *Джевдет-Эфенди*, он был отправлен султаном Абдул-Азизом в Боснию и Герцеговину. Цель Джевдет-Эфенди состояла в выяснении причин волнений, прокатившихся по этим областям. По сути дела экспедиция должна была продемонстрировать глубину застоя в империи, виной которому было неграмотное управление предыдущего султана Абдул-Меджида I. Он находился у власти до 1861 г. В состав комиссии Джевдет-Эфенди и был включён вышеупомянутый албанский писатель *Паско Васа Эфенди*. В своей работе о Боснии он подверг критике политику Абдул-Меджида и говорил о желании нового султана навести порядок в регионе.

⁹¹⁶ АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XII/3. 12/23; 12/30; XII/5. 12/583.

⁹¹⁷ Карасёв А.В. Россия и Балканский союз... С. 126.

⁹¹⁸ Об этом свидетельствуют донесения русских военных агентов в Константинополе в Военное министерство. См. РГВИА.Ф. 450. Оп. 1. Д. 73. Л. 38.

⁹¹⁹ РГВИА.Ф. 450. Оп. 1. Д. 73. Л. 53об–54.

Итак, Джевдет-Эфенди должен был привлечь боснийских бегов на свою сторону. О формировании отряда милиции на основе донесений Щулепникова сообщал российский военный агент в Константинополе *Виктор Антонович Франкини*⁹²⁰. В Сараево были приглашены беги из всех санджаков Боснии. Несколько недель шли совещания по вопросу проведения рекрутского набора и устройства милиции. Беги дали согласие на эти планы Порты. Было решено в первый год устроить полк в четыре батальона, имеющих каждый по 800 человек, а год спустя организовать другой полк. Юз-баши (ротные командиры), полковники и Лива-паша (бригадный генерал армии) назначались из рядов регулярного войска. Прочие офицерские чины отдавались боснийским мусульманам. На переговоры с бегами была затрачена значительная сумма денег. Каждому бегу было выдано на путевые издержки от 50 до 60 турецких лир, так что вся выданная им сумма составляла около двух тысяч червонцев⁹²¹. Данные мероприятия российские консулы именовали процессом «оттоманизирования» региона. Главными стратегическими пунктами были города Калашин в Герцеговине и Сенница в Нови-Пазарском санджаке, на границах с Черногорией и Сербией соответственно. В этих местностях были организованы военные депо, куда поступали бельгийские карабины новых систем. В Сеннице предлагалось разместить 6000 черкесов, эмигрировавших с Кавказа. В дальнейшем они должны были расселиться вдоль всей границы с Сербией⁹²².

Происходящее очень волновало российскую дипломатию и военное ведомство. При работе с фондами Российского военно-исторического архива был выявлен ряд документов, предоставляющих статистические данные о количестве жителей Боснии и Герцеговины, добровольно вступивших в ряды турецкой армии в 1865–1866 гг. Донесения в Военное министерство составлены русскими

⁹²⁰ *Франкини Виктор Антонович* (1820–1892) – военный писатель, генерал-лейтенант. Участник обороны Севастополя в Крымскую войну. С 1856 по 1870 гг. военный агент в Константинополе. Далее заведовал военно-горским управлением на Кавказе. В конце 1870-х гг. был отправлен с особой миссией в Тегеран. Первый российский генерал-губернатор Карсской области.

⁹²¹ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 73. Л. 90–91.

⁹²² ОР РГБ. Ф. 169. Картон. 41. Ед. хр. 35. Л. 5, 5об.

консулами. Видимо в то время у России в Боснии не было военных агентов. Полученные данные представлены в виде таблицы.

Таблица 4.5. – Жители Боснии и Герцеговины, вступившие в ряды Турецкой армии

санджак		? ⁹²³	21.03. 1865 ⁹²⁴	18.04. 1866 ⁹²⁵	23.06. 1866 ⁹²⁶	1.08. 1866 ⁹²⁷
Сараевский	Баши-бузуки	800	1.000	–	5000	1.452
	пехота			613	–	600
Травницкий	Баши-бузуки	–	900	–	5.000	5.170
	пехота	–		1.517	–	–
Баня-Лукский	Баши-бузуки	–	–	–	–	4.150
	пехота	500	–	–	–	–
Зворницкий	Баши-бузуки	–	–	–	–	14.950
	пехота	–	–	1.230	–	–
Бихачский	Баши-бузуки	–	–	–	–	9.480
	пехота	–	–	–	–	–
Нови–Пазарский	Баши-бузуки	–	–	–	–	8.140
	пехота	–	–	617	–	–
Герцеговинский	Баши-бузуки	–	–	–	9.000	–
	пехота	–	–	–		–
Всего		1.300	1.900	3.977 человек в отрядах пехоты	45.000 баши-бузуков	43.942

Если рассматривать время до мобилизации в 1860-е гг. в Боснийском вилайете, то численность войск составляла примерно 15.000 человек. Из них местные жители составляли от 12 до 30 %. Данные на 1 августа 1866 г. говорят,

⁹²³ РГВИА.Ф. 450. Оп. 1. Д. 74. Л. 11–14.

⁹²⁴ Там же. Л. 15–21об.

⁹²⁵ Там же. Л. 61–62об.

⁹²⁶ Там же. Л. 85–85об.

⁹²⁷ Там же. Л. 98–99.

что количество жителей Боснии и Герцеговины в рядах турецкой армии в вилайете составляло более 75 %. Если население в среднем составляло примерно 1.200.000 человек, то 45.000 баши-бузуков⁹²⁸ довольно большая цифра. Это около 3,75 % от всего населения, 6,24 % мужчин, порядка 19 % мужчин мусульман⁹²⁹.

Основываясь на боснийском опыте, в конце 1866 г. Порты приступила к реализации плана повсеместного вооружения балканских мусульман.

К сожалению, нет точных данных о количестве повстанцев, завербованных сербами в четы. Согласно планам работы на 1871 г. предполагалась организация 52 чет, объединяющих 14 тыс. человек (2 % от всего мужского населения вилайета и 3% от мужчин христиан)⁹³⁰. Если такие цифры были только в планах, значит на тот момент количество местного населения, участвовавшего в подготовке восстания, было меньше. Уже с 1872 г. в донесениях Ники Окана всё реже упоминается о деятельности повстанческих чет, о происходящем в Боснии говорится с меньшей горячностью. Чаше он просто сообщает о последних событиях в вилайете. Видимо деятельность сербского комитета под руководством Й. Ристича не достигла желаемых результатов к этому времени.

В годы, когда христианское население региона при поддержке сербов княжества, черногорцев и хорватов готовило широкомасштабное восстание, осуществлялись попытки привлечь местных мусульман на свою сторону, такой значительный процент мусульман вилайета добровольно пополнял ряды баши-бузуков.

После каждой вспышки волнений в Боснии и Герцеговине наблюдался отток населения из этих областей в Сербию, которая не всегда могла принять беженцев, поскольку это было чревато осложнениями с Портой. В 1859 г. в дело

⁹²⁸С введением хатт-и-хумаюна 1856 г. в турецкой армии под военную повинность попадали молодые люди с 21 года. Рекруты пополняли корпуса регулярных войск (низам) по жребию. Срок службы в низаме составлял 5 лет. После этого они пополняли ряды резервной армии – редифа. Кроме них редиф пополняли мужчины в возрасте 26 лет, которым по жребию не выпала служба в низаме. Срок службы в редифе составлял 7 лет. Далее резервные солдаты попадали в гияде (запасные войска). Срок службы в гияде составлял 7 лет, в мирное время солдаты запаса не собирались. Иррегулярные войска, полицейские или жандармские набирались из числа служащих солдат или волонтеров. Баши-бузуки (в переводе с турецкого «безбашенные») набирались в военное время и представляли собой милицию, комплектуемую из рядов мусульманского населения. Они получали от правительства оружие и продовольствие. Жалования для баши-бузуков не предусматривалось.

⁹²⁹Если ориентироваться на перепись 1865 г., согласно которой мужское население составляло 721.031 чел., из них 243.203 – мусульмане.

⁹³⁰АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XII/3. 12/53.

вмешались российские дипломаты, повлиявшие на решение Милоша Обреновича принять беженцев⁹³¹. Населению Боснии и Герцеговины российские дипломатические агенты пытались объяснить несвоевременность выступлений против турок. В 1865 г. также наблюдалась волна массовых переселений из Боснии в Сербию и Австрию. Илия Гарашанин отправил ноту боснийскому паше, в которой сообщал, что сербское правительство не имеет средств для размещения беженцев и возвратит их в Боснию⁹³².

Был и обратный процесс переселения мусульман из княжества Сербия в Боснию. Выезжали в основном из Смедерева и города Ужице. Начиная с 1860-х гг. только из г. Ужице прибыло более 1200 человек. Остро стояла проблема их расселения. Большая часть из них была размещена в Зворницком санджаке. Первоначально их распределяли по частным домам. Расходы на устройство беженцев из Сербии брало на себя правительство. Однако выделенных средств не хватало. Осман-паша проводил сбор помощи на их размещение. На момент 1867–1868 гг. из Смедеревского санджака в Боснию переселилось порядка 30 тысяч мусульман⁹³³.

В 1869 г. Осман-паша покинул Боснию. В 1870-е гг. из этого региона поступает масса сообщений о самоуправстве властей. Христиане жаловались на притеснение и несоблюдение хатт-и-хумаюна.

Попытки Османской империи создать в Боснии и Герцеговине единое гармоничное общество не удалось реализовать. Это противоречило вековым устоям империи и требовало длительной и планомерной работы. Сербская и русская пропаганда мешали налаживанию контактов с православным населением, католики же были полностью под влиянием Австрии.

Политика империи Габсбургов в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-е гг.

Ещё с XVII в. монархия Габсбургов неоднократно предпринимала попытки присоединить Боснию к своим владениям. В 1768–1774 гг. в Вене высказывались

⁹³¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. С. 232–233.

⁹³² *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима... 1856–1878. С. 92.

⁹³³ *Bandžović S.* Bošnjaci I deosmanozacija Balkana. Muhadžirski pokreti I prebježišta “sultanovih musafira” (1683.–1875.). Sarajevo, 2013. S. 321–329.

предложения о присоединении части Боснии и сербских земель с Белградом вместо участия в первом разделе Польши. По балканскому проекту Екатерины II западные Балканы также отходили Габсбургам⁹³⁴. В начале XIX века в Боснии и Герцеговине появилась латиница. Этот вид письменности был внедрён в католическую среду австрийцами. Свою агентурную сеть в Боснии Австрия развернула после 1849 г. Причиной послужила активизация внешней политики Сербского княжества и опыт революций конца 1840-х гг. Австрийцы первыми из европейцев создали обширную консульскую сеть на землях Боснии и Герцеговины. Она охватывала Сараево, Мостар, Травник, Ливно, Тузлу, Нови-Пазар, Требинье и Брчко⁹³⁵. Австрийцы при этом тратили по 20.000 форинтов ежегодно на борьбу с сербскими тайными организациями.

В 1852 г. они добились от Порты права покровительства над католическим населением Боснии и Герцеговины. Надо признать, что католический Рим куда больше заботился о своей пастве в Боснии и Герцеговине нежели Константинопольский патриарх. Мостарский консул Илларионов писал в славянский комитет: «католики, несмотря на свою малочисленность в сравнении с православными, всюду по Герцеговине имеют и хорошо устроенные церкви и порядочные школы, содержимые на деньги Рима и пропаганды. Притом же всё здешнее католическое духовенство вообще далеко превосходит своим образованием православное духовенство Герцеговины, состоящее, за самым ничтожным исключением, из едва грамотных священников»⁹³⁶.

В Боснии дела обстояли точно также. При каждом католическом монастыре находилось училище, там дети получали духовное воспитание. По окончании курса молодые люди отправлялись продолжать обучение в Италию, Австрию, Венгрию. Там они находились на попечении боснийских монастырей или австрийского правительства. Австрия распространяла свои стипендии через

⁹³⁴ Пахомова Л.Ю. Боснийский вопрос в русской внешней политике в 1878–1908 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Пахомова Лидия Юрьевна. – М., 2010. С. 51.

⁹³⁵ Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања. С. 261.

⁹³⁶ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 54об.

фратеров и католическое духовенство. Помимо духовного образования молодые люди часто обучались на медицинских факультетах.

При каждом католическом монастыре работала аптека. Медицина в вилайете была развита очень плохо. Поэтому вполне естественно, что наряду с католиками к услугам этих аптек прибегали и православные и мусульмане. Об этих обстоятельствах сообщали российские консулы, говоря об опасности католической пропаганды⁹³⁷. На основе их донесений Н.А. Попов составил брошюру «Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами»⁹³⁸. Интересно, что ни сербы княжества, ни русские не стремились устроить ничего подобного в регионе. Хотя даже Франция посылала аптекарские принадлежности и лекарства в католические монастыри⁹³⁹.

По мнению российских консулов, качество образования в школах при католических монастырях оставляло желать лучшего, однако пропаганда воспитывала настоящих религиозных фанатиков, которые презирали сербскую народность и переставали отождествлять себя с ней⁹⁴⁰.

В конкурентной борьбе с австрийцами сербы проигрывали. Представители двуединой монархии умело и намного искуснее действовали в регионе, они лучше находили язык с местными властями, нежели русские консулы. К примеру, в 1869 г. открылась католическая семинария в Любушском уезде (Герцеговина)⁹⁴¹. Тогда же в Баня-Луке трапписты начали строительство монастыря, училища и больницы на венгерские средства. Православной семинарии в Житомирском уезде в это же время не суждено было открыться.

Беженцы из Боснии и Герцеговины находили пристанище на землях Австро-Венгрии. В отличие от Сербии, которая не была в состоянии принимать беглое население, австрийские власти активно выдавали им свои паспорта.

⁹³⁷ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 84–93об.

⁹³⁸ Попов Н.А. Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами. М., 1873.

⁹³⁹ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 85об.

⁹⁴⁰ Там же. Л. 90об–91.

⁹⁴¹ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 54об–55.

С середины 1860-х гг. иностранные подданные европейских государств получали право приобретать недвижимость в Османской империи. Австро-Венгрия активно использовала эту возможность. Началось строительство железных дорог.

В это же время Восточный вопрос во внешней политике Габсбургской империи становится одним из приоритетных. Вырабатываются планы вторжения в Боснию. С точки зрения венского двора у Боснии было лишь два пути: оставаться в составе Османской империи или стать частью империи Габсбургов. Иного быть не могло⁹⁴².

Большие колебания по отношению к вопросу о присоединении Боснии возникали у венгров. В венгерском обществе царил страх панславизма или панруссизма⁹⁴³. Это очень хорошо демонстрируют записи из дневника *Беньямина фон Каллаи*. Ещё в 1868–1869 гг. он говорит о том, что присоединение Боснии к Сербии не худший вариант. Если же она станет частью короны Святого Стефана, то проблем с хорватами не избежать⁹⁴⁴. Однако в 1870 г. уже чётко начинают вырисовываться планы присоединения Боснии к Австро-Венгрии⁹⁴⁵.

В двуединой монархии боснийский вопрос стал предметом для разногласий между сербами и хорватами.

В Боснии ходило множество слухов о будущем вилайета. Так в 1873 г. бытовало мнение, что Россия и Австро-Венгрия уже решили боснийский вопрос. В обмен на присоединение Галиции к России, она одобрит присоединение Боснии к империи Габсбургов. Герцеговина станет частью Черногории⁹⁴⁶. Окончательно вопрос о необходимости присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии был решён в январе 1875 г. Для империи Габсбургов Босния и Герцеговина должна была стать территорией, обеспечивающей безопасность Далмации. Кроме

⁹⁴² Медяков А. С. Внешняя политика Австро-Венгрии 1867–1871 гг. С. 207.

⁹⁴³ Там же. С. 173–174.

⁹⁴⁴ Дневник Беньямина Калаја. 1868–1875. С. 72., 176.

⁹⁴⁵ Там же. С. 342.

⁹⁴⁶ Об этом упоминают в своих донесениях к Й. Ристичу сербские агенты в Боснии. См. АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XII/3. 12/97; 12/114.

того, нужно было не допустить образования крупного Сербского королевства у своих границ.

Если сравнивать положение католического и православного населения в Боснийском вилайете, то можно точно сказать, что так нелюбимая российскими дипломатами австрийская активность была направлена на заботу о своей пастве, не в пример лучше, чем велась забота о православных. Россия и Австрия умело разделили между собой зоны влияния. Русская помощь никогда не касалась католиков, а австрийская обходила стороной православных. В конечном итоге именно эти две державы решили судьбу Боснии и Герцеговины и сделали это не в пылу сражений, как полагал Гарашанин, а за столом переговоров.

Летом 1876 г. в Рейхштадском замке состоялась встреча русского императора Александра II и министра иностранных дел А.М. Горчакова с императором Австро-Венгрии Францем Иосифом и министром иностранных дел Д. Андраши. В устной форме была достигнута договорённость о передаче турецкой Хорватии Австро-Венгрии, Боснию и Герцеговину предполагалось разделить между Сербией и Черногорией. В январе 1877 г. между державами была подписана Будапештская конвенция. Секретное соглашение заключили русский посол в Вене Е.П. Новиков и министр иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши. В обмен на нейтралитет империи Габсбургов в предстоящей войне России против Турции и утверждение проектов предоставления независимости Болгарии, Румынии, Албании, предусматривалась австрийская оккупация Боснии и Герцеговины, за исключением территории Нови-Пазарского санджака. Заключённый в июле 1878 г. Берлинский трактат подтвердил право Австро-Венгрии на оккупацию Боснии и Герцеговины. В Нови-Пазарском санджаке были размещены австрийские военные гарнизоны. Начался процесс присоединения боснийских земель к империи Габсбургов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерес к Боснии и Герцеговине Россия начала проявлять после Крымской войны. Это было связано с переориентацией русского внешнеполитического курса на Балканы.

Первоочередной задачей российской дипломатии в этот период времени являлось проведение глубокого анализа ситуации в крае для выработки программы дальнейших действий.

Позиция России относительно Боснии сложилась из совокупности множества факторов. Большое влияние на её формирование оказали российские дипломаты, славянские комитеты, поездки славян из Боснии в Россию, работа русских учёных.

Министерство иностранных дел России действовало совместно с благотворительными обществами. Кружок А.Д. Блудовой и славянские комитеты способствовали проведению русской культуртрегерской политики в регионе. Эти организации получали финансовую поддержку от правительства, средства на публикацию периодических изданий славянофильской направленности. Изначально их работа отвечала интересам российской политики на Балканах.

Не случайно, что первое русское сочинение о Боснии принадлежит перу человека, который вошёл в историю, как первый консул Российской империи в Сараеве и являлся активным деятелем славянских комитетов. А.Ф. Гильфердинг открыл русскому читателю яркий мир Боснии и Герцеговины, балканских территорий, о которых в России почти ничего не знали. Он показал сложность и многообразие пёстрого социального, национального и конфессионального состава этих провинций. Александр Фёдорович Гильфердинг собрал в Боснии и Герцеговине большой массив разнообразных источников и материалов, летописей, хроник, записок, в том числе и труды современных ему боснийских и герцеговинских деятелей. Его сочинения о Боснии стали своего рода энциклопедией для его преемников на консульской должности.

Начиная с Гильфердинга, все российские консулы в Боснии и Герцеговине тесно сотрудничали с благотворительными организациями, направляли в них отчёты о состоянии школьного дела и православной церкви, занимались распределением присланной помощи, выступали агентами славянских комитетов.

Главной задачей как официальной России, так и ее общественных организаций стала забота о православном населении Боснии и Герцеговины. Именно оно было основным адресатом всей помощи, присылаемой из России. Ответственность России за состояние православного мира была не просто прикрытием для реализации внешнеполитической стратегии, а вполне реальной позицией.

1850–1860-е гг. стали временем прихода в Боснию и знакомства с ней. Именно тогда в регион поступает основная масса финансовых средств от российского правительства, Святейшего Синода и славянских комитетов. Глубокий анализ положения дел в регионе, сделанный Гильфердингом, чётко обозначил основные проблемы области, её особенности и выявил главного конкурента России в крае – империю Габсбургов. Россия находилась в позиции «догоняющего». У австрийцев уже были налажены механизмы оказания помощи католическому населению Балкан, работали школы, аптеки, в полном порядке были церкви и монастыри. Православное население региона, помогать которому стремилась Россия, испытывало множество проблем. Отсутствовала система образования, функционировало очень мало церквей, ощущалась острая нехватка православных священников, а те немногие, что были, редко умели читать и писать. Представления местных жителей о России были достаточно смутными.

Поначалу русская инициатива была воспринята местным населением с апатией. Поступало мало обращений о помощи. Но постепенно благодаря русской и сербской пропаганде в регионе ситуация начала меняться.

Славянские комитеты играли значимую роль в организации оказания помощи населению Боснии и Герцеговины. Нельзя сказать, что русская благотворительность была во многом успешной. Особенно это касается помощи, исходящей от общественных организаций. Зачастую утварь, книги и

священнические облачения, поступавшие в Боснию, были столь плохого качества, что никто не хотел их брать. В таких случаях было сложно завоевать симпатии и доверие местного населения.

До 1875 г. боснийский вопрос мало занимал русскую общественность. Исследование материалов периодической печати того времени не выявило большого интереса к судьбе боснийских славян. Эти вопросы интересовали в основном представителей славянофильского круга и деятелей славянских комитетов. Во многом их деятельность была нацелена не столько на то, чтобы познакомить российское общество с проблемами балканских славян, сколько на создание у зарубежных славянских народов представления о том, что данные темы заботят русское общество. Ярчайшим примером является распространение в славянских землях мало популярного в России журнала «Русская беседа». 1860–1870-е гг. были ознаменованы проведением широкомасштабных реформ в России. Поэтому совершенно не удивительно, что русские периодические издания в первую очередь волновал крестьянский вопрос, а не судьба далёких и малоизвестных славян Боснии. Деятелей славянофильского движения зачастую обвиняли в отсутствии патриотизма, считая преступными их призывы к поддержке народа другой страны, когда сам русский народ нуждается в помощи.

Сотрудничество общественных организаций с российским правительством, привело к тому, что население Боснии и Герцеговины не видело разницы в том, кто присылает помощь: императрица, Министерство иностранных дел или же частные благотворители. Это являлось одной из задач российского МИД, и было очень выгодно России. Но у этого процесса была и обратная сторона. Зачастую, русская благотворительность брала на себя большие задачи, с которыми не всегда могла справиться. Порой славянские комитеты раздавали прожектерские обещания, которые не исполнялись. Яркий пример тому – обещание Киреева содержать женскую гимназию в Сараеве, которое он не смог выполнить. При этом Азиатский департамент отказался спасти ситуацию. Так, из-за элементарной безалаберности и несогласованности действий закрылось чрезвычайно необходимое учебное заведение в Боснии. Это произошло в 1871 г., когда в

Боснии и Герцеговине открываются учебные заведения для девочек на денежные средства Пруссии и Австро-Венгрии.

Взаимоотношения Российского правительства и славянских комитетов прошли определённую эволюцию. Созданные при поддержке официальных властей и должны содействовать реализации российских планов на Балканах, постепенно общественные организации приобретали всё большую самостоятельность, превращаясь в трудно контролируемую силу. Ярчайшим примером этого послужили события 1875 г. и деятельность И.С. Аксакова, который содействовал разжиганию Восточного кризиса и активно пытался втянуть Россию в вооруженное разрешение боснийского вопроса.

Между московским славянским комитетом и его отделением в Петербурге существовало негласное разграничение сфер влияния. Босния и Герцеговина являлась зоной ответственности Москвы. К 1869 г. интерес к этому региону заметно угас. Все свои силы деятели комитета бросили на решение болгарского вопроса. Это было связано с неудачей в организации и деятельности Балканского союза.

Святейший Синод также не был в стороне от проблем Боснии и Герцеговины. Одной из своих главных задач он провозглашал противодействие католической пропаганде. Синод контролировал всю русскую помощь православным церквям региона, все церковные связи с Боснией и Герцеговиной. В отличие от Австро-Венгрии, которая опиралась, прежде всего, на католическое население, России приходилось действовать осторожнее. За православных жителей Османской империи ответственность нес Константинопольский патриарх. Митрополиты Боснии и Герцеговины в большинстве своём являлись греками-фанариотами и вместо того, чтобы защищать свою паству, создавали ей больше проблем. Борьбу с ними и устранение греческого духовенства Гильфердинг назвал первоочередной задачей российской дипломатии. Однако, Россия не преуспела в этом деле поскольку речь шла о взаимоотношениях с Вселенским патриархом, открытая критика действий которого со стороны официальной России была неприемлемой. Не случайно по всем вопросам,

связанным с церковью, МИД России и общественные организации были обязаны получать подробные инструкции от Синода, который проявлял крайнюю осторожность в вопросах о смещении боснийских и герцеговинских митрополитов, удерживая дипломатов от попыток предпринять активные шаги в этом направлении.

Существовало противоборство по вопросу о судьбе турецких славян и при дворе российского императора. Граф Николай Павлович Игнатьев, занимавший видные посты в МИД и императрица Мария Александровна ратовали за решение славянского вопроса, освобождение турецких славян, единство России с родственными по крови и вере народами Балкан. Глава российского внешнеполитического ведомства Александр Михайлович Горчаков не был сторонником идеалистических представлений о возможном славянском единстве. Он действовал по обстоятельствам в интересах России, а не славянского мира. Не случайно, уход Егора Петровича Ковалевского с поста директора Азиатского департамента МИД был связан с несогласием с позицией Горчакова. Министр иностранных дел России отдавал себе отчёт в том, в каком положении находится Российская империя, и не хотел рисковать её благополучием в угоду славянофильским настроениям.

Османская империя старалась удержать Боснию и Герцеговину, способствовала её развитию. Деятельность Топал Осман-паши, которого российские консулы и многие сербы называли одним из главных угнетателей Боснии, была направлена на создание единого равноправного общества. Заккрытие семинарии В. Пелагича воспринимался русскими и сербами, как акт насилия. При этом, надо учитывать, что османский чиновник действовал в интересах стабильности края, ибо данное учебное заведение слишком активно вело антитурецкую пропаганду. Отметим также, что российские консулы и деятели славянских комитетов умалчивали о значительной финансовой помощи, выделяемой турецким султаном на строительство православных соборов и развитие школьного дела в Боснии и Герцеговине. В условиях внутреннего

кризиса, жесткого диктата со стороны Европы и активной пропаганды извне, Османской империи было трудно сохранить за собой Боснийский вилайет.

Россия активно поддерживала балканские народы в их планах по подготовке массового восстания на Балканах, при этом основная ставка делалась на лидера формирующегося Балканского союза – княжество Сербию.

Однако планы совместной борьбы балканских народов против османского владычества оказались на этом этапе утопичными. Выявились слишком много противоречий между участниками союза, особенно между Черногорией и Сербией. Вместе с тем, планировалось, что именно они должны были решить судьбу Боснии.

Нельзя сказать, что после 1869 г. полностью прекратились денежные поступления из России в Боснию и Герцеговину. Сербия в это время продолжала работу по организации повстанческих отрядов на базе школ региона. География предоставления помощи этим школам со стороны Сербии и России практически совпадает. Материалы сербских архивов свидетельствуют о том, что при посредничестве агентов славянских комитетов в Боснии, сербы старались направить русскую помощь в нужное им русло. Так, список мест, куда требовалось послать материальную помощь, в донесениях консулов Илларионова и Безобразова совпадает с районами организации сербских чет. Однако нельзя в полной мере судить о том, насколько Россия была в курсе этих планов.

Кроме того, ориентация России исключительно на православное население края создавала трудности для Сербского княжества. Стремление объединения всего сербского народа в одно государство означало, что пропаганда должна вестись в равной степени среди представителей всех вероисповеданий. Этим во многом объясняются метания сербского правительства между Россией, Австрией и Францией. Попытка работы эmissаров Сербского княжества со славянами мусульманами Боснии не увенчалась особым успехом. Эта категория населения уже не ощущала себя частью сербского народа. Кроме того, это вызывало негодование у православных жителей вилайета. Сербский митрополит Михаил же ориентировался в своей работе исключительно на православных,

являясь верным союзником русских славянофилов и благотворительных организаций.

К 1870-м гг. в Сербии сформировались разные позиции по решению боснийского вопроса. В то время как правительство придерживалось плана постепенного присоединения этих земель, деятели Омладины считали необходимым добиться независимого положения края революционным путём. Одним из идеологов движения за автономию стал Василий Пелагич. Русское общество и правительство поддерживали планы сербского правительства. Для деятелей славянских комитетов идея самостоятельности Боснии казалась утопичной. Поддержка же планов о слиянии Боснии с Сербией была продиктована желанием России иметь большого, сильного союзника на Балканах.

Хотя многие в России, в том числе и М.Ф. Раевский, уже к 1870-м гг. осознали, что слияние этого региона с Сербией также не приведёт к решению боснийской проблемы, И.С. Аксаков активно продолжал работать над сербско-боснийским сближением и организацией восстания.

Восстание, разразившееся в Герцеговине летом 1875 г., вызвало широкий общественный резонанс. Все его события активно освещались в русской периодической печати. Пресса стала выразителем идей панславизма и превратилась в политическую силу. В России началось массовое движение помощи повстанцам. По всей Российской империи собирались денежные средства на борьбу братьев по крови и вере с многолетним турецким гнѐтом. И.С. Аксаков, возглавивший московский славянский комитет, примерял на себя роль чуть ли ни военного министра. В своей переписке с главами повстанческих чет он обещал им и порох, и ружья и приток добровольцев.

Сербо-турецкая война 1876 г. принесла российскому правительству разочарование в Сербии, которое позже передалось и русскому обществу. В конечном итоге, Россия была вынуждена вступить в войну с Турцией. Горчаков, военный министр Д.А. Милютин и ряд других политических деятелей были категорически против этого шага.

Ни Сербию, ни Россию, ни Австро-Венгрию не волновал вопрос о том, чего же на самом деле хотели жители Боснийского вилайета. Со стороны Сербии велась активная антитурецкая пропаганда, но что в реальности могла она предложить всем жителям Боснии и Герцеговины? Молодое вассальное княжество вряд ли смогло бы способствовать развитию этого отсталого во всех отношениях региона.

25 статья Берлинского трактата, явившегося итогом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., давала Австро-Венгрии право на оккупацию территорий Боснии и Герцеговины. В июле–августе 1878 г. Боснийский вилайет де-факто перестал являться частью Османской империи.

Такой вариант развития событий вызвал недовольство сербов. Разочарованный И.С. Аксаков обрушился с критикой деятельности России на Берлинском конгрессе, вслед за этим последовала его ссылка в Варварино и роспуск московского славянского благотворительного общества.

Петербургское отделение славянского комитета оформилось в самостоятельное Славянское благотворительное общество и продолжило свою работу, поскольку столичные благотворители всегда были более послушны, и работали исключительно в интересах правительства.

Россия с самого начала придерживалась двойственной политики: с одной стороны шла активная поддержка Сербии и борьба с католической пропагандой. В то же время не отрицалась возможность оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. События развивались по второму сценарию. Это произошло во многом оттого, что тщательный анализ положения дел в Балканском регионе показал, что Сербия не сможет справиться с присоединением Боснии и Герцеговины. Вопрос о полной независимости края, или его широкой автономии также был весьма проблематичным. Боснийский вилайет во всех отношениях был чрезвычайно отсталым, не случайно он носил негласный статус «захолустья всей Европы».

Непосредственные контакты российских дипломатов и представителей благотворительных организаций с православными жителями Боснии и

Герцеговины не только способствовали расширению взаимного сотрудничества, но и до определенной степени способствовали активизации общественно-политической деятельности представителей этой части населения края.

Опыт работы в Боснии, хотя и не всегда удачный, имел большое значение для российской балканской политики. Было сформировано представление о Боснии и Герцеговине, проблемах и особенностях края. Эти земли перестали быть «terra incognita». В дальнейшем, как только вновь возникал боснийский вопрос, российские дипломаты не раз обращались к донесениям своих предшественников. Двадцатилетний период знакомства с регионом позволил выработать концепцию относительно дальнейшей деятельности в Боснии и Герцеговине. Всесторонний анализ ситуации в регионе показал всю сложность работы в этих областях. Это позволило занять взвешенную и продуманную позицию в боснийском вопросе и во многом уберегало Россию от серьёзных международных конфликтов на протяжении последующих сорока лет.

Список использованных источников и литературы

Источники

I. Архивные документы:

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ):

Фонд 730. «Игнатьев Н.П.»

1. Оп. 1. Ед. хр. 496.
2. Оп. 1. Ед. хр. 1022.
3. Оп. 1. Ед. хр. 3186.
4. Оп. 1. Ед. хр. 4220.

Фонд 939. «Ионин А.С.»

5. Оп. 1. Ед. хр. 5.

Фонд 1750. «Московский славянский благотворительный комитет»

6. Оп. 1. Ед. хр. 28.
7. Оп. 1. Ед. хр. 49.
8. Оп. 1. Ед. хр. 50.
9. Оп. 1. Ед. хр. 52.
10. Оп. 1. Ед. хр. 54.
11. Оп. 1. Ед. хр. 58.
12. Оп. 1. Ед. хр. 59.
13. Оп. 1. Ед. хр. 66.
14. Оп. 1. Ед. хр. 67.
15. Оп. 1. Ед. хр. 68.
16. Оп. 1. Ед. хр. 70.
17. Оп. 1. Ед. хр. 72.
18. Оп. 1. Ед. хр. 79.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственного библиотеки (ОР РГБ):

Фонд 13 «Аксаковы»

19. Картон 24. Ед. хр. 30.

Фонд 139. «Кошелевы»

20. Картон 5. Ед. хр. 14.

Фонд 156. «Макушев В.В.»

21. Картон 6. Ед. хр. 21.

Фонд 169. «Милютин Д.А.»

22. Картон 41. Ед. хр. 35.

23. Картон 60. Ед. хр. 71.

Фонд 231 «Погодин М.П.»

23. Ч. 2. Картон 8. Ед. хр. 3.

24. Ч. 2. Картон 13. Ед. хр. 28.

25. Ч. 2. Картон 26. Ед. хр. 60.

26. Ч. 4. Картон 2. Ед. хр. 26.

27. Ч. 4. Картон 2. Ед. хр. 55.

28. Ч. 4. Картон 2. Ед. хр. 61.

29. Ч. 4. Картон 2. Ед. хр. 86.

30. Ч. 4. Картон 2. Ед. хр. 123.

Фонд 239. «Попов Н.А.»

31. Картон 2. Ед. хр. 2.

32. Картон 7. Ед. хр. 24.

33. Картон 8. Ед. хр. 33.

34. Картон 9. Ед. хр. 37.

35. Картон 11. Ед. хр. 11.

36. Картон 11. Ед. хр. 12.

37. Картон 11. Ед. хр. 13.

38. Картон 11. Ед. хр. 43.

39. Картон 12. Ед. хр. 16.

40. Картон 13. Ед. хр. 44.

41. Картон 13. Ед. хр. 45.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)***Фонд 14. «Аксаков И.С.»***

42. Оп. 1. Ед. хр. 64.

Фонд 182. «Гильфердинг А.Ф.»

43. Оп. 1. Ед. хр. 10.

Фонд 356. «Ковалевский Е.П.»

44. Оп. 1. Ед. хр. 176.

45. Оп. 1. Ед. хр. 442.

Фонд 608. «Помяловский И.В.»

45. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3386. – Копии.

46. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)***Фонд 1274. «Панины–Блудовы»***

47. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 97.

48. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 1924а.

49. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 1617.

50. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2064.

51. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2179.

52. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2180.

53. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2420.

54. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2541.

55. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2772.

56. Оп. 1 Ч. 2. Ед. хр. 2836.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)***Фонд 10. «Аксаковы»***

57. Оп. 4. Ед. хр. 105.

Фонд 271. «Краевский А.А.»

58. Оп. 1. Ед. хр. 18.

Фонд 373. «Погодин М.П.»

60. Оп. 1. Ед. хр. 127.

61. Оп. 1. Ед. хр. 185.

62. Оп. 1. Ед. хр. 293.

Фонд 1571. «Коллекция Юдина Г.В.»

63. Оп. 1. Ед. хр. 2511.

64. Оп. 1. Ед. хр. 2514.

65. Оп. 1. Ед. хр. 2515.

Фонд 1863. «Коллекция формулярных списков»

66. Оп. 1. Ед. хр. 23.

Фонд 2555. «Кельин Ф.И.»

67. Оп. 1. Ед. хр. 967.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Фонд 450. Коллекция военно-учёного архива «Турция»

68. Оп. 1. Д. 73.

69. Оп. 1. Д. 74.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Фонд 797. «Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода»

70. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410.

71. Оп. 36. Отд. II. Стол 3. Д. 36.

Фонд 970. «Корнилов И.П.»

72. Оп. 1. Ед. хр. 559.

Рукописное отделение Института русского языка и литературы

(РО ИРЛИ РАН)

Фонд РАН. Р.П. БАН

73. Оп. 3. Ед. хр. 141.

Фонд 93. «Собрание Дашкова»

74. Оп. 4. Ед. хр. 32.

Фонд 234. «Плетнёв П.А.»

75. Оп. 4. Ед. хр. 53.

76. Оп. 4. Ед. хр. 54.

Фонд 325. «Хитрово М.А.»

77. Оп. 1. Ед. хр. 438.

78. Оп. 1. Ед. хр. 666.

Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ)

Ф. 1845. «Бахметьевы»

79. Оп. 1. Д. 35.

Фонд Ф. 1901. «Московское славянское благотворительное общество»

80. Оп. 1. Д. 1.

Архив Сербии (АС)

Фонд Илии Гарашианина (ИГ)

81. ИГ. 1072.

Фонд белградской митрополии (МБ)

82. 1856. 383.

83. 1856. 432.

84. 1858. 400.

85. 1858. 723.

86. 1858. 864.

87. 1859. 512.

88. 1859. 938.

89. 1860. 862.

90. 1860. 1032.

91. 1860. 1033.

92. 1861. 889.

93. 1865. 693.

94. 1865. 1484.

95. 1867. 259.

- 96. 1867. 350.
- 97. 1867. 653.
- 98. 1867. 732.
- 99. 1867. 906.
- 100. 1867. 1001.
- 101. 1867. 1376.
- 102. 1869. 492.
- 103. 1869. 732.
- 104. 1869. 935.
- 105. 1869. 953.
- 106. 1869. 1029.

Фонд министерства просвещения (МПс)

- 103. 1857. III. 92.
- 104. 1859. XII. 8.
- 105. 1860. I. 20.
- 106. 1866. I. 12.
- 107. 1866. I. 51.
- 108. 1866. I. 200.
- 109. 1860. VII. 1246.
- 110. 1861. IV. 772.
- 111. 1866. VII. 1503.
- 112. 1867. I. 194.
- 113. 1868. II. 169.
- 114. 1868. IV. 1131.
- 115. 1869. IV. 727.
- 116. 1870. II. 281.
- 117. 1877. IV. 56.

Фонд «поклони и откупи» (ПО)

- 118. 24. 179.

Архив Сербской академии наук и искусств (АСАНУ)***Фонд Историческое собрание (Ф. Историјска збирка)***

119. 10572.

Фонд Йована Ристича (Ф. Јован Ристић)

120. XII/3. 12/23.

121. XII/3. 12/28.

122. XII/3. 12/30.

123. XII/3. 12/31.

124. XII/3. 12/37.

125. XII/3. 12/53.

126. XII/3. 12/97.

127. XII/3. 12/114.

128. XII/5. 12/583.

129. XVII/1. 17/6.

130. XXVI/7. 426.

131. XXVI/7. 463.

Фонд Матии Бана (Ф. Матија Бан)

132. 17. К. 60. 17/3.

133. 17. К. 60. 17/5.

134. 17. К. 60. 17/9.

135. 17. К. 60. 17/15.

136. 17. К. 60. 17/27.

Фонд общества сербской словесности (Ф. ДСС–СУД)

137. 1856. 48.

138. 1856. 57.

II. Опубликованные источники

139. [Аксаков И.С.] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2. Т. 4. – СПб.:

Издание Императорской публичной библиотеки, 1896. – 347 с.

140. *Блиох И.С.* Финансы России XIX столетия. История – статистика. Т. IV. – СПб., 1882.
141. *Валуев П.А.* Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. II: 1865–1876. – М.: Издательство АН СССР, 1961. – 592 с.
142. Военно-статистический сборник на 1868 год. Выпуск II. Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. – СПб., 1868.
143. *Гильфердинг А.Ф.* Письма к И.С. Аксакову // *Голос минувшего*. 1916. № 2.
144. *Голицин Д.* Крај сињегa мора. Биљешке са пута по Црној Гори и Далматинској обали. Други дио. – Подгорица: CID, 1999. – 178 с.
145. Дневник Бењамина Калаја. 1868–1875. – БЕОГРАД-НОВИ САД: Историјски институт, институт за историју Војводине, 1976. – 887 с.
146. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855 гг. – СПб., 1913.
147. Из мемоара протопоп Недељка. – б.д.
148. Известия Императорского Русского географического общества. 1867. Т. III. – СПб., 1868.
149. Известия Императорского Русского географического общества. 1868. Т. IV. – СПб., 1869.
150. *Касьянов. И.А.* Воспоминание крестьянина об А.Ф. Гильфердинге // *Русская старина*. 1872. Т. VIII., Кн. 12.
151. *Милютин Д.А.* Воспоминания 1863–1864. – М.: РОССПЕН, 2003. – 696 с.
152. *Никитенко А.В.* Записки и дневник в трёх томах. Т. 3. – М.: Захаров, 2005.
153. *Пилиповић Р.* Српски богослови на школовању у Русији у другој половини 19. века – према оцени руског царског дипломате // *Годишњак за друштвену историју* 2, 2012. С. 75–90.
154. Письма А.Ф. Гильфердинга – И.А. Кукулевичу - Сакцинскому // *Живая старина*. – СПб., 1894. Вып. 2. С.178–190.
155. Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 гг.) изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями А.Н. Львовым. – СПб., 1900 г.

156. Письмо А.Ф. Гильфердинга к А.В. Плетнёвой // Русская литература. – СПб., 1990. № 2. С. 130–135.
157. Собрание сочинений Хомякова А.С. Т. 8. Письма. – М., 1900.
158. Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений министерства иностранных дел. Сост. по поручению министра иностр. дел М. Никонов. – СПб., 1869.
159. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Дневник 1855-1882 гг. М., 1929.
160. Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца Прот. И. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1 – 4.
161. Хомяков А.С. К сербам. Послание из Москвы // Собрание сочинения А.С. Хомякова. Т. 1. М.: Университетская типография, 1900. – 408 с.

III. Сборники документов

162. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского 40–80 годы XIX века. – М.: Наука, 1975. – 576 с.
163. Југословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевског 40–80 године XIX века. – Београд: Историјски институт, 1989. – 375 с.
164. Москва – Сербия. Белград – Россия: Сборник документов и материалов. Т. 2: Общественно-политические связи 1804 –1878 гг.– Москва–Белград: Архив Сербии, ГАУ Москвы, ГАРФ, 2011. – 940 с
165. Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875–1878 гг.: Сборник документов и материалов. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. – 822 с.
166. Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864. – М.: Наука, 1985. – 493 с.
167. Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1864–1875. – М.: Наука, 1988. – 438 с.
168. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877. – М.: Издательство академии наук СССР, 1961. – 715 с.

169. *Радослављевић Н.* Грађа за историју сарајевске (дабробосанске) митрополије 1836–1878. – Београд: Историјски институт, 2007. – 162 с.
170. Россия и восстание в Боснии и Герцеговине 1875–1878. Документы. – М.: Индрик, 2008. – 448 с.
171. Русија и босанско-херцеговачки устанак 1875–1878. Св. 1. Титоград: Црногорска академија наука и уметности, 1985. – 639 с.
172. Србија и ослободилачки покрети на Балкану од Париског мира до Берлинског конгреса: (1856–78). Књ. 1. – Београд: САНУ, 1983. – 652 с.
173. Уједињена омладина српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. – Нови-Сад: Будућност, 1977. – 399 с.

IV. Периодическая печать

174. Вестник Европы. 1866–1879.
175. Военный сборник. 1858–1879.
176. Всемирная иллюстрация. 1872. Т.VIII. № 207.
177. Гражданин. 1872, 1873, 1878.
178. Дело. 1866–1879.
179. Народни лист. Нови-Сад. 1867. бр.43.
180. Русская беседа. 1856–1860.
181. Русский вестник. 1856–1878.
182. Русский инвалид. 1857–1858.
183. Русское слово. 1859–1866.
184. Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 195.
185. Современник. 1856–1863.
186. Современная летопись. 1861 –1867, 1869, 1871.
187. Пчела. 1875–1877.

V. Иллюстративные материалы

178. Фотографический сборник церковных древностей и типов славян европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого.

Литература

1. *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). – М.,: Европа, 2006. – 671 с.
2. *Берић Д. А.Ф.* Гилфердинг. Путовање по Херцеговини, Босни и Старој Србији. – Сарајево, 1972. С. 270-271.
3. *Берић Д.* Српско питање и политика Аустроугарске и Русије. 1848–1878. – Београд: Гутенбергова галаксија, 2000. – 636 с.
4. *Берић Д.* Устанак у Босни и Херцеговини 1851–1862. – Београд – Нови-Сад: Српска академија наука и уместности, Удружење срба из Херцеговине у Војводини, 1994. – 1036 с.
5. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографији и характеристики (летописцы России) – М., 1997. С. 300–306.
6. *Бован В.* Срби из Босне и Херцеговине – просветни и национални радници у Старој Србији од шесдесетих година XIX века до краја турске владавине. // Зборник за историју Босне и Херцеговине. Т. 6. – Београд, 2009. С. 91–99.
7. *Бозићевић В.* Босна и Херцеговина српске су земље по крви и језику. – Бања-Лука: Романов, 2011. – 53 с.
8. *Бозићевић В.* Историја развитка основних школа у Босни и Херцеговини. – Сарајево: Zavod za izdavanje udžbenika BiH, 1965. – 274 с.
9. Босна и Херцеговина од средњег века до новијег времена. Међународни научни скуп. 13–15. децембар 1994. – Београд: Историјски институт САНУ, 1995. – 470 с.
10. Босния, Герцеговина и Россия в 1850 –1875 годах: народы и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 13. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. – 196 с.
11. *Венедиктов В.Ю.* Россия и Константинопольский патриархат. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского патриархата во второй половине XIX века. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

12. *Веселиновић Р.* Историја српске православне цркве са народном историјом. Књ. 3 (1766–1945). – Београд: Свети архијерејски синод Српске православне цркве, 2010. – 277 с.
13. *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. – М.: Наука, 2005. – 318 с.
14. *Власова З.И.* Новое о А.Ф. Гильфердинге (к 160-летию со дня рождения) // Советская этнография. – 1991. № 1. С. 60–72.
15. *Војводић В.* Рад Србије на политичној пропаганди у Босни и Херцеговини (1868–1873) // Историјски гласник – Земун: Сава Мухић, 1960. 1–2, 3–4. С. 3–50./ С. 3–54.
16. *Воробьёва И.Г.* Профессор – славист Нил Александрович Попов: научная. педагогическая и общественная деятельность. – Тверь: Тверской государственный университет, 1999. – 191 с.
17. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / В.А. Георгиев, Н.С. Киняпина, М.Т. Панченкова, В.И. Шерemet. – М.: Наука, 1978. – 434 с.
18. *Вучковић В. Ј.* Неуспела политичка акција Матије Бана 1860–1861. // Историски часопис 1959. Књ. IX–X. – Београд: Научно дело, 1960. С. 381–409.
19. *Вяземская Е.К.* Босния и Герцеговина // Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70е г. XIX в. – М., 1986. С. 269–284.
20. *Вяземская Е.К.* Босния и Герцеговина во внешнеполитических планах России в 50–70х гг. XIX в. // Россия и Балканы. Из истории общественно–политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.). – М.: Институт славяноведения и балканистики, 1995. С. 100–119.
21. *Вяземская Е.К.* Босния и Герцеговина между Западом и Востоком (начала XIX в. – 1878) // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. – М.: Индрик, 1997. С. 186–200.

22. *Вяземская Е.К.* Босния и Герцеговина: её место и роль в европейских конфликтах начала XX в. // В «пороховом погребЕ Европы». 1878–1914. – М.: Индрик, 2003. С. 322–359.
23. *Вяземская Е.К.* Восстания в Боснии и Герцеговине и Российская дипломатия (1875 – апрель 1877): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Вяземская Елена Константиновна. – М., 1984. – 210 с.
24. *Вяземская Е.К.* Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Роль религии в формировании южнославянских наций. – М.: URSS, 1999.
25. *Вяземская Е.К.* Пороховой погреб на Балканах – Босния и Герцеговина 1878–1918 гг. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. – М.: Индрик, 1997. С. 286–317.
26. *Вяземская Е.К.* Черногория и восстания 50-х–нач. 60-х гг. XIX в. Герцеговине и Боснии // Международные отношения на Балканах 1856–1878. – М.: Наука, 1986.
27. *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на Православном Востоке (1878–1898). – М.: Индрик, 2006. – 448 с.
28. *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. – М.: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1873. С. 279–328.
29. *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. – М.: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1873. С. 1–278.
30. *Гильфердинг А.Ф.* Государственное право сербского народа в Турции // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 2. – СПб., 1868. С. 169–180.
31. *Гильфердинг А.Ф.* Дух сербского народа // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 2. – СПб., 1868. С. 226–233.
32. *Гильфердинг А.Ф.* Историческое право хорватского народа. – М., 1860. – 14 с.

33. *Гильфердинг А.Ф.* Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий. – СПб.: Славянский благотворительный комитет, 1871. – 18 с.
34. *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян. Т. 1. М., 1855.
35. *Гильфердинг А.Ф.* Письма об истории сербов и болгар. – М.: Университетская типография, 1855. – 252 с.
36. *Гильфердинг А.Ф.* Славянские народы в Австрии и Турции // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т.2. – СПб., 1868. С. 1–14.
37. *Гильфердинг А.Ф.* Чем поддерживается православная вера у южных славян // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 2. – СПб., 1868. С. 181–206.
38. Грађа за биографски речник чланова друштва српске словесности, српског ученог друштва и српске краљевске академије 1841–1947. – Београд: САНУ, 2008. – 409 с.
39. *Григорович В.И.* Очерк путешествия по европейской Турции // Ученые записки Казанского университета. Кн. III. 1848.
40. *Григорьев Б.Н.* Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 528 с.
41. *Гуськова Е.Ю.* Босния и Герцеговина: трагедия трёх народов // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. – М.: Индрик, 2011. С. 805–838.
42. *Давидовић С.* Српска православна црква у Босни и Херцеговини (од 960 до 1930.). – Шабац: Бели анђело, 2002. – 93 с.
43. *Данилова Н.П.* Аграрные законы 40–50-х гг. XIX в. и зарождение элементов капиталистических отношений в сельском хозяйстве Боснии и Герцеговины // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – М., 1970.
44. *Данилова Н.П.* Церковная борьба в Боснии в 60–70-х годах XIX в. (по донесениям русского консула в Сараево) // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. – М.: Наука, 1972.
45. Два писма професора А.А. Мајкова о Боснии. – Нови-Сад, 1878.
46. *Достян И.С.* Россия и Балканский вопрос: из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. – М.: Наука, 1972. – 368 с.

47. *Достян И.С.* Укрепление государственности в Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (1820–1850-е гг.) // На путях к Югославии: За и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII–начало XX в. М., 1997. С. 59–81.
48. *Достян И.С., Карасёв А.В., Чуркина И.В.* Национально–освободительная борьба балканских народов как проявление кризиса Османской империи в XIX в. // Революции и реформы на Балканах. Балканские исследования. Вып. 12. – М., 1994. С. 5–20.
49. *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. – М.: Мысль, 1983. – 271 с.
50. *Дурковић-Јакишић Љ.* Прилог проучавању пропагандног рада за ослобођење и уједињење југословена 1860–1862 године // Историјски записи. Књ. XXI. – Титоград, 1964. С. 11–44.
51. *Дучић Н.* Историја српске православне цркве: од првијех десетина VII в. до наших дана. – Београд: Нова доба, 2008. – 285 с.
52. *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. / В.А. Дьяков. – М.: Наука, 1993. – 207 с.
53. *Екмечић М. А.Ф.* Гильфердинг // Енциклопедија српске историографије. – Београд, 1997.
54. *Екмечић М.* Дијалог прошлости и садашњости. Зборник радова. – Београд: Службени лист СРЈ, 2002. – 509 с.
55. *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања: историја срба и хрвата у новом веку (1492-1992). – Београд: Завод за уџбенике, 2008. – 616 с.
56. *Екмечић М.* Национална политика Србије према Босни и Херцеговини и аграрно питање (1844–1875) // Годишњак историјског друштва Босне и Херцеговине. Т. Х. Сарајево: Сарајевски графички завод, 1959. С. 197–219.
57. *Екмечић М.* Покушај организовања устанка у Босни 1860–1862. // Годишњак историјског друштва Босне и Херцеговине. Година IX. 1957. – Сарајево: Сарајевски графички завод, 1958.

58. Екмечић М. Стварање Југославије. 1790–1918. Т. 2. – Београд: Просвета, 1989. – 842 с.
59. *Екмечић М.* Улога ислама у социјалном и политичком развоју Балкана // Ислам, Балкан и велике силе (XIV–XX век). Међународни научни скуп 11–13 децембар 1966. – Београд, 1997. С. 15–54.
60. *Екмечић М.* Устанак у Босни 1875–1878. – Београд: Балканолошки институт САНУ, 1996. – 428 с.
61. Зборник за историју Босне и Херцеговине. 1–6. – Београд: САНУ, 1995–2009.
62. Илија Гарашанин (1812–1874). Зборник радова са међународног научног скупа одржаног 9. и 10. децембра 1987. Поводом 175 годишњице рођења. – Београд: САНУ, 1991. – 459.
63. Историја српског народа. Књ. 5. Т. 1. – Београд: Српска књижевна задруга, 1981. – 567 с.
64. История Балкан: судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / Под ред. Виноградова В.Н. – М.: КРАСАНД, 2012. – 336 с.
65. История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1. Под ред. Э. Исханоглу; Исслед. центр исламской истории, искусства и культуры (IRCICA); Перевод с турецкого В.Б. Феоновой под ред. М.С. Мейера. – М.: Восточная литература, 2006. – 367 с.
66. История Югославии. Т. 1–2. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – 736/430 с.
67. *Јакшић Г.* Дипломатска историја (други део 1835–1920). – Београд: Штампa Гундулић, 1936. – 139 с.
68. *Јакшић Г.* Вучковић В. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Први балкански савез. – Београд: Историјски институт, 1963. – 576 с.
69. *Јовановић В.* Српски народ и источно питање. – Београд: државна штампарија, 1863. – 50 с.
70. *Јовановић С.* Друга влада Милоша и Михаила. – Београд: Г. Кон, 1933. – 502 с.

71. *Кабакова Н.В.* Благотворительная деятельность русской общественности относительно Боснии и Герцеговины в 50–70-х годах XIX века // Босния, Герцеговина и Россия в 1850 –1875 годах: народы и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 13. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. С. 185–193.
72. *Каплин А.Д.* Славянофилы, их сподвижники и последователи / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 624 с.
73. *Карасёв А.В.* Подготовка Сербии к войне с Османской империей в 60-х гг. XIX века // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 13. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. С. 148–159.
74. *Карасёв А.В.* Россия и Балканский союз 60-х годов XIX века: дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.03 / Карасёв Александр Викторович. – М., 1984. – 245 с.
75. *Карасёв А.В.* Сербские национальные программы и борьба за их реализацию в 1856–1878 гг. // На путях к Югославии: За и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII–начало XX в. – М., 1997. С. 111–131.
76. *Карасев В.Г. И.Х. Пичета (1844—1920)* // Славяне в эпоху феодализма. – М., 1978. С. 135–149.
77. *Карасёв В.Г.* Йован Пичета (1844–1920) и его мемуары. // *Balkanica VIII*. Belgrade, 1977. С. 418–425.
78. *Карасёв В.Г.* К вопросу о первых боснийско-герцеговинских социалистах // Међународни научни скуп: проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. Сарајево, 1987. С. 83–96.
79. *Карасёв В.Г.* Сербский демократ Живоин Жуёвич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIXв. – М.: Наука, 1974. – 334 с.
80. *Карлова М.Ф.* Турецкая провинция и её сельская и городская жизнь. Путешествие по Македонии и Албании. // Вестник Европы. 1870. Кн. 6–7. С. 721–753.

81. *Керимова М. М.* Югославянские народы и Россия: Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. – М.: Институт этнологии и антропологии, 1997. – 205 с.
82. *Киселькова Н.В.* Вековать ли нам в разлуке? Чешская пресса, протоиерей Раевский и российские реалии 1860-х годов // *Родина*. 2007, № 7. С. 34 – 37.
83. *Киселькова Н.В.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский (1811 – 1884) // Русский православный храм святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Карловых Варах: К 110-летию со дня освящения. – М., 2007. С. 112–119.
84. *Кнежић Н.* Хаџи Стака Скендерова // *Кишобран*. Септембар 2008. С. 16.
85. *Ковачевић Т.* Опись Босне и Херцеговине. – Београд: Државна штампарија, 1865. – 106 с.
86. *Кондратьева В.Н.* Данные о торговле в Боснии и Герцеговине в 1866–1869 гг. // *Славянский архив. Сборник статей и материалов*. – М., 1961. С. 41–50.
87. *Кондратьева В.Н.* Из истории попытки организации восстания в Герцеговине в 1872 году // *Учёные записки Института Славяноведения*. Т. 28. – М.–Л., 1964.
88. *Кондратьева В.Н.* К вопросу о предпосылках восстания 1858 г. в Боснийской крайне и Посавинье // *Учёные записки Института Славяноведения*. Т. 18. – М.–Л., 1959.
89. *Кондратьева В.Н.* К истории крестьянских требований в Боснии и Герцеговине во второй половине XIX в. // *Славяно-балканские исследования*. – М.: Наука, 1972.
90. *Кондратьева В.Н.* К истории первых лет оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1878–1889) // *Балканские народы и европейские правительства в XVIII – начале XX в. Балканские исследования*. Вып. 8. – М., 1982. С. 236–255.
91. *Кондратьева В.Н.* Русская помощь Боснии и Герцеговине в деле народного образования в 50–70 е гг. XIX века // *Культура народов Балкан в Новое время. Балканские исследования*. Вып. 6. – М.: Наука, 1980.

92. *Кондратьева В.Н.* Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60–70-е гг. XIX в.). – М.: Наука, 1971. – с. 239.
93. *Косик В.И.* Австрийская политика в Боснии и Герцеговине. (По материалам советско-югославских публикаций документов) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 13. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. С. 141–147.
94. *Косик В.И.* Деятельность рагузского консула К.Д. Петковича во время восстаний южной и юго-восточной Герцеговины конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. // Међународни научни скуп: проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. Сарајево, 1987. С. 145–156.
95. *Кошелев В.А.* К истории возникновения «Русской беседы» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. – СПб.: Пушкинский дом, 2011. С. 50–58.
96. *Кришић Ј.* Хаџи Стака Скендерова // Политика. 6 јануар 1932. С. 35.
97. *Кудрявцева Е.П.* Роль российского посольства в Константинополе в качестве координационного центра русско-южнославянских связей // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века – Београд: САНУ, 2011. С. 109–120.
98. *Кувев К.* К вопросу о путешествии Гильфердинга по Балканскому полуострову в 1867 г. // Исследования по древней и новой литературе. – Ленинград, 1987. С. 272–276.
99. *Кузьмичева Л.В. А.С. Хомяков и сербский вопрос* // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист. Языки славянских культур. Т. 1. – М., 2007. С. 156–202.
100. *Кузьмичёва Л.В.* Сербо-русские отношения в период Восточного кризиса 1875–1878 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Кузьмичёва Людмила Васильевна. – М., 1986. – 218 с
101. *Лантева Л.П. А.Ф. Гильфердинг и К.С. Аксаков* // Аксаковские чтения. Материалы научных конференций 1985 и 1987 гг. Вып. 2/89. – М., 1989. С. 35–38.

102. *Лаптева Л.П.* А.Ф. Гильфердинг как историк зарубежных славян // История и историография зарубежного мира в лицах. Межвузовский сборник научных статей. Вып. 2. – Самара, 1997. С. 183–201.
103. *Лаптева Л.П.* Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) как первый председатель Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Комитета // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. – Брянск, 2002. С. 56–66.
104. *Лаптева Л.П.* Александр Фёдорович Гильфердинг // Историки России XVIII–XIX вв. Вып.6. – М., 1999. С. 34–45.
105. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. – М.: Индрик, 2005. – 848 с.
106. *Лаптева Л.П.* К истории русско-славянских отношений 50–70-х годов XIX в. (А.Ф. Гильфердинг и его письма к М.Ф. Раевскому) // Вестник Московского университета. Сер 9. История. 1976, № 2. С. 34 – 44.
107. *Лаптева Л.П.* Проблемы германизации полабских славян в русской дореволюционной историографии // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. – М.: Наука, 1966.
108. *Лаптева Л.П.* Русский славист А.Ф. Гильфердинг (1831–1872) и его взгляд на польский вопрос // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. – М.: Индрик, 2003. С. 91–102.
109. *Лаптева Л.П.* Русский славист А.Ф. Гильфердинг как исследователь лужицких сербов // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. – М.: Институт славяноведения РАН, 2009.
110. *Лаптева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX–нач. XX вв. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 296 с.
111. *Лаптева Л.П.* Участие русских учёных–славистов в журнале «Русская беседа» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб.: Пушкинский дом, 2011. С. 191–197.
112. *Лобода А.М.* Памяти А.Ф. Гильфердинга (к 25–летней годовщине со дня его смерти) // Этнографическое обозрение. 1879. № 4. С. 89–99.

113. *Маджар Б.* Турецкие реформы и развитие некоторых культурных институтов в Боснии и Герцеговине в 1850-1870 гг. // Босния, Герцеговина и Россия в 1850 –1875 годах: народы и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 13. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. С. 160–175.
114. *Макарова И.Ф.* Болгары и танзимат. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 320 с.
115. *Макарова И.Ф.* К вопросу о целях болгарского церковного движения (после 1856 года). // Славяноведение. 2011. № 1. С. 29–40.
116. *Макарова И.Ф., Жила Л.И.* Конфессии и формирование болгарской нации // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 195-252.
117. *Макензи К.М., Ирби Г.П.* Путовање по словенским земљама Турске Европе. – Београд: Државна штампарија, 1868. – 515 с.
118. *Максимовић В.* Митрополит Сава Косановић 1939–1903. – Сарајево: Просвјета, 2003. – 313 с.
119. *Матула В., Чуркина И.В.* Архив М.Ф. Раевского как исторический источник по истории связей между славистами России и Австрии (40 – 70-е гг. XIX в.) // Культура и общество в эпоху становления наций. – М.: Наука, 1974. С. 166–178.
120. *Медяков А.С.* Внешняя политика Австро-Венгрии 1867–1871 гг.: дис ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Медяков Александр Сергеевич. – М., 1996. – 392 с.
121. *Медяков А.* Между Востоком и Западом. Внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). Русское слово Москва, – 2010. – 639 с.
122. *Међународни научни скуп: Проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875.* – Сарајево, 1987. – 170 с.
123. *Международные отношения на Балканах 1856–1878.* / Под ред. Виноградова В.Н. – М.: Наука, 1986. – 331 с.
124. *Мцхвариашвили А.Д.* Положение Османской империи в 60-е гг. XIX в. (по материалам опубликованных записок графа Н.П. Игнатьева) // Историческая социально-образовательная мысль. – Краснодар: 2013. Вып. 3. С. 18–20.

125. *Ненашева З.С.* Русская православная церковь в Праге. Часть 1. Трудное начало // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. – М., 2004. С. 412–431.
126. *Никитин С.А.* Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х гг. XIX века // Славянский сборник 1947. С. 262–290.
127. *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е гг. XIX в. – М.: Наука, 1970. – 327 с.
128. *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1856–1876 годах. – М.: Издательство Московского университета, 1960. – 362 с.
129. *Никић Д.* Неколико заједничких обележја планова ослободилачке акције Србије у Боснии 60–70-тих година XIX века. // Историјски гласник. 1–2. Београд, 1987.
130. *Новикова О.Н.* Боснийско-герцеговинская политика Австро-Венгрии последней трети XIX–начала XX в. и её роль в развитии международных отношений на Балканах: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. / Новикова Оксана Николаевна. – Ставрополь, 2006. – 251 с.
131. *Новичев А.Д.* История Турции. Т. 4. Ч. 3 (1853–1875). – Л.: ЛГУ, 1978. – 272 с.
132. *Овсяный Н.Р.* Из истории сербов-мусульман // Овсяный Н.Р. Ближний восток и славянство (сборник статей). – СПб., 1913. С. 72–102.
133. *Овсяный Н.Р.* Сербия и сербы. – СПб., 1898. – 328 с.
134. *Олюнин С.В.* Боснийский эялет в конце XVIII–70х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. – М.: Академ. гуманитар. исслед., 2006. – 132 с.
135. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. – СПб., 1873.
136. Очерк истории министерства иностранных дел (1802–1902). – СПб.: Б.и., 1902.
137. Очерки истории министерства иностранных дел. Т. 1–3. – М.: Олма–Пресс, 2002. – 606/617/419 с.

138. *Памучина И.* Жизнь Али–паши Ризванбеговича, стольчанина, везиря Герцеговинского. // А.Ф. Гильфердинг. Собрание сочинений. Т. 3. С. 329–378.
139. *Папић М.* Историја српских школа у Босни и Херцеговини. – Сарајево: Веселин Маслеша, 1978. – 191 с.
140. *Папић М.* Трагом културног наслеђа. – Сарајево: Свјетлост, 1976. – 241 с.
141. *Пахомова Л.Ю.* Боснийский вопрос в российской внешней политике в 1878–1908 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Пахомова Лидия Юрьевна. – М., 2010. – 202 с.
142. *Пахомова Л.Ю.* Босния и Герцеговина в российской внешней политике в 1878–1908 гг. LAP LAMBERT Academic Publishing (2011–04–28).
143. *Пејановић Ђ.* Штампa Босне и Херцеговине 1850–1941. – Сарајево: Свјетлост, 1949. – 139 с.
144. *Перазич С.* Начальные школы сербско-православных общин в Боснии и Герцеговине (1850–1875) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 13. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. С. 176–184.
145. *Петросян Ю.А.* Османская империя. – М.: Алгоритм, 2012. – 301 с.
146. *Петросян Ю.А.* Российская историография Османской империи XVIII–XX вв. – СПб.: Наука, 2012. – 258 с.
147. *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. – М.: МГУ, 1997. – 221 с.
148. *Писарев Ю.А.* Боснийская проблема в балканской политике России в 1850–1864 гг. // Међународни научни скуп: проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. – Сарајево, 1987. С. 33–40.
149. *Погодин А.Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. – М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1915. – 420 с.
150. *Поплыко Д.Ф.* Васо Пелагич в России // Развитие капитализма и национального движения в славянских странах. – М.: Наука, 1970.
151. *Поплыко Д.Ф.* Васо Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли. – М.: Наука, 1983. – 256 с.

152. *Поплыко Д.Ф.* Предпосылки и условия развития национально-освободительного движения в Боснии и Герцеговине (1850-1864) // Међународни научни скуп: проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. Сарајево, 1987. С. 55–72.
153. *Поплыко Д.Ф.* Проблема освобождения народов Балканского полуострова в русско-сербских отношениях начала 70-х гг. XIX века // Балканские исследования. Балканские народы и европейские правительства в XVIII – начале XX в. Вып. 8. – М., 1982. С. 173–191.
154. *Попов Н.А.* Герцеговина и нынешнее восстание в ней // Сборник духовных брошюр. б.д.
155. *Попов Н.А.* Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве. Первое пятилетие (1858–1862). – М., 1871. – 120 с.
156. *Попов Н.А.* Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве. Второе пятилетие (1863–1867). – М., 1872. – 62 с.
157. *Попов Н.А.* Очерки религиозной и национальной благотворительности на востоке и среди славян. Выпуск 1. – СПб., 1871. – 140 с.
158. *Попов. Н.А.* Православие в Боснии и Герцеговине и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами. – М., 1873. – 31 с.
159. *Попов Н.А.* Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства с 1806 по 1856 г. Ч. 2. – М., 1869. – 657 с.
160. *Попов Ч.* Велика Србија. Стварност и мит. – Нови-Сад: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2007. – 347.
161. *Поповић А.* Хаџи Стака Скендерова, српска калуђерица и учитељица // Босанска Вила. 1903. № 23–24. С. 393–395.
162. *Поповић Н.* Александр Гильфердинг, путовање по Херцеговини, Босни и Старој Србији // А.Ф. Гильфердинг. Путовање по Херцеговини, Босни и Старој Србији . – Београд: Службени лист SRJ, 1996. С. 311–313.
163. *Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Поповкин Алексей Александрович. – Воронеж, 2013. – 510 с.

164. *Пытин А.Н.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. Сборник составленный Гильфердингом. СПб., 1860 // Современник. 1860. № 3. отд. 3.
165. *Пытин А.Н.* Русское славяноведение в XIX столетии. // Вестник Европы. 1889. № 9.
166. *Раденић А.* Документација тајног национално ослободилочког комитета у Београду 1860–1861. // Годишњак града Београда. Књ. XIV. 1967. С. 61–79.
167. *Раденић А.* Планови за национално ослобођење и уједињење југословенских земаља 60–70тих година XIX века. // Историјски часопис. Књ. XVIII. – Београд: Историјски институт, 1971. С. 341–345.
168. *Радојчић Н.* Гильфердинг А.Ф. // Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка. Књ. 1.
169. *Рајић С.* Спољна политика Србије између очекивања и реалности (1868–1878). – Београд: Српска књижевна задруга, 2015. – 583 с.
170. *Растовић А.* Британски путописци у Босни и Херцеговини у другој половини XIX и почетком XX века. // Зборник за историју Босне и Херцеговине. – Т. 4. – Београд, 2004. С. 273–295.
171. *Ристић Ј.* Спољашни одношаји Србије новијега времена. Књ. 1–2. Београд, 1887. – 447/600 с.
172. *Ровнякова Л.И.* Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е гг. XIX века). – Л.: Наука, 1986. – 284 с.
173. «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. – СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2011. – 568 с.
174. Русский биографический словарь: Герберский – Гогенлоэ / Изд. под ред. Н.М. Чулкова. – М.: тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1916. – Т. 5.– 442 с.
175. Русский биографический словарь: Ибак – Ключарев / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1897. – Т. 8. –756 с.

176. Русский биографический словарь: Кнаппе – Кюхельбекер / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. –СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1903. –Т. 9. –708 с.
177. *Самохвалова Н.* Жил–был фотограф один // Газета недели в Саратове . № 1. 15.01.2013.
178. *Семевский М.И.* Александр Фёдорович Гильфердинг // Русская старина. 1872. Т. VI. Кн. 10.
179. *Скарић В.* Изабрана дјела. Прилози за историју Босне и Херцеговине и југословенских народа. Књ. 3. – Сарајево, 1985. – 339 с.
180. *Скендерова С.* Летопись Боснии // Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений. Т. 3. – СПб., 1873. С. 379–466.
181. Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. – М.: Наука, 1979. – 459 с.
182. *Слијепчевић Ђ.* Историја српске православне цркве. Књ. 2. – Београд: ЈРЈ. – 672 с.
183. *Соколовский Л.Г.* История одной семьи: Йован Пичета и его потомки // Вопросы истории. 1999. № 9.
184. *Станојевић С.* Историја Босне и Херцеговине – Београд: Државна штампарија Краљевине Србије, 1909. – 96 с.
185. *Страњаковић Д.* Илија Гарашанин – Крагујевац: Јефимија, 2005. – 588 с.
186. *Страњаковић Д.* Политичка пропаганда Србије у југословенским покрајинама 1844–1858 године. – Београд: Штампарија Драг. Грегорића, 1936. – 42 с.
187. *Сундукова Д.А.* Е.П. Ковалевский и учреждение новых консульств на Востоке (1856–1861) // Историки – слависты МГУ: Кн. 8: Славянский мир: в поисках идентичности: В ознаменовании 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 283–300.
188. *Татищев С.С.* Император Александр Второй. Его жизнь и царствование. – М.: Алгоритм, 1996. – 603/663 с.

189. *Ташансу Т.* Процесс модернизации в Османской Империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии (XIX – начало XX в.) : дис. ... канд. ист. наук / Тюркер Ташансу. – М., 2007. – 134 с.
190. *Тетић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима (1856–1878). – Сарајево: Веселин Маслеша, 1988. – 586 с.
191. *Тетић И.* О присуству руске књиге у Босни и Херцеговини 50-тих 60-тих година XIX вијека и отварање вилајетске штампарије // Прглед. – Сарајево, 1981. бр. 4. С. 481–498.
192. *Тетич И.* О финансовом положении Боснии и Герцеговины в составе Османской империи 50 – 70-е гг. XIX в. в свете русских источников // Босния, Герцеговина и Россия в 1850 – 1875 годах: народы и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 13. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. С. 74–95.
193. *Терзић С.* Србија и Грчка 1856–1903. Борба за Балкан. – Београд: САНУ, историјски институт, 1992. – 454 с.
194. *Терзић С.* Руски славенофили и српско питање (1856–1878) // Српско–руски односи од почетка VIII до краја XX века. – Београд: Српска академија наука и уметности, 2011. С. 95–106.
195. *Терзић С.* Српски национални покрет између Русије и западних сила (велико раскршће друге половине XIX века) // Европа и Срби. Међународни научни скуп 13–15. Децембра 1995. Београд, 1996. С. 299–310.
196. *Тесля А.А.* Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. – СПб.: Владимир Даль, 2015. – 799 с.
197. *Тодорова М.* Англия, Россия и танзимат (вторая четверть XIX века). – М.: Наука, 1983. – 184 с.
198. *Ђоровић В.* Босна и Херцеговина. – Београд: Српска книжевна задруга, 1925. – 200 с.
199. *Ђоровић В.* Политичке прилике у Босни и Херцеговини. – Београд: Политика, 1939. – 73 с.

200. *Ђурић Х.* Школске прилике муслимана у Босни и Херцеговини 1800–1878. – Београд: Научно дело, 1965. – 232 с.
201. *Финкель К.* История Османской империи: Видение Османа. – М: АСТ: Астрель, 2012. – 829 с.
202. *Фрейдзон В.Ф.* О Белградском «комитете» М. Бана (1860–1861) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 100–115.
203. *Фролова М.М.* Католическая пропаганда в Западной Македонии по донесениям российских дипломатов из Битоля (1861–1864) // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского. М.–СПб., 2013. С. 268–281.
204. *Фролова М.М.* Развитие болгаро-сербского конфликта в перипетиях болгарского церковного движения // Славянский альманах 2005. М., 2006.
205. *Фролова М.М.* Униатское движение в болгарских землях и российская дипломатия после Крымской войны (1856-1861). // Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII- начале XX вв. М., 2011. С. 105–138.
206. *Харузин А.Н.* Босния и Герцеговина. Очерки оккупированной провинции Австро-Венгрии. – СПб.: государственная типография, 1901. – 310 с.
207. Хаџи – Сава Косановић // Богословски гласник. 1903. Књ. III. Св. 1. С. 161–162.
208. *Хевролина В.М.* Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консулов) // Геополитические факторы внешней политики России второй половины XVI – нач. XX вв. – М.: Наука, 2007. С. 221–266.
209. *Хевролина В.М.* Босния и Герцеговина в балканской политике России (1865–1874) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850 – 1875 годах: народы и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 13. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. С. 129–140.

210. *Хевролина В.М.* Документы архивов СССР об истории школьного дела в Боснии и Герцеговине в 1850–1870х годах. // Међународни научни скуп: проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. – Сарајево, 1987. С. 97–112.
211. *Хевролина В.М.* Донесения российских консулов в Боснии и Герцеговине как источник по истории дипломатической деятельности (1856–1874) // Внешняя политика России. Источники и историография. – М., 1999. С. 40–64.
212. *Хевролина В.М.* Министерство иностранных дел России в 1856–1878 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 3–26.
213. *Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. – М., 2004. – 332 с.
214. *Цехмистренко С.П.* Греция, Россия и Восточный кризис 1875–1878 гг. Страницы истории: монография. – М., 2013. – 224 с.
215. *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. – М.: Издательство Московского университета, 1978. – 264 с.
216. *Цимбаев Н.И.* Историософия на развалинах империи. – М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2007. – 616 с.
217. *Цимбаев Н.И.* Общественное мнение России как фактор восточного кризиса 1870-х годов // Проблемы американистики. Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории. – М.: МАКС Пресс, 2001. С. 144–161.
218. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории общественно-политической мысли XIX века. – М.: Издательство Московского университета, 1986. – 272 с.
219. *Черных А.В.* А.Ф. Гильфердинг в Боснии и Герцеговине. 1857–1858 гг. // Вопросы истории. – М.: 2010. № 8. С. 155–164.
220. *Черных А.В.* Общественная и политическая деятельность А.Ф. Гильфердинга в 50–70-е гг. XIX в. // Государство и его подданные: века сотрудничества и противостояния. Материалы третьей региональной научной конференции (г. Воронеж, 3 февраля 2009 г.). – Воронеж, 2009. С. 56–60.

221. *Черных А.В.* Общественно–политическая и научная деятельность Александра Фёдоровича Гильфердинга (1831–1872): дис. ... канд ист. наук: 07.00.02; 07.00.09 / Черных Александр Викторович. – М., 2012. – 283 с.
222. *Чуркина И.В.* К вопросу о первом русском обществе помощи южнославянским народам // Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. Балканские исследования. Вып. 10.– М., 1987. С. 62–74.
223. *Чуркина И.В.* М.Ф. Раевский и его записки о национальном движении южных славян 1848–1849 гг // Революции и реформы на Балканах. Балканские исследования. Вып. 12. М.: Наука, 1994. С. 62–81.
224. *Чуркина И.В.* Первые годы деятельности М.Ф Раевского. // В «интерьере» Балкан: юбилейный сборник в честь И.С. Достян. – М.: ПРОБЕЛ, 2010. С. 286–297.
225. *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославы. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011. – 208 с.
226. *Чуркина И.В.* Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. – 1914 г. – М.: Наука, 1986. – 220 с.
227. *Шеремет В., Кузьмин И.* Христианское население Балкан как иницирующее начало и основной адресат османских реформ // Ислам, Балкан и велике силе (XIV–XX век). Међународни научни скуп 11–13. децембар 1996. – Београд, 1997. С. 71–80.
228. *Шутовић М.* Александар Гильфердинг: о карактеру старе српске књижевности // Научни скуп Културно наслеђе Косова и Метохије – научно виђење исходишта, развоја, значаја и чувања. – Лепосавић: Институт за српску културу, 2009.
229. *Aličić S.A.* Uređenje Bosanskoga ejaleta od 1789. do 1878 godine. – Sarajevo: Orijentalni institut, 1983. – 198 s.
230. *Armağan Mustafa* Abdulhamid in Kurtlarla Dansı 2. – İstanbul: Timaş Yayınları, 2009.
231. *Bandžović S.* Bošnjaci I deosmanozacija Balkana. Muhadžirski pokreti i prebježišta “sultanovih musafira” (1683.–1875.). – Sarajevo: Autor, 2013. – 406 s.

232. *Bandžović S.* Deosmanozacija Balkana i bošnjaci. Ratovi i muhadžirska prebježišta (1876.–1923.). – Sarajevo: Autor, 2013. – 503 s.
233. *Bić A.* Giljferding A.F. // Enciklopedija Jugoslavije. T. 4. – Zagreb, 1986. S. 106.
234. *Bojić M.* Historija Bosne i bošnjaka (VII–XX vijek). – Sarajevo: Šahinpašić, 2001. – 637 s.
235. *Borraccino M.* The Tanzimat and the Struggle of Non–Muslim Minorities for Citizenship: The Short Season of Reformism within the Decline of the Ottoman Empire // *Empires and Nations from the Eighteenth to the Twentieth Century: Volume 1.* Cambridge Scholars Publishing, 2014. Pp. 49–56.
236. Bosna i Hercegovina od najstarijih vremena do kraja drugog svjetskog rata. – Sarajevo: Bosanski kulturni centar, 1994. – 433 s.
237. *Bozdağ İsmet* Sultan Abdulhamid in Hatıra Defteri. – İstanbul: Truva Yayınları, 2009.
238. *Breccwell W.C.* Opinion–maker: the Balkans in British popular literature, 1856–1876. // *Jugoslovensko-britanski odnosi.* – Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1988.
239. *Davison R.* Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876. – Princeton, 1963.
240. *Donia R.J., Fine J.V.A.* Bosnia and Hercegovina. A Tradition Betrayed. – New-York, 1994.
241. *Donia R., Fine J.* Bosnia i Hercegovina: iznevjerna tradicija. – Sarajevo: Institut za istoriju, 2011. – 234 s.
242. *Ekmečić M.* Slika o Bosni i Hercegovini u evropskoj putopisnoj literaturi od 1850 do 1858. godine. // *Balkanica VIII.* – Belgrade, 1977.
243. *Emgili Fahriye, Kahramanyol Mustafa.* Sırbistan'ın Osmanlı topraklarındaki istihbarat ve teşkilatlanma çalışmaları(1898-1912). – Ankara, 2010.
244. *Evans A. J.* Illyrian letters. – London: LONGMANS, GREEN, and Co., 1878. – 296 p.
245. *Evans A.* Kroz Bosnu i Hercegovinu peške u vrijeme pobune 1875. – Sarajevo: Veselin Masleša, 1965. – 336 s.

246. *Glenny M.* The Balkans: nationalism, war and the Great Powers, 1804–1999. – New-York: Penguin Putnam, 2000. – 726 p.
247. *Hadžijahić M.* Formiranje nacionalnih ideologija u Bosni i Hercegovini u XIX vijeku // *Jugoslovenski istorijski časopis*. 1970. Br.1-2.
248. *Irijart Š.* Bosna i Hercegovina. Putopis iz vremena ustanka 1875–1876. – Sarajevo: Veselin Masleša, 1981. – 200 s.
249. *Jelavich B.* Russia's Balkan entanglements. –Cambridge University Press, 2004. – 291 p.
250. *Jelavich B. Jelavich C.* The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920. – Seattle–London: : University of Washington Press, 1977. – 358 p.
251. *Jelavich C., Jelavich B.* The Balkans. – New–Jersey: Prentice-Hall, 1965. – 148 p.
252. *Jukić I. F.* Zemljopis i poviestnica Bosne. – Zagreb: Bèrztotiskom narodne tiskarnice Ljudevita Gaja, 1851. – 164 s.
253. *Kamberović H.* Srbija i Bosna i Hercegovina 1878–1914 godine. // *Bosna i Hercegovina i svijet*. – Sarajevo: Institut za istoriju. 1996. S. 143–152.
254. *Kann R.A., David Z.V.* The peoples of the Eastern Habsburg Lands. 1526-1918. – Seattle-London, 1984.
255. *Lukić-Tesarović I.* Sećanja britanskih putnika koje su putovale po našim krajevima po našim krajevima u 18 i 19 veku. // *Jugoslovensko-britanski odnosi*. – Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1988.
256. *MacKenzie D.* The serbs and russian pan-slavism 1875-1878. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1967. – 365 p.
257. *Madžar B.* Paralele između arhivske građe ruskih i austrijskih konzulata u BiH do 1864 godine. // *Međunarodni naučni skup: Problemi istorije Bosne i Hercegovine 1850–1875*. – Sarajevo, 1987. S. 113–124.
258. *Muvekkit Salih Sidki Hadžihusenović.* Povijest Bosne. Knj. 2. – Sarajevo: El-Kalem , 1999. – 1373 s.
259. *Özcan Uğur.* II.Abdulhamid Dönemi Osmanlı Karadağ Siyasi ilişkileri Doktora Tezi Süleyman Demirel Üniversitesi Isparta, 2009.

260. *Papić M.* Srpsko i hrvatsko školstvo u Bosni i Hercegovini do 1878 // Prilozi za istoriju Bosne i Hercegovine. II. – Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, 1987.
261. *Pasko Vasa-efendija.* Bosna I Hercegovina za vreme misije Dževet-efendije. – Banja-Luka: Besjeda, 2011. – 104 s.
262. *Pejanović Đ.* Bibliografija štampe Bosne i Hercegovine: 1850–1941. – Sarajevo: Veselin Masleša, 1961. – 222 s.
263. *Pelidija E.* Bosansko–ruski odnosi u XVIII stoleću. // Bosna i Hercegovina i svijet. – Sarajevo: Institut za istoriju, 1996. C. 125–134.
264. *Perazić S.* Razvoj srpske pravoslavne crkve u Bosni I Hercegovini 1850–1875 godine. // Međunarodni naušni skup: Problemi istorije Bosne i Hercegovine 1850–1875. – Sarajevo, 1987. S. 73–82.
265. *Pertusier C.* La Bosnie. Consideree dans ses rapports avec l’Empire Ottoman. – Paris: Charles Gosseli, 1822. – 379 p.
266. *Prelog M.* Povijest Bosne u doba osmanlijske vlade. II dio. (1739–1878). – Sarajevo: J. Studničke i druga, 2009 – 190 s.
267. *Roudometof V., Robertson R.* Nationalism, globalization, and orthodoxy: the social origins of ethnic conflict in the Balkans. – Greenwood Publishing Group, 2001. Pp. 68–71.
268. *Sachedina, Abdulaziz Abdulhussein.* The Islamic Roots of Democratic Pluralism. Oxford University Press, 2001.
269. *Şerif Mardin Jön Türklerin.* Siyasi Fikirleri 1895-1908. İstanbul: İletişim Yayınları, 2011.
270. *Shaw S.* The Ottoman view of the Balkans // The Balkans in transition Essays on the Development of Balkan Life and Politics since the Eighteenth Century. – Los Angeles: University of California Press, 1963.
271. *Shaw S.J., Shaw E.K.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey: Volume 2, Reform, Revolution and republic. The rise of Modern Turkey 1808–1975. – Cambridge University Press, 1977. – Pp. 55–271.

272. *Slijepčević Đ.* Pitanje Bosne i Hercegovine u XIX veku. – Keln: Slijepčević Đ, 1981. – 83 s.
273. *Šljivo G.* Bosna i Hercegovina 1854–1860. – Landshut, 1998.
274. *Šljivo G.* Bosna i Hercegovina 1861–1869.– Tešanj : Planjax, 2005. – 609 s.
275. *Stavrianos L.S.* The Balkans. 1815–1914. – New–York: Holt, Rinehart and Winston, 1965.
276. *Tepić I.* Upoređivanje vrijednosti podataka iz ruske arhivske građe i podataka iz javne publicistike za istoriju Bosne i Hercegovine od 1850 do 1875 godine. // Međunarodni naučni skup: Problemi istorije Bosne i Hercegovine 1850–1875. – Sarajevo, 1987. S. 131–144.
277. *Terzic S.* About eastern and western panslavism (in the XIX and the beginning of the XX-th century) // Историјски часопис. Књ 53. 2006. Рр. 317–332.
278. The Muslims of Bosnia – Herzegovina. Their Historic Development from the Middle Ages to the Dissolution of Yugoslavia – Cambrige : Harvard University Press, 1993. – 207 p.
279. *Todorova M.* Imagining the Balkans. – New York: Oxford University Press, 2009. – 273 p.
280. *Walicki A.* The Slavophil controversy: history of a conservative utopia in nineteenth-century Russian thought. – University of Notre Dame Press; New edition, 1989. – 609 p.